

Русинов Дмитрий

Древние Боги

Оставляя за собой могилы

Дмитрий Русинов

Древние Боги

«Автор»

2015

Русинов Д. А.

Древние Боги / Д. А. Русинов — «Автор», 2015

Тысяча лет прошла со дня Апокалипсиса, в результате чего цивилизация на планете Земля была уничтожена ядерной войной. Но всё же кое-где люди смогли выжить и продолжить борьбу за выживание во враждебном, заражённом радиацией и разрушенном мире. Были созданы новые государства и города. Среди народов, продолжающих войну за не заражённые радиацией земли, существует легенда, что где-то далеко, под землёй, есть убежища, где смогли укрыться и выжить люди, так называемые Древние Боги, жившие до Апокалипсиса, владеющие несметным богатством — знаниями. В стране Лазоревых Гор, стоящей на пороге вторжения диких орд племён челманов, формируется сотня отважных бойцов, что должны будут отправиться на поиски убежища Древних Богов. Но для этого нужно будет сначала победить в войне. Вождь клана Снежных Барсов, Вальхар, и военный вождь Балвер, решают назначить воеводой клана юношу, только недавно прошедшего посвящение в воины, в память о их друге, Ульрихе, погибшего в битве с другим враждебным народом, гаарами. Их выбор не случаен. Рутгер — сын Ульриха, и показал себя во время обучения воинскому искусству как неординарная личность. В будущем, они прочат ему великую судьбу, и совместными усилиями хотят посадить его на трон Владыки страны Лазоревых Гор, раздираемой внутренними противоречиями между семи кланами, и интригами лордов. Рутгеру предстоит непростая задача. Он должен с несколькими сотнями отважных бойцов остановить надвигающуюся орду челманов, и дать время военному вождю Балверу, чтобы собрать под свои знамёна рати союзников — россов, кверков, и дивов. Всё это делается тайно от лордов и Владыки Альгара, ведь узнай они об этом, то могут помешать. Совершенно случайно молодому воеводе удаётся узнать, что нашествие врага не случайно, что к этому причастны сами лорды, пытающиеся удержать власть в своих руках и не дать непокорному народу вигов воскресить Законы Предков. Рутгер перегораживает дорогу ведущую в столицу Лазоревых Гор каменной стеной в самом узком месте ущелья Волчьих Ворот, и блестяще справляется с поставленной задачей, но

победа даётся ему дорогой ценой. В это время военный вождь Балвер, какому удалось собрать войско, атакует лагерь челманов во фланг, и виги выходят из битвы победителями. Взяв клятву с побеждённых врагов, что они больше никогда не вернутся в страну Лазоревых Гор, военный вождь отпускает пленных. Рутгера обвиняют в причинении ущерба одному из лордов и приговаривают к трём годам рудников, штрафу в тысячу золотых монет. Вот тут-то и проявляется вся сущность правящей верхушки, заботящейся только о собственном обогащении, и нисколько не думающей о том, что будет в будущем с Лазоревыми Горами. Позже, под давлением вождей кланов обвинения с Рутгера будут сняты, но теперь он со всей ясностью понимает, кто его настоящий враг. В одну из ночей военного вождя Балвера отравляет наёмный убийца, и среди только что объединённых вождей кланов снова начинается разброд, и он ни к чему хорошему привести не может. После тризны по погибшим воинам, Рутгер, как и завещал ему покойный вождь, отправляется на юг на поиски Древних Богов, чтобы получить от них оружие, способное противостоять полчищам врага, и знания, могущие помочь возвеличить страну Лазоревых Гор. Никто не знает, что их может поджидать в пути. О странах находящихся на юге есть только слухи, сказки, легенды о монстрах, чудовищах, и в их не очень-то и верится. Едва отряду удаётся пересечь Чёрный Лес, по преданиям полный кровожадных чудовищ, на самом деле оказавшихся людьми, чьи предки были изменены мутациями, вызванными радиацией, отряд наталкивается на шалаш, стоящий в небольшом лесу, и скрывающуюся в нём девушку от челманов, назвавшуюся Эррилайей – ведьмой из рода Ровво. Она безошибочно предсказывает, куда направляется дружина Рутгера, и пророчит ему, что тот станет Владыкой страны Лазоревых Гор, а она, его женой. Пожалев бедную девушку, молодой воевода берёт её с собой, чтобы спасти, и помочь выжить в разорённой челманами стране. Никто не воспринимает её слова всерьёз, однако, совсем скоро она может доказать, что всё сказанное ей, правда. Она чувствует опасность, исходящую от врагов, чувствует участки местности, заражённые радиацией, и сообщает об этом воинам. Благодаря ей дружина всегда оказывается готова к нападениям, и может дать достойный отпор противнику. Отряд продолжает путь на юг, и вскоре натывается на плодородную долину, населённую мутировавшими волками. С удивлением люди осознают, что народная молва об оборотнях, чудовищах и монстрах не сказки, а самая, что ни на есть правда. Выдержав кровавый, ночной бой, потеряв многих своих друзей они упорно двигаются дальше, связанные клятвой, и скоро попадают в Россию. Здесь свои законы, и отношение к чужакам. Их встречают недоброжелательно и напряжённо. Их считают за варваров, и решают уничтожить. С помощью одного из русов им удаётся спуститься в подземелья столицы России, и попадают в места, населённые упырями. Они находят тысячи скелетов, и это наталкивает их на мысль, что тысячу лет назад предки использовали это место как укрытие,

чтобы спастись во время Апокалипсиса, но смерть настигла их и здесь.

Продвигаясь дальше по подземельям, то и дело сражаясь с упырями, виги постепенно понимают, что напрасно боготворили своих предков. Растёт подозрение, что они были обычными людьми, к тому же не так хорошо приспособленные к борьбе за выживание. Они были слабыми, небольшого роста, и вряд ли вообще могли жить в современных условиях после Апокалипсиса. Благодаря случайному стечению обстоятельств удаётся узнать, что в дружине есть предатели, наёмные убийцы, посланные лордами, чтобы убить Рутгера. К счастью, их удаётся уничтожить. С большим трудом вигам удаётся выбраться из рукотворных подземелий столицы России, и они попадают на берег моря, на месте какого тысячу лет назад была пустыня. Они находят проводника из живущего у моря племени, и он обещает указать им дорогу в земли, где обитают племена ювгеров, где по преданиям и находятся убежища Древних Богов. После опасных приключений, схваток с неведомыми мутантами им удаётся дойти до плоскогорий, где живут ювгеры, и тут оказывается, что они находятся в состоянии войны с Древними Богами. Они выслеживают их, и убивают, принося в жертву своим богам. Виги помогают ювгерам победить в схватке с нападающими мутантами, и им становится известно, что миру людей грозит полное уничтожение от Первородного Зла, надвигающегося с юга. Постепенно виги осознают, что если не объединить все народы Обитаемого Мира, то им будет просто не выжить в грядущей войне. Эррилайя, ведьма, предсказывает, что в стране Лазоревых Гор идёт война, и виги теперь хотят как можно быстрее попасть на родину, но они не могут туда пойти пока не выполнят волю военного вождя Балвера. Наконец, им удаётся спасти одного из Древних Богов от кровожадных мутантов, и преследуемые тварями, они попадают в убежище под землёй, называемое Ульем. В вигих видят врагов, и не торопятся им доверять. Им придётся преодолеть многие трудности, прежде чем Древние поверят, и дадут именно то, за чем они пришли.

С удивлением люди узнают, что не всё так хорошо в Улье, как говорится в легендах, но они решают не вмешиваться, и как можно быстрее отправиться в страну Лазоревых Гор. На всём протяжении похода вигов мы видим, как формируется характер главного героя книги, Рутгера, как складываются его отношения с другими людьми. Как он сам, на собственных ошибках познаёт, что такое предательство, настоящая дружба, беззаветная верность клятве. Как нелегко порою принимать судьбоносные решения для дружины, и как трудно, горько хоронить погибших в бою друзей. Мы видим, как под грузом обстоятельств из добродушного, наивного юноши, воевода клана Снежных Барсов превращается в расчётливого, хитрого, и в то же время честного, благородного воина.

© Русинов Д. А., 2015

© Автор, 2015

Древние Боги.

Часть 1. Большая игра.

Глава 1.

– Наш мир огромен. Он так велик, что невозможно представить! – Военный вождь Балвер поднялся с трона, застеленного медвежьей шкурой и подошёл к окну. В свете заходящего солнца блеснул золотой обруч – знак власти, украшенный рубинами, обрамляющий голову. Благородная седина, высокий лоб, чуть горбатый нос, и пронзительно голубые глаза. Всё это выдавало в нём человека знатного происхождения, не привыкшего гнуть спину в глубоком поклоне, но на самом деле он таковым не был. Вряд ли кто-нибудь вообще помнил, с чего начался его нелёгкий путь к трону военного вождя. Он так долго носил на голове золотой обруч, что, наверное, никто и не представлял себе на его месте кого-то другого.

Ночь ещё не заявила свои законные права на отведённое ей время суток, а день уже готовился уступить место. Вечер только начинался, и солнце слегка позолотило пики дальних гор, отразилось от вековых ледников и рассыпалось миллионом разноцветных брызг. Бездонная синева неба налилась глубиной цвета, готовясь, стать ещё темнее, и выпустить на свои бескрайние просторы, звёзды. Казалось, что стоит протянуть руку, и можно будет сжать в ладонях только что народившийся огонёк, чтобы согреть его своим дыханием, и дать ему долгую жизнь.

Несмотря на лето, в тронном зале было прохладно. Сколько Балвер себя помнил, так было всегда. Он любил такие вечера. Что может быть лучше, чем сидеть у горящего камина с кувшином вина, под тихий треск дров вспоминать с верным другом бывшие походы и битвы?

Только не сегодня. Тревожные думы роились в его седеющей голове. Слишком много забот свалилось на него в последнее время.

Военный вождь Великого Вольфбура ещё немного помолчал, выдерживая паузу, и резко повернувшись к Хранителю Очага Бессмертного Тэнгри, сидевшего у стены, спросил:

– Так неужели какому-то племени челманов не хватает места под солнцем? Неужели их так много?

Жрец опёрся на посох из священного дерева, поднял голову, и Балвер не заметил в его глазах обычного света мудрости. Сейчас в его глазах зияла чёрной бездной растерянность.

– Мои монахи не смогли их счесть, а ведь они многое знают и умеют. Они поведали мне, что врагов, жаждущих нашей крови – орда. Они настроены решительно, и пока не разобьют войско вигов, не успокоятся. Им нужны наши земли, богатство, укрытое в горах, артефакты Древних Богов, и наши города.

– Что скажешь ты, Вальхар?

Возле камина, весело потрескивающего горящими дровами, шевельнулся воин, в плаще из шкур волка, и, к огромному дубовому столу, стоящему посередине зала, подошёл человек в зачернённой кольчуге, в шлеме, увенчанном рогами силы. Он не спеша снял его, положил на стол, и налив из кувшина вина в серебряный кубок, выпил. Только тогда он заговорил негромким, хриплым голосом:

– Насколько я понимаю, речь идёт об уничтожении народа вигов? Такого ещё не бывало. Обычно мы угрожаем соседям, и совершаем набеги, а теперь мы в роли дичи? Интересно.

– Не вижу ничего интересного. – Нахмурился Балвер, скрещивая руки на груди, отчего единственный перстень с драгоценным камнем на безымянном пальце, дал

белый, какой-то зловещий блик. – Если челманы и гаары объединятся, это будет грозная сила, и одни виги не смогут её сломить.

– Монахи сообщают, что переговоры между вождями уже ведутся. – Подал голос жрец. Он поёжился и запахнулся в свой ослепительно-белый хитон, словно в зале замка военного вождя стоял жуткий холод. – Гаары хотят выторговать себе более выгодные условия владения рудниками.

– Откуда такие точности? – Усмехнулся Балвер.

– Мои монахи многое умеют, и знают... – Начал, было, Хранитель, но вовремя остановился. – Впрочем, я уже говорил об этом. Больше всего их интересуют наши рудники, и артефакты Древних Богов.

– Что в них может быть такого ценного? – Военный вождь вернулся к трону, сел, и вытащил меч. Он не был украшен какими-либо драгоценными камнями или золотой инструкцией. Это было обычное, двуручное оружие для убийства. – Всё, что мне надо, я держу в руке. Это и моя честь, и моя сила, и уверенность в завтрашнем дне.

Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри улыбнулся, и в его глазах засветились весёлые искорки. С трудом сдерживая ехидный смехок, он проговорил:

– Как говорится – заносчив как виг. Знаешь ли ты, военный вождь, что всё, созданное здесь, было сделано на основе знаний Древних Богов? И твой меч, латы, наконец, арбалеты и катапульты, всё сделано по чертежам, найденным в Мёртвом Городе? Собственно, не только из-за угрозы вторжения я пришёл. Монахам Храма Бессмертного Тэнгри удалось прочесть кое-какие руны Древних, и нам стало понятно, что наши предки владели оружием огромной мощности. Вы все помните легенду о Богах? – Жрец выжидающе замолчал, словно предлагал вождям самим догадаться, для чего он затеял этот разговор.

Молчание длилось несколько мгновений, и наконец, первым заговорил Вальхар:

– Ты предлагаешь нам отправить отряд на поиски артефактов Древних Богов? Поможет ли нам это? Война не за горами, и нам будет нужен каждый меч, и отсылать отряд, пусть даже небольшой, на поиски – это будет легкомысленное расточительство.

– Да и так ли нам нужны знания Древних Богов? Помните, что они сделали со своей цивилизацией! – напомнил Балвер, разглядывая свой меч, как будто видел его в первый раз. – Знания Богов – опасны. Они были сильнее нас и всё же все погибли, мы значительно слабее их, но мы живы. Так зачем кого-то, куда-то посылать?

Доводы военного вождя казались убедительными, и Хранитель молчал, опустив голову на руки, держащие посох. Молчание явно затягивалось, и вожди переглянулись между собой. Жрец стал очень стар, и, похоже, засыпает, даже не закончив Совет. Но едва Вальхар сделал шаг по направлению, как казалось, к заснувшему жрецу, тот вскинул голову:

– Это не последняя наша война. Надо думать, о будущем, и если у нас будет оружие Богов, их знания, мы сможем диктовать свои условия врагам, и сможем установить свои законы на всех землях, где не бродит Невидимая Смерть.

Балвер засмеялся, и вложил меч в ножны:

– Законы вигов хороши только для вигов. Кому они нужны? Через полгода истекает срок моего правления как военного вождя, и я уверен, что новым вождём станет какой-нибудь богатенький выскочка, какому плевать на войско, и он будет заботиться только о собственном кошельке! Очнись, Хранитель! Народом правят лорды, что издают законы ради своего обогащения! Я совершенно точно могу сказать, что

ещё год-два, и народ поднимется с дубинами в руках! К тому времени я буду уже не у дел, и сам пойду штурмовать дворец Владыки Лазоревых Гор!

– Вождь Балвер! Недовольство народа ни для кого не секрет, но сейчас речь не об этом! Всё, что ты так любишь, может погибнуть уже через две недели! Надо что-то делать!

Хранитель это почти прокричал, и от возбуждения поднялся со скамьи. Он ударил посохом в плиты каменного пола, обвёл лихорадочным взглядом тронный зал, искусно выкованные доспехи предков, висящие на стенах из грубо отёсанного камня, массивный камин, и устало добавил:

– Сейчас не время для склок. Сейчас время объединиться, и дать отпор врагам. Сегодня утром я был у Владыки, и сказал ему об угрозе со стороны степей. Он не внял мне, и все мои доводы были напрасны. Он спешил на званый обед в свою честь к лорду Сатвелу! Организацию обороны надо брать в свои руки. Владыка не сделает ничего! Его власть слаба, и он боится выпустить из рук золотой меч, чтобы его не перехватил какой-нибудь особо наглый лорд!

Вождь Вальхар сложил руки на груди, и задумчиво смотрел на огонь. Что творилось в его голове? О чём он думал? Наконец, он как всегда не торопясь прошёлся по залу, и присев на скамью рядом с Хранителем Очага Бессмертного Тэнгри, заговорил:

– Виги никогда не оборонялись. Мы умеем только нападать. У нас и вся тактика построена на этом, но как говорили Древние: учиться никогда не поздно. В Вольфбур ведут две дороги. Одна идёт через земли моего клана, другая через земли Халмера, вождя клана Большого Орла, но туда четыре дня пути. Наиболее короткий путь идёт через Волчьи Ворота, вот там мы и встретим врага. Два-три дня достаточный срок, чтобы подготовиться к вторжению.

Балвер поднял глаза на своего самого близкого, верного друга и соратника, продолжил его речь:

– Мы убедим Владыку отправить гонцов с призывом о помощи к россам, дивам, и кверкам. Соберём всех воинов кланов в кулак. Призовём ополчение, вооружим, и выдвинемся в предгорье, чтобы ударить орде в спину. Только как долго вы сможете сдерживать несколько тысяч человек, жаждущих вашей смерти?

Вальхар улыбнулся:

– Виги никогда не боялись лицом к лицу встретиться со смертью, не побоятся и сейчас. Оборона – это что-то новое для нас, но я знаю, кому поручить её организацию. Ты ещё не забыл Ульриха, сына Вертура? У него вырос наследник.

– Вот как? – Взгляд Балвера потеплел, загорелое, обветренное лицо осветилось улыбкой. – Золотые были времена. Я отлично помню ту битву! Тогда наши мечи устали пить кровь гаар, и трупами было завалено всё поле. Бессмертный Тэнгри собрал тогда большую жатву. Как звать сына Ульриха?

– Рутгер, мой вождь.

– Я слышу в твоём голосе любовь.

– Да. Я вижу в нём своего маленького сына. Рутгер рано лишился матери. Она погибла во время чумы, а Ульрих уделял ему мало времени. Ты же знаешь, вся его жизнь протекала в битвах и сражениях. Его сына воспитал клан. Уважаемый Хранитель вложил в него верность стране Лазоревых Гор, а я зажёл в нём преданность своему клану. Ты ведь знаешь мастера Увгарда? Он научил Рутгера всему, что знал сам, но тут, я думаю, ученик превзошёл своего учителя. Каждый удар Увгарда – это настоящее произведение искусств, и овладеть его умением совсем не просто. Сын

Ульриха бьётся по-другому. Он придумал свои приёмы. В них нет красоты и изящества Увгарда, но они более действенны. Один-два удара, и противник повержен.

– Возможно ли такое? – с удивлением воскликнул Балвер, и покачал головой.

– Можешь мне поверить на слово. – Улыбнулся вождь клана. – Всё именно так. Я думаю, со временем он станет великим воином, таким же, как и его отец, а если чуть-чуть ещё и везения, то народ изберёт его Владыкой Вольфбура. Он вполне заслуживает памяти своего отца, и он займётся обороной Волчьих Ворот.

– Не слишком ли это поспешное решение? – вставил свой вопрос в беседу друзей, жрец. При имени сына Ульриха его глаза засветились гордостью. Да, это был один из лучших его учеников, и он мог с уверенностью сказать, что когда-нибудь он станет великим героем, или даже наденет золотой обруч военного вождя. – Решается судьба вигов! В случае неудачи нас всех ждёт уничтожение!

– Рутгер оправдывает наше доверие. Я уверен. Он мыслит не как виг. Как-то по-другому, и почему-то всегда оказывается прав. В военных играх всегда побеждает только его полусотня. Дух Ульриха перешёл в него полностью. Да и как ты можешь так говорить? Он же был одним из лучших твоих учеников!

– Он ещё слишком молод. – Покачал головой Хранитель, и тут же вскинул голову: – Но если на Совете Клана его выберут воеводой, то я, конечно, не буду возражать.

– Чтож, сделай его воеводой. – Улыбнулся Балвер. – Я чувствую, что время, отпущенное мне Бессмертным Тэнгри, заканчивается, и мне нужен достойный преемник. Тот, кто сможет продолжить моё дело, и поставить лордов на место. Вальхар, друг мой, можно ли надеяться на сына Ульриха?

– Да. – Твёрдо ответил вождь клана Снежных Барсов, ничуть не сомневаясь в своих словах. – Он сделает всё, что нужно нам. Может, это будет выглядеть чуть по-другому, но результат, я думаю, несомненно, будет тот же.

– Хорошо. – Кивнул Балвер. – Поговорим об этом после победы. Хранитель, что твои монахи говорят о тактике и вооружении челманов? Что им удалось вывести?

– Мой лучший ученик прибил к их войску и шёл с ними три дня. Три дня достаточный срок, чтобы составить себе представление о враге, хотя бы поверхностное. Они поклоняются Великой Пустоте, и хоронят своих павших воинов в Башнях Молчания...

– Жрец! – нетерпеливо перебил его военный вождь. – Нам нет дела до их религии. Нас интересует их оружие и тактика!

– Без знания богов врага, его не победить. – Возразил Хранитель. Он хотел ещё что-то добавить, но опять был остановлен Балвером.

– Всё это ты нам расскажешь позже. Итак, чем они вооружены? Какая сталь и у их клинков? Из чего сделаны щиты? Какие луки?

– Как рассказал мой монах, их мечи длиной в два локтя, из неизвестной ему стали. Крепки ли они, он не смог узнать. Доспехи в основном кожаные, с нашитыми металлическими пластинами. Щиты деревянные, окованные медью, но есть и просто плетёные из веток неизвестного дерева. Они не знают арбалетов, и у стрелков луки из рогов какого-то животного. Стрела, пущенная из такого лука, может поразить цель за двести, а то и двести пятьдесят шагов.

– Это уже кое-что. Твой хитрый монах смог узнать об их тактике? Что он рассказал тебе?

– У них нет каких-то особых тактических знаний, и я полагаю, это из-за того, что в степях у них нет врагов. Вся их мощь в конном ударе, а потом уже пехота добивает поверженного противника. Кони маленькие, но чрезвычайно выносливые.

– Хорошо. Мне надо самому поговорить с твоим хитрым монахом. Даже самые незначительные детали могут иметь значительные выводы.

– Это невозможно. Передав эти сведения, он вернулся в орду челманов, и был вынужден принять яд, так как его выдал один из гаар, с кем ранее он был знаком.

– Проклятье. Клянусь, гаары нам ещё ответят за свои козни. Мы ещё им напомним битву при Балте!

– А что ты мог ожидать ещё, от своего вечного врага? Наши отцы и деды всегда воевали с гаарами, и так будет продолжаться вечно. Виги не могут жить в дружбе с теми, кто поклоняется другим, не понятным им богам. Вспомни поговорку! Вигу надо знать только два имени! Врага – чтобы убить, и друга – чтобы выпить с ним вина. – Хранитель поднялся. – Я думаю, на этом наш Совет можно закончить. Балвер, ты единственный, кто услышал меня из свиты Владыки.

– Я не из свиты. – Воин грозно сверкнул глазами, и гордо вскинул голову. – Я – военный вождь. Я – сила и мощь Великого Вольфбура.

– Хотелось бы верить, что всего этого достаточно, чтобы спасти наши горы от разорения, а людей от рабства... – Жрец медленно, шаркая ногами по каменным плитам пола, удалился, и плотно закрыл за собой массивную, обитую кованым железом дверь.

Охрана и слуги были отпущены, чтобы никто не слышал слов, произнесённых в тронном зале военного вождя, и их обязанности приходилось выполнять самим членам Совета.

Стало уже заметно темнее, и Вальхар сам зажёл несколько факелов, укреплённых на стенах. Затем он подошёл к трону, и внимательно посмотрел на вождя. Балвер ждал. Он знал, что им предстоит ещё долгий, серьёзный разговор, и темой для этого разговора будет и будущая война, и скорая измена Владыке.

Оба вождя молчали. Они словно боялись нарушить тишину, и услышать друг от друга то, что давно уже хотели сказать, но не решались. Ещё бы! Они давали клятву верности Владыке Вольфбура, и в то же время понимали, что больше так жить невозможно, что как раз назрел момент решить, где находится каждый из них. С вигами, или с кучкой обнаглевших, зажавшихся лордов и знати? Что важнее – страна Лазоревых Гор, или власть, что себя полностью изжила? Кто поддержит их? Кто пойдёт за ними? Не смотря ни на что, многие воины кланов, да и простой люд верят в «доброе Владыку». Они уверены, что он просто не знает о бедственном положении народа. Он не знает, что налоги повышаются каждый месяц, что войску уже давно не выплачивают жалование, что рудники, гордость и сердце Лазоревых Гор, в руках у лорда Сатвела, и люди, работающие там, не имеют никаких прав, находясь на положении рабов.

– Я считаю себя свободным от клятвы. Я клялся служить народу, а не лордам и их прихвостням. – Первым заговорил Вальхар. Его негромкий голос в тишине зала прозвучал как гром, как предвестник скорой бури.

– Мой старый друг... Мы давали клятву, и подтверждали её кровью, но мы давали её не этому правителю. Тогда он был другим, ещё не знавшим, что такое власть. Всё изменилось. Мы решились на измену. Сможем ли мы оправдать себя в глазах потомков?

– Разве это измена? Мы всего лишь восстановим законы, что завещали нам наши предки, когда люди были равны между собой, и жизнь хоть и была полна опасностей, но тогда мы были счастливы.

Балвер кивнул. Зачем говорить лишние слова? Они друг друга поняли, а это главное. Они улыбнулись, и пожали руки. Каждый из них знал, и был уверен, что не

бросит друга, какая бы беда ни случилась, и если надо будет, ни мгновения не медля, подставит свою грудь под мечи врагов.

– До смерти?

– До смерти.

– Теперь нам надо обсудить предстоящую войну. Сейчас не до смены власти. Надо созывать Совет Вождей...

– ... и зря терять драгоценное время? Ты же знаешь, что вожди решат именно то, что ты им предложишь. Владыка не сделает ничего, чтобы позаботится о виггах. Он будет занят спасением собственной шкуры, и своих сокровищ. У нас давно не было ни битв, ни набегов, но как это ни странно, войско готово встретить врага. Я сужу по положению дел в клане Снежного Барса. У нас выросло поколение воинов, чьи мечи не пили кровь. На военных игрищах они показали себя с лучшей стороны, ни в чем, не уступая ветеранам, но ведь битва и игры – разные вещи. Не знаю, как они поведут себя в сече. Я надеюсь на их молодость, и веру в то, что они бессмертны...

– Не слышу твёрдости в твоём голосе! Благородный Вальхар! Давно ли ты стал таким нерешительным? Рядом с ветеранами они не отступят ни на шаг. Они ещё покажут себя, я в этом уверен. Особенно Рутгер. Ведь сын не может подвести памяти отца!

Балвер замолчал. Он думал, что до чего странно устроена жизнь. До сегодняшнего вечера он даже не предполагал, что у его друга, павшего в битве при Балте, есть сын. Да это и не удивительно. Не в обычае виггов говорить кому-то о своей семье. Так повелось ещё от предков. Считалось, что разговоры об этой теме привлекают к ним злых духов. У самого военного вождя не было ни семьи, ни детей. Как-то не сложилось в более ранние годы, а теперь уже поздно. Да и стоит ли, когда в скором будущем грянут большие, кровавые перемены? Его род угаснет с его смертью. Это тяготило его, но что можно было поделать? Рутгер... Он не видел его ни разу, но уже чувствовал, что полюбил его всем сердцем. Наверное, потому, что любил и его отца, Ульриха? Неважно. О, Бессмертный Тэнгри! Если бы ты знал, как ему хочется иметь сына!

– Я хочу увидеть Рутгера. Он похож на Ульриха?

– Да. Как две капли утренней росы. Мой вождь, сейчас не время предаваться воспоминаниям. Враг у ворот. Я думаю, не стоит созывать Совет Вождей Кланов, просто прикажи им прийти вместе с воинами под стены Вольфбура, и я уверен, что они придут. – Вальхар сделал предупреждающий жест рукой, останавливая пытавшегося вставить слово военного вождя, и продолжил: – Знаю, что их раздражает недовольство и гордыня, но ради Лазоревых Гор они явятся как один. К Альгару не стоит идти. Надо послать гонцов к россам, дивам и кверкам, и только тогда сказать об этом Владыке. Так будет гораздо быстрее, и не надо будет убеждать Совет Лордов в необходимости помощи. На всё это как раз и уйдёт две недели. Наверняка челманы пойдут на Вольфбур короткой дорогой, через Волчьи Ворота, и тогда Снежные Барсы устроят им достойный приём. У меня мало воинов, но каждый мужчина клана возьмёт в руки оружие, а дружественные нам племена предгорий придут на помощь.

– Хорошо, так и сделаем. Владыка будет в бешенстве, и лорды почувствуют опасность своей власти, но это мало кого будет волновать. В моих руках будет сила способная перевернуть мир! Вот тогда мы и вернём Законы Предков.

– Ты мудр, мой вождь. Не будем терять времени. Я тут же, в ночь, выезжаю в свой клан, и утром уже буду на месте.

– Да. С рассветом я пошлю трёх гонцов к союзным нам народам, и к вождям кланов с приказом.

– Да напьётся твой меч кровью врагов. – Вальхар с какой-то грустной улыбкой поклонился военному вождю и, дождавшись, когда тот слегка кивнул, отпуская его, направился к выходу. Его шаги гулко отдавались под сводами пустого тронного зала, и он чувствовал, что старому верному другу сказано совсем не то, что он хотел сказать. Что, он пока не мог понять и сам, но ощущал, что встретятся они теперь уже не скоро, а если и увидятся, то, скорее всего на поминальной тризне, и один из них уже никогда не сможет поднять кубок с вином. Мысль о смерти его не пугала. Виги с детства так воспитываются, что смерть в бою от меча это великое благо, и что именно так должен заканчивать свой земной путь настоящий мужчина. Вспышка боли – и вот он, Очаг Бессмертного Тэнгри. Ранее погибшие воины пододвинутся, и приветливо улыбнутся. Суровый Бог даст им то, чего так не хватало при земной жизни.

* * *

Глава 2.

Вальхар стоял на каменных ступенях перед воротами, ведущими в детинец, и с улыбкой смотрел на ряды воинов, явившихся на его зов. Сборы были короткими. Чтобы собраться, вигу нужно совсем немного времени. Только надеть воронёные доспехи, и снять со стены меч, выкованный из стали, найденной в Мёртвом Городе. Городе, где сотни лет назад жили Древние Боги, и что был стёрт с лица земли грянувшим Апокалипсисом.

Сейчас, на площади перед замком не шла оживлённая торговля. Лавочники, и лоточники поспешили убрать свои товары, чтобы не мешать воинам. Прошло совсем немного времени, и как по волшебству исчезли куда-то отрезки разноцветных тканей, соседствующие с кусками свежайшего мяса, недавно выкованное оружие, так ценившееся в Лазоревых Горах, убрано, как и золотые украшения, что могли доставить радость многим девушкам Андвеля, города Снежных Барсов.

Новость о предстоящей войне была встречена гулом одобрения и понимания. Мирная жизнь для торговцев и ремесленников. Виги учатся войне с раннего детства, и всю свою жизнь посвящают служению клану. Если силён клан, то сильны и Лазоревые Горы.

Под бездонно-синим небом бурлила ярость клана Снежного Барса. Они уже сейчас были готовы выдвинуться в степи и встретить врага в предгорье. Нет, он не ошибся в своих воинах. Пусть их немного, но они полны решимости и отваги, а в искусстве владения мечом им нет равных. Разве найдётся какая-либо сила, способная остановить и остудить их праведный гнев? Найдётся – полный разгром врага.

Вождь клана выдернул из ножен меч, молнией блеснувший в лучах полуденного солнца, и поднял его над головой. Так издревле просят слова, и пока говорит воин с мечом, никто не может его перебить. Это закон, установленный ещё далёкими предками. Гул постепенно стих, и Вальхар возвысив голос, чтобы могли услышать и дальние ряды воинов, заговорил:

– Виги! Враг силён, и об их тактике ведения войны мы знаем совсем немного. – Он вложил меч в ножны и продолжил: – Челманы воины степей, значит, у них сильна конница. Луки сделаны из рогов животного и бьют на двести пятьдесят шагов.

– Ну и что?!– это выкрикнул из рядов Ульмер. Седой ветеран, не раз, участвовавший в битвах с гаарами, и лердами. – Мы нападём на них, как только они перейдут Чёрный Лес! Выйдет их оттуда немного, так что остальных мы сможем одолеть!

Вальхар снова улыбнулся:

– Этот план был бы хорош, если челманов было несколько сотен, но их несколько тысяч!

Начавший подниматься одобрителный гул, стих, и какое-то время воины молчали. Вождь клана готов был поклясться, чем угодно, что виги пытаются понять, что может значить несколько тысяч, и откуда могло взяться столько воинов. Наконец, тот же Ульмер спросил, и в его голосе уже не было бахвальства, а только растерянность:

– Мой вождь! Разве можно собрать такое войско со времён Апокалипсиса? Этого не может быть! Разве может в Сармейских степях народиться столько людей?

– Челманов действительно несколько тысяч. Монах Хранителя Очага Бессмертного Тэнгри прибил к орде врагов, следовал с ними три дня, и не смог их сосчитать. Нас слишком мало, чтобы напасть первыми.

– А как же лорды и знать? По Законам Предков они обязаны содержать войско и выделять на него золото, но в последнее время мы ощутили, что такое нужда! Я не желаю поднимать меч во славу тех, кому плевать на меня, и мою семью!

– Ты прав, Ульмер. – нахмурился вождь. – Лорды и знать не хотят содержать войско. Они озабочены только собственным обогащением, но если не мы, то, кто же выступит на защиту страны Лазоревых Гор? Кто встанет на пути у орды, что несёт смерть всему живому? Впервые мы будем биться за свои дома и своих родных. Не за добычу, а за то, чтобы жили наши семьи. Владыка Альгар слаб, и делает всё, что скажут ему лорды, но есть ещё сила, способная противостоять злу! И эта сила – мы!

Вальхар прекрасно знал, что нужно сказать, чтобы сердца воином воспламенил праведным гневом, и они, забыв былые обиды на знать, взялись за мечи. Он весь остаток ночи думал, что должен сказать на ступенях, ведущих в детинец, и как дать понять воинам, что после этой войны всё изменится.

– Что ж, придётся напоить свои мечи кровью челманов, и уйти в иной мир как подобает воинам! Бессмертный Тэнгри примет нас с радостью, а тут уж каждый позаботится о достойной свите для себя!

– А как же клан? Как же ваши семьи и род? Конечно, мы все умрём с честью, а наши родные и близкие попадут в рабство! Если вы ещё не поняли, то я могу сказать вам, что челманы идут сюда, чтобы уничтожить страну Лазоревых Гор! Чтобы больше никогда не существовало такого народа как виги! Мы должны победить врага, и установить в горах законы своих предков!

Площадь, запруженная воинами, загудела. Слышались крики, что за общим гулом было невозможно разобрать. Вальхар смотрел на колыхающийся лес копий, на блеск длинных двуручных мечей, на круглые, красно-синие щиты, на чёрные племени, увенчанные рогами силы, и вдруг подумал, что челманам никогда не победить этот маленький, воинственный народ. Виги могут согнуться, но никогда не сломаются, и разогнутся, чтобы ударить с всепокрушающей силой. Опытные воины и седые ветераны, простые ополченцы, и отроки, только начавшие бриться, все встанут на защиту любимых гор. Гор, что им завещали далёкие предки и Древние Боги.

Вальхар опять поднял меч, и когда утих гул голосов, когда он почувствовал на себе сотни глаз, наполненных надеждой, сказал, уже не так громко, как вначале:

– Я понимаю, вы растеряны и не знаете, что делать. Я тоже, но одно я знаю точно! Мы победим в этой войне, и восстановим свои прежние законы!

Вождь клана сознательно выкрикнул последние слова как можно громче. Он знал, как поднять боевой дух своих воинов, и как можно заставить их делать только то, что нужно ему. Он знал каждого, кто мог держать в руках меч, знал все сильные и слабые стороны каждого воина. Теперь он хотел заставить их подчиниться отроку, только недавно прошедшему Посвящение, и ещё не успевшему совершить никаких великих подвигов. Захотят ли ветераны принять его командование? Он почему-то

был уверен, что Рутгер сможет принести больше пользы клану не как ещё один меч, а как воин, стоящий во главе войска. Его отец был героем, так почему не быть героем и сыну в такое тяжёлое время?

Вальхар подождал, когда уляжется шум, грохот оружия, крики уже готовых идти в бой воинов, и приступил к самому главному, тому, что давно уже хотел сделать, пытаясь осторожно прощупать настроение клана:

– Нам нужен воин, с мудростью какого мы сможем одолеть врага. Нам нужен воевода, и пусть он даже не будет убелён благородными сединами, а предложит достойный план, как выиграть войну, клянусь Бессмертным Тэнгри, он будет воеводой! – вождь клана внимательно посмотрел в лица первых рядов воинов. Кое на ком уже была нанесена боевая раскраска. В глазах каждого – решительность.

Виги хорошие воины. Умело сражаются и по одному, и в строю, но они заносчивы до безрассудства, и своё воинское искусство ставят выше всего. Они не умеют обороняться. Всю свою сознательную жизнь они учатся только нападать и побеждать. Вождь клана готов был отдать на отсечение свою правую руку, в уверенности, что никто из них даже не подумал об обороне. Настолько это было для них непривычно, и необычно.

Вальхар ждал, пока воины созреют, чтобы принять какое-то решение, и предложить кого-нибудь в воеводы. Он даже знал, кого они могут выдвинуть, но у него были совсем другие планы. Он хотел поставить воеводой Рутгера, сына своего старого друга, погибшего в битве при Балте. Он обещал ему присмотреть за отроком, и сделать из него настоящего воина, достойного памяти своего отца. Вождь подождал ещё немного, потом поднял меч, и когда начавшийся подниматься ропот стих, крикнул:

– Рутгер, сын Ульриха! Я жду тебя!

Толпа вигов расступилась, и вперёд вышел молодой воин. Крупный, волевой подбородок, глубоко посаженные небесно-голубые глаза, отчего казалось, что они смотрят исподлобья, цепкий, оценивающий взгляд. Длинные, русые волосы собраны на затылке в тугий узел. Пока не убил ни одного врага, он не мог заплетать их в косы. Металлические пластины, нашитые на кожаную куртку, тщательно подогнаны друг к другу. Сразу было заметно, что отрок провёл не один день, пока сделал эту броню.

Едва взглянув на него, Вальхар улыбнулся. Как он всё же похож на своего отца! Тот же гордый взгляд, та же осанка и походка, даже манера говорить мало отличается от погибшего пять лет назад во время боевого похода на гааров, друга. Кажется, Бессмертный Тэнгри постарался, чтобы об Ульрихе, сыне Вертура, помнили, как можно дольше.

– Я здесь, мой вождь.

Вождь клана взял отрока за крепкие плечи, посмотрел ему в глаза, словно проверял, достоин ли он такой чести и, повернув к войску, крикнул:

– Все вы знаете Рутгера, сына Ульриха! Я предлагаю ему жезл воеводы клана! Что скажете?

Несколько мгновений виги молчали. Было слышно, как где-то замычала корова, как в ближайшей кузне заскрежетала натачиваемая сталь меча. Все прекрасно понимали, что только на общем Совете Воинов можно решить, кто будет воеводой, потом, во время похода, никаких Советов уже не будет, и от любого воина будет требоваться только быстрое выполнение приказов. От опытности и знаний воеводы будет зависеть жизнь любого из них, будет ли удачным поход, а в свете сложившихся обстоятельств ещё и будет ли существовать страна Лазоревых Гор.

– Мой вождь! Сын Ульриха показал себя в военных игрищах как опытный воевода, но это были игрища. Сможет ли он командовать воинами клана? – Ульмер вышел вперёд. – Все мы помним его отца, Ульриха, но есть ли в его сыне хотя бы десятая доля той военной мудрости, что не раз приводила нас к победе?

– А это мы сейчас у него и спросим! – Вальхар усмехнулся. Он понимал, что Рутгер, как и каждый виг уже думал о предстоящей войне, и как бы он её повёл. Вождь был уверен, что у отрока уже есть план, и наверняка не такой, как у любого из стоящих здесь воинов.

Сын Ульриха немного помолчал, посмотрел на небо, словно хотел там разглядеть какой-то знак свыше, потом на войско, и только тогда заговорил:

– Я слишком молод, чтобы вести вигов в бой, и не смогу без мудрого совета седых ветеранов, но я бы изменил нашу тактику. Предки завещали нам не ждать врага, а нападать первыми. Сейчас это равносильно нашему разгрому. Нам нужно время чтобы военный вождь Вольфбура собрал под стенами города войско, способное сокрушить челманов, а они постараются не дать нам этих нескольких дней. Мы встанем в Волчьих Воротах, и будем сдерживать врага столько, сколько потребуется. На скалах расположим дружественных нам заулов и их лучших стрелков с арбалетами. В самом узком месте Волчьих Ворот построим стену. Тогда враги будут лишены своего численного превосходства. Единственное, что нам грозит – это усталость.

Воины в передних рядах заулыбались. Они оценили шутку отрока, и уже готовы были ему поверить. Вальхар порадовался за своего воспитанника. Он нашёл нужные слова! Между тем Рутгер продолжил:

– Челманы сильны конным ударом. Что ж, этот удар мы сомнём. За двести шагов до стены выкопаем ров и установим в нём заострённые колья, а чтобы заманить туда конницу, выставим сотню копейщиков. Когда атака захлебнётся, я уверен, что тогда пойдёт пехота челманов. Они преодолеют ров, и попадут на поле перед стеной, какое мы щедро польём земляным маслом. Когда их скопится на поле достаточно, мы подожжём масло. Не уверен, что после всего этого враги будут идти напролом. Что скажете?

Воины молчали. Вальхар смотрел на знакомые, обветренные лица и пытался понять, какое решение они могут принять? О чём они сейчас думают? Что сейчас сделают? Примут ли они план отрока, ещё не убившего ни одного врага? Начнут смеяться, или проголосуют? Готовы ли они назначить воеводой человека, ещё не связавшего ни одной косы?

Среди нависшей тишины послышался звон меча, доставаемого из ножен, и где-то в глубине толпы, среди чёрных доспехов и леса копий сверкнуло лезвие. Потом ещё, потом сразу несколько. Так голосовали на Совете Воинов, а поднятый меч означал, что его владелец согласен с предложенным планом.

Вперёд выступил Ульмер, снял с плеча свою секиру, перебросил из руки в руку, и, оглянувшись, спросил:

– А где мы найдём столько земли, чтобы похоронить всех челманов? Заулы будут недовольны, если от их полей отрезать ещё один кусок плодородной, жирной земли под кладбище!

Вальхар усмехнулся. Виги любят и солёную шутку, и грубое словцо, но сейчас белозубые улыбки на суровых, покрытых чёрными узорами лицах означали только одно – воевода выбран! И выбран именно тот, кто сможет отстоять Волчьи Ворота. Вождь клана поднял свой меч, призывая расшумевшееся войско к тишине, а когда все смолкли, протянул серебряный жезл воеводы отроку, со словами:

– Рутгер, сын Ульриха. Ты выбран воеводой клана. Веди нас в бой, и пусть напьются наши мечи кровью врагов! – Он не смог сдержать торжествующей улыбки. Не прилагая усилий, Вальхар выполнил просьбу друга, и волю военного вождя. Ему понравилось то, что отрок не стал отказываться, а с достоинством, как и подобает настоящему воину, принял из его рук серебряный жезл. Так же и его отец. Он никогда не отказывался брать на себя ответственность перед кланом, наверное, поэтому и стал героем. О Боги! Если бы Рутгер знал, что ждёт его в будущем! Ведь став воеводой, он ступил на лестницу, ведущую вверх, и где на каждой ступени, какой бы крепкой она ни была, может таиться смертельная опасность. Где, как огромные пауки плетут свои сети интриганы, где на простой вопрос невозможно дожидаться правдивого ответа, и где каждое слово может быть повернуто против тебя самого.

* * *

Глава 3.

Как только закрылись массивные двери, обитые листами золота, и украшенные затейливой чеканкой, за Хранителем Очага Бессмертного Тэнгри, лорд Сатвел вскочил, не в силах усидеть на месте, и заговорил, почти закричал:

– Владыка! Военный вождь Балвер становится очень опасен! Как он посмел без Совета Лордов объявить о сборе войска? Скоро в его руках окажется сила, способная сделать многое! Это заговор с целью переворота! Он хочет занять твой трон!

– Многоуважаемый лорд Сатвел не услышал самого главного! – со скамьи поднялся ещё один человек, в дорогом плаще из шкур ценного пушного зверя, добытого в стране россов. Он оглянулся на остальных лордов, потрянул длинными, тёмными волосами, и повторил слова жреца: – На нас движется орда из степей! Лорд Фельмор! Что говорит об этом Тайная Стража? Что слышно от дальних дозоров? Или твои лежебоки ничего не видели?

В тронном зале дворца Вольфбура повисло тягостное молчание. Среди обилия золота и драгоценных камней витало всеми осязаемое чувство напряжённости и тревоги. Тихо потрескивали золотые светильники на стенах, заправленные земляным маслом. Блики пламени плясали на стенах, отделанных белым мрамором, и ещё больше усиливали ощущение чего-то страшного, громадного, надвигающегося на страну Лазоревых Гор.

– Тайной Страже ничего не известно об орде челманов. До недавнего времени мы даже и не знали, что есть такой народ. – С места поднялся лорд Фельмор. Это был старый, измождённый человек, но в его руках находилась мощная сеть, сплетённая им самим за долгие годы, состоящая из вездесущих шпионов и соглядатаев. Он молча проглотил тот упрёк, что нанёс ему своим недоверием лорд Мортрей. До поры до времени. Все, как и сам лорд, понимали, что ход Повелителя Тайной Стражи будет неожиданным, и сокрушающим. Он не щадил никого, и никто не мог его остановить, даже Владыка Вольфбура.

– У меня нет основания, не доверять словам уважаемого лорда Фельмора. Военный вождь и жрец задумали захватить власть в свои руки. Заметьте, законную власть, избранную самим народом! Власть Мудрого и Справедливого! – Лорд Сатвел выразительно посмотрел на Владыку Альгара, и поклонился ему. Тот словно очнулся от сна, и, прогоняя какое-то наваждение, покачивая золотым мечом, знаком безграничной власти, поднялся:

– Не надо льстивых и пафосных речей, Сатвел. Все прекрасно знают, как я получил власть, и какие рычаги для этого были задействованы. Я всегда знал, что рано или поздно это случится. Нельзя бесконечно грабить и унижать свой народ,

особенно если этот народ – виги. – Владыка Вольфбура посмотрел на лордов, сидящих на мраморных скамьях, и огромный рубин, искусно вставленный в золотую корону, зловеще, кроваво-красно блеснул в огне светильников. – Время пришло. Слава о богатстве страны Лазоревых Гор достигло самых дальних окраин Обитаемого Мира. Теперь пришла пора отбиваться от диких племён, жаждущих золота.

Мортрей засмеялся, и с иронией в голосе спросил у Владыки:

– О каком богатстве говорит Мудрый и Справедливый? Не о тех ли золотых рудниках, что владеет лорд Сатвел? Или о тех шахтах полных драгоценных камней, находящихся в собственности лорда Дервара? Можно ещё долго перечислять всё, что приносило богатство вигам, но согласно Новым Законам стало принадлежать лордам! Воины кланов разгромят врага, это бесспорно, но что будет потом? Что будет тогда, когда они осознают свою силу, и военный вождь Балвер решит сменить власть?

– А о чём я только что говорил? – Лорд Сатвел остановился возле Мортрея и смерил его тяжёлым, оценивающим взглядом. Его глаза злобно блеснули, а крючковатый нос, казалось, ещё более стал походить на орлиный: – Скорее всего, и нет никаких челманов, а сбор войска под стенами Великого Вольфбура, это накопление сил для свержения законной власти! Я думаю, что монахи Хранителя не были в степях, и ничего не знают!

– У каждого лорда есть свои собственные силы, и если их объединить, то получится отряд никак не меньше чем всё войско кланов. – Поднялся лорд Гринхард. Он, как всегда был в лёгкой, плетёной кольчуге, подпоясанный мечом, словно всем своим видом показывая, что он ещё не забыл древних заветов предков, виг и меч – неразлучны.

– Наёмники? – Сатвел ехидно засмеялся. – Конечно, наёмники великая сила, только если надо разогнать чернь. Сколько они смогут продержаться против разъярённых вигов, с раннего детства учившихся только убивать? Да и будут ли иноземцы сражаться за чужое богатство? Что они выберут? Погибнуть в битве за лорда, или уйти в свои земли? Нет. Наёмники нам не помогут.

Лорд Гринхард прошёлся по залу, чётко печатая шаг, и каждый из присутствующих вздрагивал от стука его сапог, словно слышал тяжёлую поступь своей смерти. Он повернулся, и в тишине прозвучал его голос:

– И всё же выход есть. Я знаю, что делать.

– Если лорд Гринхард может предложить что-то стоящее, то мы смиренно просим его высказаться, а уж мы потом решим, подходит это нам или нет. – Сатвел слегка поклонился.

– Твой сарказм неуместен, и позже ты мне за него ответишь. – Гринхард со знанием помолчал, чтобы все присутствующие запомнили его слова. – Вопрос в том, что мы хотим сохранить. Если свою власть, то от многого придётся отказаться. Если своё богатство, то придётся просто бежать из страны Лазоревых Гор, и довольствоваться тем, что уже есть. Балвер созовёт ополчение, и нам надо будет вооружить его. Мы не должны требовать от народа деньги за мечи и доспехи.

– Дать оружие черни?! – вскричал лорд Сатвел. – Оно тут же будет повернуто против нас! В своём ли ты уме, лорд Гринхард?

– Именно этого я и ожидал. – Гринхард улыбнулся. – Перед лицом общей опасности вигам будет не до нас, а когда враг будет разгромлен, то наша помощь будет оценена по достоинству. Под давлением войска придётся пойти на уступки, но власть мы сохраним в своих руках! Потом мы уже вернём всё на круги своя. Я думаю, что только так мы сможем сохранить трон Мудрому и Справедливому.

– Это неприемлемо! Разве можно давать оружие черни? Ни для кого не секрет, что народ недоволен Новыми Законами. Раздав оружие, мы подпишем себе смертный приговор! – В голосе лорда Сатвела послышались истеричные нотки. – Я предлагаю вместе с отрядами наёмников запереться во дворце Владыки, и послать гонца к царю россов. Пообещать ему много золота, алмазов, и тогда он затопит в эти горы в крови!

– Царь россов Аласейя может прийти только на помощь народу вигов, и не для того, чтобы утопить его в крови. Лорд Сатвел немного не в своём уме, раз может предлагать такое. Фельмор, каково настроение народа и положение на границах? – Мортрей повернулся к мрачному Повелителю Тайной Стражи.

Тот несколько мгновений молчал, собираясь с мыслями и взвешивая, что можно сказать, а что лучше попридержать, и тихо заговорил, понимая, что каждое его слово, даже произнесённое шёпотом, будет услышано:

– В Чёрном Лесу что-то назревает. Заулы, несущие дозоры на засеках докладывают, что несколько раз видели небольшие отряды «тёмных». Из Вольфбура уехали все купцы и ремесленники гааров. Я склонен думать, что Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри сказал правду. Будет война.

– «Тёмные» тоже зашевелились? – С тревогой спросил Владыка Альгар. Это пугало его больше всего. Его брат погиб возле Чёрного Леса и был съеден «тёмными». Кто они такие не мог сказать никто. Порождение Дьявола, или несчастные, оставленные Невидимой Смертью в живых, и только немного изменившиеся не в лучшую сторону? Он помнил предсказание оракула с ледника Висс, где говорилось, что и его ждёт такая же смерть.

– Да. – Продолжил Фельмор. – «Тёмные» что-то чувствуют, что находится по ту сторону леса, и это не даёт им покоя. Челманам и гаарам придётся переходить их владения, а «тёмные» видят в людях всего лишь пищу, и угрозу собственной жизни. У меня есть вести, что на золотых рудниках многоуважаемого лорда Сатвела не всё так хорошо, как он хочет показать это...

– У меня всё в порядке. Добыча золота идёт своим чередом. – Торопливо ответил лорд, и все присутствующие в зале сразу поняли, что это ложь. По законам Древних, виг не может лгать, но сейчас другие времена, и другие люди. Теперь в стране Лазоревых Гор было много лжи, обмана, и несправедливости.

– Мы требуем ответа. – Произнёс Владыка Альгар, и подозрительно посмотрел на Сатвела, старательно пытавшегося спрятать глаза, и не встретиться с взглядом Мудрого и Справедливого.

– У меня совсем другие сведения. – Заговорил Фельмор. – Мои люди сообщают, что горняки отказываются спускаться в рудники. В шахтах беспокойно, и каждую неделю пропадают люди. Не находят ничего. Ни следов борьбы, ни крови, ничего. Просто исчезают. Почему лорд Сатвел не хочет говорить об этом?

– Я считаю это несущественным. Что значит пропажа нескольких рабочих, по сравнению с добычей того, что нам необходимо? Если снизится добыча золота, то поставки хлеба от кверков прекратятся. Страну Лазоревых Гор ждёт голод!

– Это не просто пропажа нескольких рабочих! – Фельмор ударил посохом в серый мрамор пола, украшенного мозаикой. – Помните, что было семь лет назад? Это значит, что «тёмные» нашли новый ход в наши горы, и надо ждать скорого вторжения из-под земли!

– Но ведь тогда и не было никакого вторжения. – Вкрадчиво заметил лорд Сатвел. – Тайная Стража вовремя успела пресечь все попытки дхоров выйти на поверхность.

Почти никто из присутствующих не знал, что «тёмные» были здесь совсем ни при чём. На рудниках время от времени вспыхивали мелкие бунты, и они тут же жестоко подавлялись сивдами и надсмотрщиками-харвеллами. Об этом, конечно, умалчивалось, и если кто-то что-то всё же мог узнать, распространялся слух, что это сделали дхоры. Никто не задумывался, что от Чёрного Леса до золотых рудников несколько десятков тысяч шагов. Все безоговорочно верили, что им помогает сам Дьявол, и были готовы поверить любой несусветной лжи.

– Новая напасть! – Вздыхнул Владыка.

– А разве мы не сами виноваты в этом? – Лорд Мортрей обвёл всех взглядом, и только после этого продолжил. – Мы погрязли в грехах, и приняли законы, не имеющими ничего общего с законами наших предков. Мы судим невиновных, и приговариваем их к смерти, а тот, кто виновен – успешно откупается от продажных судей! Где надо нанять охрану и выставить дозоры, мы ничего не делаем. Мы уменьшаем расходы на содержание охраны рудников, хотя там всегда было полно стражи! На руках одного только лорда Сатвел столько золотых перстней, что их хватило бы на содержание войска в сотню мечей в течение года! Что нам жизни нескольких горняков, если других, тех, что не успели утащить «тёмные», сделают и их работу. Или лорд Сатвел так избавляется от неугодных?

– Это не твоё дело, что творится на моих рудниках! – Побагровел лорд Сатвел, каким-то неуловимым движением, с досадой, прикрывая плащом руки, усыпанные большими, тяжёлыми, золотыми кольцами. – Я, и только я там хозяин!

– Конечно! – Мортрей не стал спорить, и как-то нехорошо улыбнулся. – Но если из твоих рудников, как муравьи ползут «тёмные», что ты будешь делать? Клянусь Бессмертным Тэнгри, я первым снесу с плеч твою жадную и глупую голову!

Лорд Сатвел отшатнулся от говорящего, ненавидящим взглядом смерил его, и прошипел:

– Мортрей! Я – виг! Я никогда не прощаю обид, кем бы они ни были нанесены. Я требую поединка!

– Я всегда к твоим услугам.

Никто не мог предсказать, к чему приведёт вспыхнувшая ссора. Лорды могли тут же, в тронном зале схватиться за мечи, не смотря на то, что находились в окружении других, не менее весомых персон. В ссору поспешил вмешаться сам Мудрый и Справедливый, чем немного удивил собравшихся в зале. Обычно молчаливый, какой-то задумчивый, не от мира сего, он вскричал:

– Хватит! Сейчас не время для взаимных оскорблений! Насколько я понимаю, через несколько дней нам грозит вторжение огромного вражеского войска, а мы так и не решили, что следует предпринять! Только лорд Гринхард смог сказать что-то вразумительное. Сатвел, что можешь посоветовать ты?

Лорд всё же смог справиться с душившей его злостью, успокоился, и как можно ровнее, стараясь не повышать голоса, ответил:

– Я уверен, что никакого вторжения не будет, а если и будет, то войско челманов будет не такое огромное. Со времён Апокалипсиса никому не удавалось собрать такую орду! Это просто невозможно! Народ с таким числом воинов не может существовать!

– Твой совет! – Нетерпеливо потребовал Владыка, и, не пытаясь скрыть в своём голосе, что ему откровенно скучно. Его это совершенно не интересовало!

– Вожди кланов справятся с челманами сами. На вооружение ополчения не тратить ни одного золотого. Нам надо просто выждать, а когда вожди будут ослаблены битвой, ударим им в тыл нашими наёмниками.

– Ты предашь воинов, что защитят тебя от врага? – Насмешливо спросил его Мортрей.

Сатвел дёрнулся, как от удара бичом, и поморщился, словно от нанесённой ему невидимой раны. Было заметно, каких усилий ему стоит удержаться и не броситься с ножом на своего обидчика:

– Нет. Я всего лишь уничтожу заговорщиков, жаждущих свергнуть законную власть, избранную народом.

– Многоуважаемый лорд Сатвел, хотите, я предскажу, что с вами случится в ближайший месяц? – Голос Мортрея не предвещал ничего хорошего. – После того, как воины кланов разобьют челманов, они возьмутся за вас, и ваших наёмников. Потом они вернут ваши рудники обратно под покровительство Совета Кланов, и придут к лорду Вармеру за своим жалованием, что он им задолжал за несколько месяцев, потом... В общем, ничем хорошим для нас это не кончится. Я предлагаю, как и лорд Гринхард, вооружить ополчение, пойти на уступки, что потребуют кланы, и тем самым удержать власть в своих руках, пока они сами не взяли её.

– Это неприемлемо! – Закричал Сатвел. – Мы же сами вооружим своих собственных убийц! Раздать оружие черни, значит самим толкнуть их на переворот!

– По крайней мере, это не будет предательством своего народа, а бить в спину своим вчерашним заступников подло, и не достойно благородного человека. Впрочем, о благородстве нужно говорить совсем не здесь. – Лорд Мортрей горько усмехнулся, и немного помолчал, словно хотел убедиться, что до Совета Лордов, до каждого из них дошёл смысл сказанного, продолжил: – Весь почтенный Совет Лордов беспокоит только собственное благополучие. Что ж, значит, мне здесь делать нечего. Разрешите откланяться... – Он поклонился Владыке Альгару, тем самым выделив его, и дав понять остальным, что это единственный человек, к кому он питает почтение, и направился к дверям тронного зала. Его никто не пытался остановить, хотя Совет ещё не был окончен. Своими резкими речами и уходом, лорд Мортрей ставил себя против всех лордов. Теперь это понимали все присутствующие. В полной тишине он скрылся за дверями, и несколько пар глаз проводили его, как приговорённого к смерти. В сущности, так оно и было. Сегодня отступник нажил себе двух смертельных, могущественных врагов, но совсем не это завладело его умом, а то, как собрать ополчение под стенами Вольфбур, и повести его в бой за страну Лазоревых Гор. Примет ли народ его, как воеводу? Пойдут ли за ним?

– Лорд Мортрей! – его нагнал у самого выхода из дворца один из представителей Совета Лордов. Гринхард взял его за локоть и отвёл в тень одной из колонн, подпирающих портик перед входом, подальше от застывших в почётном карауле наёмников Владыки. – Нам нужно кое-что обсудить в более спокойной обстановке. Подальше от истерик и тугодумия Совета.

Где-то внизу жил своей жизнью Вольфбур. В стущающейся вечерней темноте еле слышался звон в кузне припозднившихся мастеровых, где-то взлаяла собака, откликаясь на нестройный, пьяных хор загулявших мирян. Кое-где на улицах, спускающихся ступенями с великой горы Эрпон, зажглись масляные светильники, и уже ничего не напоминало о том, что это шумный, бурлящий, как стремительный поток воды, город. Отсюда, от ратуши, было видно совсем немного, всего лишь богатые дома знати, с разбитыми садиками во дворах, но там, внизу, ещё можно было угадать многочисленные крыши лачуг обычных, небогатых людей.

– Я весь во внимании, хотя и догадываюсь, о чём сейчас может пойти речь. Не будем ходить вокруг да около, давай сразу приступим к делу.

– Ты настоящий виг. Приятно говорить с человеком, привыкшим действовать. Я рад, что мы пришли к какому-то одному мнению, но трудности только начинаются. В лице Совета мы нажили себе врагов, а руки Фельмора очень длинны. Да и Сатвел орешек не простой. Тем не менее, я буду с народом. Я верю жрецу, и готов встать на защиту Вольфбура.

– Как и я. Но я сомневаюсь, что Балвер встретит нас с распростёртыми объятиями. Нам нужно будет завоевать его доверие, и не ради будущего прощения, а ради благополучия страны Лазоревых Гор.

– Да, это так. Что же ты намерен делать?

– Сегодня я думаю нанести визит военному вождю, и договорится о вооружении ополчения. Виги не многочисленны, так может быть хоть хорошая броня, и оружие спасут несколько сот жизней?

– Я хотел направиться к Балверу завтра, с утра, и если ты решил сразу взять быка за рога, а я не вижу для этого каких-либо серьёзных препятствий, то готов сопровождать тебя.

– Любое дело спорится в несколько рук. – Улыбнулся Мортрей. Он не ошибся в лорде Гринхарде. Родные горы ему ближе, чем собственное богатство, а власть человека, что заканчивается на ступенях собственного замка, презираема.

* * *

Глава 4.

Вальхар был уверен, что сын Ульриха придумает что-то такое, чего виги, придерживающиеся только тактики нападения, ещё не делали, но то, что он увидел, когда вечером подъехал к Волчьим Вратам, просто поразило его. Виги, признающие только воинское искусство, а труд ремесленников, крестьян и другого мастерового люда откровенно презирали, копали ямы, строили стену, разбирали хижины близлежащей деревни, и стаскивали камни к двум огромным катапультам, расположенных в сотне шагов от двух скал, называемыми Волчьими Воротами.

В красном свете заходящего солнца Вальхар увидел уже выкопанный дугой ров, и его дно, утыканное острыми кольями. Сооружение выглядело столь грандиозным, что вождь удивился, как воины клана смогли выкопать его за один день? Десять шагов шириной, и протяжённостью от скалы до скалы. Сколько же было затрачено усилий для этого?

Вождь клана соскочил с коня, бросил поводья одному из телохранителей, сопровождавших его, и подошёл к группе воинов, стоящих на краю рва и о чём-то жаростно спорящих. Предметом спора видимо было что-то действительно важное, так как воины заметили его не сразу, а когда увидели, смолкли, переглянулись между собой, и вымолвили традиционное приветствие клана Снежных Барсов:

– Да напьётся твой меч кровью врагов, вождь.

– И вам пасть в битве, доблестные воины. – Вальхар немного помолчал, ожидая, что кто-то из группы заговорит первым, а когда молчание затянулось, спросил: – О чём это вы так спорили? Я даже от самых Ворот услышал. У нас молодой воевода, и предложения опытных бойцов могут здорово ему помочь...

Вперёд выступил Увгард, лучший боец клана на мечах, наставник и учитель отроков. Сейчас на нём не было всем примелькавшейся лёгкой кольчуги с круглым зеркалом на груди. Вся его одежда выглядела из простой холщёвой рубахи, просторных портов, и перемазанных землёй, крепких, кожаных сапогов.

– Я предлагаю встретить челманов ещё у Чёрного Леса. Дозорные Тайной Стражи сообщают, что «тёмных» на опушке леса появляется всё больше и больше,

это означает, что наши враги подошли, и готовы перейти его. Они потеряют много воинов, прежде чем смогут пройти, а вышедшие, попадут под наши арбалеты. Заулы искусные стрелки, и успеют сделать по несколько выстрелов, прежде чем враг сможет подойти на длину меча. Вот тогда в бой вступим и мы. Мы умеем убивать, а копать землю, и строить стены – не для нас!

Вальхар вопросительно посмотрел на Рутгера. Что он ответит? Нелегко выдерживать давление со стороны опытных воинов, и придерживаться своего плана. Ветераны умеют только атаковать, и не их вина, что они не умеют сидеть в обороне. Так из века в век учили их предки.

Молодой воевода улыбнулся, посмотрел на дно рва, словно оценивая труд воинов, и заговорил:

– Сможет ли уважаемый Увгард ответить мне, сколько челманов прорвётся из Чёрного Леса? Сколько их останется от нескольких тысяч? Неужели «тёмные» сожрут их всех? – голос Рутгера затвердел, и в нём послышалась жёсткость, как когда-то слышалась жёсткость и в голосе его отца. – В поле нас ждёт только смерть. Если все воины клана погибнут, то кто защитит Волчьи Ворота, пока подойдёт помощь из Вольфбура? Конечно, нас ждёт славная гибель от мечей врагов, но кто сложит об этом песнь, если все виги будут вырезаны и уничтожены?

Увгард какое-то время молчал, обдумывая слова воеводы. С ним редко кто так разговаривал, и очень немногим он позволял это. Но Рутгер был его лучшим учеником, и нередко их поединки заканчивались в ничью.

– Ты истинный сын своего отца. – Увгард улыбнулся. – Я сочту за честь идти с тобой в бой в одном строю.

Воевода с достоинством, будто всегда повелевал, кивнул, обвёл долгим взглядом поле перед Волчьими Воротами, и высказал, похоже, только что обдуманную мысль:

– Нужно по всему полю выкопать множество ям глубиной в локоть.

– Зачем? Рутгер, разве тебе мало того, что мы уже накопили? Что нам дадут эти ямки? Разве они смогут остановить конницу врага?

– Вы выбрали меня воеводой, так разве я обязательно должен объяснять и толковать все свои приказы? – начал было воевода со злостью, вовремя опомнился, и продолжил уже гораздо спокойнее: – Только из уважения к вашей опытности и сединам.... Сколько лошадей оступится, и переломают ноги? Сколько воинов попадёт в ямы? Строй нарушится, удар будет не так силён. Всё это нам поможет выстоять.

Вальхар удивлённо посмотрел на сына своего друга. Он не ожидал услышать от него такой жёсткости в голосе. Как это похоже на Ульриха! Тот, взяв под руку сотню воинов, никогда не терпел того, если кто-то начинал медлить с выполнением его приказа. Может быть, зря он так с опытными воинами? А может, именно это и приведёт к победе? Пусть даже и не победе, но им всё же удастся продержаться какое-то время, чтобы задержать войско челманов?

Несколько воинов пытаясь скрыть улыбки, отошли к своим десяткам, чтобы отдать приказы, и начать работу. Чему они улыбались? Чему радовались? Что их так развеселило? То, что новый воевода так молод, и все его приготовления к битве напоминают какую-то детскую игру? Разве это может им чем-то помочь? Разве такая мелочь сможет остановить конницу?

Рутгер проводил их долгим, внимательным взглядом, и резко обернулся к молодым воинам, с коими вместе воспитывался и вырос:

– Герфур! Что с земляным маслом? Как долго ещё будет идти обоз, и почему его не доставили сразу, как только я приказал?

– Никакого обоза не будет! Жители окрестных деревень собрали всё своё масло, слили из всех светильников и привезли нам, но набралось всего две бочки. Этого явно недостаточно....

– Насколько я знаю, недалеко отсюда есть озёра, где лорд Кирффер добывает земляное масло. Почему бы не взять там нужные нам сто бочек?

– Управляющий потребовал десять золотых за каждую бочку, и только тогда он был согласен открыть для нас хранилище.

– Вот как? – Рутгер горько усмехнулся, потом повернулся к Вальхару и спросил: – Могу ли я действовать по законам наших предков? Как мне достучаться до лордов, ведь у них на уме только одно – золото, и жажда наживы?

– Ты знаешь, что гласит закон? Ты – сын Ульриха, великого Героя. Повелевай, и воины пойдут за тобой. Что значит богатство, когда на кон поставлена страна?

Вальхар откровенно любовался новым воеводой. Не из-за того, что он был сыном старинного друга, не из-за того, что сам его когда-то воспитывал, не из-за того, что он сам его и наделил властью, а потому, что вдруг подумал – именно такие люди и нужны, чтобы построить новый мир. Решительные, жёсткие, чётко знающие и понимающие где надо нажать, а где чуть ослабить, чтобы перевернуть и смыть всю гнусь накопленную за годы правления лордов.

Вождь смотрел на горящие злостью глаза, играющие желваки, на порывистые движения, на фигуру, затянутую зачернённым доспехом, и слышал его слова, падающие тяжело, весомо, поймал себя на мысли, что если сейчас закрыть глаза, то можно вернуться на пять лет назад! Так всё это напоминало ему, то время, когда до битвы на Балте оставалось всего чуть-чуть! Когда он был моложе, и их было три друга, что когда-то ещё в детстве, скрепили свою дружбу кровью, и не предали её до сих пор.

– Воин волен взять у любого человека всё, что посчитает нужным, для защиты своего клана, и страны.

– Ну, так пойдёшь и возьми! Только помни: жизнь вига – священна. Прежде чем пролить кровь соплеменника нужно хорошо подумать, и только потом обнажать меч.

– Я помню это, мой вождь...– Рутгер кивнул Вальхару, и порывисто повернувшись, так что звякнули сочленения доспеха, крикнул: – Коня! Герфур! Возьми десяток конных воинов. Пришло время напомнить законы предков зажавшимся управляющим!

Лишь бы он не почувствовал себя всемогущим и способным творить всё, что захочет. Вальхар помнил это ощущение, когда избирают вождём клана, и понимаешь, что за твоей спиной стоит сила, способная по одному только слову сделать то, что нужно. Особенно если это касается момента, когда надо пролить кровь. Тогда появляется искушение изменить этот мир в лучшую сторону по своему разумению, но не каждый понимает, что его убеждения всегда различны с мыслями других. Они сопротивляются, и именно тогда нужно удержаться, чтобы не обнажить меч.

* * *

Обитые железными листами ворота долго не открывали. В ночи слышался только захлёбывающийся злобный лай собак, бряцанье сбруи и недовольное фырканье лошадей. В неровном свете факелов тени отбрасывали причудливые силуэты, и вооружённые люди в доспехах, в рогатых шлемах выглядели как всадники, вырвавшиеся из самого ада.

Наконец Рутгер смог услышать чьи-то торопливые шаги, и заспанный, хриплый голос:

– Кого там ещё принесло? Клянусь Бессмертным Тэнгри, кто-то здорово поплатится за это вторжение!

– Открывай ворота, старик, и позови хозяина!

– А кто ты такой, чтобы я среди ночи будил для тебя управляющего? Назови своё имя, и тогда я ещё подумаю, открывать или нет! Кто ты?

– Я – Рутгер, сын Ульриха! Воевода клана Снежных Барсов! Открывай и зови управляющего!

Заскрежетал засов, и одна из створок ворот отворилась. Свет факела выхватил из темноты седого старика в тегиле, вооружённого копьём. Он растеряннo остановился, не зная, что делать, ведь не каждую ночь сюда заявляется воевода, а с ним и десяток воинов.

– Ты – виг? – спросил отрок, и, не дожидаясь ответа, резко продолжил: – Все вопросы потом. Зови хозяина, и уйми собак! А то они переполошили все горы.

Старик прикрикнул на невидимых волкодавов, рвавшихся с цепей где-то в глубине двора, и исчез в темноте. Воины не спешили, терпеливо ожидая дальнейшего развития событий. Кто-то достал из ножен меч, кто-то удобней перехватил копье. Судя по лаю, псы были большие, и злости в них было хоть отбавляй. Что будет, если цепи не выдержат их рывков и оборвутся?

Когда уже стало казаться, что старик не вернётся, и воины ждут напрасно, в темноте засветился приближающийся еле заметный огонёк масляной лампы. Собаки, наконец, успокоились, и уже не лаяли, а рычали.

– Кто беспокоит добрых людей по ночам? Я пожалуюсь вождю клана Вальхару, и вам не поздоровится....

– Ты управляющий хранилищем лорда Кирфера?

– Да. Это я. Меня зовут....

– Мне нет надобности знать твоё имя. – Рутгер решил быть жёстким. Требовать, а не просить. Только так можно было добиться ожидаемого результата. – Я воевода клана избранный на Совете. Мои воины сегодня были у тебя. Почему ты не дал им бочки с земляным маслом, а потребовал заплатить за них по десять золотых? Разве тебе неизвестно, что грядёт большая война, и масло нам нужно для обороны Волчьих Ворот?

– Но как же я могу отдать вам масло без разрешения лорда, да ещё и без денег? Меня же тогда сошлют на те же озёра, где я и состою управляющим!

– Ты хочешь нарушить законы наших предков? – в голосе Рутгера не было ничего, кроме злости. Управляющий это услышал. Его рука держащая светильник дрогнула, и, оправдываясь, он проговорил:

– Я помню Законы Предков, но у меня есть строгие указания уважаемого лорда Кирфера....

– Если завтра к полудню возле Волчьих Ворот не будет обоза с сотней бочек земляного масла, я pošлю воинов сжечь всё в округе.

– Жизнь вига священна! – Выкрикнула темнота.

– Ты и не умрёшь. Будет так, что жизнь перестанет приносить тебе радость. С лордом Кирфером мы рассчитаемся после того, как разобьём врага.

– Ты слишком вольно себя ведёшь с уважаемым и могущественным человеком, воевода клана. Как бы это....

– Прикуси язык! Ты всего лишь управляющий. А лорд всего лишь лорд, и у него такая же красная кровь, как у любого из нас. Ты слышал меня, и если не выпол-

нишь приказ, я исполню своё обещание. – Рутгер тронул поводья, и, развернув коня, погнался вниз по дороге, к Волчьим Воротам.

Молодого воеводу нагнал Герфур и какое-то время, молча, ехал рядом, потом тяжело вздохнул и спросил:

– Рутгер, ты понимаешь, что только что оскорбил лорда Кирфера? Для тебя это может плохо кончиться. Да и для нас тоже.

– А что я мог сделать? Без земляного масла нам не отстоять Волчьи Ворота, а в казне клана пусто, как пусто в кармане у последнего гаара. Помнишь, в Храме Бессмертного Тэнгри мы изучали Законы Предков, и тогда Хранитель Очага сказал, что они не совершенны, но справедливы. Мы не поняли его слов, и только посмеялись. Сейчас я понимаю, что он хотел сказать этим. Когда народу страны Лазоревых Гор угрожает полное уничтожение, лорды собираются набивать свои сундуки золотом! Они просто поглупели и сошли с ума от роскоши и обжорства. Что им богатство, если у ворот стоит враг, жаждущий вырезать всех подряд? Надеются откупиться? Может это у них и получится, но что делать простому народу? Идти под нож? Нет, тысячу раз прав Вальхар, говоря, что надо всё менять в стране Лазоревых Гор.

– Может это и так, но что ты сможешь сделать один? Чтобы изменить законы нужно быть лордом и участвовать в голосовании на Совете!

– Он не один. – В разговор вступил третий всадник, Сардейл. Это был опытный воин, плетущий косицы не по числу убитых врагов, а по числу битв, где ему довелось сражаться. В темноте ночи было невозможно увидеть ужасный шрам через всё лицо, которым в клане пугали маленьких детей, но, не смотря на это, все его любили, а его дружба и расположение много значили. – Тебя выбрали на Совете Воинов, ты стал воеводой. Ты не просто отрок, не убивший ни одного врага. Воины пойдут за тобой, чтобы ни случилось, до самой смерти. Что нам лорды с их золотом? Они забыли древние заветы, и главный из них: виг должен довольствоваться малым. Это всё временно. У Бессмертного Тэнгри всё их богатство не будет стоять и одной захудалой души поверженного врага. К тому же Вальхар подарил нам надежду, что после войны всё изменится, изменить это можем только мы.

– Сардейл, твои слова много значат для меня. – Проговорил Рутгер, немного подумав. Мысль, что он оскорбил одного из лордов, имеющих немалый вес в стране Лазоревых Гор, теперь раскалённым гвоздём сидела у него в голове, и не давала покоя. Теперь он уже жалел, что так грубо повёл себя, и перегнул палку. Что же он мог сделать? Для обороны Волчьих Ворот необходимо земляное масло! – Челманы ещё не разбиты, и у нас ещё нет нужной нам силы. Кланов пока не объединены. Лорд может прислать Тайную Стражу и схватить меня за оскорбление, и за причинённый ему ущерб. По закону вы не можете им помешать.

Сардейл раскатисто расхохотался, а когда немного успокоился, всё ещё ухмыляясь в густую бороду, проговорил:

– Интересно, как у Тайной Стражи получится заковать в кандалы воеводу? Повторяю, ты не просто человек, или воин. Ты облечён властью! И раньше-то Снежные Барсы никогда не выдавали своих, а сейчас и подавно. Тем более что приговор суда можно предсказать уже заранее! Тебя ждёт штраф в пользу потерпевшего, и золотые рудники лорда Сатвела.

– А то, что я потребовал это для защиты страны Лазоревых Гор? Разве это не важно?

– В наше время судья примет ту сторону, что больше заплатит, или имеет больше власти. Разве ты не знаешь, как творится у нас правосудие, и чью сторону примет лорд Парфтек? Своим действием ты оскорбил лорда Кирфера. Так что с

того? Они не смогут тебя схватить, пока ты не попадешься им один, без охраны. Может быть, они решат просто тебя убить. Из засады, или ещё как. Жизнь вига давно уже не священна, особенно для тех, у кого есть деньги и власть. Что при-
молкли? Страшно звучит? Такова жизнь, таковы наши Новые Законы, и за них лорды единогласно голосуют.

– Я хочу всё это изменить.

– Значит, нас стало ещё больше. – Весело сказал Сардейл. – Что-то у Волчьих Ворот слишком много огней!

Теперь уже все заметили вдалеке прорезывающий мрак ночи пламя множества костров. Что там могло случиться? Нападение челманов? Или может что-то ещё?

Всадники прищипорили лошадей, чтобы быстрее оказаться там, где они были нужнее всего. Слова Сардейла запали в душу Рутгера, и сейчас он обдумывал, с чего бы он начал, чтобы восстановить Законы Предков. Тогда, в детстве, они казались ему немного несовершенными и жёсткими. Теперь, когда он подрос и прошёл посвящение в воины, он многое стал понимать, и воскрешение страны Лазоревых Гор видел только в этом. Он прекрасно понимал, что если бы вождь клана Вальхар не захотел, то он бы никогда и не стал воеводой. Теперь он видел в этом знак свыше, и каким-то внутренним чутьём ощущал, что это только начало. Вполне может быть, совсем скоро, ему придётся принимать непростые решения. От них будет зависеть жизнь многих людей, и он будет выбирать, кому жить, кому умереть, и смотря какой смертью.

* * *

Глава 5.

Как всегда, почувствовав лёгкое возбуждение, Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри повернул ключ в замке, и, открыв тяжёлую, дубовую дверь вошёл в хранилище. С помощью огня зажёл несколько масляных светильников, стоящих на треногах у стен, и с сердцем, трепещущим от восторга, осмотрел стеллажи с артефактами. Он это проделывал каждый день, и каждый день не мог не волноваться, как какой-то сопливый мальчишка перед свиданием с девушкой. А как может чувствовать себя жрец, входя в святыне святого храма страны Лазоревых Гор? Ведь здесь собрано всё, что смогли найти монахи в Мёртвом Городе за долгие-долгие годы. Сколько их погибло, рискующих жизнью, облачённых в свинцовые доспехи, играющих в прятки с Невидимой Смертью? Сколько ещё погибнет? Никто и никогда не сможет сосчитать. Таких чисел ещё не придумано в Обитаемом Мире. Вот Древние Боги такие числа знали, со многими и многими нолями.

Что же погубило их цивилизацию, стерев с лица земли всё живое? Жажда власти над природой? Собственная алчность? Или они разгневали своих богов, ещё более могущественных, чем они сами? Чем они могли прогневить их, что на землю пришёл Апокалипсис? Хотели сравняться с ними в силе? В знаниях? Какая бы ни была эта причина, нужно её понять, чтобы впредь не допустить ещё одной такой трагической ошибки.

Хранитель подошёл к столу, и раскрыл первую попавшуюся книгу Древних Богов. Её страницы пожелтели, стали хрупкими, и при неосторожном движении рассыпались на сотни мелких клочков, и их уже было невозможно составить. Сколько веков она пролежала в развалинах Мёртвого Города? Трудно представить. Всё же это самая великая ценность, какая была и будет в стране Лазоревых Гор. Что золотые рудники, или шахты с драгоценными камнями? Разве это богатство? Подлинное богатство – это знания, коими владели Древние. Их руны невозможно прочесть, и

всё же кое-что можно было понять из рисунков, что и по прошествии многих столетий поражали своей яркостью и необычностью. Что было на них изображено? Огромные дома из стекла, где жили далёкие предки. Грандиозные сооружения, что построили своими руками, и они для чего-то использовались. Что самое поразительное, они могли летать! С помощью каких-то крылатых машин они могли передвигаться и по небу, и даже далеко в Бездонном пространстве, рядом со звёздами. Может там, далеко в небе они встретились со своими богами? Может этим и был вызван Апокалипсис?

Хранитель не сразу услышал настойчивый стук в дверь, потом сбрасывая с себя какое-то наваждение, тряхнул седой головой, и, кутаясь в хитон, спросил:

– Это ты, Лурфар?

– Да, Хранитель... – Дверь отворилась, и к столу подошёл отрок лет двадцати в коротком синем кафтане. Когда он поклонился, обруч на голове, знак принадлежности к монашескому ордену, блеснул золотом. – Пришли монахи из Мёртвого Города.

– Вот как? – Хранитель заметно оживился, и его глаза вспыхнули нетерпением. – Что они принесли? Что-то интересное?

– Я не могу об этом судить. Привилегия чувствовать Древних Богов принадлежит только вам, мой учитель. Артефакты проверяются на заражённость Невидимой Смертью, но я думаю, это излишне. Их нашли в глубине, на дне недавно открытого тоннеля.

– Так что же ты медлишь? Скорее распорядись нести их сюда!

– Да, мой учитель.

Монах ушёл, а Хранитель торопливо пододвинул к столу все светильники, что имелись в помещении. Он прошёл возле стеллажей и, достав с одной из полок бронзовые инструменты, бережно положил их рядом с книгой. Ожидая, он побарабанил костяшками пальцев об стол, потом подошёл к двери, выглянул, вернулся и сел в резное, сосновое кресло. Надо успокоиться. Что он так разволновался? Уже не первый раз ему приносят артефакты Древних Богов. Может он почувствовал, что сегодня будет что-то особенное, что поможет многое понять и прочитать неизвестные руны?

Наконец послышались шаги по каменному коридору, и два монаха в сопровождении Лурфара внесли в хранилище, осторожно положив на стол, шкуру, в какую было что-то завернуто. Жрец кивнул, отпуская послушников, вскочил, и сам, не дожидаясь своего лучшего ученика, развернул свёрток.

То, что он увидел, разочаровало его. Он ожидал увидеть книги, вещь, чертежи какого-нибудь оружия Древних Богов, что поможет победить в будущей жестокой войне, а вместо этого на шкуре лежал мятый, продолговатый кусок железа, и несколько цилиндрических, заострённых с одной стороны кусочков металла. Что это, понять было невозможно, и Хранитель опустил обратно в кресло. Такое уже находили, но так и не придумали им применения.

– Больше ничего?

Лурфар покачал головой. Жрец внимательно посмотрел ему в глаза, словно сомневался в его преданности, и откинулся на спинку кресла. Какое-то время он размышлял, потом проговорил вслух:

– Это не совсем то, что я ожидал увидеть. Что нам может дать покорёженный кусок железа? Оно не сгодится даже на кухонный нож. Неужели в Мёртвом Городе больше нет ничего, что могло бы нам пригодиться?

– Учитель, я уверен, что там ещё много чего, но всё это находится на глубине, под землёй, и пока там бродит Невидимая Смерть, нам это не достать.

– Жаль. Очень жаль. Пока Смерть уйдёт оттуда, пройдет ещё очень много времени, и до секретов Древних Богов доберутся только дети наших детей. Может быть и ещё позже. Жаль, что я этого уже не увижу.

– Мой учитель всегда говорил, что никогда не стоит делать поспешных выводов, и я думаю, что вот из этих находок мы сможем узнать кое-что полезное.

Лурфар подошёл к столу, бережно взял в руки продолговатый, мятый кусок железа, внимательно осмотрел его со всех сторон, и только после этого уверенно произнёс:

– Я думаю, что это чем-то напоминает арбалет.

Хранитель Очага почувствовал лёгкую досаду. Как он сам не смог разглядеть этого? Ведь всё указывало на то, что это оружие Древних. В покорёженном металле при известной доле воображения можно было рассмотреть хищные линии, какие могут быть только у орудия убийства. Ну конечно! Вот это прикладывалось к плечу, а отсюда вылетала стрела. Или не стрела? Чем Древние Боги поражали врага? Огненными молниями?

Жрец поднялся, взял из рук Лурфара находку, одобрительно посмотрел на своего лучшего ученика и улыбнулся:

– Ты прав, мой мальчик. Похоже, что это оружие наших предков. Ты это увидел первым, а я старею.

– Мой учитель очень мудр, и я могу стать с ним равным только после того, как он уйдёт в страну Бессмертного Тэнгри, но я надеюсь, это произойдёт ещё не скоро. Мне ещё так много надо узнать!

Хранитель улыбнулся, и с нежностью посмотрел на Лурфара. Мальчик заменил ему сына, погибшего много лет назад в военном походе на гаар. Маленький оборванец приполз на ступени храма, умирая от голода, когда Хранитель уже долгое время пребывал в трауре. Он не стал долго думать, и всю свою неисчерпаемую любовь, все свои знания подарил случайно обретённому сыну. Он как мог, пытался сберечь его от опасностей этого мира, и кажется, это ему удалось. Лурфар не умел лгать, говорил всегда только правду, даже если это могло повредить ему самому. А что ещё надо? Если человек честен, то, следовательно, он и благороден, справедлив, надёжен, и обладает всеми положительными чертами характера. Именно так хотел думать Хранитель, и видел, что его приёмный сын таким и является.

– Всё узнать невозможно, но надо к этому стремиться. Так значит, это напоминает тебе арбалет? Да, определённое сходство есть, если отбросить кое-какие детали. Чем он мог стрелять? Чем-то особенным? Что это может быть?

– Учитель, боюсь, мы этого никогда не узнаем. После Апокалипсиса в Мёртвом Городе мало что сохранилось. То, что мы находим – всего лишь осколки цивилизации Древних Богов.

– Как знать. – Хранитель хитро прищурился. Его так и подмывало рассказать Лурфару о том, что он собирался сделать. Почему бы и нет? Кому, как не ученику и сыну доверить это? Седой жрец глубоко вздохнул, и, как будто бросаясь с головой в омут, проговорил: – Лурфар, ты меня никогда не подводил, и давно уже доказал свою преданность. Не перебивай! То, что я хочу сказать, не должно выйти за пределы этого хранилища. Пока это тайна. Но как только всё закончится, я уверен, что наша жизнь сильно изменится в лучшую сторону.

– Учитель! Ты пугаешь меня! Что это за тайна? Может, мне лучше ничего не знать? Да и должен ли я её знать?

– От того, что ты её узнаешь или нет, ничего не изменится. Ты же никому не расскажешь?

– Клянусь Бессмертным Тэнгри!

Седой жрец лишь кивнул, и, собравшись с мыслями, немного волнуясь, продолжил:

– После войны вождь Балвер пошлёт на юг отряд воинов на поиски Древних Богов.

Лурфар долго молчал, пытаясь справиться со своими чувствами, потом спросил, дрогнувшим голосом:

– Учитель, это не шутка? Мы знаем о Древних Богах только из легенд, и им уже несколько сот лет! Я думаю, что если бы они существовали на самом деле, и во время Апокалипсиса спустились под землю, то давно бы подали нам какой-нибудь знак!

– Может, мы не видим этот знак? Мы знаем так мало о нашем мире, что это и не удивительно. Вспомни легенды. В каждой из них говорится, что убежище Древних далеко на юге, в бескрайних степях. Заметь, об этом говорится в легендах всех народов. Почему? Или у нас одни легенды на весь Обитаемый Мир? Я думаю, что отряд воинов всё же найдёт что-нибудь. Если не самих Богов, то хотя бы их следы.

– Учитель, я должен быть в этом отряде!

Хранитель немного помолчал. Он с досадой подумал, что зря рассказал о будущем походе на юг. Лурфар – единственный, к кому он испытывает безумное чувство отцовской любви, и уж если не ему, то кому знать его упрямство в достижении любой поставленной цели? Но поиски будут смертельно опасными. Обратно отряд может и не вернуться. Что с ними будет? Что их там может убить? Невидимая Смерть? Стрела или меч дикаря? Или как гласят легенды, хищники, изменённые самой природой? Драконы? Какие опасности могут их поджидать в неизведанных землях?

– Лурфар, я хочу, чтобы ты хорошо подумал, прежде чем принимать такое решение. Где ты будешь нужнее? Здесь, или там, в степях, где бродит Невидимая Смерть. Отряд может и не вернуться в страну Лазоревых Гор. Это очень опасно.

– В нашем мире много опасностей, и если их остерегаться, то лучше вообще не надо было рождаться.

Хранитель улыбнулся. Хорошо сказал, ничего не скажешь. Он корил себя за то, что не сдержался. Теперь эту идею не вытравить из головы Лурфара. Он жаждет принести пользу своей стране, так, где же ему быть, как не в отряде?

– Мы ещё вернёмся к этому разговору. Сначала надо победить в войне. – Чтобы как-то отвлечь ученика от этого, Хранитель Очага поднялся, взял один из небольших кусочков железа цилиндрической формы, повертел в руках, стараясь рассмотреть его лучше. – Что это может быть? – Ему показалось, что он рассмотрел какие-то руны на торце предмета, и он подошёл к светильнику. Артефакт Древних выскользнул из руки, и упал в горящее масло. Жрец потянулся за ним, но обжёгшись, отступил на шаг назад. – Я уже слишком стар для всего этого.

Он опустил в своё кресло, ещё раз внимательно посмотрел на Лурфара, смиренно стоящего возле стола. Приёмный сын уже совладал с собой, и на его лице можно было прочесть, какие думы его одолевают. О чём он мог думать? Конечно о походе в степь. Если сейчас Хранителю сбросить хотя бы лет десять, то он, не раздумывая, оседлал коня, повесил меч за спину, и, принеся в жертву Бессмертному Тэнгри белого петуха, отправился в путь. Но тогда он бы рисковал только собственной жизнью. Мысль, что человек, какого любишь, и не помышляешь дальнейшую жизнь без него, находится в опасности, и ему ничем невозможно помочь, была просто невыносима. Как люди всё-таки уязвимы!

Внезапно в светильнике что-то ярко, мгновенно вспыхнуло, хранилище заполнилось оглушительным громом, и жрец, отшатнувшись, почувствовал, как что-то

сильное и чрезвычайно мощное расщепило спинку кресла. Какое-то время он молчал, пытаясь прийти в себя и сообразить, что это было. Он открывал рот, что-то говорил, но сквозь звон в ушах не слышал самого себя. Вот тогда пришёл страх. Что произошло? Почему он ничего не слышит? Они разбудили какого-то злого духа Древних Богов?

– Учитель! – Лурфар потряс Хранителя за плечо, заглянул в глаза. – С тобой всё в порядке?

Жрец облегчённо вздохнул. Он слышит! Слава Бессмертному Тэнгри! Он посмотрел на своего сына, на испуганные лица других монахов, столпившихся в открытых дверях, и, улыбнувшись, встал.

– Всё в порядке. Ничего страшного не случилось. Только не понятно, что такое произошло...

Он оглянулся, посмотрел на кресло, и почувствовал, как смертельно побледнел. Спинка кресла была расщеплена какой-то неизвестной, не человеческой силой, и Хранитель понял, что только что находился на волосок от смерти. Чуть дрожащими руками он взял со стола один из нескольких тёмно-зелёных небольших цилиндров, кое-где тронутых ржавчиной, внимательно осмотрел его, и только после этого неуверенно произнёс:

– Кажется, мы нашли то, чем стреляли Древние Боги.

* * *

Глава 6.

Рутгеру нравилось просыпаться на рассвете. Он любил смотреть как красный, ещё кажущийся холодным диск солнца медленно всплывает над дальними горными вершинами, и постепенно наливается силой, чтобы осветить своими живительными лучами когда-то истерзанную Апокалипсисом землю. Ему нравилось слушать щебетание и разноголосый хор едва очнувшихся от ночной дрёмы птиц, и в тысячный, в миллионный раз понимать, как прекрасна жизнь. Не смотря на все опасности этого мира, жизнь, это всё же самое ценное, что есть у человека. Так было и так будет. Всегда. Из века в век, пока существует Обитаемый Мир.

Пленного гаара привели в палатку Рутгера ещё до того, как воины клана начали разжигать костры для приготовления пищи. Это он переполошил ночью весь лагерь. Молодому воеводе рассказали, что ловили его недолго, да он и не особо старался прятаться. Зачем он пришёл один? Как просочился через посты заулов, непревзойдённых охотников и стрелков из лука? Как ему это удалось?

Гаар был без кольчуги, в одном рваном тегиле какого-то неопределённого цвета. Длинные каштановые волосы не заплетены в косы и не собраны в пучок, как это обычно делают виги. Он не прятал блестящих карих глаз, а гордо подняв голову, надменно смотрел по сторонам. На вид ему было лет тридцать, и Рутгер подумал, что должно быть, он опытный воин.

– Что привело тебя к нам? Что ты хочешь сообщить?

– Я буду говорить только с воеводой, а не со щенком, вчера посвящённого в воины.

Не говоря ни слова, Герфур ударом копья заставил пленного опуститься на колени, и прошипел:

– Закрой свой рот, если не хочешь лишиться языка, и отвечай на вопросы.

Удар был силен, но на лице гаара не дрогнул ни один мускул. Он только усмехнулся, и в его глазах промелькнула растерянность. Похоже, он не мог поверить, что

перед ним воевода вигов. Как отрок мог стать воеводой? У него за плечами нет ни одной битвы! Что он может знать о войне?

– Итак, что тебя привело к нам? – Рутгер внимательно посмотрел в глаза гаара, но увидел в них только удивление.

– Неужели виги выбрали воеводой отрока, чей меч ещё никогда не пил кровь врагов? Где настоящий воевода?

– Я – настоящий воевода. – Рутгер, теряя терпение, поднялся со стула. – Что тебя смущает? Или говори сам, или приготовься встретить мучительную смерть.

– Преодолевшему Чёрный Лес уже не страшны никакие муки. – Гаар справился со своим удивлением, и поднялся с колен. – Наш правитель послал сотню воинов на вылазку, чтобы узнать дорогу. В Чёрном Лесу мы попали в засаду. Столько «тёмных» я ещё никогда не видел... Это была не битва, а просто резня. Мы ничего не смогли сделать. Они появлялись из темноты сотнями, погибали под нашими мечами, но им на смену приходили ещё и ещё. Свирепые и ужасные. Из Чёрного Леса смогли выйти только несколько человек, и они тут же попали под стрелы заулов. Стрелы прилетали издалека, и наши щиты не могли выдержать их удары. Спасся я один. Идти обратно через Чёрный Лес равносильно самоубийству, и я пошёл в сторону Волчьих Ворот.

– Почему ты не умер вместе со своими товарищами? Боги встретили бы тебя с почётом! – Рутгер сразу почувствовал, что пленный лжёт. Он не верил, что сотня гаар, пусть даже и самых отважных, могла пройти через обиталище «тёмных». Твари известны своей кровожадностью, и упорством. Они бы не упустили ни одного из племени людей.

– С почётом? – Гаар горько усмехнулся. – Зачем умирать за тех, кто уничтожает мой народ?

– Что ты хочешь этим сказать? Челманы пришли, чтобы поработить вас?

– Ты молод, но умён. Именно так. Наш правитель Ивтур призвал их вожда, чтобы он помог в нашей вечной войне с вами, но вождь челманов повёл себя совсем не так, как хотелось нам. Чувствуя за собой великую силу, он не собирается уходить с наших земель. Я понял это сразу. Гаары будут истреблены. Это дело времени... На троне пока сидит Ивтур, но что будет, если челманы разобьют вигов?

– Можешь быть спокоен. – Рутгер улыбнулся, и уверенно произнёс: – Челманы не разобьют вигов, даже если их будет сотни тысяч. Наши горы никогда не покорятся врагу. Зачем же ты пришёл к нам? Ты мог отсидеться где-то в стороне, и присоединиться к своим соотечественникам, когда бы они перешли лес вместе с челманами.

– Нет, воевода. Я подумал, что смогу что-то изменить, если приду к вигам, и буду просить их об одной милости. Я всего лишь прошу, чтобы ты дал время, а я попытаюсь увести тех, кто не хочет войны, в сторону Балты. Пойдут не все, многие жаждут победы над вами, но ими движет только месть, а не здравый рассудок. Твои воины сопровождают меня через Чёрный Лес, а я поговорю со своими соплеменниками. Признаюсь честно, что я не знаю, что из этого получится, и всё же... Разве человек не верит в лучшее, и не цепляется за каждый мизерный шанс?

– Мне надо подумать. – Задумчиво произнёс сын Ульриха. Что-то ему казалось странным в словах гаара. Нет, конечно, он и не собирался верить словам человека, коего не знал, и никогда не видел, но он и понимал, что не все гаары готовы идти войной на своего ближайшего, пусть и воинственного соседа. Соблазн, как-то ослабить войско врага был силён, и он, решив проверить пленного, спросил: – Когда собираются напасть челманы?

– Это мне неизвестно. – Ответил тот без всякой заминки, видимо уже заранее готовый к этому вопросу, и, зная, что сказать.

– Что ты можешь о них рассказать, что может помочь нам в битве? Рассказывай всё, что вспомнишь.

– Что можно рассказать о народе, какого никогда не видел? – Гаар немного подумал, и заговорил: – Они пришли из степей, и половина их войска – конница. Они хорошо стреляют из лука, и их стрелы летят на расстояние двухсот шагов. Даже наши лучники могут послать стрелу дальше. Как я понял, это простые кочевники, что разводят скот. Настоящих воинов среди них немного, всего несколько сотен. У них нет никакой брони, а мечи короткие, и не выдерживают хорошего удара.

Рутгер хорошо помнил о том, что говорил ему Вальхар, и, услышав явную ложь от гаара, не подал вида, что не верит ему. Он посмотрел на ухмыляющегося Сардейла, Герфура, и понял, что и те не верят ничему здесь услышанному.

– Мы знаем о нашем враге совсем другое. – Воевода взвешивал каждое слово, прежде чем произнести его. Слишком многое не сходилось. Теперь он не мог понять, зачем пришёл этот гаар? Его послали, чтобы он убедил вигов, что враг не так силён, как им кажется? Чтобы он смог увидеть всё собственными глазами и рассказал, что творится у Волчьих Ворот? И для этого гаары пожертвовали сотней бойцов? Как бы там ни было, Рутгер принял решение: – Я не верю ни одному твоему слову. Монахи Хранителя Очага Бессмертного Тэнгри говорят совсем не то. Челманы не так слабы, как ты пытаешься нам представить. Зачем же ты пришёл на самом деле? Ты хотел выведать, что здесь творится, и приготовились ли мы к нападению? Или твоим приказом было убить вождя клана обороняющего Волчьи Ворота?

Он видел все приготовления вигов, и он теперь знает, что ждёт врагов, когда они пересекут Чёрный Лес. Челманы будут готовы к любой ловушке, попытаются избежать её, или отправятся на Вольфбур другой дорогой. Этого нельзя допустить. На той дороге им могут встретиться войска кланов, пока ещё разрозненные, не объединённые под знаменем военного вождя Балвера, и они, несомненно, их разобьют.

Ещё не было ни одной сечи, а в лагере вигов уже появился первый пленный! Как он поведёт себя, когда начнётся бой? Он производит впечатление опытного воина, и наверняка найдёт способ, чтобы как-то навредить. Может быть, убьёт стражей, и в разгар битвы вонзит кому-то в спину меч. Конечно, он тут же погибнет при этом, но разве от этого уже будет кому-то легче. Нет, нужно это предотвратить. К тому же Закон Предков говорит, что пленный, не давший ценных сведений, не заслуживает жизни.

Решение появилось сразу, и сын Ульриха раздражённо взмахнул рукой:

– Ты видел достаточно, чтобы умереть, к тому же не сказал ничего, чего бы мы не знали. Напротив, ты постарался нас обмануть. Казнить!

С самого детства в Храме Бессмертного Тэнгри отроков учили, что жизнь врага ничего не стоит, и убить его, священная обязанность каждого воина. И, кажется, юноши были готовы ко всему этому. Что же будет на самом деле с ними, когда они встанут перед выбором отнять, или оставить жизнь противнику? Сын Ульриха не боялся вида крови, просто, сама мысль, что по его приказу убьют человека, показалась ему невыносимой. Он сам испугался этого, и всё же, разве он мог поступить как-то по-другому?

Лазутчик попытался броситься на воеводу, но Сардейл сбил его с ног, и с каким-то звериным рыком, придавил коленом к земле. Улыбаясь, он весело посмот-

рел на Рутгера, подмигнул, и без видимых усилий удерживая извивающееся тело, проговорил:

– Давно бы так. Для меня гаары хороши только в виде трупов. Никчёмные людишки. Нет среди них настоящих героев, и ни один из них не заслуживает жизни.

Герфур сноровисто связал пленному руки за спиной, и вместе с ветераном вытащил из палатки. Было слышно, как тот пытается что-то закричать, и раз за разом Сардейл затыкал ему рот. Ещё один приглушённый крик превратился в булькающий хрип, и воевода понял, что ему только что перерезали горло. Повинуясь какому-то странному позыву, думая, что он обязательно должен это увидеть, он поднялся на негнущиеся ноги, сделал несколько шагов к выходу из палатки, и остановился, смотря, как выгибается в агонии тело, и толчками бьёт багряная кровь из ужасной раны. Так много крови он ещё никогда не видел, и это поразило его больше всего.

Ветеран сорвал пучок травы, старательно вытер лезвие ножа, и убрал его обратно в сапог. Он снова улыбнулся, и на этот раз его улыбка выглядела какой-то особо зловещей и кровожадной. Вытирая руки, стряхивая с бороды капли крови, он внимательно посмотрел на Рутгера, и сказал:

– Не думай ни о чём. Ты поступил правильно. Так бы сделал и твой отец. Крепись, и думай только о завтрашней битве. Завтра будет много крови, и ты опьянеешь от её запаха и вкуса. Получающий власть многого лишается. Теперь в тебе не должно быть места жалости. Это был враг, хитрый, расчётливый, и ты моими руками перерезал ему горло. Так и должно быть. Это война.

– Он был без оружия.

– Так что с того? – Поморщился Сардейл. – Если бы ты оказался у него в руках, он убил тебя, не раздумывая, и не заморачивался на то, есть у тебя в руках меч, или нет. Сейчас ты воевода, и нужно быть жёстким, чтобы, когда придёт время, принять из рук Вальхара перстень вождя.

– Я не хочу, чтобы это произошло. – Искренне, всё ещё глядя на слабо шевелящееся тело, произнёс воевода.

– Конечно. Никто этого не хочет. Но Вальхар будет с нами, в первых рядах, а смерть всегда забирает лучших из нас. – Сардейл снова весело улыбнулся, и положил руку на плечо Рутгеру. – Не принимай всё это так близко к сердцу! Бессмертный Тэнгри ждёт нас, и никто не знает, когда оборвётся цепь жизни!

Сын Ульриха поднял голову, и вдруг увидел Герфура. Тот не выглядел каким-то испуганным, или потерянным. Наоборот, казалось, что он был готов к этому, и в его глазах светился неподдельный интерес. Странно, во время учёбы в Храме Бессмертного Тэнгри он не был таким, и, вроде, избегал вида крови.

Ветеран приняхался, и, поджав губы, что-то невнятно промычав, добавил:

– Я чувствую, воины приготовили знатный кулеш!

Мысль о еде вызвала приступ тошноты, и, думая о том, что вид убитого по его приказу гаара будет всегда стоять перед глазами, Рутгер неуверенно кивнул. Он пытался взять себя в руки, не думать об этом, и ничего не мог с собой поделать. Нет, зря он принял из рук вождя клана серебряный жезл воеводы. Он не достоин такого доверия.

* * *

К вечеру все приготовления у Волчьих Ворот были закончены. Ров по всей протяжённости был прикрыт ветками, кусками дёрна, привезёнными совсем из другого места, и издалека ловушку было невозможно увидеть. Управляющий лорда Кирффера, помня обещание воеводы, и нисколько не сомневаясь в его угрозе, прислал

сто больших бочек земляного масла, и оно было разлито между рвом и стеной, что выстроили воины в самом узком месте Волчьих Ворот. На постройку стены ушли все камни, из коих были сложены хижины близлежащих деревень. Мирные заулы, не служившие в вижском войске, а жили в предгорьях, помогали, и скоро стена выросла высотой в двадцать локтей. На неё же ушла и вся глина из рва. У катапульт была навалена огромная куча камней среднего размера, не подошедших на постройку стены, и такие же камни были подняты на скалы, возвышающиеся над будущим полем боя. К вечеру было невозможно найти в округе камня размером с кулак взрослого мужчины.

Рутгер поднялся на стену к воинам, несущим дозор между недавно выложенными мерлонами, посмотрел в поле, и улыбнулся. Если бы он не знал, что на расстоянии двухсот шагов от укрепления находится ров, он бы его так и не заметил. В густой траве, ждущее своего мига, поблёскивало антрацитом земляное масло. Всё было готово. Теперь оставалось только одно – ждать.

Солнце, будто предчувствуя завтрашнюю жестокую битву, окрасило редкие облака в кроваво-красные цвета. Молодому воеводе это показалось как предзнаменование, как знак Бессмертного Тэнгри, что завтра всё решится. Он подумал, что, наверное, уже вряд ли когда-нибудь выпадут такие вот тихие, томные вечера, и с завтрашнего дня он навсегда лишится покоя. Выстоят ли виги? Выживет ли он сам? Уверенность в победе – это ещё не всё. Военное счастье переменчиво, и многое зависит от личного мужества каждого бойца, его умения, и чувства, что рядом стоит такой же несгибаемый, готовый умереть ради клана, воин.

Рутгер заметил далеко в степи несколько быстро приближающихся чёрных точек, слегка напрягся, и тут же понял, что это возвращаются дозорные заулы от Чёрного Леса. Какие новости они несут? Что там видно и слышно?

– Завтра будет славный день. – Пробормотал стоящий рядом седой ветеран, опирающийся на рукоять секиры. – Никогда не думал, что отправлюсь к Очагу Тэнгри под воеводством сына Ульриха.

Рутгер посмотрел на него, и с трудом вспомнил имя. Он мало кого знал из ветеранов. Они не занимались обучением отроков, и пути их никогда не пересекались. Сейчас их связывало вместе предчувствие битвы, и то, что завтра они могут вместе встретить смерть.

– Лигхар, от тебя ли я слышу такие речи? Мы победим, и ещё не раз будем сидеть за одним столом, вспоминая героев завтрашнего дня.

– Нет, Рутгер. Я уже слишком стар, и чувствую, что моё время пришло. Завтра, цепь моей жизни, выкованная Бессмертным Тэнгри, оборвётся. Пару, тройку челманов я заберу с собой, и это будет достойная свита для такого старика, как я. – Седой ветеран помолчал, оглаживая бороду, заплетённую в несколько косиц, и глядя в степь, туда, откуда должны были появиться враги, продолжил: – Мы никогда не ладили с твоим отцом. Помню, даже как-то был спор о каком-то пустяке на мечах, на перекрёстке четырёх дорог. Тогда Вальхар смог нас разнять. Потом, через месяц, в битве при Балте Ульрих спас мне жизнь.

– О чём же вы спорили? – Тихо спросил воевода. Сейчас это ему почему-то показалось важным. Он почти не помнил своего отца, и как ни старался, напрягая свою память, видел только бороду, тронутую сединой, со множеством косиц, громкий, хриплый голос, а вместо лица размытое, светлое пятно.

– Сейчас мне об этом будет уже и не вспомнить. В то время, когда кровь бурлила в жилах, мне это действительно казалось важным. Теперь же я понимаю, что это был пустяк, не заслуживающий внимания. Всё меняется. То, что вчера казалось

очень важным, может сегодня казаться тем, без чего можно обойтись, а завтра то же самое, может казаться уже и совсем ненужным. Когда тебе уже начнёт казаться, что в мире нет ничего важного, значит пришло время отправляться к Очагу Бессмертного Тэнгри.

Что мог сказать воевода? Погибнуть в бою – честь, и если воин решил отправиться к Тэнгри, никто не вправе остановить его. Это лучше, чем умереть в постели слабым, беспомощным стариком, в окружении жены, детей и внуков.

– Когда пойдёшь в битву, не забудь про старика Лигхара. Призови меня, и я умру, прикрывая тебя, отдавая долг крови. – Лигхар улыбнулся, и подмигнул Рутгеру. Под густыми седыми бровями заблестели весёлые, голубые глаза. – Виги никогда не строили таких укреплений. Видимо пришло другое время, и начинается совсем другая война. Я не могу себе представить несколько тысяч воинов. Неужели столько можно собрать под одним знаменем после Апокалипсиса? В наше время войско состояло из нескольких сотен, и бились в поле, сила на силу. Кто – кого. Да, наше время прошло....

Тем временем дозор заулов состоящий из десятка воинов достиг рва, и остановился. Рутгер знал только двоих из них, тех, кого посылал сам. Остальные были из Тайной Стражи лорда Фельмора. Они повернули коней, и поскакали вдоль кромки гор к дороге, ведущей в Вольфбур, до какого был ещё день пути. Двое дозорных остались, спешились, и, ведя в поводу лошадей, прошли возле самой скалы, где предусмотрительно была оставлена для них тропа через ров. Сейчас они преодолеют поле, залитое земляным маслом, пройдут через узкую щель в стене, и всё. По ту сторону рва останутся только враги. К утру не останется и этой щели. Воины замуруют и её.

– Рутгер!

Воевода оглянулся и встретился взглядом с поднимающимся на стену Сардейлом. Вид у того был явно встревоженный, и шрам через всё лицо налился кровью, что говорило о его волнении. Ветеран, не говоря ни слова, протянул кусок грубой ткани.

– Что это?

– А ты разверни! Это нашли у гаара за пазухой. Таких рун я никогда не видел, но почему-то уверен, что ничего хорошего это нам не сулит. Всегда от гаар нужно ждать какой-нибудь пакости.

Рутгер встряхнул холст, развернул, и впился глазами в неровные, видимо написанные в спешке слова. Нет, эти буквы ему так же не были знакомы. Что всё это значит? Гаар вовсе и не собирался перебежать на сторону вигов? Кому он хотел доставить письмо, и почему оно написано какими-то совершенно неизвестными рунами? Воевода был уверен, что такого языка не существует ни у одного известного ему народа. Так что это? Тайнопись?

– Дозорных ко мне. – Смутное подозрение закралось в сердце воеводы. Теперь надо его или подтвердить, или опровергнуть. И чем быстрее, тем лучше. В нетерпении он сделал несколько шагов по стене, остановился, сложил руки на груди.

Ждать пришлось недолго. По приставной лестнице на оборонительное сооружение поднялись заулы, и остановились в двух шагах от Рутгера.

– Переходили ли прошлой ночью гаары через Чёрный Лес?

– Да, воевода. В Чёрном Лесу было сражение, но оттуда вышло всего несколько человек пешими, и их мы тут же перебили из арбалетов. Ни один не ушёл.

– Это точно?

– Каким ты будешь воеводой, если не доверяешь глазам и ушам своих воинов, лучшим следопытами и стрелкам по эту сторону предгорий? – В словах заула слышалась ничем не прикрытая обида. – Если я говорю, что никто не ушёл – значит, никто не ушёл.

– Хорошо. – Рутгер повернулся к Сардейлу, сразу же сопоставляя всё, что было известно самому. – Ты понимаешь, что всё это значит? Я уверен, что гаар шёл из Вольфбура! Как это ни странно и необычно звучит, но, похоже, что в столице есть человек, ждущий, когда челманы разобьют вигов.

– Да, воевода. Поторопились мы. Надо было его пытаться. – Покивал головой ветеран. – Я бы с него кожу кусочками срезал, но он бы мне всё рассказал. Впрочем, и так всё понятно. Через Чёрный Лес пробивались гаары, чтобы встретить своего лазутчика вот с этим письмом, и переправить его к своему правителю. Что в письме неизвестно, но догадаться нетрудно.

Сардейл усмехнулся, и Рутгер понял, что так бы оно и было. Если нужно, он мог решиться на что угодно, лишь бы добиться желаемого результата.

– Да. – Воевода оглянулся, и не найдя взглядом друга, обычно бывшего всегда рядом с ним, громко позвал: – Герфур!

– Я здесь, мой воевода.

Рутгер протянул ему кусок ткани с неизвестными рунами, и отдал приказ:

– Пошли гонца военному вождю Балверу, и пусть он расскажет всё, что видел здесь. Уверен, что это не последний сюрприз, что нас ожидает. Усилить дозоры, доспехи не снимать, быть готовыми по сигналу рога занять свои места. Всё, всем отдыхать. Завтра будет тяжёлый день.

* * *

Глава 7.

Он уснул только под утро, когда от мыслей и предчувствий, кажущихся ему пророческими, начала болеть голова. Он видел знак Бессмертного Тэнгри в каждом сказанном сегодня слове, в каждом своём действии, и он попеременно думал, что это знак смерти, или наоборот, знак жизни. Он старательно пытался убедить себя, что не боится будущей битвы, заставлял себя думать о том месте, куда перенесётся его душа после смерти, и тут же осознавал, что ещё немного, и он разрыдается.

Теперь всё ему казалось ненужным, и тем, на что не стоило тратить время за всю свою короткую жизнь. Зачем все эти долгие годы учёбы, если совсем скоро, утром, он уже будет убит, и кто-то, высекая его имя на Красной Стене, скажет только что-нибудь типа того, что отроку просто не повезло.

Потом он видел себя крушащим щиты врагов, и они десятками падали под его мечом, обливаясь кровью. Он видел, как воины идут за ним, и тёмные силы иноземцев в страхе, как мелкие букашки под каблуком сапога, разбегаются в разные стороны.

Уже глубокой ночью, когда перед рассветом сгущается тьма, он смог прикрыть глаза, и забыться тревожным, чутким сном. Кажется, прошло всего несколько мгновений, и в чёрной бездне сна он вдруг вспомнил, что сегодня решится, будет он жить дальше, или умрёт от ужасной раны, захлёбываясь собственной кровью.

Сквозь полотняные стены палатки только начали пробиваться первые, холодные лучи солнца. Откуда-то издалека донеслись заспанные голоса ранних пташек, и где-то совсем рядом, неторопливо переступая ногами, фыркнула лошадь, потрясая удилами. Пахнуло дымком от костра, и сытым, густым духом мясного кулеша.

Рука сама скользнула к мечу, стоящему у изголовья ложа, и потянула его из ножен. Ещё одно мгновение, и Рутгер уже стоял на ногах, готовый к бою. Что ему привиделось во сне, он и не помнил, только каким-то особым чутьём ощутил, как к палатке кто-то приближается, и только после этого услышал тяжёлые, знакомые шаги.

– Да напьётся твой меч кровью врагов. – Приветствовал его вождь клана, и Рутгер, стараясь не подать виду, что почти не спал, избегая смотреть в глаза Вальхару, ответил:

– И тебе пасть в битве, мой вождь. Что случилось? – Воевода почему-то это сразу понял, так как увидел в нём что-то такое, чего раньше не замечал.

– Даже и не знаю, как это тебе сказать. То ли смеяться, то ли удивляться глупости и жадности наших лордов.

Наверное, воевода глупо выглядел, потому что Вальхар тихо рассмеялся, обнажая крепкие, белые зубы, и одним духом выпалил:

– Тебя приговорили к трём годам работ на золотых рудниках, и штрафу в две тысячи золотых в пользу лорда Кирфера.

Прогоняя остатки сна, Рутгер потёр ладонями лицо, усмехнулся и сел на ложе. Вальхар опустился рядом. – Как они смогли без меня, меня же и судить?

– Новые Законы теперь позволяют это делать. Суд посчитал, что сто бочек земляного масла существенный убыток для Кирфера. Я понимаю, что это звучит не правильно, но получается так, что защищай свою страну, как хочешь, а имущество лордов трогать не смей. Трудно придумать ещё большую глупость.

– И когда ждать Тайную Стражу Фельмора? – Сдерживая дыхание, спросил молодой воевода. Он помнил слова Сардейла, и теперь надеялся, что так и будет. Это казалось ему чем-то невозможным, тем, что с ним никогда не случится.

– Я думаю, что ближе к вечеру этого дня.

– Ближе к вечеру этого дня здесь будет настоящий ад. Войско не отдаст меня в лапы палачей.

– Тем и сильно воинское братство. Все встанут на защиту своего воеводы. – Вальхар кивнул, и снова улыбнулся. – Я видел твоего гонца, кого-то из недавно посвящённых в воины, не помню его имени. Он так спешил, что даже не остановился, чтобы поприветствовать вождя клана.

– Он выполнял мой приказ.

– Я не осуждаю. Он поступил правильно. Сначала – дело, почести – потом. Что он вёз? Что-то важное?

– Да, мой вождь. Поздним вечером воины поймали лазутчика, доставляющего послание в стан врага. Прочитать его не удалось, потому что оно было написано тайными знаками. Я подумал, что Балвер, и Хранитель Очага смогут одолеть неизвестные руны.

– Как он собирался перейти Чёрный Лес? – В голосе Вальхара слышалось неподдельное удивление. – Без хорошо вооружённого отряда это невозможно! Особенно сейчас, когда «тёмные» привлечены к дороге запахом пищи.

– Дозорные сообщили, что через лес пробивался большой отряд воинов, и его «тёмные» и уничтожили. Выжило лишь несколько человек, тут же перебитых заулами из арбалетов.

– Сами того не зная, «тёмные» выступают на нашей стороне. – Вождь клана задумчиво посмотрел через отдёргнутый полог палатки на одну из скал, где на самой вершине уже копошились заулы, наваливая из камней укрытие для себя.

Из темноты памяти всплыли слова убитого лазутчика, и Рутгер заговорил, ещё раз убеждаясь, что он шёл на встречу с погибшим отрядом:

– А ведь гаар почти дошёл до Чёрного Леса. Он видел, как выжившие пали под стрелами дозорных, понял, что у него нет шансов в одиночку перейти лес кишаций «тёмными», вернулся к Волчьим Воротам, и особо не таясь, сдался воинам. Вот тогда и попытался убедить нас в том, что челманы слабые воины, и разбить их не составит труда. Он предложил мне переправить его через Чёрный Лес в стан гааров, чтобы он смог увести за собой соплеменников, недовольных новыми союзниками.

– Хитро. – Вальхар улыбнулся. – Но что теперь об этом говорить? Сын Ульриха оказался не таким глупым, как он ожидал увидеть! Ты станешь Великим Героем, как и твой отец. Твоё имя монахи высекут на Красной Стене в Храме Бессмертного Тэнгри.

От неожиданной похвалы всеми уважаемого ветерана и вождя клана Рутгер почувствовал, что стремительно, как мальчишка краснеет, и чтобы как-то скрыть своё смущение, торопливо спросил:

– Что слышно в Вольфбуре? Всё ли готово к войне?

– Под стенами города собрались воины всех шести кланов. Лорды Мортрей и Гринхард собрали, вооружили ополчение. Осталось дожидаться царя россов Ала-сейя с дружиной. Скоро, через два дня, подойдут воины кверков и дивов. Владыка и лорды не знают об этом, но это уже не важно. Главное – отстоять эти горы. Против челманов собирается огромное войско. Такого наши горы ещё не видели со времён Апокалипсиса.

– Хоть какая-та добрая весть.

Вальхар с тёплой улыбкой посмотрел на сына своего погибшего друга. Как он всё-таки похож на Ульриха! Рано ещё этому отроку идти в бой, и играть в прятки со смертью. О, Боги! А сколько их таких в клане, ещё ничего не видевших в жизни, но уже готовых отдать её, и оказаться возле Очага Бессмертного Тэнгри рядом с героями ушедших времён.

– Покормишь старика? А то с вечера маковой росинки во рту не было. С самого Вольфбура.

– Конечно. Герфур! – Крикнул воевода. Он и сам ощущал зверский голод, и казалось, что мог один умять целый казан так вкусно пахнущего кулеша.

– Да, мой воевода. – В палаточном проёме показался отрок в уже одетых доспехах, торопливо застёгивающий наручи, отчаянно зевающий, и пытающийся скрыть это всевозможными способами.

Рутгер рассмеялся, глядя на ужимки друга, и попросил:

– Принеси вождю клана нашего кулеша.

* * *

Время близилось к полудню, но жарко не было. Солнце, ещё утром собиравшееся светить во всю силу, надёжно спряталось за свинцовые, тяжёлые облака, словно не хотело смотреть на копошащихся внизу людей. Что значат для него люди с их бедами и радостями? Что значит их смерть и жизнь? Что их война и мир? Существование каждого из них – это всего лишь вспышка молнии в бездне вселенной. Кто будет помнить о них? Только люди, и то, если они оставят свой след на земле.

Стоя на стене Рутгер всматривался в горизонт, и пытался что-нибудь разглядеть. Дозорные сообщили, что враг приближается. К основанию стены с помощью верёвок спустилась сотня воинов. Это было необходимо, чтобы челманы ухватились за приманку, и решились использовать свой конный удар, чтобы сами заскочили в ловушку, и сами себя уничтожили во рву. Сколько их там погибнет?

– Рутгер!

К молодому воеводе подошёл Сардейл и подал пернач, с рукоятью длиною в два локтя. Как бы извиняясь, что оторвал его от раздумий, он пожал плечами, и сказал:

– Когда сойдёмся щит к щиту, для меча будет мало места. Вот тогда тебе и пригодится пернач. В общей свалке это самое лучшее оружие. Разит наповал, и не застревает в доспехах.

– Я не умею им обращаться.

– Это тебе только кажется. Это точно так же, как и бой мечом. Поверь мне, в тесном строю – это лучшее, что смогли придумать виги за долгие века своих военных походов. А вот жезл воеводы я бы оставил в палатке.

– Он мне нисколько не мешает. – Отрок поправил серебряный жезл, торчащий за поясом. Он был небольшим, чуть меньше локтя в длину, и действительно не мешал.

– Не в этом дело. Видя его, челманы будут знать, кого им нужно будет убить первого, а потеря воеводы для нас будет равносильна смерти.

– Ничего, я думаю, что смогу отбиться.

Рутгер взял в ладонь ещё тёплую рукоять, сделал несколько пробных замахов. Оружие было непривычным, и чуть тяжелее его меча, но приноровиться к нему было не сложно.

Неожиданно всё смолкло, и в повисшей тишине можно было расслышать даже жужжание мухи. Тяжёлый, отдалённый гул неумолимо приближался из степи со стороны Чёрного Леса. Это был топот сотен лошадей. Это был топот наступающего врага. Сын Ульриха огляделся, посмотрел на напряжённые лица воинов. Что может быть страшнее смерти? Она так же жестока и к отроку, и к седому ветерану. Любой человек жаждет жить, но не каждый может жить так, как хочет. Что значит жизнь без свободы? Ради свободы стоит презреть страх смерти, и выступить против врага. Ради свободы стоит умереть, чтобы дети могли жить свободными.

На линии горизонта что-то блеснуло, на мгновение освещённое выступившим из-за туч солнцем, стало расширяться, и скоро заполнило собой всю степь, от края до края. Можно было различить знамёна, поднятые среди общей массы воинов, и выглядевшие как редкие островки на разлившейся реке в весеннюю пору.казалось, что поблёскивающие доспехи заполнили собой всё пространство, насколько хватало взгляда. Глаза уже могли разглядеть отдельных всадников, вырвавшихся из общего строя вперёд. Оскаленные морды сотен лошадей, чёрные провалы ртов, открытые в едином крике, сотни наклонённых копий. Вот она, смерть, какую не сможет никто остановить.

Рутгер как замороженный смотрел на несущуюся на Волчьи Ворота орду, и не мог выговорить ни слова. Так его всё это поразило. Он поймал себя на мысли, что если бы не плечо стоящего рядом Сардейла, то попятился назад. Настоящее оказалось гораздо страшнее, чем он думал. Сможет ли ров, пусть даже и глубокий, остановить эту всепожирающую лавину? Не слишком ли наивна его затея? Но ведь и седые ветераны, и опытные воины одобрили его план! Не могут же они все вместе взятые, ошибаться! Что ждёт впереди? Бесславная гибель под тысячами копыт? Тщетность всех усилий? Или что-то ещё более страшное, чем сама смерть? Уничтожение всех вигов как народа? Крушение и разграбление страны Лазоревых Гор? О, Бессмертный Тэнгри! Укрепи дух своих земных воинов, дай силы, чтобы каждый умер с честью, сопровождаемый достойной свитой поверженных врагов. Не дай Вольфбуру сгореть во всепожирающем огне войны.

До прикрытого ветками и дёрном рва оставалось совсем немного. Рутгер закрыл глаза, и призвал всё своё мужество, всю свою силу воли, чтобы не поддаваться панике, и не опозорить имя своего павшего отца.

Среди громоподобного топота копыт, ржания коней, бряцанья оружия и яростных криков челманов возник новый звук. Он нарастал, ширился, обретал силу и перекрывал все остальные шумы. Воевода открыл глаза, и волна неопишуемой радости захлестнула всё его трепещущее тело.

Орда так неумолимо надвигающегося врага достигла выкопанного рва, и попала в ловушку. Всё смешалось. Кони проваливались вместе с всадниками, падали незащищённым брюхом на острые колья и умирали. Строй челманов смешался, конная атака захлебнулась, а ров быстро наполнился бьющимися в агонии лошадьми, калечащими ударами копыт своих седоков. Уже не было слышно топота надвигающейся лавины, теперь у Волчьих Ворот слышался только вой умирающего врага.

Только сейчас Рутгер понял, о чём говорил ему Сардейл, когда объяснял, что значит для воина, стоящего в строю, слышать, как погибает его противник. Это ни с чем несравнимое чувство. Какое-то безумное торжество, ощущение своей собственной, не человеческой силы. Наверное, так чувствовали себя Боги, когда создавали этот несовершенный мир, полный опасностей и страданий.

– Верёвки! Сбросьте со стены верёвки! – Опомнился Рутгер и отдал приказ. Надобность в приманке, сотне воинов, стоящих перед стеной, отпала. Свою роль они уже сыграли, и теперь их надо вытащить наверх.

Челманы остановились, боясь гнать своих коней дальше, и гарцевали на кромке рва, уже заполненного вровень с землёй. В глубине орды низко завывали трубы, и всадники повернули обратно. Через какое-то время на поле не осталось ни одного противника. Только трупы, и раненые, пытающиеся уползти в сторону, чтобы не попасть под копыта новой конной лавы.

На стене, среди вигов кто-то усмехнулся, что-то выкрикнул, и мгновением позже, заглушая стоны и хрипы умирающих во рву, над Волчьими Воротами пронёсся новый звук. Смеялись победители. Хохотали, уперев руки в бока, до боли в животе, до слёз в глазах, до тех пор, пока челюсти не стало сводить судорогой. Когда безумный смех начал постепенно стихать, когда многие уже начали успокаиваться, чей-то звонкий, мальчишеский голос вскинулся к мрачным небесам:

– Слава воеводе!

Этот крик был тут же подхвачен несколькими десятками хриплых, уже изрядно подсевших глоток:

– Слава! Слава! Слава!

Кто-то похлопал Рутгера по плечу, Сардейл широко улыбаясь, заглушаемый криками воинов, говорил что-то ободряющее, Герфур, поддаваясь общему порыву, кричал, не слыша себя. Воевода и сам был готов кричать, не важно, что, лишь бы кричать, но такое выражение почёта его вконец смутило, и он стоял, молча, восторженно улыбаясь. Это была его первая, пусть небольшая победа над настоящим противником, а не в военных играх, над своими сверстниками. Он смотрел в поле, на мёртвые тела, и чувствовал себя всемогущим как никогда, и не было для него чего-то невозможного.

Челманы не ушли в степи. На это никто и не рассчитывал. Они готовились к новому штурму. Они собирались прорваться в Волчьи Ворота и уничтожить всех защитников. Цель, что преследовал Рутгер, была достигнута. Теперь, пока не падёт последний воин, противник будет рваться в ущелье, чтобы короткой дорогой достигнуть Вольфбура, и разграбить город, поголовно вырезав всех вигов. Теперь будущее

страны Лазоревых Гор зависело от клана Снежного Барса. От того, сколько они смогут продержаться и дать времени военному вождю, чтобы собрать войско, способное разбить небывалую по численности орду челманов.

Вдалеке послышался низкий рёв рогов, призывающих на битву, зарокотали барабаны, гул коих долетел и до защитников Волчьих Ворот. Было видно, как выстроившаяся пехота, постепенно ускоряя шаг, приближается к стене. Было слышно, как они идут, печатая тяжёлый шаг, как позвякивают сочленения их доспехов, как отдают приказы сотники и десятники.

Рутгер оглянулся, и махнул рукой нескольким лучникам, стоящим внизу стены. По условленному сигналу они должны через головы вигов послать горящие стрелы в поле, чтобы вспыхнуло земляное масло. Это будет ещё один сюрприз врагам.

– Приготовиться!

Снежные Барсы по большей части спрятались за зубцами стены, остальные прикрылись большими, деревянными щитами. Всё готово. Осталось только ждать. Что же они так медленно идут?

Пехота челманов дошла до рва, и на защитников Волчьих Ворот обрушилась туча стрел, нанёсшая небольшой урон вигам, ранив и убив несколько воинов, не успевших укрыться за щитами. Было видно, что враг медлит, опасаясь новых ловушек, и новых, больших потерь. Позади строя челманов снова взревели трубы, и, прикрываясь щитами, оцетинившись копьями, они двинулись вперёд, на поле залитое маслом. Медленно, слишком медленно они приближались к стене, и Рутгер уже подумал, что степняки всё поняли, и сейчас отступят, уйдут, чтобы придумать что-то другое, против чего у вигов пока нет никакого плана.

Убедившись, что с ними ничего не происходит, челманы осмелели. Раздалось несколько резких команд, и, издав какой-то звериный рёв, пехота бросилась на приступ. Они поскользывались, оступались, падали, и остервенело, упрямо лезли вперёд.

Виги хранили молчание, словно боялись вспугнуть заходящего в ловушку врага, неосторожным, случайным вскриком. Рутгер заметил, что многие челманы несли с собой вязанки хвороста, чтобы набросав их в кучи у стены можно было подняться по ним как по лестницам. По тому, как враг упорно продвигался вперёд, он догадался, что они никогда не видели, и не знают, что такое земляное масло. Они принимают его за обыкновенную грязь, и даже не представляют, какой опасности себя подвергают.

Воевода взмахнул рукой, и десяток горящих стрел веером разлетелся по полю. Понадобилось всего несколько мгновений, чтобы занявшийся огонь бодро разбежался во все стороны. Масло вспыхнуло. Огромные языки пламени устремились в пасмурное небо, пожирая корчащиеся от нестерпимого жара фигурки в блестящих, чешуйчатых доспехах, и их животные крики заглушал ревуций, вырвавшийся на свободу демон огня.

Такого не ожидал никто, и защитники Волчьих Ворот потрясённо молчали. Потом попятились, задыхаясь от густого, чёрного дыма, и, в конце концов, спустились со стены. На своих постах остались только заулы, лежащие на скалах, готовые подать сигнал о новом штурме, и разрядить свои арбалеты в цель.

– Клянусь Бессмертным Тэнгри, такой дымок видно даже в Вольфбуре... – Проговорил Сардейл. – Рутгер, откуда ты так много знаешь? Откуда в двадцатилетнем отроке столько мудрости? Неужели всё это ты придумал сам?

– Нет. – Воевода улыбнулся, горделиво поглядывая на мерлоны стены, на плывущие над ними снопы жирного дыма. – Кое-что сам, кое-что высмотрел в книгах

Древних Богов, ведь их у Хранителя Очага великое множество. Так сражались сами Древние, когда их цивилизация ещё не достигла самого пика своего развития.

– Ага. – С самым серьёзным видом опытный воин кивнул, и как бы, между прочим, пробормотал: – Лишь бы мы сами не пошли по их стопам, и не уничтожили себя. Что дальше, воевода? Приказывай!

– Что приказывать? Теперь надо только ждать, пока прогорит масло, а потом быть готовыми к отражению нового штурма.

– Сегодня они вряд ли пойдут на приступ. Такие потери могут остановить кого угодно. – Сардейл улыбнулся, обнажив ряд ровных зубов, и расхохотался, похлопав Рутгера по плечу. – Не люблю запах горелого мяса, но труп врага всегда хорошо пахнет!

* * *

Глава 8.

– О, Боги! Клянусь Бессмертным Тэнгри, ничего страшнее я ещё не видел. – Герфур заметно побледнел, и на его лбу выступили капельки пота, скатывающиеся по лицу, раскрашенному чёрными полосами сажи, оставляющие за собой бело-грязные бороздки кожи. – Это ужасно!

Да, здесь было чего испугаться. На кое-где дымящемся поле в различных позах, а где и большими кучами лежали обгоревшие тела челманов. Их было так много, что Рутгер даже и не пытался сосчитать, понимая, что это невозможно. Сколько же их здесь? Зачем пришли из далёких земель? Неужели их гнала сюда только жажда наживы? Ведь у всех, лежащих на этом поле остались где-то там, в Сармейских Степях родные, близкие. Стоило ли ради какого-то призрачного обогащения, обещанного ханом, идти сюда, чтобы пасть жертвами человеческой жестокости?

– Разве мы об этом мечтали, когда нас посвящали в воины клана? Что будет дальше?

Рутгер посмотрел на своего друга, и немного помедлив, уверенно ответил:

– Это ещё не самое страшное, что нас ждёт впереди. Гораздо страшнее будет, если враг прорвётся в Волчьи Ворота. Их так много, что все наши смерти не смогут их остановить. Что тогда ждёт наших матерей и сестёр? Мы мечтали о громких подвигах и великих битвах, о том, как станем героями клана Снежных Барсов. Так что же это такое, если не великий подвиг? Может это кажется тебе слишком жестоким? Смотри, и запоминай! Я готов поджечь их всех, чтобы они превратились в головёшки, чтобы умирали тысячами, захлёбываясь кровью, лишь бы виги не прекратили своё существование под мечами врага. Возьми себя в руки, друг! Это война, где нет такого понятия, как излишняя жестокость. Идёт война на выживание!

Воеводе хотелось поддержать Герфура, сказать что-то ободряющее, но что, он не знал. Что нужно сказать, чтобы он смог встряхнуться, и перестал жалеть тех, кто пришёл убивать? Сказать, что если не он, то его? Лишнее. Это говорят вигу с самого рождения. Это впитывается в подсознание вместе с молоком матери. Ничего, его растерянность, наверное, скоро пройдёт, как только он скрестит меч с врагом. Это всего лишь запоздалый страх после первого боя. Рутгеру и самому было не по себе, и он в сотый раз убеждал себя, что эта жестокость вынужденная. Так надо, чтобы жил клан, чтобы вигов с Лазоревых Гор не вырезали как скот.

– Рутгер! – Сын Ульриха оглянулся и увидел, как к стене подходит десяток воинов в красных плащах, с белыми плюмажами на шлемах. Тайная Стража. Сердце похолодело, и что-то похожее на страх, сковало сознание. Конечно, о пыточных лорда Фельмора известно многое, только неизвестно, выходили ли оттуда люди, если

обвинения оказывались ложными. Жизнь вига священна, но не для тех, у кого в руках власть.

– Рутгер, сын Ульриха? – Уточнил десятник Тайной Стражи, и нервно сглотнув, побледневший, тревожно огляделся по сторонам. Его воины сбились в кучу, и совершенно растерявшись, не знали, что делать. Со всех сторон к ним стягивались воины клана в боевой раскраске, и их взгляды не предвещали ничего хорошего. Между воинами и Тайной Стражей всегда существовала какая-то неприязнь. Одни горы, одни города и деревни, а люди разные. Одни – сословие воинов, другие – сословие, мужчины какого могли служить только в Тайной Страже.

Толпа расступилась, и по образовавшемуся живому коридору прошёл Вальхар. Хмурясь, он посмотрел на десятника, и недовольно спросил:

– Что нужно здесь харвеллам?

– У нас есть решение суда, на препровождение Рутгера, сына Ульриха в Вольфбур, для оглашения приговора. Почтенному вождю клана должно быть известно о состоявшемся суде... – В голосе десятника послышалась неприкрытая растерянность. Он и сам понимал, что подвергает себя, и своих людей риску быть убитыми, но ничего не мог поделать над собой. Он выполнял роту, данную на мече, когда вступал в ряды Стражи, и только смерть могла освободить его от этой клятвы.

Воины клана молчали, и в этом молчании ощущалась явная угроза. Стоило вождю или воеводе сказать только одно слово, и их разорвали бы на месте. Десятник давно это понял, и как бы случайно положил руку на рукоять меча. Окружённый со всех сторон вооружёнными вигами он собирался дорого продать свою жизнь.

Вальхар сделал шаг вперёд, смерил харвелла оценивающим взглядом, скривил губы в усмешке, и, глядя как тот побелевшими пальцами вцепился в рукоять меча, покачал головой:

– Ты пришёл за моим воеводой. Смело. Надеюсь, ты понимаешь, что забрался в самое логово Снежного Барса?

– Я нахожусь под защитой лорда и закона! – Выкрикнул десятник, словно это могло ему помочь, если бы воины клана набросились на него.

Вождь недобро улыбнулся, и негромко, но его слышали все, хрипло, как мог только он, проговорил:

– Конечно, ты под защитой лорда, и закона. Но у нас идёт война, и действуют совсем другие законы.

– Война? – Десятник совсем растерялся, и выглядел озадаченным. – Какая война? Нам про это ничего не известно!

– Вот как? – Вождь клана усмехнулся. – Ты не видел, как собираются воины под стенами Вольфбурга? Ты не видел знамёна кланов? Ты не видел чёрный дым над Волчьими Воротами? Ты слеп? Поднимись на стену, десятник!

Воины Тайной Стражи немного пошептались между собой, и нерешительно двинулись к стене, пробираясь среди не уступающим им дорогу Снежным Барсам.

– Бессмертный Тэнгри! – Потрясённо выдохнул харвелл, когда встал рядом с Рутгером, и его взору открылась потрясающая и завораживающая своей грандиозностью картина смерти, царящая на поле перед скалами. – Как это возможно?

На стену поднялся Вальхар и спросил:

– Обо всём этом неизвестно в городе? Как Владыка объяснил сбор войска под стенами? Что тебе известно, десятник?

– От лорда Фельмора поступил приказ быть готовыми к беспорядкам, а сбор войска это всего лишь подготовка к военным играм. Значит, всё это ложь, и на

страну Лазоревых Гор действительно напал враг? Значит, слухи, что ходят среди народа всё-таки правда? Сколько же их?

– Многие тысячи.

– Что же мне делать? – Воины Тайной Стражи потрясённо молчали. Десятник долго смотрел в поле, вдыхая всей грудью запах горелого мяса, и наконец, после тяжёлого раздумья, произнёс: – Я не могу не выполнить приказ, я давал клятву, и в то же время я не могу его выполнить. Что мне делать, вождь клана?

Вальхар немного подумал, чему-то усмехнулся, и сказал:

– У нас мало воинов, а завтра будет тяжёлый день. Здесь не будет лишних мечей. Снимай свой красный плащ, зачерни лицо сажей, и если надо будет, приготовься встретить смерть. Завтрашний день покажет, стоит или нет, выполнять приказ лорда.

Харвелл помрачнел лицом. Он снял шлем, вытер выступивший на лбу пот, ещё раз посмотрел на поле, усеянное обгорелыми трупами челман, и вдруг улыбнулся:

– То, что мне говорили про тебя – правда. Ты мудр, вождь клана. Я поступлю как ты и говоришь. Смерть героя лучше, чем смерть стража. К тому же здесь, в Волчьих Воротах, я принесу гораздо больше пользы для страны Лазоревых Гор, чем выполняя приказ своего лорда.

* * *

Над спящим лагерем, еле слышно разносился плач одинокой флейты. Грустная мелодия неторопливо растворялась под тёмным небом и уже неосязаемая уплывала к вершинам гордо возвышающихся каменных пиков. Казалось, что она напоминает своими переживаниями о том, что человек смертен, его путь не вечен, и нужно так мало, чтобы прервать его. Всего лишь один удар меча, мгновенный полёт стрелы, коготь или клык, и от человека останется только могильный холмик, и, может быть, память, что будет жить в потомках нескольких поколений.

Рутгер отдернул полог палатки, всмотрелся в темноту, словно пытался разглядеть, откуда доносится мелодия, и, поворачиваясь к Герфур, спросил:

– Кто это играет?

– Лигхар, мой воевода. Я видел у него флейту.

– Какая грустная музыка. Словно заранее оплакивает все завтрашние жертвы.

Герфур мгновение помолчал, прислушиваясь к мелодии, и тяжело вздохнув, сказал:

– Это музыка наших предков. Лигхар говорил, что её наигрывали Древние, когда провожали своих воинов на смерть. Это он играет сам себе. Он твёрдо решил уйти к Очагу Бессмертного Тэнгри.

– Да. Завтра многие воины погибнут, и ничего нельзя будет поделать. Мы должны сдерживать врага как можно дольше.

– Но челманов слишком много! Сможем ли мы? Не раздавят ли они нас? Что значат двести Снежных Барсов против многих тысяч?

– Наши враги такие же люди, как и мы сами. Сегодняшний день это доказал, как нельзя лучше. Сколько их осталось лежать на поле? Ты пробовал их сосчитать? Я верю в воинов клана. Мы выстоим, а когда Балвер с союзниками ударит им с тыла, то и перейдём в наступление. Нужно немного – продержаться всего один день.

– Мне немного не по себе. Плохое предчувствие не покидает меня, и его не заглушить вином. Что же мне делать? Я знаю, что нельзя с таким сердцем идти в бой. Тогда я сразу погибну!

– Не волнуйся. Я уверен, что едва ты скрестишь свой меч с первым челманом, то сразу успокоишься, и будешь помнить только то, чему научил тебя Увгард.

– Да. Надеюсь, так и будет.

– Конечно. – Уверенно, твёрдо произнёс Рутгер, заглядывая в осунувшееся лицо друга, и откровенно не понимая, что с ним произошло. Откуда это малодушие? Ведь ещё утром, смотря, как из убитого гаара вытекает кровь, в его глазах можно было увидеть только интерес. – Тебя будут окружать ветераны и опытные воины. Они прикроют тебя, а ты прикроешь их. В конце концов, я могу поставить тебя командовать катапультами. Там будет не так опасно.

Герфур усмехнулся, и, покачав головой, сказал:

– Разве где-то может быть безопасное место во время войны? Я же мечтал вместе с тобой, как мы будем разить врагов клана. Как станем Героями, а может быть и вождами. Так разве я могу отказаться от этого, даже если это будет стоить мне жизни? Рутгер, ты великий человек, сегодняшний день показал это как нельзя лучше, и я рад, что судьба свела меня с тобой. Ты доказал, что клан не зря выбрал тебя в воеводы. Каждый воин готов идти за тобой и в огонь, и в воду.

Он поклонился, и больше не говоря ни слова, вышел из палатки. Рутгер не стал его останавливать и пытаться утешить. Зачем? Герфур не слабая женщина, а воин клана, владеющий мечом и арбалетом. Что его утешать? Это всё пройдёт само, нужно только время. Ему надо побыть одному, и о многом поразмыслить, чтобы понять, как жить дальше, и что ему завтра защищать. Каждый воин будет биться за что-то своё. За дом на перевале, за свою невесту или жену, за детей, что ещё совсем недавно только встали на ноги. За то дерево, что посадил в саду, и терпеливо, каждый день поливал, пока оно не выросло и не достало своими ветвями кровлю черепичной крыши. За горы, на какие любишь смотреть во время заката и рассвета. За ледники, дающих холодную и чистую воду. За всё, что любишь и не можешь представить себе своё дальнейшее существование без всего этого.

* * *

Глава 9.

– Царь россов, Аласейя, с дружиной в дне пути отсюда, мой вождь. Войско кверков и дивов прибудет к утру следующего дня. – Гонец опустил на одно колено, поднял голову.

– Хорошая весть. – Балвер улыбнулся. – Иди, отдохни и выпей вина. О том, что знаешь – никому ни слова. – Он ещё раз посмотрел на гонца с ног до головы покрытого слоем пыли, и взмахом руки отпустил его.

– Всё хорошо, мой вождь? – К Балверу шагнул одноглазый Хардур, занимающий должность советника, и потерявший глаз в одной из давних битв. Он был слишком стар, чтобы участвовать в сражениях, но его советы всегда помогали военным вождям, чтобы выходить победителями из, казалось бы, совсем безнадёжных боёв. Гордый старик как всегда был подтянут, а за спиной в ножнах висел небольшой меч, не обнажаемый уже несколько лет, чтобы напоить кровью врагов. Теперь он казался слишком тяжёлым для старческой руки.

Военный вождь обвёл взглядом башни замков дворян, развивающиеся знамёна на их шпилях, расположенные несколькими улицами ниже, кварталы мастеровых, и уже в сотый раз поймал себя на мысли, что предкам нужно было хорошо подумать, прежде чем начинать строить город на священной горе Эрпон, не позаботившись о высокой и крепкой стене.

– Разве может быть всё хорошо в таком положении? Мы готовим войско, призываем союзников, вооружаем ополчение, а Владыка и лорды, как будто ничего

этого не замечают! Мало того, несмотря на все донесения, они пытаются и нас убедить, что ничего не происходит! А это письмо, на клочке ткани. Как его понимать?

– Такое уже было, мой вождь. Лет триста или четыреста назад, лорды прибрали власть к своим рукам, и тоже не хотели что-то замечать. Тогда Владыкой был слабый и нерешительный человек из клана Чёрных Медведей... – Хардур замолчал, и, по всей видимости, не собиравшись продолжать начатый разговор. Старый советник тоже был из клана Чёрных Медведей. Кому хочется вспоминать то, что позорит память?

– Что тогда произошло? Чем всё кончилось?

– Воины кланов выбрали нового Владыку, а неугодных лордов просто казнили. Вот тогда и появился закон о том, что жизнь виги священна. Лорды как чувствовали, что всё повторится через несколько сотен лет.

– Может через эту ступень развития проходит каждый народ?

– Не знаю. Моё дело стратегия и тактика, а принимать законы должны люди честные, сотни раз подтвердившие, что думают только о народе своей страны.

– Да, ты, как всегда прав. Что ты думаешь об этом? – Балвер достал из кармана короткого, серого тегияля кусок ткани, развернул его. – После того как Хранитель Очага смог прочитать тайнопись, это уже не секрет, но мало что объясняет. «И когда отсечётся большой палец, кулак разожмётся. Ладонь не сможет удержать песок, сыплющийся сквозь пальцы». Что это может значить? Кому понадобилось посылать такое письмо в стан гааров?

– Не знаю, что это может значить. Я не знаток в дворцовых интригах, но могу сказать точно, что это заговор с целью уничтожения вигов. Рутгер поторопился, убив гонца. А тебе, Балвер, придётся быть осторожнее. Большой палец – это ты.

– Возможно. – Военный вождь и сам догадывался об этом. Только он мог собрать все кланы под свои знамёна и дать отпор надвигающемуся как грозовая туча, врагу. – Что мне могут сделать лорды? Я всегда окружён телохранителями и верными мне людьми.

– Чтобы убить человека совсем не обязательно подходить к нему. Достаточно отравленной стрелы, пущенной с крепостной стены, или яда в вино. Если тебя убьют, то кто поведёт вигов в битву? У тебя далеко идущие планы, и я надеюсь, что они осуществятся. Нам нужен новый Владыка, что приструнит лордов, и не даст им грабить свой народ. А это письмо можешь отдать обратно Хранителю. Что нам нужно знать, мы уже знаем, а это нужно сберечь для истории, чтобы наши потомки не совершили такой же ошибки.

– Да. Может быть, это будет интересно нашим потомкам. Что это? Новый гонец?

Среди стройных рядов палаток разбитого лагеря, среди кое-где упражняющихся в бое на мечах вигов, среди горящих костров, где готовился ужин, появилось какое-то движение, выбивающееся из ритма военного стана. Скоро стал виден и сам виновник поднятого переполоха. Всадник в ярком красном плаще, с плюмажем из белых перьев на островерхом шлеме. Его чешуйчатые доспехи поблёскивали в лучах заходящего солнца, как сигнал тревоги, подаваемый дозорными, с помощью начищенными до зеркального блеска щитов. Это вестник лорда Фельмора. Один из его многочисленной Тайной Стражи.

Гонец достиг палатки военного вождя, немного помедлив, спешился, и, встав на одно колено, подняв голову, сказал:

– Я посланник Владыки Альгара. Он требует к себе военного вождя Балвера с объяснениями своих необдуманных действий.

– Необдуманные действия? – Переспросил Балвер. Он видел, как напряглись стоящие у шатра телохранители, и приготовились по одному его кивку головы пустить в ход длинные, двуручные мечи до поры до времени покоящиеся на плечах. Они слышали их разговор с Хардуром, и, несомненно, уже приняли решение о своём поведении в любой возникающей ситуации. Умри, а военный вождь должен остаться в живых. – И какие же необдуманные действия я совершил? – Он с трудом подбирал слова, чтобы ярость не прорвалась наружу на нанесённое оскорбление.

Гонец поднялся, и как бы давая понять, что говорит это уже от себя, потупился, и, глядя себе под ноги, проговорил:

– Вождь Балвер, мне и самому не нравится всё то, что происходит, но я ничего не понимаю. В городе говорят, что идёт война. Лорды и Владыка говорят, что ничего страшного не происходит, и в то же время стягивают к своим замкам наёмников и Тайную Стражу. Что за чёрным дым шёл со стороны Волчьих Ворот? Зачем «Железнобокие» царя россов идут сюда? Почему войска кверков и дивов спешат под стены Вольфбура? Почему воеводу из клана Снежных Барсов приговорили к трём годам рудников? Что он сделал?

– Ты задаёшь слишком много вопросов, гонец, но кое на какие из них я тебе отвечу. – Военный вождь посмотрел на Хардура, словно искал у него поддержки, и разрешения стоит ли что-то говорить обыкновенному воину из Тайной Стражи, немного подумал, что можно сказать, и продолжил: – Да, идёт война. Воевода Рутгер, что обороняет Волчьи Ворота, уже одержал первую небольшую победу. Да, и этот воевода приговорён к трём годам рудников за то, что взял у лорда Кирфера сто бочек земляного масла, чтобы сдержать орду врага. Сюда идёт царь россов, кверки и дивы. Мы объединимся и ударим противнику в тыл. Это всё, что я могу тебе сказать, и что стоит знать в городе. Теперь ты знаешь всё. Иди в Вольфбур, и передай Владыке, что вождь Балвер не может прийти к нему, так как дела, связанные с войной совсем не оставляют ему свободного времени.

Гонец поклонился и, вскочив на коня, погнал его между палатками в сторону города. Сзади подошёл Хардур, и проговорил:

– Возможно, это была ошибка, но, по-моему, ты удачно избежал первой ловушки. Может, зря ты рассказал ему так много?

– Зачем мне что-то скрывать от своего народа? Гонец из Тайной Стражи, он служит лорду, но он – харвелл, и должен знать правду о том, что творится в стране Лазоревых Гор.

– Ого! Я слышу рёв наших воинов! Что там происходит? – Одноглазый советник обернулся на послышавшиеся из-за палаток крики, и будто только что вспомнил, произнёс: – Воевода Урхард обещал показать что-то новое, что он узнал от Хранителя Очага Бессмертного Тэнгри, а тот, в свою очередь, увидел это в книгах Древних Богов.

– Да. Это должно быть интересно. Коня!

* * *

Отсюда, если перегнуться через каменный забор в человеческий рост, можно было рассмотреть ровные ряды шатров, палаток, и копошащихся среди них, похожих на муравьёв, людей. Шум, издаваемый огромным человеческим лагерем, не долетал до кварталов лордов, приглушаемый пением птиц в саду, и журчанием воды в фонтане, высеченным в виде рога изобилия.

Чуть ниже улицей, так же утопая в зелени, что почти невозможно было разглядеть черепичные крыши, высились, почти налезая друг на друга, замки дворян и знати. Ещё ниже, стояли добротные дома зажиточных горожан, торговцев, купцов,

и только после них, несколькими улицами ниже начинались кварталы мастеровых, воинов, и бедноты. Да-да, именно сейчас, там бурлила и вскипала, готовая вырваться наружу, ненависть, обращённая к лордам и дворянам.

Сатвел не застал на своём веку ни одного бунта черни, но в семейном архиве хранились записки его деда, подробно описывающие события, произошедшие почти два века назад. От прочитанного кровь стыла в жилах, становилось по-настоящему страшно, и не хотелось верить, что это на самом деле творилось людьми, когда-то жившими в этом городе! Разыгравшееся воображение рисовало ему, как грязные, бородатые люди в лохмотьях врываются в его замок, построенный полностью из мрамора, режут всех подряд и по белому, девственно чистому полу растекаются огромные лужи крови. Хвала Бессмертному Тэнгри, что ему хватило ума отправить немногочисленную семью в свой родовой замок в нескольких десятках поприщ отсюда, куда не смогут дотянуться руки черни!

Лорд остановился возле фонтана, зачерпнул полные ладони воды из чаши, и плеснул в разгорячённое лицо. Стало немного легче, но лишь ненадолго. Мысли. Мысли! Вот что не давало ему покоя, и крепнущая с каждым разом убеждённость, что всё кончено. Он даже и не предполагал, что на зов военного вождя откликнется столько воинов. Ну, ладно виги, воины кланов. Они спят и видят как бы сцелиться с новым врагом, да их не так уж и много. «Железнобокие»! Кверки! Дивы! Они всё прибывают и прибывают в стан Балвера, встают под его знамёна, и скоро у подножия священной горы Эрпон скопиться такая сила, о какую могут разбиться все войска Обитаемого Мира, не говоря уже про несколько тысяч степняков, ведомых Аллаи-ханом! Что будут делать все эти воины, когда расправятся с челманами? Конечно! Повернут свои мечи против лордов!

Сатвел остановился в арке, ведущей в затянутую плющом беседку, и зло посмотрел на лорда Кирфера, лениво потягивающего густое, неразбавленное батгейское вино. Владелец озёр земляного масла не был таким, как Сатвел, никогда не пытался скрыть того, что безумно богат, и гордился тем, что является одним из богатейших людей страны Лазоревых Гор. Пальцы, усыпанные кольцами с огромными алмазами, золотые цепи, бархатный кафтан, расшитый жемчугом. Всё в нём кричало о несусветном богатстве.

– Лорд Кирфер! Как ты можешь быть так спокоен, когда со дня на день решится наша судьба? Я вижу у горы Эрпон войско, какого никогда не видели Лазоревые Горы! Что будет, когда Балвер разобьёт челманов?

Кирфер чуть не поперхнулся вином, испуганно уставился на Сатвела, и, улыбувшись, махнул пухлой рукой, словно отгонял назойливую муху:

– Всё не так страшно. Я бы, на твоём месте, уважаемый лорд Сатвел, расслабился, и выпил вина. Уверен, что Фельмор что-нибудь придумает и в этом случае. Он признанный мастер дворцовых интриг, и для него воистину нет ничего невозможного! О! Вот и наш лорд Фельмор! Лёгок на помине!

На аллее, ведущей к беседке, действительно показался человек, одетый в чёрный хитон, что делало его похожим на огромного ворона. Он шёл не торопясь, оглядывал подстриженные кусты, наклоняясь, нюхал цветы, наслаждаясь их ароматом, а когда приблизился к беседке, то не смог сдержать торжествующую улыбку.

– Что могло так развеселить многоуважаемого лорда Фельмора? – Вместо приветствия спросил Сатвел.

Грубый вопрос не смутил всегда мрачного Повелителя Тайной Стражи, занимающего первое место по значимости в стране Лазоревых Гор. Он смерил спросив-

шего чуть ли не презрительным взглядом, кивнул лорду Кирферу, и небрежно ответил:

– Всё идёт просто отлично. Ну, за исключением небольших неувязок. Впрочем, из этого можно, если хорошо подумать, извлечь кое-какую выгоду. «Большой палец» не явился к Владыке, сославшись на неотложные дела при войске, а это значит прямое неповиновение законной власти. Скоро он поставит себя вне закона, и мне ничего не останется, как препроводить его в подвалы замка Салдо. Лорды Мортрей и Гринхард вооружили чернь и создали ополчение, тем самым нарушили указ Совета. Что ещё может быть лучше?

– Может быть, лорд Фельмор не заметил, но у стен Вольфбура собралось уже достаточно большое войско кланов. Что стоит им разбить орду челман, и повернуть оружие против нас? Кто тогда сядет на трон, и возьмёт в руки золотой меч власти?

Повелитель Тайной Стражи сделал удивлённое лицо, и чуть прищёлкнув языком, с сожалением, проговорил:

– Боюсь, наш многоуважаемый лорд Сатвел не совсем до конца понял мой замысел... Я и не собирался свергать законно выбранного Владыку с помощью челман. Я лишь хотел отвлечь недовольство народа Лазоревых Гор на иноземного захватчика!

– Как? – Только это и мог спросить поражённый владелец золотых рудников. Вдруг всё становилось с ног на голову, и он, только, кажется, начавший обретать хоть какой-то покой, почувствовал, как качнулся мир. Устало, сразу постарев на несколько лет, он зашёл в беседку, двумя руками опираясь о мраморный столик, сел на скамью.

Слова Фельмора значили для него крушение всех надежд, мечтаний, и неминуемую смерть. Как же так? Ведь совсем недавно Повелитель Тайной Стражи весьма прозрачно намекал ему, что золотой меч власти достанется именно ему, и теперь он неожиданно заявляет, что только хотел отвлечь вигов на челманов? Что же теперь делать? Ведь он слишком глубоко увяз в этом заговоре, и теперь ему будет не очиститься, как невозможно сразу отмыться от дёгтя! Нужно что-то решать, делать! Скрыться? Где? В замке? Совет Лордов и Владыка пошлют к нему гонца, и он не сможет не явиться. Сделать вид, что ничего не случилось, и всячески отрицать свою роль в этом, а тем временем копить силы, выждать момент, и ударить по Фельмору, чтобы отомстить за его коварство? Да-да! Только так можно выжить, и ничего не потерять.

Лорд Сатвел смог взять себя в руки, и прислушавшись, смог разобрать разговор, ведущий между собой Фельмор и Кирфер, удаляясь по аллее в дальний угол сада, откуда открывался прекрасный вид на склон пока ещё не заселённый чернью, горы Эрпон:

– Я бы вам посоветовал, лорд Кирфер, всё-таки съездить к Волчьим Воротам.

– Для чего? Ведь там идёт война! А я, как бы это мягче сказать, давно забыл, с какой стороны братья за меч.

– Вашей милости и не придётся обнажать сталь. Вам нужно встретиться с воеводой клана Снежных Барсов, и... – Дальнейшее заглушил хрустальный звон фонтана.

Сатвел не стал их догонять, а остался сидеть в беседке, чтобы обдумать своё собственное положение. Кажется, где-то в привратниках, у него был перман, и тот говорил, что вождь племён варваров у него в больших друзьях. Конечно, они дикари, и служат только тому, у кого много золота, а у лорда в кладовых замка его отнюдь

немало. Может, наградить пермана, отправить домой, и с ним передать несколько слов самому вождю?

* * *

Глава 10.

Солнце стыдливо выглянуло из-за линии далёкого горизонта, и тут же спряталось за висящие над степью тяжёлые, дождевые тучи. Его красный диск только на несколько мгновений показался между облаков, и тут же пропал, словно оно не хотело смотреть на тысячи людей, готовых сражаться и гибнуть за свои мелкие, ничтожные, человеческие идеи.

При отдалённом рёве рогов Рутгер мгновенно взбежал на стену, краем глаза заметив, как воины клана ни слова не говоря, заняли свои места. Никто не делал лишних движений, никто не бегал, не зная куда встать. Всё давно уже было готово, и распределено. Наверное, виги и отличаются от других народов тем, что перед лицом опасности не паникуют, а готовы мужественно встретить смерть, и унести с собой в могилу достойную свиту из павших воинов врага. Смерть в бою – что может быть лучше?!

Рядом с воеводой встал Герфур, и поднял над головой флаг. Утренний ветерок развернул тончайший шёлк и все увидели на чёрном фоне изображённый белой краской звериный оскал барса. Рутгер посмотрел на трепещущее полотнище, и спросил:

– Что это?

Герфур улыбнулся и ответил:

– У каждого воеводы должен быть свой стяг. Сегодня ночью Бессмертный Тэнгри послал мне видение, и я многое понял. Во сне же я и увидел это знамя. Ещё я узнал твоё второе имя. Под ним ты войдёшь в историю, и под ним тебя запомнят наши потомки. – Друг немного помолчал, торжественно оглядывая столпившихся воинов, и скаля белые зубы, выпалил: – Все запомнят тебя как Стального Барса!

– Стальной Барс? – Переспросил Рутгер и улыбнулся. – Хорошо, пусть будет так. Больше тебе ничего не приснилось? Или вчера было выпито не так много вина?

Заметив, как смеются стоящие вокруг воины, Герфур нахмурился, потом засмеялся сам, и вдруг резко оборвав смех, сказал:

– Я видел тебя в короне Владыки страны Лазоревых Гор, держащего в руках золотой меч власти. Это случится не скоро, но это будет.

Это было заявлено так уверенно и убеждённо, что все слышавшие удивлённо примолкли. Чтобы как-то замять неловкую паузу, Рутгер натянуто, фальшиво засмеялся:

– Я совсем не собираюсь становиться Владыкой Лазоревых Гор. Это большая ответственность, а мне с лихвой хватает и войска клана. – Тем не менее, воевода задумался. Смутно он припоминал, как много лет назад, его отец, великий герой Балты, и мать пророчили ему долгую и громкую жизнь. Были принесены жертвы Богам, и даже был предпринят поход к оракулу на ледник Висс. Его предсказания были туманны, но именно в этих недомолвках семья Рутгера и видела великое будущее своего отрока. Может так и будет? Может, и нет. Впереди много битв, и в каждой может оборваться цепь жизни, когда-то выкованная Бессмертным Тэнгри для своих детей.

На стену не торопясь поднялся Вальхар, посмотрел в поле.

– Похоже, что сегодня будет славный день для многих героев. Сегодня клан Снежного Барса покроет себя неувыдающей славой, и наши потомки будут с гор-

достью вспоминать битву при Волчьих Воротах. О нас будут складывать песни и легенды! Все ли готовы встретить смерть?

Громкий смех и крики воинов, лязг оружия были ему ответом. Как в каком-то безумном восторге все как один били мечами в щиты, потрясали копьями и секирами. Да, все были готовы встретить врага, и если надо будет отдать жизнь за страну Лазоревых Гор.

Из степи, где-то на краю видимости, где небо сходится с бескрайним, зелёным ковром травы, где глазу не за что уцепиться, долетел приглушённый рёв боевых рогов. Крики вигов мгновенно смолкли, и воины напряжённо смотрели в ту сторону, откуда вот-вот должны были появиться враги.

Рутгер почувствовал, как гулко бьётся в груди сердце, ударяя в виски обжигающими волнами крови. Вчера было совсем не то. Вчера он не скрестил меч ни с одним из противников, они сами попали в так хорошо расставленные ловушки. Сегодняшний день особый. Сегодня, уже совсем скоро, будет ясно, сможет ли он стать великим героем, и вести за собой войско клана. Достоин ли он быть сыном своего отца? Достоин ли быть одним из Снежных Барсов?

Сзади подошёл и дотронулся до его плеча Сардейл. Его было трудно узнать из-за нанесённой на лицо чёрной, боевой раскраски. Взгляд его был сосредоточен, и серьёзен:

– Это твоя первая битва. Запомни – совсем не обязательно убивать противника, что ты сбил с ног и ранил. Иди вперёд. Помни – за тобой идут воины, и они добьют его. Ты стоишь впереди, и ничто не должно отвлекать твоего внимания. Рядом будут гибнуть твои товарищи, и если сможешь, то помогай им, если нет, то на всё воля Бесмертного Тэнгри. Но ты обязательно должен выжить. Тебе ещё предстоит занять трон Владыки страны Лазоревых Гор. – Сардейл улыбнулся. – Крепись, Рутгер, сын Ульриха. Ты не один, а воины своих не бросают. И да напьётся твой меч кровью врагов!

Рутгер, не зная, что сказать, кивнул головой, и повернулся лицом к степи. Сотни мыслей молниями вспыхивали в голове, но ни одна так и не задержалась. Да, так и должно быть. Так учил Увгард. Очисти свой мозг от всех мыслей. Тело само подскажет, что делать.

Так же, как и вчера челманы надвигались под рокот барабанов, под вой боевых рогов. Так же неотвратимо, поблёскивая доспехами и печатая шаг. Впереди строя на лошадях ехало несколько воинов, одетых в ярко начищенные доспехи. Один из них держал стяг, где была изображена голова дракона извергающего из открытой пасти огонь. И не было в степи и пяди земли, куда могла упасть стрела и не попасть во врага. Всё поле перед Волчьими Воротами было заполнено ордой челманов. Рябило в глазах от чешуйчатой брони, от разноцветных щитов, от огромного количества поднятых в небо копий.

Зрелище завораживало, и Рутгер подумал, что здесь собралось всё войско врага. Что они готовы хоть по собственным трупам прорваться в Волчьи Ворота и уничтожить клан Снежного Барса так дерзко бросившего вызов непобедимой и неистребимой мощи.

Полчища врага остановились, и воевода отметил про себя, что катапульты как раз смогут докинуть до них свой смертоносный груз, состоящий из камней и кувшинов с земляным маслом.

От строя отделились всадники и подъехали ко рву, заполненному трупами лошадей и уже поверженных врагов. Без всякого сомнения, это был воевода челманов и его свита. Вперёд выступил один из воинов, и на языке гааров прокричал:

– Повелитель Сармейских степей хочет говорить с вашим воеводой и вождём! У нас есть, что предложить таким отважным воинам, и Всесияющий Аллаи-хан будет рад, если мы сможем договориться!

Вальхар оглядел стоящих рядом воинов, и улыбнулся:

– Что ж, это нам на руку. Надо послушать, что они могут нам предложить. Рутгер, ты как воевода пойдёшь со мной. Герфур, ты понесёшь знамя Стального Барса.

– Это может быть ловушка. – Нахмурился Сардейл. – Их шестеро, а ты собрался идти втроём, причём двое ещё ни разу не напоили свои мечи кровью. Они могут просто перебить вас и оставить войско клана без вождей.

– Конечно. – Весело откликнулся Вальхар. – Но ведь ты прикажешь лучшим стрелкам приглядывать за противником? Тот, кто перейдёт ров, должен быть убит. Стрела из лука до них не долетит, а вот выпущенная из арбалета пробыёт и щит, и доспехи. Мы ничем не рискуем. Лестницу!

Воины быстро приставили грубо сколоченную лестницу к внешней стороне стены. Глядя на их мрачные лица можно было сразу догадаться, что они не в восторге от идеи вождя клана. Ещё сто лет назад перед каждой битвой было принято обговаривать условия для победителей и побеждённых. После переговоров два лучших бойца от каждого войска сходились в смертельном поединке, чтобы выяснить, кому благоволят Боги, и только после этого начиналось само сражение. Так было, когда в Обитаемом Море ещё оставалось место для чести и благородства. Когда он не был так густо населён, и войско из двухсот воинов считалось огромным. Гаары первыми нарушили эту традицию, убив во время переговоров воеводу вигов. С тех пор поединки во славу Богов прекратились, и никто не настаивал на их возрождении.

Едва ступив на обожжённую, покрытую изуродованными трупами, похожими на головёшки, землю, Рутгер почувствовал, как теряется его связь с войском. Он ощутил себя незащищённым и одиноким перед ордой челманов, как песчинка, волею судеб заброшенная туда, где находиться совсем не должна. Он понял, что всего лишь человек, и что для его смерти нужно совсем немного. Люди такие хрупкие существа... Сможет ли он оторваться от стены и выйти в поле под прицел сотен лучников, и тысяч глаз? Сможет. Это всего лишь ещё одно испытание. Виг выше смерти.

Вальхар осмотрел себя, свиту, состоящую из двух молодых воинов, и ободряюще улыбнулся:

– Ничего не бойтесь. Герфур! Выше знамя! Этот день войдёт в историю страны Лазоревых Гор! Будьте внимательны. Их лучники до нас не достанут, но их шестеро, и у каждого есть меч. Пока я веду переговоры, какой-нибудь из их воинов может затеять ссору. Запомните, им нужен всего лишь повод, чтобы пустить нам кровь. Рутгер, я знаю, ты хороший боец на мечах, и не раз побеждал самого Увгарда, но если уж решишься обнажить меч, то ты должен будешь убить всех шестерых. Не думай о красоте своих ударов. Просто убивай. Быстро и решительно. Это на тот случай, если по какой-либо причине заулы не смогут попасть в челманов.

Всё это Вальхар произнёс, старательно обходя кучи обгоревших трупов, с какой-то брезгливостью выбирая места чище, всем своим видом показывая, что он идёт на переговоры только из-за того, что этого попросил враг. Словно сделал большое одолжение, и может в любое мгновение передумать, повернуть назад.

Челманы спешили в тот момент, когда виги подошли ко рву. Они остановились, и какое-то время разглядывали друг друга, словно на глаз пытались опреде-

лить, кто на что способен. Рутгер отметил про себя, что мечи челманов изогнутые, около двух локтей длиной. Колоть такими неудобно, да они, скорее всего и не предназначены для этого, а вот рубящие удары должны быть сильными. Доспехи, как и казалось издавека, действительно были чешуйчатыми, блестящими, грубо выкованными, без украшений, производящими впечатление не защиты, а одной видимости. Но веде первое мнение всегда может быть обманчивым. Все шестеро были рослыми, опытными бойцами, и у четверых из них на лицах виднелись шрамы. В их узких, раскосых глазах можно было заметить тлеющий огонёк ненависти, что мог в любое мгновение вспыхнуть неукротимым пожаром.

Воин с длинным конским хвостом на гребне шлема выступил вперёд, что-то сказал на незнакомом языке, и переводчик, держащий знамя челманов, заговорил:

– Повелитель Сармейских степей приветствует храбрых защитников Волчьих Ворот. Он уважает мужество врага, и считает великой честью, что Боги дали ему возможность скрестить свой меч с мечом народа, слава о каком простёрлась далеко под небом Обитаемого Мира.

– Слишком много слов для воина. – Вальхар усмехнулся. – Мы тоже уважаем сильного противника, и всегда готовы к его услугам. Виги не любят болтать попусту. Что может предложить нам Всесияющий Аллай-хан?

– С тобой говорит не Великий, а всего лишь его земная тень, полководец войска челманов. – Переводчик старательно выговаривал слова, будто боялся, что послы могут его не понять, и переговоры могут кончиться ничем. Он перевёл дыхание и продолжил: – Наше войско покорило пять народов, и все признали власть Великого хана над собой. Вы мужественные воины, но вас слишком мало, и рано или поздно неудержимая волна нашей мощи смоет вас с этих утёсов. Зачем лишние жертвы? Повелитель Сармейских степей предлагаем вам жизнь в обмен на ваши мечи. Челманы не будут вас преследовать, и вы вольны уйти в любую часть Обитаемого Мира.

Вальхар засмеялся, отчего глаза послов челманов грозно сверкнули, и они подошли ближе ко рву, готовясь по команде своего полководца броситься на вигов.

– Видимо Повелитель Сармейских степей находится так далеко, что не видит происходящего здесь. Оглянись, полководец! Что ты видишь? Видишь хотя бы один труп вига? Вы потеряли полтысячи воинов за один день, и после этого предлагаете нам сдаться? Ничего глупее этого я ещё не слышал! Да, нас мало, но у вигов есть поговорка: не всё, что видишь – правда.

При последних словах вождя Рутгер приготовился выхватить меч, так как был уверен, что телохранители полководца бросятся на них, но челман остановил их одним движением руки. Блеснувшая сталь медленно вернулась в ножны. Молодой воевода плавно сместился в сторону от Вальхара, что бы тот не смог ему помешать выхватить из-за спины меч.

Отступивший на шаг переводчик вернулся на своё место, и, выслушав предводителя войска, спросил:

– Полководец челманов хочет знать имя того, кто подготовил все эти ловушки, чтобы знать, кого искать в битве, и воздать ему должное. Кто этот мудрый воин?

– Далеко ходить не надо. – Вальхар с гордостью указал на воеводу клана. – Вот он. Рутгер – Стальной Барс. Не смотрите, что он молод и не носит ни одной косы. Поверьте, на слово – он подготовил ещё много для вас сюрпризов. Так что я предлагаю вам убираться в свои степи, и больше здесь никогда не появляться, иначе на головы челманов падёт большое горе, и никто из вашего войска не сможет вернуться домой.

Переводчик не успел договорить последнюю фразу. Полководец что-то горланно выкрикнул, и четверо врагов в несколько шагов перебежали по трупам лошадей на сторону вигов. Сверкнула обнажённая сталь, и против Рутгера оказалось сразу трое челманов. Не оставалось никаких сомнений, что они хотят в первую очередь убить именно его и лишить защитников Волчьих Ворот своего воеводы.

Тело мгновенно вспомнило всё, чему научилось за долгие годы. Ведь к этому его готовили всю сознательную жизнь. Пусть ему немного лет, но зато он молод и полон сил!

Рутгер плавно скользнул в сторону, одновременно доставая из-за ножен за спиной меч, и как только почувствовал в руке его рукоятку, сразу успокоился. Теперь он был уверен в себе, и в том, что нет такой силы, способной сломить его.

Он легко ушёл от удара, раскрутил свой меч над головой и, сделав выпад, шагнул к ближайшему челману. Когда-то придуманный свой собственный приём имел сокрушающее действие. Остро отточенная сталь не встретила никакого сопротивления, вспарывая горло врага. Брызнула кровь. Противник даже не успел поднять свой клинок, чтобы попытаться отразить удар и рухнул на чёрное, обгоревшее тело, оставшееся от погибшего вчера соплеменника.

Воевода отскочил в сторону, краем глаза заметив, что Вальхар успешно теснит своего челмана ко рву, не давая ему опомниться и перевести дыхание. Вождь знает, что делает. Он уже долгие годы держит в руках меч и не раз поил его кровью.

Рутгер отбил рубящий удар сверху, повернулся вокруг своей оси, опуская меч, и наклонился, придав клинку необходимое ускорение. Враг, потеряв отсечённую ногу, упал на спину и что-то хрипя, пытался руками зажать рану. Это бесполезно. Через какое-то время он всё равно умрёт от потери крови, если ему не наложить жгут и не перевязать обрубок.

Противник Вальхара с рассечённой головой рухнул в ров. Герфур успел только достать свой меч, и стоял со знаменем в руке, не зная, что делать.

Полководец челманов что-то крикнул, и оставшийся в живых воин попятился ко рву, не опуская меч, и не отводя от Рутгера настороженного взгляда. Послышался так хорошо знакомый воеводе шелест, и короткий арбалетный болт пробил тело врага насквозь. Он ещё смог сделать один шаг, повернулся, словно хотел из последних сил выполнить приказ своего вождя, и упал лицом вниз, в ров.

– Иди, и передай Аллай-хану, что ни один челман не вернётся домой в свои степи. Вы все найдёте здесь свою смерть! – Вальхар крикнул это на одном дыхании, не остывший после схватки, готовый опять пустить свой меч в ход.

Полководец врага что-то крикнул в ответ, и резко повернувшись, пошёл к своему войску. Знаменосец не стал утруждать себя переводом последней реплики и поспешил за своим хозяином, ведя в поводу двух невысоких лошадей.

Со стороны Волчьих ворот донеслись крики вигов. Вальхар улыбнулся, посмотрел на Рутгера и проговорил:

– Вот теперь можно быть уверенным, что челманы не уйдут отсюда, пока не уничтожат нас. Балвер может спокойно собирать войско! Пойдём, воевода, и получим свою долю почестей от клана! Герфур, выше знамя! Мы – победители!

* * *

Глава 11.

– Лорды ведут какую-то свою игру, и я серьёзно опасаясь за свою жизнь. Так, где же, если не в лагере военного вождя, я могу быть в безопасности? – Владыка

Альгар взмахом меча срубил несколько травинок, осмотрел лезвие, и как бы, между прочим, добавил. – Хороший клинок. Оружейники Мортрея мастера своего дела.

– Да. Что, правда, то, правда. – Балвер оглянулся на стан, раскинувшийся у стен Вольфбура, на новые палатки, ставившиеся воинами для дружины царя россов, кверков и дивов. Собиралось огромное войско, способное разгромить любого врага. Такой большой силы Вольфбур ещё не видел. – Я многого не понимаю в дворцовых интригах, я – воин, и моё дело только защищать свою страну. Чего добиваются лорды? Что они хотят сделать?

– Теперь я совершенно точно уверен, что на престол претендует лорд Сатвел. – Мудрый и Справедливый сказал то, о чём думал уже давно. Чтобы не привлекать к себе внимания он оделся как простой воин, и приехал один, без свиты. Он не хотел, чтобы об этом разговоре узнал лорд Фельмор, и сейчас с досадой понимал, что это всё равно будет невозможно скрыть. Теперь ему оставалось только довериться Балверу, и попытаться хоть что-то изменить.

– Сатвел? – С удивлением переспросил военный вождь. – Но что в нём может быть такого, что объединило вокруг него изменников? У Фельмора гораздо больше власти, чем у владельца золотых рудников. Неужели золото?

– Вот именно, друг мой. Золото! Государственная казна пуста, и он диктует условия, и я вынужден их выполнять. Разве ты не заметил, что Совет Лордов принимает только те законы, выгодные им самим? – Альгар поднял ладонь, упреждая вопрос Балвера, и сам же на него ответил: – Что я могу сделать, если в Совете заметное большинство заговорщиков? Слишком поздно я это понял. Боги! Как я был слеп! Что теперь делать? Чтобы вернуть Законы Предков, нужна сильная рука, у меня же нет ничего, кроме своего имени и памяти брата. Даже те немногие телохранители, что стоят за моим тронem, целиком и полностью преданы кому-то из изменников.

– Ты – Владыка Альгар! Мудрый и Справедливый! У меня есть войско, способное свернуть горы, чтобы вернуть Древние Законы. Я думаю трудно найти воина, что был бы доволен новыми указами лордов. Пусть заговорщики тешутся своей мнимой безопасностью. Как только мы разобьём степняков, то немедленно повернём мечи против них, хотя мне очень это не нравится. Я совсем не хочу напрасного кровопролития.

– Война будет жестокой. Много ли останется вигов? Смогут ли они противостоять наёмникам лорда?

– Смогут. – Балвер улыбнулся. – Видишь вон те палатки, что ставят мои воины? Они для войска россов, дивов и кверков. Скоро у нас будет великая сила.

– Так значит это всё-таки правда? Ты рискнул без одобрения Совета послать гонцов за помощью? – Владыка Альгар рассмеялся. – Похоже, что со всех сторон меня окружают изменники! Только лорды хотят посадить на престол своего, а войска хотят своего. Найдётся ли мне место в этой сваре?

– Ты наш Владыка, и на престоле сидеть только тебе. Обещай воинам вернуть Законы Предков, и можешь рассчитывать на нашу преданность до смерти.

– Я верю тебе. – Альгар положил руку на плечо военного вождя и заглянул в глаза, словно пытался прочесть там его мысли. – Войска всегда были надёжной опорой нашим горам.

Балвер достал из-за пояса лоскут ткани и протянул Владыке. Тот взял в руки, развернул, посмотрел на руны, и ничего не понимая, вопросительно посмотрел на военного вождя:

– Что это?

– Это доказательство того, что лорды действительно организовали заговор. Вестника с этим посланием схватил воевода Рутгер, когда тот пытался пройти через Волчьи Ворота. Хранитель смог прочитать эту тайнопись, но в ней не указаны имена. Только намёки.

– И что же здесь написано?

Балвер немного подумал, и, вспомнив дословно, произнёс:

– «И когда отсечётся большой палец, кулак разожмётся. Ладонь не сможет удержать песок, сочащийся сквозь пальцы». Я долго думал, что это может значить, и думаю, что «большой палец» – это я. Заговорщики хотят меня убить.

– Да. Тебе надо быть очень осторожным.

– Пустое. – Отмахнулся военный вождь. – У наёмного убийцы не будет ни одного шанса. Я вижу дым. – Балвер указал на поднимающийся над дальним лесом белый столб дыма. – Это заулы дают сигнал, что приближается друг.

– Единственная хорошая новость на сегодня. Я хочу встретить нашего верного союзника.

– Конечно. Я отдам распоряжение седлать коней.

* * *

Лорд Фельмор нахмурился. Ему многое не нравилось, но он старался не подавать виду. Ему не нравился крикливый и нетерпеливый Сатвел, он на дух не переносил Кирфера, и Вармера. Что они могут дать стране Лазоревых Гор, кроме новых заговоров и интриг? Зачем государству Владыка, будущий за горсть золота готовый рвать глотки и своим родным? Разве сможет он править? Да его воины будутдохнуть от голода, завоёвывая для него золото других миров! Зачем им столько? Конечно, богатство – это власть, но ведь его не заберёшь с собой в могилу, да и зачем оно там? Что бедный, что богатый, Бессмертному Тэнгри всё едино. Он любит только души убитых врагов!

Фельмор легко поднялся со скамьи и прошёлся по террасе. Вот бы удивились те, кто привык видеть его старым, измождённым человеком. Людишки! Они видят лишь то, что хотят видеть, и то, что им показывают. Никто не знает, что скрывается под скромной, чёрной хламидой. Никто и не подозревает, какие мысли скрываются в голове повелителя Тайной Стражи. Нет, такие грандиозные замыслы не должны кануть бесследно. Кто, если не он, достоин занять престол Владыки страны Лазоревых Гор? Ему не нужно богатство. Это всего лишь золото. Никчёмные, блестящие кусочки нержавеющей металла, коим придана округлая форма, с профилем одного из Владык. Ему нужна власть! Вот товар, ради какого стоит всё это затевать. Он, и только он будет решать, кому умереть, а кому влачить жалкое существование. Владыка Фельмор! Вот его настоящее предназначение в жизни.

Вольфбур располагался на более пологом склоне огромной, священной горы Эрпон, и каждая улица была чуть выше, чем предыдущая. Чем руководствовались предки, когда закладывали город, оставалось только догадываться. С тактической точки зрения это была огромная крепость, каждую улицу которой противнику пришлось бы брать с помощью лестниц, верёвок, и при этом нести большие потери. Пока враг преодолеет уровни ремесленников, купцов, знати и лордов, то замка Владыки достигнет жалкая, израненная, уже ни на что не способная кучка воинов. Да и это всё было в виде предположений и догадок. Какой народ рискнёт напасть на страну Лазоревых Гор, войско какой способно разгромить любую орду? Так было раньше, когда Обитаемый Мир не был таким, и самое большое войско состояло из нескольких сотен бойцов. Те времена давно канули в лета, и орда, способная завоевать Вольфбур, теперь стояла в предгорье, штурмуя Волчьи Ворота.

Отсюда, с высоты террасы хорошо был виден военный лагерь войска кланов, и лорд Фельмор мог в любое время дня наблюдать за всеми передвижениями и произошедшими изменениями. Сколько ушло в этот лагерь наёмных убийц с одной только целью – Балвер? Вернулся ли хоть один? Нет. Куда они пропадают? Неужели телохранители вождя лучше, чем его люди? Тем не менее, это так, и приходится это верить. Нельзя оставлять попыток. Надо посылать и посылать убийц. Хоть у одного, хотя бы у кого-то должно всё получиться. Не может быть, чтобы все усилия пропали даром.

С Владыкой всё проще. Он уверен, что лорды на его стороне, и чувствует себя в безопасности. Наивный глупец! Неужели за четыре года правления он так и не понял, что власть – это такой лакомый кусок, и за него даже самый верный друг, да что друг, даже брат, может предать и обречь соперника на ужасные страдания! Или он только так хорошо притворяется?

Жизнь виг – священна! Трудно придумать ещё большую глупость. Кто такой виг? Всего лишь человек. Есть и такие, и им жить совсем не обязательно. Всё давно уже решено и подготовлено. Владыка Альгар умрёт сегодня, и все следы будут указывать на то, что убийца послан из стана Балвера. Это поставит его вне закона, не смотря на то, что он военный вождь. Что это?

Среди зачернённых доспехов вигов сверкнул ослепительным бликом панцирь одного из только что прибывших в лагерь всадников, потом ещё, лорд заметил сразу несколько, и вдруг, как бы подтверждая его догадку, в вечернем воздухе, слабым ветерком были развёрнуты флаги, с вышитыми ликами богов россов.

Рискуя упасть с террасы, Фельмор подался вперёд, протёр глаза, словно не доверял им, какое-то время смотрел, не отрываясь на величественную картину входящего в лагерь войска, только после этого сел в кресло, и откинувшись на спинку, задумался. В голове беспорядочно метались мысли, догадки. Он едва не поддался панике, и всё же взял себя в руки. Лорд налил себе из кувшина в золотой кубок холодного, батгейского вина, сделал большой глоток.

Значит это, правда, и военный вождь в обход Совета Лордов послал гонца за помощью к царю россов? Как он посмел? Это, конечно, ставит его вне закона, но теперь в руках Балвера сила, какая может всё изменить! Сплетаемый клубок заговора, все интриги, готовившиеся долгими годами, оказались разрубленными одним ударом меча! Что делать? Что теперь для Балвера суд, что приговорит его к работам в золотых рудниках? Он сам может вершить такое! Что для него Новые Законы, Тайная Стража или наёмники? Так, пустое место. Да и орда челманов уж не такая грозная сила, как казалось сначала.

Бессмертный Тэнгри! Не дай сойти с ума! Подскажи пусть, единственное, зато верное решение! Что теперь может дать убийство Владыки и военного вождя? Временную неразбериху, и только. Этого мало. Нужны более действенные меры.

Фельмор услышал торопливые шаги и повернулся. Секретарь, одетый в такую же чёрную хламиду, поклонился, и сказал:

– Плохие новости, мой лорд!

– Ты опоздал. Я уже и сам видел, что царь Аласейя прибыл под стены Вольфбура. Разве донесения от дозорных не поступали?

– Нет, мой лорд. Но это ещё не всё.

Бирхор был посвящён во все дела своего хозяина. Нередко он и сам давал кое-какие советы. На первый взгляд глупые, как может мыслить только слуга, но на проверку оказывающиеся довольно-таки неплохими. Да и что можно ожидать от человека, служащего верой и правдой своему лорду вот уже на протяжении пятна-

дцати лет? Говорят, что мудрость передаётся от человека к человеку. Если так будет продолжаться и дальше, то Бирхор сможет и сам в скором будущем организовать что-нибудь этакое.

– Ну, и что ещё? – Фельмору показалось, что сейчас его уже ничто не сможет удивить. Что ещё более неожиданное может случиться? Челманы ушли в степи? Балвер занял трон? Раскрыт заговор, и все лорды схвачены?

– Владыка Альгар из своего замка уехал в лагерь военного вождя и, похоже, не собирается обратно. Наш человек не смог услышать весь разговор, но смог разобрать, что Владыка упоминал про заговор лордов.

– Это следовало ожидать. – Лорд невесело улыбнулся. Какое уж тут может быть веселье, если всё, так тщательно подготовленное, рушится безнадежно и безвозвратно. Фельмор почему-то был уверен, что второго шанса ему судьба уже не даст. Спасти бы самого себя, и своё положение. Другие лорды? Что ему другие? Когда всё гибнет, каждый спасается, как может, хотя бы и по трупам вчерашних друзей. Разве заговорщики ему друзья? Они просто средство для достижения цели.

– Бирхор, вели седлать коня. Мы едем в лагерь военного вождя Балвера. – Лорд многозначительно замолчал, и его мысль за него продолжил писарь:

– Ваша милость, мы обнаружили заговор? И главный среди заговорщиков лорд Сатвел?

Фельмор улыбнулся:

– Иногда мне кажется, что Тайная Стража не в моём подчинении, а в твоём. Кстати, узнай, кто стоял в дозоре на дороге к россам, и примерно его накажи. Да так, чтобы Стражи помнили это долгие годы.

– Будет сделано, мой лорд. – Бирхор поклонился, и таким же торопливым шагом покинул террасу.

Лорд Фельмор ещё раз окинул взглядом видимую часть лагеря военного вождя. До его замка не долетал шум, вызванный приходом такого сильного союзника, но это и хорошо. Ещё не хватало слышать крики радости тех, кого он совсем недавно собирался уничтожить. Балвер непрост. Это стало понятно только сейчас. Что ж, чем сильнее противник, тем интереснее схватка. Ещё посмотрим, кто кого. Надо просто подумать, и выжать из создавшейся ситуации всю возможную выгоду. Кто знает? При удачно проведённой игре это вполне может быть началом нового взлёта.

* * *

Глава 12.

Рутгер опустил пернач, и устало прислонился к залитому кровью зубцу стены. Казалось, что поднять иссечённый щит будет стоять нечеловеческих усилий, и он, выпущенный из ослабевшей руки, гулко ударился о камни.

Только что был отбит четвёртый штурм Волчьих Ворот. Каких потерь всё это стоило! Под стеной не было места, где бы ни лежал чей-нибудь труп. Виги, челманы, гаары, всё смешалось после жестокой, яростной битвы. Запах, стоящий над местом боя, казалось, мог свести с ума. Пахло горелым мясом, кровью, железом, потом, и чем-то ещё, не передаваемым, очень страшным. Именно так и должна пахнуть смерть. Именно так и должна выглядеть война. Всюду, куда ни посмотри, одни мертвецы, и огромные лужи крови.

Воевода посмотрел на равнодушное небо, затянутое дымом и облаками, что-то промышчал, грозя кулаком в сторону врага, и огляделся. Как же мало их всё-таки осталось! Все силы вигов собрались на стене, и их можно было пересчитать по пальцам.

От силы наберётся человек шестьдесят, да ещё у катапульта пара десятков молодых воинов.

Среди наступившей тишины звонко хлопали тетивы арбалетов, и их стрелы молниями достигали отступающего врага, разили, легко пробивая доспехи, щиты. Защитникам Волчьих Ворот, хотя они и были в более выигрышном положении, крепко досталось, и всё же их потери не шли ни в какое сравнение с убитыми со стороны челманов. У стены и на поле у рва лежали сотни трупов в блестящих чешуйчатых доспехах. Враг рассчитывал задавить вигов количеством, и все его атаки безуспешно разбивались о стойкость и мужество воинов клана.

– Завтра они прорвутся. – К воеводе подошёл весь залитый кровью Сардейл. Кольчуга в нескольких местах была порвана, и из дыр торчал конский волос, коим был подбит тегилый. Левая рука на перевязи, в правой зажата окровавленная секира. – Как бы мы ни упирались, без подмоги нас завтра сомнут.

– Думаешь, сегодня они уже не пойдут на штурм? – Прохрипел Рутгер, и попытался улыбнуться. Полученная ещё утром рана на щеке опять начала кровоточить.

– У тебя кровь на щеке.

– Пустое. – Отмахнулся Стальной Барс. Обращать внимание на такие пустяки уже не было сил.

– Они такие же люди, как и мы. Хоть они и дикари, но они так же устают. Больше всего на свете человек устаёт убивать и смотреть на смерть своих товарищей. Им, как и нам, нужно передохнуть. – Сардейл заметил близкое к обмороку состояние Рутгера, и крикнул: – Эй! Кто-нибудь! Вина воеводе!

Снизу передали кувшин, и воевода, сделав большой глоток, облегчённо перевёл дыхание. Разбавленное водой, холодное вино сразу ударило в голову, и усталость куда-то ушла. В руках снова начала появляться сила, и в окружающем сером мире проявились яркие краски. Положение войска уже не казалось таким безнадежным, и Рутгер мог снова вступить в битву. Это состояние показалось ему странным, и он вопросительно посмотрел на Сардейла. Тот понял, и ответил:

– В это вино наш лекарь добавил кое-какие травы. Обычно воины не пьют такое, но сейчас идёт война, и нам надо быстро восстанавливать силы.

– Сколько бойцов погибло?

– Пока не знаю. Чуть позже нам всё будет известно. Я видел, как погиб Лигхар, Сорви, Манвер... Они стали Великими Героями, и их имена будут выбиты на Красной Стене Храма Бессмертного Тэнгри. А, да что там! – Воин махнул раненой рукой, и поморщился. – Много достойных мужей покинули нас. Могло погибнуть ещё больше, если бы не Герфур с катапультами.

Рутгер вспомнил, как в полдень этого дня по сигналу рога степняки отхлынули от стены, а возле рва, плотными рядами заканчивали строиться лучники. Они уже готовились обрушить на вигов лавину стрел, что могла нанести большой урон и так немногочисленным защитникам. Увлечённый боем воевода заметил и понял это слишком поздно. Он успел подумать, что катапульты следует передвинуть ближе к стене, и зарядить кувшинами с горящим земляным маслом, как вдруг над головами вигов пролетели эти самые кувшины, и камни. Челманы не успели что-то сделать. Небольшие камни, разлетаясь, разили сразу по несколько человек, разбиваясь, кувшины разбрызгивали горящее масло, поджигая не меньше врагов. Рутгеру тогда удалось оглянуться на мгновение, и он увидел, как возле катапульта суетятся молодые воины во главе с Герфуром.

– Да. Это он вовремя придумал. Что уж говорить! В рукопашной от него толку мало, так пускай так и остаётся при катапультах. Там у него получается гораздо лучше.

Сардейл кивнул, и что-то заметив, посмотрел вниз, на трупы, вповалку лежащие у подножия стены. Что там может быть интересного? Что там можно разглядеть?

– Рутгер, посмотри вниз. Что ты видишь?

Воевода послушно посмотрел и содрогнулся. Искалеченные, окровавленные тела. Искажённые дикой болью лица, глаза, вот-вот выпадающие из глазниц. А вон лежит и тот, кого Рутгер убил последним. Тело неестественно выгнуто, вместо головы что-то страшное, состоящее из обломков ослепительно белых костей и крови.

– Что там?

– Неужели не видишь? Ты заметил, что с полудня нас атаковали только челманы? Где трупы гаар? Что, мы их всех перебили?

– А почему нет? Войско гаар и раньше-то было не очень большим, а теперь и подавно. Сколько же жён осталось вдовами? Сколько детей осиротело? Сколько деревень, городов вымрет и опустеет? Неужели это кому-то нужно? Что потом будет с Обитаемым Миром? Когда ещё люди восстановят свою численность?

– Ты жалеешь врага?

– Нет, это совсем другое. – Рутгер немного подумал и продолжил: – Это не жалость. Для чего люди воюют? Для чего им непременно нужно кого-то убить, чтобы завладеть тем, чего у них нет? После Апокалипсиса прошло тысяча лет, а земля не заселена и наполовину! Сколько пригодных для жизни земель теперь будет пустовать, прежде чем туда придёт человек? Иногда я думаю, что люди уничтожат сами себя, как, впрочем, и было десять веков назад...

– Это опасные мысли. – Сардейл внимательно посмотрел на воеводу, и в его глазах мелькнуло любопытство. – Мы всего лишь воины, и наша работа – это убивать врага, пришедшего на нашу землю с мечом. Зачем думать о том, чего не может быть? Делай, что должен, и мир изменится!

– Я так не думаю. Никогда не поздно изменить мир.

– Если он захочет измениться, и не убьёт тебя. Любое доброе начинание может причинить вред своему носителю. В наше время не должно быть жалости в сердце. Пожалеешь – умрёшь сам, и погибнут твои близкие. Как говорили Древние – убей, или умри.

– Всё равно. Нельзя так жить. Надо хотя бы попытаться! – Упрямо повторил воевода.

– Древние Боги тоже пытались это сделать, и к чему это привело? И вообще, давай оставим этот бесполезный спор. Сейчас у нас только одна задача: выжить, и не пустить врага в страну Лазоревых Гор. Кто это? Неужели наш гонец?

По дороге, проходящей по разорённой деревне, галопом нёсся всадник. Он то и дело подгонял уже не отвечающего на удары плетью, покрытого пеной коня. Внезапно всадник остановился. У коня подломились ноги, и всей своей тушей он рухнул на землю, тяжело дыша и едва не придавив своего седока. Остаток пути гонец проделал бегом, хотя по его неуверенным движениям было заметно, что это доставляет ему сильную боль. Он остановился у подножия стены, безошибочно найдя Рутгера, и закричал:

– Мой воевода! Сюда направляется большой отряд ополченцев под предводительством лорда Гринхарда!

Что-то похожее на слёзы появилось на глазах воеводы, и он дрогнувшим голосом спросил:

– Что слышно про царя россов?

– Когда я поскакал к Волчьим Воротам, то видел гонца от россов. Скоро они придут, и сразу же двинутся на помощь по Большой Марвейской Дороге.

– Хвала Бессмертному Тэнгри! – Воскликнул Сардейл. – Аласейя всё же откликнулся на призыв военного вождя! – Ветеран заметил недоумённый взгляд Рутгера, и пояснил: – В своё время Владыка Альгар здорово испортил отношения со своими верными союзниками. Но это всё из большой политики, и нам, простым воинам, вдаваться в подробности совсем необязательно. Какой отряд у лорда Гринхорда, и когда он сюда придёт?

– Около пятисот ремесленников из харвеллов, и заулы, коим пришлось покинуть свои дома из-за войны. Если они пойдут без привалов, то отряд будет к утру.

– Будь я проклят! Ремесленники, крестьяне, скотоводы! – Сардейл от души выругался, и сплюнул.

– Что не так? – Рутгер не понимал своего боевого товарища, ещё и ставшего теперь наставником. – К нам идёт помощь, так разве это плохо?

– Ты не слышал? Харвеллы и заулы! Не бог весть, какая сила! Вигов обучают войне с детства, а их обучают лепить горшки, ковать железо, разводить скот! В общем, ничего такого, что могло бы нам пригодиться завтра! Они не воины, и в первом же бою будут гибнуть десятками, а то и сотнями. Заулы в основном скотоводы, и хорошие охотники, много их служит в нашей армии стрелками, но и только! Что они смогут сделать против тысячи челманов?

Рутгер посмотрел на закатывающееся солнце, на кроваво-красные облака, на поле, усеянное трупами, на далёкую линию горизонта, где бурлила и ярилась вражеская сила, так поспешно отступившая от стены, преграждающей Волчьи Ворота, и проговорил:

– И всё же это помощь, а она нужна нам как никогда. Нам надо продержаться всего одну ночь, и один день. Разве у нас есть выбор? Так что будем довольствоваться тем, что имеем. Они идут защищать свои дома и семьи, а это придаст им необходимую ненависть к врагу. Может быть, завтра, будет наш последний день, и все мы отправимся к Очагу Бессмертного Тэнгри, но мы отправимся туда свободными, и погибшими в бою! Ведь так завещали нам предки!

– Хорошие слова! – К воеводе подошёл Вальхар. Он опирался о плечо своего оруженосца и заметно хромал. Ближе к вечеру его успели два раза ранить, в правое плечо и бедро. Его отвели от стены, перевязали. Он не мог держать в руке меч, зато мог отдавать приказы, и окружённый телохранителями не уходил от стены вглубь ущелья, куда уносили раненых. В разгар последнего штурма вождь несколько раз терял сознание, но хорошо зная его характер, воины даже не пытались отнести его в лазарет.

– Вальхар, зачем ты пришёл? Ты ранен, и потерял много крови! Это может плохо кончиться! – Начал было Сардейл. – Что будет, если клан лишится тебя?

– Что нам страдания и боль тела, когда душа и сердце жаждет славы? – Перебил его вождь клана, древней поговоркой вигов. – Сегодня был славный день. Много воинов отправилось к Очагу Бессмертного Тэнгри, и много имён будет выбито на Красной Стене в Храме. Все Снежные Барсы стали великими героями. Для кого-то это была первая, и последняя битва. Кто-то может заплести ещё одну косу на голове!

От слов Вальхара защемило сердце, и Рутгер только сейчас осознал, что почти не видит друзей детства, с которыми проходил обряд посвящения в воины. Их было семь

десятков, а сейчас он видит около двадцати. Где остальные? Что с ними? Лежат у подножия стены с ужасными, смертельными ранами, полученными в жестокой битве? Или в лазарете, теперь уже навсегда став инвалидами без руки, или ноги? Доживают последние мгновения, метаясь в горячечном бреде, и, призывая матерей, ради каких встали плечом к плечу на стене перегородившей Волчьих Ворота? Будь проклята война! Нет, она совсем не такая, какой её представлял себе Рутгер на заре своей жизни. Подвиг здесь соседствует с неприкрытым, ужасающим оскалом смерти. Теперь война ему представилась не в лучах неувядающей славы, не в заздравных тостах, не в искрящемся звоне скрещённых мечей, а в предсмертных криках, в агонии друзей, плаче матерей и сестёр, в погребальных склепах и могилах.

Сглотнув пересохшим горлом, и тут же сделав несколько глотков вина из кувшина, Рутгер посмотрел на подножие стены, почувствовав, как на глаза набегают слёзы, торопливо вытер их, и отдал Сардейлу приказ:

– Когда стемнеет, спустим со стены лестницы и верёвки. Поднимем всех наших героев. Они не заслужили лежать в смердящей груди степняков.

– Будет сделано, мой воевода. – Нахмурившись, кивнул Сардейл. Несмотря на его безобразный шрам, ветеран не казался каким-то ужасным, кровожадным бойцом, готовым отправить к Бессмертному Тэнгри любого. Стоило узнать его поближе, и Рутгер теперь уже с трудом представлял, как мог раньше обходиться без него, хотя и помнил то время, когда жутко боялся его. Ведь когда-то мать пугала его им, и говорила, что Сардейла наказали Боги за его непослушание родителям. Как теперь это звучит смешно и нелепо! Ветеран надёжен как меч, и мудр как сам Бог.

* * *

Глава 13.

Царь россов Аласейя удивлённо посмотрел на Балвера, немного подумал, склонив голову на бок, и только тогда произнёс:

– Я не виг, и не знаю ваших законов, но тут, честно говоря, я вообще ничего не понимаю. Казалось бы, чего проще! Есть предатель – есть меч. Зачем искать ещё какие-то доказательства, если и так всё понятно?

Военный вождь снисходительно улыбнулся, глядя в благородное лицо своего друга, и сказал:

– Мы не можем обвинять друг друга в каком-либо преступлении, если на это нет доказательств. Догадки здесь не считаются. Суд не сможет вынести справедливого решения.

– Суд? – Царь россов рассмеялся, тряхнув головой, отчего его русые волосы, потревоженные ветром, разметались по плечам, стянутым отделанным золотом, доспеху. – О каком суде ты говоришь? Мои купцы торгуют с вашими купцами, простолюдины россы часто бывают Вольфбуре, и многое рассказывают. Да и сам я давно уже не ребёнок. Разве я не вижу, что творится со страной Лазоревых Гор? Как вы смогли допустить такое? Неужели виги слепы?

В глубоком раздумье Балвер подтянул поводья своего коня, норовящего свернуть с древней дороги на луг, покрытый сочной, зелёной травой. Не смотря на резкость и иронию в голосе Аласейя, он не обиделся, и не замкнулся в себе. Он понимал, что молодой царь россов прав, и виги во многом сами виноваты, что допустили такое.

– Вы, виги, спесивы и горды до невозможности. Вы хвалитесь своими законами, и сами же их не соблюдаете. Указываете всем на своё правосудие, хотя оно не работает. У тебя есть подозрения? Для меня этого достаточно, чтобы покарать предателей. Меч – вот мой судья. – С этими словами росс достал из ножен на левом боку,

богато украшенный клинок, с улыбкой погладил сверкающую бликами сталь. – В наше время только меч и сила что-то стоят. Остальное просто ничто. Оглянись! За нами огромная сила, какую ещё не видели ваши горы! Что тебе стоит отдать приказ, и направить её на установление Законов Предков?

Балвер рассмеялся, и ответил:

– Именно это я и собираюсь сделать. Клань не доверяют друг другу, с их вождями очень трудно договориться. Если один клан начнёт, то нет никакой уверенности, что другие его поддержат. Перед лицом общей опасности мы объединились, но надолго ли? Владыка Альгар ничего не может решить, попав под влияние лорда Сатвелла и его прихлебателей. Теперь-то я убеждён, что непонимание между кланами устроено заговорщиками. Ничего. Как только разобьём орду степняков, так сразу займусь Сатвелом и его наёмниками. Против объединённых кланов они не устоят.

Военный вождь посмотрел на пыльную дорогу, изгибающуюся серой лентой, терялась за выступающим мысом леса, на грозные облака, уже неделю пробегающие по всему небосводу, но не пролившими на землю и каплю дождя. Где-то там, впереди бесновалась орда врагов, раз за разом, яростно штурмуя Волчьи Ворота, а здесь, в предгорье, двигалось войско, какое удалось собрать за четыре дня. Сразу за военным вождём и царём россос на конях ехала тяжёлая конница в сверкающих латах, что не мог разбить ни один меч, выкованный в Обитаемом Мире. Вооружённые длинными копьями, мечами, круглыми, обитыми медью щитами, конная дружина россос, состоящая из тысячи воинов, была несокрушима, что уже не раз доказывалось в сражениях. Их так и называли – «Железнобокие».

За конницей пешком двигались пятнадцать сотен вигос в зачёрнённых доспехах, в шлемах, увенчанных рогами силы. Бешеные, беспощадные бойцы, презирающие смерть, жаждущие славы, чтобы их имена были высечены на Красной Стене в Храме Бессмертного Тэнгри. Разве может их что-то остановить? Клань не сражаются верхом. Вся их мощь и сила в пешем строю. Стена из круглых, красносиних щитов, мгновенный блеск мечей, секир, и неумолимый, твёрдый шаг вперёд. Потом ещё, ещё! Враг пятится, его строй ломается, и стена вигос рассыпается, чтобы вспыхнула яростная схватка, разбитая на небольшие кучки воинов. Тактика вигос всегда приносила им победу, и считалась совершенной.

За пешими воинами шли заулы, прирождённые скотоводы и охотники. Всё их вооружение состояло из лёгкой кольчуги, лука или арбалета, небольшого меча и щита. Они не врубались в ряды противника, они разили его издали своими длинными, смертоносными стрелами. Их чаще всего использовали как лазутчиков, дозорных, а если надо было подготовить засаду, то здесь им равных просто не существовало. Никто из войска не мог припомнить, чтобы из ловушки заулов мог кто-то вырваться и скрыться, ведь полностью металлическая стрела особой закалки, выпущенная из арбалета, пробивала и доспехи, и щит на расстоянии в четыреста шагов. Все они без исключения были искусными стрелками, ибо на службу к вигам нанимались только самые лучшие.

За стройными рядами арбалетчиков двигались дивы, и родственный им народ кверки. Эти низкорослые, казалось самой природой, созданные для жизни в дремучих лесах люди, были вооружены в основном топорами, и квадратными щитами. Их доспехи состояли из многих слоёв шкур, так выделанных, что их не могла пробить стрела, выпущенная из лука с расстояния двух сотен шагов. Это, конечно, была не самая лучшая защита, но другой они просто не признавали. Вся их тактика состояла из бешеного, внезапного напора оттуда, откуда их совсем никто не ждёт. Они могли

целый день просидеть на дереве, или в воде не шевелясь, дыша через соломинку, чтобы дожидаться свою жертву, и в жестокой, скоротечной схватке одержать победу.

Балвер ещё раз посмотрел на облака, и, глядя в небесно-голубые глаза царя Аласейя, сказал:

– Победа будет очень трудна. Многие хорошие бойцы отправятся к Очагу Бесмертного Тэнгри. Стоит ли тебе вести дружину в бой и сиротить свой народ?

Росс недоумённо посмотрел на военного вождя вигов, и, не пытаясь скрыть обиды в своём голосе, проговорил:

– Балвер, я тебя не понимаю. Наши народы всегда помогали друг другу в любых войнах. Так было из века в век, и так завещал мне отец, а моему отцу так завещал мой дед. К чему такие вопросы? Когда на россов нападут лерды или ярвиры, разве виги не пойдут умирать за своих соседей?

– Извини, если я обидел тебя. Я сам не понимаю, что творится со мной. Всё смешалось в кучу. Война, заговор, а тут ещё визит лорда Фельмора. Что это, хитрый ход чтобы отвести от себя подозрения, или он действительно ничего не знал, и раскрыл его только недавно? Всё это кажется мне очень странным.

– Хитрит, старый лис. Я его мало знаю, но зато хорошо помню слова отца. Насчёт Фельмора он меня предупреждал особо! Ты же знаешь, великий князь никогда не ошибался.

– Да, лорд опасный человек. Не смотря на свои преклонные года, он ещё может устроить нам много неприятностей. Вся эта возня с заговором началась из-за того, что под стенами Вольфбура появилась твоя дружина, царь россов. Если бы не ты, я давно уже лежал где-нибудь с кинжалом в сердце.

Аласейя улыбаясь, посмотрел на Балвера, и как о чём-то доказанном, что уже и не стоит подтверждать, спросил:

– Ты же сам всё видишь! Неужели и теперь, тебе нужны какие-то доказательства измены лордов? После войны не вкладывай свой меч в ножны, а просто верни законы своих предков! Они хоть и древние, и, может быть где-то жестокие, зато справедливые. Виги жили по ним долгие века, и выросли в сильный, нестигаемый народ!

– Я не хочу уподобляться коварному и подлому врагу. Я привык встречать опасность лицом к лицу, а не бить из-за угла отравленным кинжалом. Когда у меня в руках будут неопровержимые доказательства вины лордов, вот тогда состоится суд, и каждый получит то, что ему причитается.

– Военный вождь Балвер, мой отец всегда говорил, что ты мудр, как сам Тэнгри, бесстрашен, как серый, пещерный медведь, молниеносен, как барс в прыжке. Это всё я понял ещё пять лет назад, но я не понимаю, почему ты не предпримешь каких-либо действий, когда всё уже итак ясно!

– У нас есть суд, и предателей должны судить. – Упрямо повторил Балвер. Он устал от этого разговора, и хотел его как можно быстрее закончить, и не знал, как. Что толку объяснять царю россов о правосудии, если он не знает, что это такое, и сам в своей стране вершит суд так, как ему подсказывает сердце?

Аласейя не успел что-либо возразить, так как послышался дробный стук копыт, и из-за леса, на дорогу выскочили три всадника. Это были посланные вперёд дозорные заулы. На полном скаку они остановились, спешились, и, преклонив одно колено, старший из них, переводя дыхание, обратился к Балверу:

– Мой вождь! В двух тысячах шагов отсюда, за лесом стоит лагерь орды. Они готовятся к штурму Волчьих Ворот. Похоже, что они никого не опасаются, так как даже не выставили боевое охранение со стороны леса.

– Отлично! – Воскликнул военный вождь, и засмеялся. – Пришло время напоить свои мечи кровью врагов. Воевода!

К Балверу подъехал Урхард, и советник Хардур, царь россов развернул коня и поскакал к своей дружине. В то же мгновение всё войско пришло в движение. Огромная масса вооружённых людей перестраивалась из походной колонны в боевой строй. Пришла пора показать народу страны Лазоревых Гор, что золото, выделяемое на содержание войска, тратится не зря, и кланы вигов умеют держать в руках мечи.

– Военный вождь! Я предлагаю пройти сквозь лес напрямик, и тогда мы окажемся сбоку, по правую руку противника. Вряд ли они успеют быстро перестроиться, увидев нас, и вот тогда мы ударим! Леса предгорья чистые, там нет буреломов, и густого подлеска, так, что конница россов пройдёт без задержек, ну а виги и так пройдут там, где не смогут пройти другие.

Балвер выслушал старого, одноглазого Хардура, кивнул, и высказал своё мнение:

– Хорошо. Этого они ждать не будут. Кверков и дивов разместим на левом крыле войска. Когда россы и виги свяжут челманов ближним боем, они обойдут орду и ударят им в лагерь. Это должно решить всё. Уничтожение лагеря и обоза всегда сеет панику в рядах врага.

Военный вождь привстал на стременах, пытаясь окинуть взглядом многотысячное войско, и не смог. Так велико оно было. В глазах рябило от доспехов россов, от поднятых в небо копий, от разноцветных стягов и знамён. От мысли, что через какое-то время вся эта масса людей выйдя из леса, опустив копья, и обнажив мечи, ринется на врага, чтобы убивать и умирать самим, становилось не по себе. В том, что атака будет стремительной и неожиданной Балвер не сомневался. Его тревожило совсем другое. Всё дело в том, что до сих пор никто не знал настоящей численности врага. Лазутчики заулы не могли их пересчитать, так как не могли приблизиться к ним достаточно близко. Да и как пересчитать воинов, не стоящих на месте, а их лагерь раскинулся так широко, что не хватало глаз, чтобы окинуть его одним взглядом? Достаточно ли войско он собрал, чтобы разгромить врага? Не будет ли их атака жалкой попыткой только укусить орду степняков?

Проезжая мимо строя, Балвер всматривался в незнакомые, сосредоточенные лица россов. В покрытые чёрной краской так, что были видны только белки глаз и зубы, лица вигов. На угрюмые, бородатые, какие-то отрешённые лица кверков и дивов. Что ждёт их всех в недалёком будущем? Что ими движет, если они готовы играть в прятки со смертью на поле, где не будет ни одного спокойного уголка, где бы кто-нибудь не умирал? Всё в руках Бессмертного Тэнгри. Он не оставит свой народ, и не допустит его уничтожения!

* * *

Глава 14.

Рутгер принял удар на уже треснувший щит, и широко размахнувшись, обрушил пернач на шлем челмана. Тот не успел отступить или закрыться. Из-под сферического, украшенного конским хвостом шишака, густой струёй во все стороны хлестнула обжигающая кровь. Всюду слышались крики, хрипы умирающих, звон железа, и грохот клинков о деревянные щиты. От этого можно было оглохнуть и сойти с ума. Казалось, что это продолжается бесконечно, что никогда не было мирной, спокойной жизни, что степняки всегда пытались прорваться в Волчьи Ворота, и всегда шла эта жестокая, безжалостная сеча.

Мимо стремительно проскочил Увгард, и, вонзив меч в грудь ступающего на стену челмана, ударом ноги сбросил труп на лестницу, на поднимающихся следом врагов. Он повернулся к воеводе, и, кривя в улыбке окровавленное лицо, крикнул:

– Не зевай! Вспомни всё, чему я тебя учил! В такой свалке неплохо бы иметь глаза и на затылке! – Он ловко отбил выпад следующего противника, толкнул его плечом, и уже, когда тот падал, резким взмахом клинка съел ему голову. – Ещё никогда мне не было так весело! Теперь у меня не хватит волос на голове, чтобы заплести косицы по счёту убитых врагов!

– Осторожно! – Рутгер отбил копьё, направленное в грудь своего учителя, медным ребром щита ударил степняка в шлем, и сбросил со стены. – Смотри сам не потеряй свою голову вместе с волосами! Ты ещё нужен клану!

Увгард опасно, хищно оскалился, и, заметив, как в нескольких шагах от него Сардейл отбивается сразу от трёх противников, бросился ему на помощь.

Ополчение лорда Гринхарда подросло как раз вовремя. Ремесленники, крестьяне и земледельцы занимали свои места на стене уже под рёв боевых рогов степняков, ринувшихся на штурм. Они не умели сражаться ни в строю, ни поодиночке, но своей яростью и волей к победе смогли сдержать первую волну челманов. Они гибли десятками, и уже израненные, из последних сил взмахнув топором, нанеся удар, падали со стены в скопище врагов, чтобы и своим падением попытаться убить хотя бы ещё одного ненавистного степняка.

Поредевшие ряды заулов, стреляющие из арбалетов и луков со скал, нависших над Волчьими Воротами, получили хоть и небольшое, но достойное пополнение. Стрелы не переставали лететь во врага ни на мгновение, и каждый раз находили свою цель.

Откуда-то из глубины ущелья пришли несколько десятков стариков, женщин и отроков, не могущих держать в слабых руках оружие, и таскали издалека камни для катапульт Герфура. Только благодаря их усилиям они ещё могли стрелять через головы защитников стены и сразу по несколько человек разить врага.

Несмотря на все героические усилия, численность защитников таяла, и, каждому, держащему меч было уже ясно, что долго без помощи они всё же не смогут продержаться. Ещё один такой штурм, и челманы прорвутся на короткую дорогу к Вольфбуру.

– Ещё немного! Не жалея! – Ульмер ударом секиры разможил голову своего противника, и тут же упал, сражённый сталью изогнутого меча. Остриё скользнуло по чёрным пластинам брони, и нашло слабое место между сочленениями доспеха. Убийца прожил недолго. Не успел он вытащить из бездыханного трупа свой меч, как пал под ударом другого воина. Его лицо не было покрыто чёрной краской, устрашающей врага, и Рутгер узнал в нём десятника Тайной Стражи, что так недавно и в то же время так давно прибыл сюда, чтобы в кандалах увести его в рудники лорда Сатвела. Он был весь с ног до головы залит запёкшейся и свежей кровью. Он ни на мгновение не останавливался, чтобы перевести дыхание, и, опрокинув за стену одного из челман, тут же накинулся на другого.

Где-то в глубине степи приглушённый безумным грохотом битвы зазвучал рёв рогов. Едва ступившие на стену и скрестившие мечи с вигами, враги попятнулись, отступая, и начали прыгать вниз. Кто-то не успевал и тут же погибал под ударами защитников Волчьих Ворот, кто-то ещё отбивался, пытаясь отойти, или пробиться к своим соотечественникам. Не многим это удалось, а кто успел, тот пал под стрелами заулов.

Только когда на стене остались тяжело дышавшие, в окровавленных доспехах, кое-где перевязанные виги, Рутгер понял, что первый штурм закончен. Он смотрел на отступающих челманов, прикрывающихся щитами от арбалетных болтов, и не мог понять, почему же они не стали продолжать бой, ведь чтобы прорваться им не хватило совсем немного! Им нужна была всего ещё одна сотня свежих, не утомлённых рубкой бойцов! Почему подали сигнал к отходу? Для чего? Военная хитрость, или случилось что-то такое, что гораздо важнее атаки на Волчьи Ворота? Что это может быть? Военный вождь Балвер ударил в тыл врага? Почему тогда не слышно шума битвы?

– Отличный день! – К Рутгеру подошёл десятник Тайной Стражи. – Теперь я почувствовал, что действительно нужен стране Лазоревых Гор. – Он замолчал, и воевода понял, что он хочет о чём-то поговорить, и не знает с чего начать.

Барс усмехнулся, и, улыбаясь, радуясь душой, что штурм наконец-то отбит, и он остался жив в этом аду, хоть и смертельно устал, спросил напрямик:

– Совсем недавно ты был смел и отважен, так что же тебя так могло смутить, что не можешь сказать и слова? Ты хочешь что-то сообщить мне?

– Да, воевода. – Десятник вытер со лба пот, отчего его лицо и так перемазанное кровью приняло ещё более жуткий вид: – Несмотря на молодость, ты проницателен. Я знаю, вы не пользуетесь услугами наёмников, и в войске служат только виги, и всё же я хочу спросить...

Рутгер остановил его речь движением руки, и, заглядывая в карие, ещё сверкающие горячностью боя глаза, догадываясь о его следующих словах, упредил:

– Ты – харвелл?

– И да, и нет. Моя мать – харвеллка, а отец виг, какого я совсем не помню. Он погиб в какой-то одной из старых войн с гаарами.

– Ты на половину виг, и сегодня доказал, что можешь быть вигом полностью. Кто возьмётся судить, чьей крови в тебе больше? И у вига, и у харвелла она красная. Я думаю, мы сможем найти какую-нибудь лазейку в Новых Законах, чтобы ты мог стать моим воином. Сочту за честь, если вступишь в моё войско. – Снимая рогатый шлем Рутгер кивнул головой.

Десятник опустил на одно колено, поклонился:

– Я – Эвгурн, сын Галла.

– Встань, Эвгурн. Мы уладим это дело. Я попрошу лорда Фельмора. – Начал, было, воевода, и тут же замолчал. Как ему теперь быть? С одной стороны, он преступник, уже осуждённый к трём годам рудников, с другой, воевода, и герой, не пропустивший врага под стены Вольфбура. Сардейл сказал, что всё ещё изменится, но, кто знает? Сейчас такое время, что никогда не знаешь, что может произойти завтра. Сегодня – герой, а завтра – изгой.

– Рутгер! – Подошёл никогда не унывающий, и, кажется, бессмертный не смотря на все свои мелкие раны, Сардейл: – Лорд Гринхард умер. Знахарь говорит, что Вальхар жить будет, но придётся отнять руку. Сейчас его надо быстро отправить подальше в горы, а лучше всего в Андвей. Здесь ему действительно не место.

Вальхар! Вот кого по-настоящему жаль! Как он будет жить без руки? Сможет ли смириться с её потерей? Как всё это странно и страшно. Тот, кого он знал с детства, тот, кто заменил ему погибшего отца, тот, за кого он был готов отдать, не задумываясь, собственную жизнь, стал безруким инвалидом. А как быть с теми, кто погиб вчера и сегодня? Как выжившие будут смотреть в глаза его семьи, передавая из рук в руки ежемесячную пожизненную пенсию?

Странно. При известии о смерти лорда Гринхарда в душе ничего не шевельнулось. А ведь он виг, вполне заслуживающий уважения. Что это? Ещё два дня назад ему казалось, что чья-то смерть может попросту лишить его сил, теперь к смерти кого-то мало знакомого человека он относился равнодушно. Зачерствел душой? Или это своеобразная защита тела и сознания, чтобы не сойти с ума? Как бы там ни было, он жив, а значит должен позаботиться о раненых, а если останется время до штурма, то и о мёртвых.

– Хорошо. Отправьте с отроками всех тяжелораненых. Сколько нас осталось? Есть хоть сотня?

– Больше, воевода. Ополчение своей грудью заслонили проход в ущелье. Многие погибли, но те, кто выжил, стали ещё злее, и готовы мстить за своих друзей. При следующем штурме челманы прорвутся, и это будет им стоить больших потерь.

– Не думаю, что они опять пойдут на приступ. Там, в их стане что-то случилось. Что-то такое, отчего пришлось отозвать всех воинов. Я уверен, что их атаковал военный вождь Балвер.

Сардейл улыбнулся:

– Я тоже так думаю. Хорошо было бы ударить отсюда, со стороны ущелья, но у нас слишком мало сил. Мы просто обескровлены. – Сардейл повернулся, и широко улыбаясь, протянул руку Эвгурну: – Считаю за честь биться с тобой плечом к плечу и дальше. Честно говоря, мало кто из вигов уважает Тайную Стражу, но ты заслужил это.

Десятник пожал руку ветерану:

– Среди Тайной Стражи есть немало отличных бойцов, и не наша вина, что мы можем служить только там. Так повелось ещё со времён наших предков.

– Ничего. После этой войны будут пересмотрены многие законы, и многое изменится. Харвеллы ещё будут служить в нашей войске. Я в этом уверен. – Сардейл подмигнул Рутгеру, и опять заулыбался: – Лордам придётся кое-что поменять в нашей жизни, если хотят остаться в стране Лазоревых Гор.

Воевода вспомнил его слова, сразу запавшие в душу, заставившие трепетать сердце, и повергшие в какое-то удивление тем, с какой уверенностью были сказаны:

– Ты что-то говорил про Владыку. Что я должен занять трон страны Лазоревых Гор. Что это значит?

Ветеран смутился, немного замялся, и как провинившийся мальчишка, с трудом подбирая слова, проговорил:

– Я всего лишь говорю то, что слышал от других. После этой войны, после того, как вернёшься из степей, ты станешь вождём клана. Вальхар стар, и давно уже ищет себе преемника, а ты подходишь как нельзя лучше. Дело уже почти решённое. Воины проголосуют так, как надо. – Красноречие Сардейла иссякло, и он, опустив глаза, замолк.

Из всего сказанного Рутгер обратил внимание только на то, что его собираются послать куда-то в степь. Что ему там делать? Что искать? Чем заниматься?

– Что это значит? Почему Вальхар хочет послать меня в степи? Это ведь его решение?

Поняв, что проговорился, ветеран крикнул, огляделся по сторонам, словно боялся, что его кто-то подслушает и с досадой сказал:

– Это не только его выбор. Так решили Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри, и военный вождь Балвер.

– Почему же я об этом ничего не знаю? Что мне делать в степи? Зачем я там нужен?

– Всею своё время, юноша. Скоро ты всё узнаешь.

– Вождь клана Снежного Барса призывает к себе воеводу Рутгера! – Послышался издалека голос одного из телохранителей Вальхара.

– Не медли. Он должен сказать что-то очень важное. Скоро мы останемся без его мудрости. – Сардейл мгновение помолчал, и со смехом добавил: – И без его упрямства!

Рутгер смог выдавить из себя слабую улыбку, и спустившись со стены, обходя кое-где лежащие трупы челманов, ополченцев и вигов, поспешил в охраняемую телохранителями палатку вождя клана. Он застал его лежащим на походной постели, застеленной шкурами, без доспехов и тегилля, в одной льняной рубахе. Вальхар был очень слаб, но увидев Рутгера, его бледное лицо осветилось чем-то похожим на улыбку.

– Ты звал меня, вождь?

– Да. Присядь. Тебя мучает жажда после битвы? Налей себе вина, да и мне тоже надо промочить горло.

Воевода бросил быстрый взгляд на лекаря, стоящего в углу палатки, заметил, как тот неодобрительно покачал головой:

– Нет, вождь, я не хочу вина. Мне надо сохранять трезвую голову, чтобы сделать кое-какие распоряжения.

– Хорошо. – Не стал настаивать Вальхар. Он оперся о локоть здоровой руки, увидел сгорбленного знахаря в синем кафтане, и произнёс: – Оставь нас одних. То, о чём мы будем говорить, не для твоих ушей.

Лекарь, прослуживший у вождя долгие годы, знающий много тайн и давно уже подтвердивший своим молчанием, что ему можно доверять, беспрекословно подчинился, и вышел. Рутгеру показалось это странным, и он в нетерпеливом ожидании смотрел на вождя клана. Тот не торопился, оглядывая воеводу, словно оценивал, что ему можно сказать, а про что умолчать. Наконец он решился, но заговорил совсем о другом:

– Сколько у тебя осталось бойцов?

– Подсчёт ещё ведётся, и скоро будет всё известно. Мне показалось отступление челманов странным. Им оставалось совсем чуть-чуть, чтобы смять нас. Они могли одной свежей сотней опрокинуть ополченцев, но заслышав сигнал рогов, отступили.

– Они устали, и понесли большие потери.

– И это тоже, мой вождь. Главное то, что сейчас происходит в степи. Отсюда, со стены, не видно лагерь степняков, и невозможно, что-либо разглядеть, однако я думаю, что стан челманов атаковали войска военного вождя.

– Да. Наверняка так оно и есть. – Вальхар устало откинулся на заменяющее подушку конское седло, и проговорил: – Садись. Разговор может быть долгим.

Вождь клана приподнял обрубок левой руки, посмотрел на пропитанную кровью тряпицу, и горько усмехнулся:

– Это была моя любимая рука. Теперь Мирвер собирается прижечь её кипящим вином. Не знаю, смогу ли я вытерпеть это.

Рутгер опустился на складной, походный табурет, и приготовился слушать. Вождь клана тем временем собрался с мыслями, и, глядя ему в глаза, резко спросил:

– Ты веришь в нашу легенду о Древних Богах?

Этот вопрос застал воеводу врасплох. Он никогда серьёзно не думал об этом, а ко всем легендам и сказаниям относился с лёгкой иронией. Конечно, он верил, что когда-то существовали Древние Боги, ведь очень многое указывало на это, но в то, что они живы и по сей день, укрывшись где-то под землёй, как-то слабо верилось.

– Мой вождь, ты хочешь послать меня в степи, чтобы найти убежище Богов?

– Чтобы что-то найти, надо в это верить. – Вальхар улыбнулся. – Я знаю тебя с того дня, когда выстругал тебе твой первый деревянный меч. С тех пор прошло много лет, и ты очень изменился. Иногда мне казалось, что ты и не виг вовсе. Ты видишь не так, ты чувствуешь не так, ты думаешь не так, и то, что ты делаешь, выходит не так, как это получилось бы у вига. Я не могу себе этого объяснить, но я совершенно точно уверен, что ты будешь великим человеком. Таким, какого ещё не знала страна Лазоревых Гор. Может быть, ты не будешь Владыкой, а только военным вождём, зато совершишь великие подвиги, и наши потомки будут помнить тебя до тех пор, пока жив Обитаемый Мир.

Рутгеру были приятны слова вождя, и он почувствовал себя немного неловко. Такое ему говорили первый раз в жизни. Почему? Для чего? Как говорит старая поговорка – на мягкой постели бывает жёстко спать.

– Мой вождь, ты увлёкся, восхваляя отрока, ещё ничего не совершившего. Я начинаю забывать, зачем ты позвал меня к себе.

– Прости меня. Это просто старость. – Вальхар немного помолчал, и продолжил, собравшись с духом: – Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри утверждает, что где-то на юге есть убежище Древних Богов. Это он узнал из карт, что начертаны в старых книгах. Наш народ ждут ещё многие войны и битвы. Причиной тому – золотые рудники, самоцветы, и руда, из какой выковываются превосходные мечи. Пока наши враги нападают поодиночке, мы ещё в силах их разбить. Что будет, если они объединятся? Сможем ли мы тогда противостоять их полчищам? Ты должен найти убежище Древних Богов, взять оттуда их оружие, и привезти в страну Лазоревых Гор.

Рутгер задумался. Ему совсем не нравилась идея путешествия в степь на поиски чего-то такого, что может и не существовать. Со времён Апокалипсиса прошла тысяча лет, и за этот срок могло всё измениться. Где текла река, там может быть пустыня. Где были густые, дремучие леса – может быть степь, и наоборот. А как же земли, где бродит Невидимая Смерть? Она подкрадывается незаметно, и может убивать человека годами никуда не торопясь. Сначала выпадут волосы, зубы, потом видоизменится сам организм, покроется незаживающими язвами, и человек в страшных мучениях, длящихся многие недели, а то и месяцы, умирает. Да и можно ли было тогда назвать его человеком? Одна сплошная, незаживающая язва.

Про далёкие земли говорили разное. Что там живут драконы, племена людоедов, различные твари, бывшими раньше, до Апокалипсиса, обычными, домашними животными. Это были всего лишь слухи, но ведь не бывает дыма без огня...

– Не вижу блеска в твоих глазах. Я посылаю тебя на великий подвиг, и каждый воин из клана сочтёт за большую честь отправиться в степи, чтобы послужить стране Лазоревых Гор.

– Я готов. Но я не думаю, что мне удастся что-то найти. Прошли многие тысячи лет, и никому неизвестно, что нас там ждёт. Есть ли там вообще что-нибудь? Это кажется невероятным!

– На то они и Боги, чтобы всё это было невероятным. Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри многие годы по крупицам собирал сведения о них, и пришёл к выводу, что они всё же существуют. Тебе надо поехать в Храм, и он тебе всё расскажет. Он приведёт тебе массу доказательств, покажет записи очевидцев, и ещё многое другое. Нужен всего лишь один смельчак, что возьмёт на себя командование отрядом, и поведёт их в степи на поиски. Лучше всего на эту роль подходишь именно

ты. Подумай, сколько тебе нужно воинов, какие припасы, и кого ты хочешь взять с собой. Я не тороплю тебя, но через несколько дней, ты должен быть готов.

Похоже, что разговор лишил вождя клана последних сил. Он ещё сильнее побледнел, и последние слова проговорил уже еле слышно. Рутгер позвал лекаря. Тот зло посмотрел на него, словно воевода пытался лишить его куска хлеба, и захлопотал возле раненого, приготавливая какое-то снадобье.

* * *

Глава 15.

Что-то подсказывало лорду Сатвелу, что ещё не всё потеряно. Что ещё можно надавить на Владыку, и вырвать его из-под влияния военного вождя, если сделать только один, всего лишь один верный шаг. Он догадывался, что это за шаг, но всё его существо противилось, словно кричало: «Как? Отдать то единственное, ради чего он так долго плёл сети заговора, и наконец, когда только три года назад получил в собственность, ещё не добыв и сотой части того золота, что есть в рудниках, отдать, обратно?! Нет! Только не это!»

Он пытался просчитать различные варианты развития событий, и каждый раз в конечном результате приходилось лишаться источника своего богатства. Даже если предатель, лорд Фельмор, всё же убьёт Альгара и Балвера. Да будут они прокляты, и Владыка, и военный вождь! Кто бы мог подумать, что Балвер за спинами лордов, без Совета, решится призвать на подмогу молодого царя россов! Только из-за этого всё и полетело прахом! Фельмор, старый хитрый лис, всё рассчитал верно, и успел первым явиться к Владыке, чтобы уверить его в своей преданности. Что делать?!

Второй день лорд Сатвел находился в ставке военного вождя, и сразу же заметил, что его встретили холодно, с насторожённой. На Советы его не приглашали, а возле шатра, разбитого недалеко от лагеря, оттеснив наёмников-сивдов, поставили десяток молодых воинов из клана Чёрных Медведей, подчиняющихся только военному вождю. Они не препятствовали лорду в его передвижениях по лагерю, не мешали вести какие-либо дела, но стоило сделать хотя бы шаг за пределы стана, настойчиво, ссылаясь на приказ вождя, поворачивали его обратно. То есть, лорд находился в своеобразной темнице, не имея возможности её покинуть.

Что если с помощью верного слуги призвать на помощь телохранителей, и избавиться от назойливой опеки? Уступят ли виги сивдам? Нет, это вряд ли. Скорее всего, произойдёт кровавая, короткая схватка и кто будет победитель, предсказать невозможно. Кто одержит верх? Молодость, обученная с детства убивать, но не участвовавшая ни в одной битве, или опыт, накопленный в стычках с заулами и харвеллами? Соблазнительно. Что это даст кроме открытого противостояния? Да и разве заулы с харвеллами хорошие бойцы? Может и хорошие, и всё же они во многом уступают вигам. Лучше не рисковать. Сделай один неверный шаг, и он неминуемо навлечёт на себя гнев всей страны Лазоревых Гор. Тогда уже ничего не поможет, даже закон о жизни вига.

Он знал, что собранное войско ушло к Волчьим Воротам. Знал, что сейчас там идёт сражение, превосходящее своим размахом все битвы, виденные когда-либо в стране Лазоревых Гор. Знал, что сейчас там, без него решается его судьба, и, скорее всего, всё решится не в его пользу. Что может наговорить на ухо Мудрому и Справедливому, лорд Фельмор? Да! Он сделает всё возможное, чтобы, хоть по трупам своих бывших сообщников, по колено в крови, выпутаться из щекотливого положения.

Лорд Сатвел вышел из шатра и тут же наткнулся на воинов, охранявших его. Он придирчивым взглядом оглядел стоящего перед ним десятника с ног до головы. Тот смотрел на него без тени робости, уверенный в своей правоте и правильности полученного приказа. Такого не смутишь и не запугаешь. Такой умрёт, но приказ вождя выполнит.

– Что нужно лорду? – Воин положил ладонь на рукоять меча. Он стоял без шлема, длинные, русые волосы собраны на затылке в тугой пучок, доспехи тщательно зачернены по старинному обычаю вигов, а на полосатом, красно-синем, круглом щите из центра умбона хищно торчало небольшое стальное лезвие.

– Мне необходимо встретиться с Владыкой Альгаром.

– Это невозможно. Владыка вместе с войском находится у Волчьих Ворот.

– Я знаю. – Нетерпеливо перебил лорд Сатвел. – Если уж я под вашей охраной, так сопроводите меня к нему!

– По приказу военного вождя Балвера вам запрещено покидать ставку под каким-либо предлогом. Ждите возвращения войска.

– Могу я послать хотя бы гонца с посланием?

– Если это будет не наёмник, то да. Гонцом будет один из моих воинов, и он в точности исполнит мой приказ.

– Только твой приказ?

– Именно так. – Десятник в подтверждение своих слов кивнул головой. – Пишите послание, лорд. В этой малости я готов услужить.

– Ты хороший воин. – Зло улыбнулся пленник. – Я запомню тебя, и уверен, что мы ещё встретимся.

– Конечно, лорд. Я буду сопровождать вас на суд. – Так же зло улыбнулся виг, и в его глазах Сатвел увидел нескрываемое презрение, как будто тот смотрел на что-то ничтожнейшее, что может оскорбить его взор.

Лорд задохнулся от ярости, не нашёлся что ответить, и, войдя в шатёр сел за небольшой, украшенный богатой резьбой полированный столик. Обуреваемый нераскрытыми мыслями, тяжёлым взглядом он осмотрел внутреннее убранство шатра, и отметил, что как всегда устроился с удобством. Он не любил простых, недорогих вещей, и всегда старался выставить своё богатство на показ. Если посуда, то золотая. Если мебель, то обязательно полированная, сделанная из дорогих пород дерева, и привезённая из далёкого Моргонского царства. Сейчас эта роскошь была излишней, и это его злило. Зачем корчить из себя большого сноба, когда надо быть тише воды, ниже травы? Это всё может сыграть не в его пользу!

Сатвел достал из походного сундучка лист пергамента, чернильницу и золотое перо. В голову ничего не шло. Он понимал, что рудниками придётся пожертвовать, чтобы удержаться на плаву. Потом он найдёт способ вернуть их обратно, а пока...

«Мудрый и Справедливый! В виду того, что страна Лазоревых Гор, да продлит Бессмертный Тэнгри её века, нуждается в восстановлении сил после серьёзных потрясений, я, как настоящий виг, и человек, играющий не последнюю роль в нашем многострадальном государстве, отказываюсь от своих золотых рудников в пользу страны Лазоревых Гор. Я понимаю, что это нисколько не умоляет моего участия в заговоре, но это произошло, скорее всего, по недомыслию, чем от желания причинить тебе какую-то боль, Владыке Альгару, Мудрому и Справедливому. Ведь только ты способен управлять, и объединять под своей могучей рукой вольнолюбивые кланы горцев. Отдаю себя в руки твоего правосудия, и да поможет тебе Бессмертный Тэнгри, чтобы принять верное решение.

Хочу обратить твоё внимание на то, что в заговор я был втянут не по своей воле, а уступил давлению со стороны лорда Кирфера, и ему подобных. Я боялся сообщить об этом лорду Фельмору, нашему многоуважаемому повелителю Тайной Стражи, так как серьёзно опасался за жизнь своей многочисленной семьи.

Если ты, Мудрый и Справедливый, решишь, что я ещё могу послужить на благо и процветание страны Лазоревых Гор, то всегда и с превеликой радостью буду счастлив, подтвердить это и доказать.

Если же ты решишь, что я не достоин этого, то твой слуга примет как должное, любое твоё решение, каким бы трудным оно ни было для меня, и если будет надо, я, как добрый и верный виг, без колебания отправлюсь к Очагу Бессмертного Тэнгри.

Смиренно жду твоего решения и высочайшего повеления. Твой старый, и не раз, доказавший свою преданность, лорд Сатвел».

Пленник усмехнулся, ещё раз перечитывая только что написанное послание. Он остался доволен ровным, красивым почерком, да и содержание показалось ему полным достоинства и в то же время покаяния. Такое письмо не останется без внимания, и Владыка оценит его в полной мере. Это, несомненно, будет в пользу. Никто ведь не предъявил ему обвинений в государственной измене, он сам в этом сознался, и готов понести наказание!

Лорд свернул послание, скрепил разогретым над свечой воском, тиснул свою личную печать, и крикнул:

– Десятник!

В ответ ни слова, как будто, его и не слышали, хотя он был уверен, что его прекрасно слышали. Что это значит? Они хотят этим показать, что считают его уже не лордом, а дело в суде решённым? Рано радуется, Сатвел так просто никогда не сдавался, и в его голове ещё может родиться то, что потрясёт весь Обитаемый Мир.

Лорд поднялся, и вышел из шатра. Десятник стоял там же, где он его и оставил. Он просто наглейшим образом не услышал его зов! Это надо запомнить. Обязательно запомнить.

– Я написал послание. – Сатвел протянул свиток воину, и, придерживая его, спросил: – Когда это будет доставлено Владыке?

– Всё зависит от того, где он сейчас находится. Хортер!

К десятнику откуда-то из-за шатра вышел воин в лёгкой кольчуге, с небольшим мечом за спиной, и луком на левом плече. В каждом его движении, ощущалась какая-то звериная грация, а широкие пружинистые шаги выдавали в нём хорошего бегуна и наездника. Те же светлые, длинные волосы, как и у любого из вигов, собранные в пучок на затылке, но что-то в нём было не так... Сатвел прямо-таки почувствовал исходящую от него опасность. Он невольно поёжился и, боясь, встретится с Хортером взглядом, отвёл глаза в сторону! В замешательстве он что-то пробормотал, и поспешно скрылся за пологом шатра. Сел за стол, налил вина, выпил, и только тогда осознал, что испугался какого-то молокососа, только недавно посвящённого в воины! Что в нём не то? Почему он, зрелый муж, повидавший на своём веку всякого, так ступешался? Он попытался вспомнить, как выглядел Хортер, и сознание тут же, как будто опалили огнём. Кожа! Кожа молодого воина была светло-серого цвета! О, Бессмертный Тэнгри! Неужели он «тёмный»? Судя по цвету кожи, только наполовину, но что это меняет? Этого не может быть! Виги уничтожают «тёмных» где только могут! Они не люди, они звери, они употребляют в пищу человеческое мясо! Они – враги! Как «тёмный» смог попасть в войско клана? Может он и не «тёмный», а лазутчик? Судя по его движениям, он знает лес как свои пять пальцев, а серость кожи просто маскировка? Да, скорее всего так оно и есть. Ведь предки завещали уни-

чтожать «тёмных», а виги так воспитаны, что никогда не ослушаются Закона Предков. Они могут не соблюдать новые законы, но старые для них – это святое.

Хортер двигался не как человек, и глаза... Они были слишком черны, почти без белков. Не зря же лорд так испугался! Так значит всё-таки «тёмный»? Балвер, Балвер, кто ещё есть в твоём клане Чёрных Медведей? Какие ещё сюрпризы могут поджидать того, кто хочет что-нибудь найти в стане врага?

Потрясённый собственным открытием лорд Сатвел осушил кубок до дна и задумался. Наверняка это можно как-то использовать, чтобы вернуть себе прежнее положение. Надо только подумать.

* * *

Глава 16.

Расчёт Балвера и царя россов оказался верен. Челманы не ожидали атаки со стороны леса. Они были озабочены только одним – взять штурмом Волчьих Ворота. Аллай-хан был взбешён тем, что горстка вигов упорно отражала все его яростные атаки. Были потеряны два дня и многие воины. Теперь он не мог уйти просто так, не отомстив и не уничтожив противника.

Там, у себя, воины степей были непобедимы и покорили все народы, что смогли найти на бескрайних просторах, и где ещё была возможна жизнь, где не бродила Невидимая Смерть. Да и разве можно было назвать те стычки настоящей войной? Покоряемым народам и племенам просто некого было им противопоставить! После Апокалипсиса мир здорово опустел, и любое племя числом более десяти сотен уже считалось большим. Челманов было больше. Их всегда было много. Как гласят легенды, их было много ещё до Апокалипсиса, и так же много сохранилось до сей поры. И вот теперь, их многочисленному войску противостояла горстка защитников, на выгодной позиции перегородив узкий проход между скал, не пропуская к одному из самых богатых городов Обитаемого Мира! Аллай жаждал поработить страну Лазоревых Гор, и тех, кто, совсем не подумав о будущем, так опрометчиво подали ему сигнал, что пришло время для нападения. Только коварством и обманом можно завоевать северные страны, где воины суровы и презирают смерть. Разве тысяча погибших воинов сможет остановить орду, ослеплённую блеском золота? Никогда! Погибшие соплеменники – мелочь, когда на кону стоит власть и драгоценный, жёлтый металл.

Это было величественное и страшное зрелище. Казалось, что сам лес рождал несметные ряды воинов и выталкивал их на праведную битву, чтобы защитить свою страну. Строй за строем, ряд за рядом, и так без конца.

Первыми на опушку вышли арбалетчики, и тут же стали осыпать стрелами лагерь челманов, сразу же превратившийся в растревоженный муравейник. Это нападение было совершенно неожиданно для них. Они и предположить не могли, что виги могут обойти их с боку, и быстрым, недолгим маршем пройти то большое расстояние от Вольфбура, до Волчьих Ворот.

Степняки гибли десятками от стрел, падающих с неба, и негде было укрыться от безжалостно разящей смерти. Они метались по лагерю и даже не думали о сопротивлении. Казалось, что ещё немного, ещё чуть-чуть, и враг дрогнет, побежит, но... Где-то у большого, богато отделанного красного шатра, взметнулись в небо упавшие во время паники знамёна, и зазвучал утробный рёв боевых, медных труб. Орда как будто очнулась, и поняла, что их спасение не в бегстве, а в крепкой, сплочённой обороне. Только встав как один, готовые принять бой, забыв о том, что такое смерть, и отдав себя в руки Великой Пустоты, можно выжить.

Пока тяжёлая конница россов перестраивалась в своеобразный, огромный клин, чтобы обрушиться на врага, несмотря на все свои потери, в первые мгновения боя, подгоняемые криками сотников, и щёлканьем бичей, челманы соорудили некое подобие строя, уже начавшего ошетиливаться копьями и пиками. Они не успели закончить построение. Раздался рёв боевых рогов у опушки, и земля дрогнула под ударами копыт. Выстроившийся клин россов, под предводительством царя Аласейя, на скорости, набранную на расстоянии от леса до противника, с ужасным грохотом врубилась в ряды степняков, разбрасывая их направо и налево. Ничто не могло её остановить, и россы рассекли лагерь врага на две половины. Многие десятки трупов степняков остались лежать там, где промчались союзники вигов. Поредевший клин «Железнобоких» прошёл чуть дальше, и стал разворачиваться, чтобы повторить атаку. Эта небольшая заминка дала степнякам время, чтобы собраться с силами, и понять, что происходит. Сигналы, призывающие на битву, не прекращались, лязг железа, крики, казалось, что все звуки мира смешались в какую-то жуткую оглушающую какофонию, и тишина навсегда покинула эти, пахнущие смертью, предгорья.

Заулы успели сделать ещё один залп из арбалетов, прежде чем чёрная лавина вигов появилась из леса, и обрушилась на растерянных челманов. Их атака была не менее страшна и ужасающа, чем стремительный прорыв конницы россов. В первые же мгновения жестокой рукопашной схватки погибли сотни степняков. Злость и ненависть к врагу увеличивала силу воинов кланов, и казалось, что нет в Обитаемом Мире противника, что смог бы затушить эту хлещущую через край, ярость.

Всё смешалось. Уже не было той чёткой линии, разделяющей сражающихся противников. Виги, как и всегда, разбились на группы по несколько человек, и беспрестанно атаковали врага. Их тактика, какой они пользовались на протяжении уже многих сотен лет, не подвела и сейчас.

Челманы отбивались, как могли, но разве могли их лёгкие щиты и кольчуги выдержать хотя бы один удар тяжёлого, двуручного меча, или секиры? Здесь они были лишены своего преимущества в численности, а конный удар наносили не они, а по ним. Разве этого недостаточно, чтобы почувствовать неуверенность в своих силах, и засомневаться в том, что они могут завоевать весь мир? Далёкая страна Лазоревых Гор оказалась крепким орешком, а виги – серьёзными, недооценёнными противниками.

– Военный вождь Балвер! Дивы и кверки устали стоять в стороне и изнывают от безделья! Неужели ты не дашь им насладиться смертью врага?

– Всеми своё время, вождь Хартвей. – Балвер повернулся к военному вождю дивов, и улыбнулся. – Я понимаю твоё нетерпение. Как только войско кланов свяжет орду рукопашной, а конница россов сделает ещё один проход по позициям противника, вы вклинитесь в этот проход, и успеете принести своим богам ещё много душ убитых воинов. Здесь на всех хватит врагов!

На заросшем рыжей бородой лице мелькнула самодовольная усмешка, и пронзительные карие глаза вновь посмотрели туда, где вспыхивала неукротимой яростью битва, то чуть затихала, чтобы разгореться с новой силой.

Балвер вдруг подумал, что как нелегко стоять и вот так издалека наблюдать за безжалостной сечей, дожидаясь своего времени. Воинственные племена кверков и дивов шли сюда, чтобы силой своего оружия стяжать бессмертную славу, чтобы принести в жертву своим богам, год от года требующих свою дань – души воинов. У кверков и дивов не было постоянного войска, как у вигов или россов, не было и сословия воинов, но едва требовалась помощь соседям, или на них нападали племена тавгеров с востока, то на войну вставал каждый, кто мог держать в руках топор.

Над полем боя повис протяжный вой рога, и тут же перекрывая шум сражения, стал нарастать топот тысяч копыт. Это тяжёлая конница россов пошла во вторую атаку, нацелив остриё своего клина на шатёр правителя степей, туда, где челманы уже успели перестроиться, и не представляли собой охваченную паникой толпу. Всё указывало на то, что победа достанется дорогой ценой, но она была нужна союзу северных племён, как никогда.

– Урхард! – Позвал Балвер, своего воеводу и тут же отдал приказ. – Арбалетчиков на красный шатёр хана!

– Уже сделано, мой вождь!

– Степняки опомнились. – Подал голос советник Хардур. – Конница россов не сможет их разметать. Они просто завязнут в их рядах, и не смогут использовать свой удар. Вели трубить отход царю Аласейя, пока не поздно.

– Отсюда видно только часть сражения, и Аласейя знает, что делает. Главного мы добились – лишили врага конницы. Было бы неплохо напасть на челманов со стороны Волчьих Ворот. Вряд ли там хоть кто-то остался, и всё же, пошли гонца к воеводе Рутгеру с приказом атаковать. Вождь Хартвей! Твоё время пришло! Цель – красный шатёр хана!

Вождь дивов громогласно захохотал, что-то прокричал на своём языке, и ему тут же ответило войско, стоящее чуть в стороне от арбалетчиков. Племена из дремучих лесов завывали, злобно скалились, потрясали оружием и поднимали невероятный шум, от какого кровь стыла в жилах. Если они хотели, чтобы на них обратили внимание челманы, то с лёгкостью добились своего. Вождь Хартвей поднял над головой свой огромный топор, и на несколько мгновений над полем боя установилась относительная тишина. Он ещё раз что-то крикнул, ему ответили несколько хриплых голосов, и поскакал в сторону врага. Воины лесов в разноцветных меховых доспехах, обгоняя друг друга, с ужасными воплями бросились за ним.

Военный вождь вигов никогда не мог понять, как дивам и кверкам удавалось до сих пор одерживать столько громких побед. Как они, не соблюдающие никакой тактики и стратегии, почти не защищённые доспехами, не признающие ничего, кроме звериной ярости и силы, могут так биться? Конечно, в лесах им нет равных соперников, но ведь последнее время им приходится сражаться на стороне вигов в чистом поле! Так было в битве при Балте, и в войне против ярвиров, пришедших с запада, чтобы покорить россов. Как бы там ни было, они были верными и надёжными союзниками, ещё с тех пор, когда Вольфбур величиной был всего в несколько улиц, и в кланах вигов насчитывалось не более трёх сотен воинов.

– Мой вождь! Теперь мы остались без резервов!

– Да. – Балвер раздражённо кивнул. Он всё прекрасно понимал и сам, но обстоятельства вынудили его бросить в бой последнюю силу, что у него осталась. О, Бесмертный Тэнгри! Если бы ты знал, как тяжёл золотой обруч военного вождя! В сотни раз проще обнажив верный меч ринуться в битву, а там как повезёт, чем сотни раз пытаться просчитать шансы, на, казалось бы, такую призрачную победу против многочисленного, неизвестного соперника. – Если понадобится, я отправлю в бой и последнего знаменосца, и всю свиту Владыки Альгара, и Тайную Стражу лорда Фельмора. Я и сам с радостью сложу свою голову, лишь бы знать, что стране Лазоревых Гор больше ничего не угрожает!

Военный вождь замолчал, почувствовав, что в голосе прозвучало что-то похожее на отчаянье. Как бы этого не заметили его телохранители и советники. Что за полководец, если не верит в собственную победу? Это всё старость.

– Мой вождь! Прибыл гонец от лорда Фельмора. Его три сотни воинов стоят на опушке леса и ждут твоих приказов. Это последнее, что у нас осталось, если не считать придворную челядь Владыки, но их ещё нужно дожидаться, и они совсем не рвутся в бой.

– Что нам челядь? Что они могут? Только погибнуть, и по чистой случайности попасть к Очагу Бессмертного Тэнгри? Такая помощь нам не нужна. Что с харвеллами Фельмора? – Балвер повернулся в седле к гонцу на взмыленном скакуне, оглядел его с ног до головы и отдал приказ: – Лорда Фельмора ко мне! И пусть Тайная Стража выдвигается на позиции.

– Незачем посылать за тем, кто уже рядом. – Повелитель Тайной Стражи в своём неизменном чёрном хитоне, на пегой лошади, со скромной сбруей предстал перед военным вождём.

После всего того, что произошло за последние несколько дней, Балвер не перестал, не доверять ему. Слишком хитёр и коварен был Фельмор, чтобы вот так, с покаянием первым прийти к Владыке Альгару. И сейчас в нём всё выглядело так кричаще бедно, фальшиво, что это казалось подозрительным. Но это может подождать. Сейчас как никогда нужна его помощь на поле боя, а разобраться с остальным можно и после победы.

– Твои харвеллы готовы сразиться с врагом?

– Конечно, военный вождь Балвер. Они могут не только собирать налоги и смотреть за выполнением Новых Законов. – В каждом слове лорда сквозила ирония, и желание немного позлить вождя. Так уж устроен Фельмор. По-другому он просто не может.

– Сейчас не время для словесных перепалок. – Виг поморщился, и с тревогой посмотрел туда, где насмерть бились воины кланов. Все его чувства мгновенно отразились на благородном, загоревшем до черноты лице. И безумная жажда пролить кровь врага, и горькое сожаление, что не может этого сделать. Как и каждый, облечённый властью он понимал, что его время ещё не пришло, и его голова, как и жизнь, ещё может понадобиться стране Лазоревых Гор. Он смерил Фельмора взглядом, не предвещающим ничего хорошего, и продолжил, даже не пытаясь скрыть к нему своего отношения: – И не время напоминать мне кто, и чем занимался! Ты всего лишь лорд, для какого сделали вид, что поверили в его ложь о непричастности к заговору! Так что прикуси свой язык, и выполняй мои приказы, если хочешь, чтобы на суде, хоть кто-то замолвил за тебя слово!

Из-под капюшона, натянутого на самое лицо, блеснули злобой глаза, и вкрадчивый, полный преданности, дрожащий голос на грани слышимости, произнёс:

– Конечно, военный вождь Балвер. Приказывай. Тайная Стража готова по одному твоему слову идти на смерть.

– Ваша позиция перед арбалетчиками, и будьте готовы поддержать вигов своим оружием. Пусть твои воины помнят, что нам нужна только победа. В случае поражения страну Лазоревых Гор ждёт поголовное уничтожение.

– Будет сделано, военный вождь. – Лорд Фельмор слегка поклонился, и, прищипнув свою лошадь, погнал её рысцой к стройным рядам харвеллов.

Доспехи Тайной Стражи были вычищены до зеркального блеска, красные плащи алели на фоне травы как огромные лепестки мака, а плюмажи на шлемах выглядели гребнями раззадорившихся перед хорошей дракой, петухов. Так одеваются только для того чтобы победить, или погибнуть с честью.

Получив приказ, они как один повернулись направо, и в ногу, словно на каком-то военном параде, чётко печатая шаг, двинулись на своё место, указанное военным вождём.

– Мой вождь, зря ты так с лордом Фельмором. Он ещё очень силен. Его вина не доказана, и ты не сможешь убедить суд...

– Советник Хардур! То, что он одна из ключевых фигур заговора – это понимает каждый воин. Доказательства... Да, у меня пока их нет, но я думаю, что смогу их добыть, как только кончится война. Конечно, он рассказал очень много интересного про тех, кто владеет богатством в наших горах, и про то, как они проворачивают свои делишки. Почему жёны погибших вигов не получают свою пожизненную пенсию, и почему воины не могут добиться своего жалования! Но я не верю в то, что он про это ничего не знал, и не помогал лордам грабить нашу страну! Ничего. Придёт время, и они, увидев нашу силу, примут все наши условия.

Где-то вдалеке взвыли боевые трубы челманов, и это был уже другой звук. Балверу показалось, что он был каким-то печальным, обречённым. Что-то ему подсказывало, что враг почти сломлен, что ещё одно небольшое усилие, и степняки побегут, но этот переломный момент всё пока не наступал. Воины уже выдохлись, и схватка протекала вяло, кое-как. Нужен ещё один удар, решающий. Где взять ещё хотя бы сотен пять свежих, не участвовавших в битве, жаждущих крови и славы, бойцов?

С небольшой возвышенности около опушки леса, где находился военный вождь вигов, в окружении знаменосцев и телохранителей, было плохо видно происходящее на поле боя, к тому же основное действие переместилось дальше, в сторону Волчьих Ворот. Балвер видел только трупы в блестящих доспехах, недалеко, там, где их застала смерть от стрел арбалетов, конный удар россов, и яростная атака войска кланов. То, что происходило дальше, было почти не видно, только какие-то еле уловимые глазом передвижения, и действия. Даже крики умирающих и звон мечей, шум грозной битвы, от какого сначала можно было оглохнуть и сойти с ума, стал слышаться хуже, и человеческим ухом уже не различались отдельные, более громкие вскрики. Что там происходит? Кто одерживает верх?

– Пора менять место ставки. – Проговорил Балвер. – Отсюда ничего не видно.

– Да, мой вождь. – Хардур привстав на стременах, взгляделся в поле своим единственным глазом, его суровое лицо расцвело улыбкой, и он воскликнул: – Я вижу всадника! Это гонец, что ты посылал к воеводе Рутгеру!

– Хвала Бессмертному Тэнгри! – Невольно выдохнул военный вождь. – Хоть что-то узнаем. Что может быть хуже неопределённости?

Он с каким-то особым замиранием сердца ожидал гонца, и тихо, про себя стал молиться, чего раньше никогда не делал, ну разве только когда находился в Храме, у Хранителя Очага. Он робко просил всех известных ему Богов, чтобы они сохранили жизнь его другу Вальхару, и ещё ни разу, не виденному им сыну Ульриха, на кого возлагалось так много надежд. До недавнего времени он и не подозревал, что у погибшего при Балте друга есть сын, а когда ему рассказал об этом Вальхар, то как-то сразу полюбил его, и желал только одного – увидеть, обнять. Может это из-за того, что у самого Балвера никогда не было своей собственной семьи, и накопленная за долгие годы любовь, какую уже было трудно удержать в суровом сердце, была готова выплеснуться на кого-то близкого человека? Он не мог себе объяснить, но почему-то был уверен, что Рутгер очень скоро займёт высокое положение в стране Лазоревых Гор, и в Вольфбуре наступит эпоха процветания и благоденствия.

Едва гонец остановил взмыленного коня, и не успел что-либо сказать, как военный вождь спросил голосом, полным тревоги:

– Что?

– Воевода Рутгер сообщает, что он не сможет атаковать противника с тыла. У Волчьих Ворот осталось в живых полторы сотни воинов, из них только пятьдесят шесть вивов. Остальные – израненные ополченцы и заулы.

– Что с самим воеводой и вождём Вальхаром?

– Вождь Вальхар потерял в битве руку, и сейчас находится в лазарете. Сам воевода Рутгер ранен легко.

– Ты всё видел? Что там происходило?

Гонец на мгновение задумался, и как-то устало, словно весь свой нелёгкий путь проделал пешком, ответил:

– Мой вождь, я участвовал в битве при Балте. Я стоял в первой шеренге и принял на себя всю ненависть и силу гааров, но и там такого я не видел. Волчьи Ворота завалены трупами. Сотнями, а может и тысячами.

– Воевода Рутгер удержал вход в ущелье?

– Да! – Радостно воскликнул гонец. – Он заманил их в ловушку! Его советник, Сардейл, с таким восторгом это рассказывал!

– Сардейл стал советником? – С улыбкой переспросил Балвер. – Старый ветеран, у кого за плечами больше битв, чем прожитых лет, стал советником двадцатилетнего юнца?

Рядом хрипло рассмеялся Хардур, а за ним следом и телохранители. Знаменосцы, недавно посвящённые в воины отроки, долго пытались сдержать свои улыбки, но, в конце концов, не выдержали и они. Старик Хардур, не смотря на свои преклонные года, умел удивительно заразительно смеяться.

– Хотел бы я на это посмотреть!

– Мы всё увидим в своё время. – Оборвал смех военный вождь, привстал на стременах, вглядываясь туда, где продолжалась битва, и мрачно изрёк: – У нас есть ещё одно незаконченное дело. Вперёд! Посмотрим, что творится в стане Аллай-хана!

Вонзив шпоры в крутые бока скакуна, он направил его в поле, уверенный, что его советники, знаменосцы и телохранители не отстают от него ни на шаг.

* * *

Глава 17.

Напрасно Рутгер всматривался в поле, силясь разглядеть, что творится где-то там, почти на самом горизонте. Даже солнце выглянуло из-за туч впервые за два дня, словно наконец-то заинтересовалась делами ничтожных людишек. Было заметно, как неопределённой тёмной массой продолжается медленное, непонятное движение, как поднимаются и опускаются знамёна, и на них уже нельзя было разглядеть, что изображено. Оттуда слабый ветерок доносил крики, непрекращающийся звон стали, рёв рогов, и что-то ещё, что уже можно было почувствовать только на подсознании, зная и понимая, что там, впереди, на пределе видимости войска вивов и россов громили пришедшего из степей врага, чтобы завоевать страну Лазоревых Гор.

От этой мысли на сердце теплело, и оно, как перед первым боем было готово вырваться из груди, переполняемое радостью.

Рутгер посмотрел вниз, на подножие стены, и понял, что уже никогда не сможет спокойно думать обо всём этом. Трупы ещё не стали разлагаться, наполняя окрестности ядом, но в воздухе уже чувствовался какой-то запах, напоминающий об этом, как о неизбежности. Конечно, сколько он помнил, его всю жизнь учили, как быстро убить врага, и казалось, что внутренне он готов к этому. Впрочем, так и оказалось. Он не растерялся, не дрогнул, не побежал, а встретил врага лицом, и «взял на щит»,

но кто бы знал, каких внутренних переживаний всё это стоило! Тогда, перед боем, смерть казалась чем-то ненастоящим, тем, что с ним никогда не может случиться, да и вообще ни с кем, кого он знает. А если и придёт «безноса», то это представлялось чем-то романтическим, таким, что это можно было встретить как данность. Миг смерти он не мог представить. Он видел только своё имя на Красной Стене Храма Бессмертного Тэнгри, цветы на могиле, и тризну, где поседевшие ветераны поют древние зауспокойные песни, славя павших воинов. Он не мог представить себе, что в этой самой могиле может лежать и он. Уже без чувств, без радости, без ожидания завтрашнего дня, просто мёртвый, иссечённый кусок плоти, когда-то бывший живым человеком.

Сколько их было? Сколько осталось? Из двух сотен сильных, хорошо обученных воинов из клана Снежного Барса осталось только пятьдесят шесть измученных, израненных бойцов. Стоило ли всё это таких нечеловеческих усилий, стольких смертей и самопожертвований? Конечно, стоило. За свободу и жизнь будущих поколений всегда умирали воины, и ещё будут умирать многие века. Так было, и так будет. Всегда найдётся враг, жаждущий поработить более слабого, и жить за его счёт ничего не делая, и пока так будет, война всегда останется наиболее действенным способом разрешения споров.

Сколько погибло его ровесников, тех, кто совсем недавно, полгода назад прошёл посвящение в воины клана? Из полусотни молодых бойцов выжило только шестнадцать. Хотя более опытные воины и пытались беречь их, да разве уследишь за всеми в такой яростной битве? Для многих отроков это была первая и последняя сеча. Как теперь смотреть в глаза матерям погибших? Жизнь – ничто, и погибнуть на поле боя – великая честь. Так учат каждого вига с детства, и он это впитывает в себя с молоком матери. Но смерть – это всегда смерть, где бы она ни настигла человека, и гибель всегда будет приносить горе его близким.

Чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы, Рутгер сглотнул сухим горлом, и отвернулся от поля, где вповалку лежали трупы. Тяжкое зрелище. Конечно, он воевода, и его сердце должно быть стальным, подавая пример воинам клана, но ведь ему всего-то двадцать лет! Просто мальчишка! Впрочем, на войне быстро взрослеют.

Он поднял с каменного пола стены обломок меча противника. Что-то в нём показалось ему не совсем обычным, чего он никогда ещё не видел. Виги тоже не украшают оружие. Зачем? Меч должен пить кровь врага, а не быть предметом роскоши. Наборная рукоятка, обтянутая кожей, простенькая гарда, и самое главное – хорошо прокованное лезвие, длиной в два локтя. Клинок челмана даже не походил на оружие. Не сбалансированный, с неудобной рукояткой, кое-как кованный. Такое ощущение, что его делали в спешке, не прилагая к этому особых усилий.

– Что может быть интересного в обломке старого, ржавого меча поверженного противника? – Сзади подошёл Сардейл, взял из рук Рутгера кусок стали и повертел его в своих узловатых, крепких пальцах. – Что с ним не так?

– Ты ничего не замечаешь?

– А что тут может быть? Просто никуда не годный кусок железа. Как они с такими мечами могли идти на войну?

– Вот именно. Или они просто не умеют делать мечи, или у них нет для этого стали, или же они так торопились, что не удосужились толком отковать своё оружие. Первое я отметаю сразу. Такой большой народ не может не уметь делать мечи.

– Что же могло погнать их на войну так спешно? Что там у них в степях вообще творится? Народная молва говорит многое, но ведь немногому надо и верить. В основном, все слухи далеко не правда.

– И всё же, надо подумать над этим. Хорошо бы посоветоваться с Вальхаром и Хранителем Очага Бессмертного Тэнгри.

– Ви-и-г-и-и!

Услышав этот душераздирающий крик, все, находящиеся возле стены воины, невольно вздрогнули, а кое-кто помянул и всех богов Обитаемого Мира вместе взятых.

– Проклятье... – Пробормотал Сардейл, растерянно озираясь, и всматриваясь вдаль, в глубину ущелья, словно мог заглянуть за выступ скалы, пытаясь там разглядеть того, кто кричал: – Так может кричать только смертельно раненый человек! Что там случилось?

Рутгер недоумённо оглянулся, перевёл дух, и, вытаскивая из-за пояса пернач, скомандовал:

– Приготовиться к бою! Все на стену! Арбалетчики, будьте готовы стрелять по команде! – Воевода немного помолчал, и потом уже, чтобы ободрить оставшихся в живых после жестокой битвы защитников Волчьих Ворот, добавил: – Не знаю, кто это так кричит, и много ли их, но то, что мы с ними справимся – это точно. Враг остался там, за спиной, и его добивает военный вождь Балвер!

Договорить он не успел, так как все услышали топот десятков копыт. Звук стремительно нарастал, и стало ясно, что по дороге из ущелья движется большой отряд в сторону так яростно обороняемой стены. У каждого из пятидесяти шести воинов стучало в голове с бешеной скоростью: «Кто это может быть?» Враг остался там, за стеной. Откуда здесь могут взяться степняки? Был миг сражения, когда они смогли прорваться, но их было так мало, что все были быстро уничтожены. Откуда здесь, в ущелье, могли взяться степняки? Обошли где-то сбоку? Это невозможно! На много дней пути здесь нет ни одной пригодной для прохода тропинки!

Через несколько мгновений из-за утёса, погоняя коней, показались челманы. Это казалось невероятным, но это действительно было так! Одно только показалось Рутгеру странным – кони. Они были слишком большими для лошадок, на коих пришли из степей враги. Да и всадники были значительно выше, чем степняки. Показалось? Всё может быть. Доспехи, мечи, щиты, а вон и знамя с драконом. Всё это отложилось в его голове мгновенно, едва он смог что-то различить, среди поднятой десятками копыт, пылью.

– Стрелы! – Надсаживая горло, прокричал Рутгер, прикрываясь щитом. Заулы, ещё не успевшие спуститься со скал, возвышающимися над Волчьими Воротами, дали нестройный залп из арбалетов. Во время сражения стрелкам тоже хорошо досталось, и всё же их выжило гораздо больше, так как они не участвовали в рукопашной схватке. Воевода успел подумать, что атаковать стену в конном строю глупо, что это ничего не даст, кроме гибели, как тяжёлые, арбалетные болты нашли свои цели.

Несколько всадников на полном скаку рухнули под копыта несущимся во весь опор коням. Строй челманов рассыпался, смешался, кто-то шархнул в сторону, кто-то попытался остановиться, кто-то решил не искушать свою судьбу бесплодной атакой и повернул назад.

Рутгер быстро посмотрел на скалы, и, заметив, что большинство заулов успели перезарядить арбалеты, снова крикнул:

– Стрелы!

Второй залп был не такой густой, как первый, и всё же его оказалось достаточно, чтобы атака захлебнулась, и всадники остановились. Да, их и было немного, всего около пяти десятков. Они, похоже, и сами понимали всю глупость своего положения, и уже не несколько человек, а все разом попытались повернуть коней и скрыться в глубине ущелья.

Рутгер поднял над головой пернач, и, стараясь, чтобы его слышали все, кто изготовился к бою, кто ещё мог держать оружие, прокричал:

– Виги! Нас мало, и мы устали убивать, но противник бежит от нас! Что может быть лучше, чем погибнуть в бою и отправиться к Очагу Бессмертного Тэнгри со свитой из поверженных воинов? Вперёд! На смерть! И да напьются наши мечи кровью врага!

В ответ защитники Волчьих Ворот прорывали что-то неопределённое, и, спустившись со стены, бросились вслед за отступающими челманами. Те остановились, и, увидев, как мало вигов преследуют их, стали разворачивать коней. Чтобы опрокинуть челманов и смять, нужно было успеть добежать и ударить, пока они не создали хоть что-то похожее на строй и не набрали скорость. Пеший, уставший и раненый воин плохой противник для конного.

Виги успели. Их атака была так стремительна, что челманы, как ни старались, всё же не смогли перестроиться, и им пришлось принимать бой в невыгодных для себя условиях. Заулы дали ещё один залп, и вслед за разящими стрелами на врага обрушилась полусотня разъярённых воинов.

Крики, стоны, проклятья, звон оружия, ржание коней, всё опять смешалось, и, нанося удар перначом по шлему опустившего щит челмана, Рутгер подумал, что уже привык к этим звукам, и не сможет представить свою дальнейшую жизнь без них. Как жить без ощущения, проламываемых костей врага под рёбрами пернача? Без ощущения собственной неуязвимости и силы? Теперь он понимал слова старого, седого ветерана Лигхара, сказавшего как-то, что мир слишком хрупок, а хрупкий мир – удел слабых. Смерть на поле боя в лучах славы – вот призвание настоящего вига.

Воевода увернулся от меча сбоку, отпрыгнул в сторону, и что есть силы, опустил пернач на голову коня, закованного в броню. Тот загнанно всхрапнул и повалился. Челман не успел выпрыгнуть из седла, и теперь беспомощный лежал на земле придавленный тяжёлым телом убитого скакуна. Что-то удержало Рутгера от того, чтобы нанести смертельный удар, и он, перепрыгнув поверженного противника, бросился на следующего, коего теснил мощными взмахами меча, Увгард. Ему не понадобилась помощь воеводы, и скоро его соперник пал, рассечённый от плеча до пояса. Ещё несколько мгновений, и скоро был убит последний из челман, если не считать тех, кто успел раньше скрыться в глубине ущелья.

Тяжело дыша, виги остановились, кто-то засмеялся, кто-то ударом меча добил раненого противника. Рутгер повернулся, и подошёл к челману, прижатого к земле лошадьё. Он какое-то время пристально разглядывал его, а потом, наклонившись, отбив рукой направленный в свою грудь кинжал, сорвал с него шлем с серебряной личиной, полностью скрывающей лицо.

– Будь я проклят! – Поражённо воскликнул остановившийся рядом Сардейл. – Ты кто такой?

Пленный не был челманом. У него не было узких раскосых глаз, и жёлтого оттенка кожи. Наоборот, у лежащего воина были длинные русые волосы, зелёные глаза, и в них светилась неукротимая злость.

– Ты кто такой? – Повторил свой вопрос Сардейл, и Рутгер сразу сообразил, что пленный их понимает, совсем не желая отвечать. – Да я же его знаю! Это наёмник, сивд! Имени не помню, но я его видел в охране лорда Кирфера!

– Наёмник? – Переспросил воевода, и поставил ногу на труп лошади, слегка увеличив тяжесть, давящую на пленного. Тот дёрнулся, пытаясь вырваться, не смог, и заскрипел зубами. – Значит, он нас понимает! Почему вы на нас напали? Неужели сивды перешли на сторону челманов? Да, забыл предупредить – мы очень злы, и сильно устали. Если ты будешь молчать, то, клянусь Бессмертным Тэнгри, мы найдём способ заставить тебя говорить. Итак, зачем вы на нас напали?

Сивд посмотрел по сторонам, насколько хватало повернуть голову, и только тогда прохрипел:

– Мы не думали, что здесь ещё остались виги. Мы хотели вырваться в степи, и уйти к своим племенам.

– Почему на вас доспехи челманов? Наёмник покривил губы, видимо раздумывая, стоит говорить или нет. Барс заметил это, и зло улыбаясь, поднёс к самому носу сивда оголовок пернача, с прилипшими к нему сгустками крови, и кусочками студенистого мозга.

– Ты, наверное, всё ещё думаешь, что мы шутим? Я спрашиваю последний раз – почему на вас доспехи челманов? Или говори, и будешь жить, или умри!

– Сотник приказал одеть, и напасть на лорда Кирфера.

– Для чего? – Удивился воевода. Это не укладывалось у него в голове. Как они могли напасть на того, кого сами же и охраняли? Зачем? Чтобы ограбить, и сбежать? Это может привести только к тому, что виги, собрав войско, выйдут в военный поход, и истребят всех сивдов! Кому это может быть на руку? – Что с лордом Кирфером?

– Сотник приказал нам вырезать всех.

– Так вы всех и перебили? – Рутгер покачал головой. Он не мог понять, как можно предать того, кто нанимает тебя, и платит деньги за свою охрану, чтобы потом быть ограбленным, и убитым именно тем, кому платил за то, чтобы этого не случилось? Он уже слышал такие истории про наёмников, но это было давно, там упоминались другие племена, и он просто не поверил в это, так как ещё был молод и верил в людское благородство и честность. И вот теперь перед ним лежал человек, придавленный к земле, закованной в броню лошадьё, олицетворяя собой всю алчность, коварство, и жадность Обитаемого Мира. О, Бессмертный Тэнгри, если бы ты знал, как хочется добить этого сивда, чтобы мир стал чуть-чуть чище! – Так значит, вы их всех перебили? – Воевода хотел разозлить сам себя, чтобы уже в припадке ненависти нанести один удар по беззащитному противнику и не заметить этого, чтобы потом не мучила совесть. Он хотел этого, и в то же время не мог. Всё его сознание как каким-то огромным, тёмным покрывалом накрывало осознание смертельной усталости, того, что он смог выжить в жесточайшей схватке, и смог отстоять Волчьи Ворота с горсткой воинов, против нескольких тысяч противников. Это чувство пьянило, и казалось, что он не простой воевода, а сродни богу, спустившийся на землю ради этого подвига.

– Да. Мы их всех перебили! – Выкрикнул сивд, видимо понимая, что вырваться живым из рук вигов у него так же мало шансов, как и преодолеть Чёрный Лес в одиночку: – Нам приказали ограбить и убить лорда Кирфера в доспехах челманов! Не знаю, для чего это понадобилось. Нам щедро заплатили, и мне этого было достаточно, чтобы выполнить приказ.

– Для чего? – Снова спросил Рутгер, ничего не понимая.

– Мой воевода! – Сбоку подбежал Герфур. Голос его был взволнован, а на перемазанном кровью и сажей лице застыла маска растерянности: – Сивды в доспехах степняков перебили свиту лорда Кирфера!

– Да, Герфур. Я это уже знаю. – Кивнул Брас. – Похоже, что это всё звенья одной цепи, как и тот гаар с посланием.

– Ты обещал мне жизнь. – Прохрипел наёмник.

– Я помню своё слово. – Неожиданно разозлился Рутгер. – Только сивды могут нарушить роту верности. Виг этого никогда не сделает. Ты рассказал всё, что знаешь? Хорошо. Я оставляю тебе жизнь, но только пока. Выбирайся отсюда, как хочешь, и не попадайся мне на глаза. Второй раз я тебя уже не отпущу.

– Что будем делать с телами свиты лорда? – Спросил помрачневший, нахмурившийся Сардейл. – Кажется, нам это может выйти боком.

– Почему? Кто и в чём нас может обвинить? – Воевода вздохнул. Эйфория от первой победы прошла, и сердце не билось, выскакивая из груди. Теперь на него навалилась только усталость. Хотелось выпить холодного неразбавленного вина, искупаться в каком-нибудь ручье, и завалиться спать. – Сколько нас осталось?

– Столько же, сколько и было. Пятьдесят шесть. В последней схватке никто не погиб, зато добавилось раненых. Сейчас их перевязывают.

Рутгер выпрямился, посмотрел на подходящих из ущелья воинов, и немного подумав, сказал:

– Надо сообщить обо всём этом военному вождю.

* * *

Глава 18.

– Мой лорд! Мортрею удалось вырваться из ловушки и уйти в горы, в свой родовой замок за перевалом, к самому леднику Корте!

– Вот как? – Фельмор озадаченно посмотрел на своего секретаря Бирхора. – Как ему это удалось? Разве всё было плохо подготовлено?

– Нет, мой лорд. – Секретарь поклонился. – Ваш план был безупречен, но кое-кто из сивдов отказались брать золото, и остались верны своему господину. Только благодаря их усилиям Мортрей смог отбиться, и с сотней телохранителей уйти за перевал.

– С сотней? Это почти всё личное войско этого выскочки. Надо же! Оказывается, не всех сивдов можно купить. Надо это учесть на будущее. Из замка нам будет его не достать. – Фельмор задумался. Потом его глаза хитро блеснули, и прежде чем он начал говорить, план уже полностью созрел в его голове. – Тем лучше. Нам там его будет не достать, но и он не сможет выйти из своего замка. Поставь на тропе сотню харвеллов, и отдай им приказ, чтобы уничтожали всех, кто захочет пройти в замок, или выйти из него.

– Да, ваша милость. – Бирхор опять поклонился, и неуверенно произнёс: – Тайная Стража уже не та, что была раньше. В ваших войсках заметно брожение. Они понимают, что знают совсем не то, о чём им говорят. Если им не объяснить для чего это нужно, то Стражи откажутся выполнять приказ.

– Чтож, всё гораздо хуже, чем я думал! – Лорд Фельмор прошёлся по палатке, и, поправив свою неизменную чёрную хламиду, сел в кресло. – Похоже, что я слишком многое им позволял, и вот, как говорится, результат. Ещё немного, и они будут говорить мне, что делать, а чего не стоит! Хорошо. Займёмся этим позже, а пока... Бирхор, подготовь списки самых отъявленных смутьянов. Что же мне делать с той сотней? Что сказать им? – Повелитель Тайной Стражи задумался.

Кутаясь в такой же чёрный хитон, как и у лорда, секретарь нерешительно кашлянул, и словно боясь нарушить раздумья своего господина, тихо произнёс:

– Ваша милость, это не так сложно, как может показаться на первый взгляд. У меня уже есть кое-какой опыт в таких вопросах.

Фельмор встрепнулся, и в его маленьких, злых глазках засветился неподдельный интерес:

– Ну-ка, ну-ка, подскажи мне что-нибудь. Что ты предлагаешь?

– Я составлю небольшую речь, в коей укажу на то, что лорд Мортрей предатель и изменник, возжелавший пропустить в страну Лазоревых Гор нашего общего врага – челманов. У меня есть несколько, так сказать, косвенных доказательств. Большею частью они надуманные, но при умелой расстановке обличительных слов, они будут иметь сокрушающее действие.

– Любопытно. – Лорд Фельмор кивнул, и улыбнулся. – Когда твоя речь будет готова, я хочу взглянуть на твои записи. Интересно узнать, чему ты у меня научился. Приступай немедленно.

– Да, мой лорд. – Бирхор опять поклонился, и, не выпрямляясь, попятился, ошибочно найдя спиной выход из палатки.

Повелитель Тайной Стражи усмехнулся. Бирхор каким-то особенным, только ему известным способом чувствовал настроение своего господина, и вёл себя соответственно. Когда лорд был в хорошем настроении, он мог позволить себе и сальную шутку, и какое-нибудь едкое замечание, не переходящее границ дозволенного, когда Фельмор был в затруднении, чтобы принять какое-то решение, мог что-нибудь подсказать, а в такие дни как этот, был самым кротким, и преданным рабом.

Сегодня лорд Фельмор был не в духе. Ещё бы! Он потерпел сокрушительное поражение. Войско Аллаи-хана, что через гааров он призвал в страну Лазоревых Гор, разбито, а сам Повелитель Сармейских степей зарублен своими телохранителями, чтобы не попал в плен к победителям. Вот такие у челманов обычаи. Хорошие обычаи. Теперь никто не знает кто был душой и предводителем заговора. Мортрей в своём замке и вряд ли рискнёт спуститься в Вольфбур, так как знает, какие могущественные силы он противопоставил себе. Надо быть настоящим самоубийцей, чтобы решиться пойти против Фельмора и Сатвела! Лорд Гринхард мёртв, Дервар и Вармер будут молчать, так как сами замешаны в этом по уши. Единственным слабым звеном в подготавливаемом перевороте был Кирфер, но в отношении его уже приняты кое-какие меры, и скоро должен прибыть гонец от сотника сивдов, чтобы сообщить о результатах.

Нет, он не ошибся в наёмниках. Не зря виги им не доверяют. За золото они могут предать и своего хозяина, и своих богов, и своего царя. Что за народ? Кем они были до Апокалипсиса? Неужели и их предки были такими же? Не важно. Главное, что сейчас они именно такие, какими и нужны повелителю Тайной Стражи. Жадные до золота, и не останавливающиеся ни перед чем. Пока нужны только такие исполнители, а потом нужно будет от них избавиться. Ведь как говорят виги – второй раз предать всегда проще, чем в первый раз.

Лорд Фельмор прислушался. Ему показалось, что он услышал приближающиеся к палатке тяжёлые шаги, и хриплый голос сотника сивдов, Ярва. Он что-то спросил у телохранителей лорда, чему-то посмеялся, и, отдёрнув полог палатки, шагнул внутрь, чуть щурясь, попав со света в полумрак.

Повелителя Тайной Стражи всегда раздражала бесцеремонность сивда, и его прямолинейность, зато он не умел лгать, и всегда доводил начатое дело до конца.

Ярв не сразу заметил лорда, повёл глазами по сторонам, выискивая своего господина, потом как-то хищно улыбнулся, и, кивнув головой, заговорил:

– Лорд! Твой приказ выполнен. Лорд Кирфер мёртв.

– Хорошо. – Фельмор посмотрел в глаза сивду, и отметил про себя, что тот, как всегда не прячет свой взгляд. И эта независимость лорда тоже бесила. Хуже нет, чем строптивый слуга, но заменить его пока было не кем. Повелитель Тайной Стражи никогда не держал долго возле себя людей, знающих слишком много о его делах. Такие, как вот этот сивд, обычно заканчивали свою жизнь в подвалах замка Салдо. – Ты сделал всё, как надо?

– Да, лорд. Мы раздобыли доспехи челманов, и в них напали на свиту Кирфера. Никто не ушёл.

– Где это случилось?

– В тысяче шагов от Волчьих Ворот.

– Что он там делал? – Притворно удивился Фельмор. Ведь это он сам посоветовал ему отправиться к Волчьим Воротам, и сказать, что совсем не сердится на воеводу. Был шанс, что разгорячённые боем виги не будут разбираться, для чего прибыл лорд, и убьют его сразу, но повелитель Тайной Стражи решил свести риск на нет, и послал полусотню Ярва на это щекотливую вылазку.

– Этого я не могу знать. – Принял игру сивд, усмехаясь. – Как только мы всех убили, я повернул свою полусотню в степи, но прорваться у нас не получилось. Волчьи Ворота перегораживала стена, и нас там встретили виги. Из моего отряда спаслось только четырнадцать человек.

– Что я слышу? – Голос Фельмора был полон яда. Его порадовало то, что с гордого сивда хоть немного сбили спесь. – Горстка вигов смогла разбить полусотню сивдов? Твои воины разучились сражаться? Или они могут убивать только изнеженных лордов?

Глаза Ярва блеснули злостью, рука сама дёрнулась к мечу, висящему на поясе, и замерла, так и не обнажив сталь. Он не мог ответить ударом клинка на оскорбление. Его связывала клятва верности, какую он читил и соблюдал, и слишком много было вокруг харвеллов, не задумывающихся над тем, когда пускать в ход мечи, если какая-то опасность угрожала их повелителю.

– Мои воины сражались не жалея себя, и не наша вина, что Боги противника оказались сильнее. К тому же не стоит забывать, что даже раненый виг, остаётся сильным бойцом. Как говорят у вас в горах – виг всегда остаётся вигом.

– Кто был воеводой Снежных Барсов? Всё тот же молокосос Рутгер, сын Ульриха?

– Я не знаю кто у них воевода. Мне было как-то не до этого. Но заberi меня дьявол, если бы я не хотел под его знаменем пойти в бой!

– Ты не виг. – Лорд Фельмор нахмурился. – А они не пользуются услугами наёмников. Они слишком горды для этого.

– Да. Это точно. Жаль, что я родился не в этих горах, а далеко на западе, и выбрал для себя судьбу изгнанника-сивда. – В голосе Ярва послышалось сожаление, и он как-то грустно вздохнул.

Повелитель Тайной Стражи сразу же почувствовал перемену в настроении одного из своих лучших охранников, и терзаемый любопытством, спросил:

– Разве воины, пришедшие с тобой в страну Лазоревых Гор, все изгнанники?

– Конечно. – Наёмник кивнул. – И мы будем оставаться изгнанниками, пока не пройдёт десятилетний срок, и из юноши сивд не превратится в опытного воина. Не мы придумали этот закон, а наши предки, и мы обязаны его соблюдать.

– И как долго тебе осталось быть изгнанником?

– Ещё два года.

– Два года... – Задумчиво проговорил Фельмор, и погладил свою редкую бородку. В голове у него возникло сразу несколько мыслей, как это можно использовать, но, ни на одной он пока не остановился. Надо хорошо подумать, прежде чем принимать какое-то решение. – Хорошо. Мы ещё поговорим об этом. А пока отдыхай. Утром я тебя жду в своей палатке. Для тебя будет особое задание.

– Да, лорд. – Ярв кивнул головой и вышел.

Повелитель Тайной Стражи прошёл по палатке несколько шагов, сел в кресло, и улыбнулся. Сейчас в его голове родился план новой игры. Пока он был только наброском, без каких-либо конкретных очертаний, но это дело времени, а времени у него достаточно.

Военный вождь Балвер стар, и на будущий год истекает срок его правления в войсках. Ещё целый год! Как же это всё-таки долго! Надо помочь ему уйти на покой, и чем скорее, тем лучше. Он слишком опасен для лордов. Он может, и наверняка поведёт за собой вождей кланов, будет требовать для вигов возвращения Законов Предков, отдачи в руки народа и золотых рудников, и шахт с драгоценными камнями, и озёр с земляным маслом. Лорды лишатся своего богатства, а за ним и власти. Кто займёт трон военного вождя в случае смерти Балвера? Кто из вождей? Халмер? Нет, он и сам этого не хочет. Это слишком большая ответственность для него. Вальхар? Это сильная фигура, но он ранен, и не сможет участвовать в Совете. Хардур? Слишком стар. Урхард? Нет, этот ещё может командовать войском вигов, но трон военного вождя ему не по зубам. Такой высокий пост подразумевает не только ведение войны, а ещё и ведение тонкой политики в борьбе за трон Владыки страны Лазоревых Гор. Кто сможет претендовать на это? Вожди кланов? Вряд ли. Они будут довольны и тем, если выплатить им долг по жалованью, и выдать золото вдовам погибших воинов. Этого достаточно, чтобы заткнуть им рты.

Внезапно лорд Фельмор всё понял, и чуть было не подпрыгнул в кресле. Кто одержал блестящую победу в одном из боёв в этой войне? Кто сдерживал в несколько раз превосходящие силы врага два дня и две ночи? Кто дал время Балверу собрать войско и призвать на помощь росссов, кверков и дивов? Рутгер! Вот кто сейчас претендует на трон военного вождя! Может об этом пока не знает и он сам, но это будет. Сын Ульриха – самая яркая фигура в скоротечной войне, какая закончилась сегодня, как только погиб повелитель Сармейских степей, Аллаи-хан. Ему всего двадцать лет, а его уже выбрали воеводой клана, и он смог оправдать доверие ветеранов. Кто вообще предложил его в воеводы? Никак, Вальхар, постарался? Конечно! Всё так просто! И как он раньше не замечал очевидного? Балвер и Вальхар хотят посадить на трон военного вождя этого молокососа, а уже потом, когда придёт срок, посадить его и на место Владыки Лазоревых Гор! Пока он слишком молод для этого, но ведь года идут, а у сына Ульриха такие сильные покровители.... Пока, покровители. Скоро их останется на одного меньше. Война кончилась, и бдительность телохранителей военного вождя ослабевает. Вот тогда всё и решится. Это дело всего лишь нескольких дней.

* * *

Решение было принято уже давно, и Балвер выдержал долгую паузу, глядя на безоружных, стоящих огромной толпой, челманов. Их было чуть больше трёх тысяч. Жалких, израненных, опустивших головы, и понимающих, что одно слово сейчас может решить дальнейшую судьбу когда-то огромного, ещё не виданного со времён Апокалипсиса, войска. Ещё утром они были гигантской силой, и могли уничто-

жить любое племя, вставшее у них на пути, а теперь представляли собой толпу грязных, оборванных, потерявших веру и надежду людей, попавших в плен неизвестному северному народу, для какого смерть в битве дороже, чем жизнь.

– Вы пришли, чтобы завоевать страну Лазоревых Гор, а вигов, населяющих её, вырезать. – Военный вождь ещё раз посмотрел на челманов стоящих перед ним, увидел в их глазах животный ужас, дождался, пока один из монахов переведёт его слова, и только тогда сказал: – По законам наших предков, за это – смерть!

После того, как монах из Храма Бессмертного Тэнгри прокричал эти слова, многие из степняков опустили на колени. Глядя на них, это сделал ещё кто-то, потом ещё. В зловещей тишине, повисшей над полем, пронёсся отчаянный вздох исторгаемый сотнями глоток, и через несколько мгновений на коленях стояли все три тысячи пленников.

Балвер улыбнулся, и, оглянувшись, торжествуя посмотрел на стоящих позади себя вождей кланов и воевод. Это было уже знакомое ему чувство. Он упивался победой, и ощущал себя ничуть не слабее чем сам Бессмертный Тэнгри. Что ему Боги с их невидимыми, никому не известными страстями? Всё, что может заслуживать хоть какое-то внимание, происходит на земле. Под облаками. Обитаемый Мир огромен, и везде, где есть человек – живут, любят, ненавидят, убивают и умирают. Богам никогда не понять, что творится у человека в душе, когда он видит поверженного врага. Говорят, что у Древних был один Бог, призывающий людей к смирению, непротивлению злу, насилию. Что это была за жизнь? Существование раба? Нет, такие боги не для вигов. Виги и сами почти боги. Что может быть лучше, чем видеть грозного врага, стоящего на коленях?

– Виги не будут вас казнить, и никому не отсечём правых рук, по Закону Предков. Вы достаточно наказаны за свою жестокость и жадность. Похороните павших воинов по своему обычаю, и уходите домой. Если вы ещё раз решитесь пойти войной на народы севера – мы придём в ваши степи, и тогда пощады не будет. Ваш народ будет уничтожен, и даже в летописях Обитаемого Мира не сохранятся названия ваших племён!

Из толпы челманов поднявшись с колен, вышел раненый в плечо воин. Глаза его лихорадочно блестели, а голова как-то странно подёргивалась. Военный вождь понял, что это у него от сильного удара по шлему. Пленник был выше, чем все остальные степняки, а доспехи хоть и были кое-где помяты и сорваны, всё же было заметно, что это не простой воин. Наверное, кто-то из свиты хана.

Он заговорил на своём непонятном языке, в каком присутствовало больше шипящих звуков, и складывалось впечатление, что он посылает проклятья своим победителям. Наконец он замолчал, опустив голову, и стоящий рядом с конём Балвера, монах, в сером хитоне, перевёл:

– Это тысячник Сагынай. Он говорит, что челманы не заслуживают милости, но воины севера благородны и справедливы. Он благодарит тебя, вождь, за то, что ты не казнишь, и не опустошаешь их степи. Народ челманов ещё сможет возродиться после такого сокрушительного поражения. Они сделают всё, что ты прикажешь, и поклявшись могилами павших воинов уйдут в степи, чтобы никогда не вернуться.

– Хорошо. Если вам что-нибудь понадобится, то пошлите ко мне гонца. – Военный вождь посмотрел на монаха, и спросил: – Как тебя зовут?

– Лурфар. Мой вождь. Я приёмный сын Хранителя Очага Бессмертного Тэнгри, да будут бесконечными его дни....

– Если ты сын самого Хранителя, значит, много чего знаешь и умеешь. Ты сможешь остаться с челманами, и быть при них гонцом? Они всё же наши враги,

напуганы и озлоблены. Если почувствуешь, что тебе угрожает опасность, то сразу можешь от них уходить.

Монах поклонился, и, подняв голову, со смиренной полуулыбкой произнёс:

– То, что степняки напуганы, это видно сразу. Но то, что озлоблены – это вряд ли. Я слышал их разговоры. Они хотят только одного – вернуться домой.

– Вот как? – Балвер удивлённо приподнял брови. Немного подумал, и спросил: – О чём они ещё говорят? Что ты слышал?

– Большинство степняков проклиняют своего повелителя. Теперь они уже понимают, что эта война была для них проиграна, как только они перешли Чёрный Лес. Среди них есть разные люди. И простые крестьяне, и ремесленники, те, кто не хотел идти на нас. Но среди пленных есть и преданные хану люди, что действительно хотели вырезать вигов, и разрушить наши города. Такие могут набраться сил, и потом вернуться с ещё более многочисленным войском.

Военный вождь внимательно оглядел разномастную толпу пленных, словно мог на глаз распознать тех, кто представляет собой опасность, и, поджав губы, недовольно поморщился:

– С этим мы ещё успеем разобраться. Благодарю за предупреждение, Лурфар, приёмный сын Хранителя.

Балвер тронул поводья, и, развернув коня, обратился к вождям кланов и воеводам:

– Братья! Сегодня мы одержали великую победу. Слишком большая цена отдана для того, чтобы страна Лазоревых Гор не погибла в пожаре войны. Но дело даже не в этом, а в том, кто привёл в наши горы врага. Мне надо вам многое рассказать. Прошу всех в мою палатку на Совет Вождей. Там уже всё приготовлено, чтобы мы могли перекусить, и выпить вина.

* * *

Глава 19.

Рутгер сразу почувствовал себя на каком-то особом положении, дающем ему определённые привилегии. Он не понимал, чем это могло быть вызвано, и ощущал себя не совсем уверенно. Стоя на стене, отражая атаки противника, было гораздо спокойнее, чем присутствовать на Совете Вождей, представляя клан Снежного Барса. На него смотрели седые, длиннобородые вожди, повидавшие немало на своём веку, пролившие кровь врагу десятки, если не сотни раз. О чём они думали, глядя на молодого воеводу, какому только недавно исполнилось двадцать лет? Может, в нём они видели себя, и вспоминали те времена, когда сами себе казались вечными, и деревья не были такими большими?

Рутгера посадили по правую руку от военного вождя, рядом с царём россов, Аласейя, и он сразу понял, что это почётное место. Росс оглядел его любопытными, голубыми глазами, широко улыбнулся, обнажая крупные, белые зубы, и, крепко пожав руку, как старому знакомому, шепнул:

– Ты первый раз на Совете? Приготовься. Скоро будет очень весело. Я просто обожаю ваши собрания!

После того как Барса рядом с собой посадил военный вождь, он всё чаще стал ловить на себе настороженные взгляды других вождей, воевод, и видел в них нечто похожее на оскорблённое собственное достоинство. Пока Балвер не начал Совет, виги перешёптывались между собой, и, похоже, недоумевали, почему одно из почётных мест занял отрок, кого только недавно посвятили в воины. Пусть его доспехи заляпаны кровью, пусть его рука перевязана, пусть на лице ещё не смыта боевая рас-

краска, но ему слишком мало лет, и он не может присутствовать на Совете Вождей, куда пускают только тех, кто облечён властью. Чем этот отрок заслужил такую честь? Тем, что участвовал в битве? Так этим могут похвастать многие!

Балвер поднялся, и взял со стола серебряный кубок. Он подождал, пока не смолкнут все разговоры и перешёптывания, посмотрел на Рутгера каким-то тёплым, почти отеческим взглядом, и заговорил:

– Вожди и воеводы кланов! Мы – победили. Все приложили для этого нечеловеческие усилия. Слишком много воинов погибло, так давайте поднимем наши кубки, и выпьем за их души, чтобы возле Очага Бессмертного Тэнгри для них нашлось место, и они ни в чём не нуждались. Слава павшим героям!

В мёртвой тишине, так, что не звякнула ни кольчуга, ни оружие, все поднялись со своих мест, и молча, выпили кубки до дна. Когда воины опустились, Балвер остался стоять. Он немного помолчал, собираясь с мыслями, и проговорил:

– Я собрал вас здесь для того, чтобы мы могли вместе подумать, и принять дальнейшее решение, касающееся будущего страны Лазоревых Гор.

– Пусть военный вождь Балвер объяснит, что делает за одним столом с нами отрок из клана Снежного Барса. Почему ему оказана такая честь?

Рутгер узнал голос Зифтера, вождя клана Белого Быка. Он посмотрел на него, и наткнулся на взгляд полный недовольства. Голова вождя была перевязана, а на белой, узкой полоске ткани красным цветком проступала запёкшаяся кровь. Он бился вместе со своими воинами, и разделял с ними все опасности, подстерегающие на поле боя. Последний раз Рутгер видел Зифтера лет пять назад, когда тот приезжал к отцу по какому-то делу, как раз перед войной с гаарами. Почему он так смотрит на него? Неужели не узнал? Пять лет не слишком большой срок, чтобы человек сильно изменился.

– Конечно. – Балвер улыбнулся. – Вы же не можете знать, что Рутгер был выбран воеводой клана на Совете Воинов.

– Рутгер? – Переспросил Зифтер, и он немного помолчал, пытаясь что-то припомнить. – Я мало кого знаю из отроков, недавно посвящённых в воинов даже в своём клане. Что уж говорить о других! – За столом послышались смешки. – Но имя Рутгер мне знакомо! Помнится, так звали нескладного сынка головореза Ульриха.

Грубая речь неприятно резанула слух, и Стальному Барсу пришлось приложить определённые усилия, чтобы не вспылить самому, и не ответить такой же грубостью. Заставив себя улыбнуться, он поднялся, и чуть кивнул головой:

– Да. Мой отец Ульрих.

– Это меняет дело. – Зифтер доброжелательно улыбнулся, оглаживая рыжую, как огонь, бороду, словно и не произносил мгновение назад грубых слов. – То был свирепый воин, и я могу рассказать много историй, когда мы бились рядом с ним плечом к плечу! Одно я не могу понять, за какие заслуги воины клана Снежного Барса поставили воеводой над собой юнца? Куда они смотрели, когда голоса, поднимали мечи?

Рутгер растерялся, и не знал, что ответить. Что-то ему подсказывало, что любое его слово будет встречено со смехом и шутками. Как повести себя? Молча проглотить обиду из уважения к седым и опытным воинам? Или всё же что-то ответить, и попытаться пресечь насмешки? Все знают, что Зифтер очень вспыльчив, и любое неосторожное слово может вызвать в нём гнев. Конечно, он быстро отходчив, но не будет ли тогда уже поздно, и не вызовет ли он обидчика на поединок на перекрёстке четырёх дорог по законам предков?

Воевода оглядел суровые лица воинов, в глазах коих светилось любопытство, встал, и, обращаясь ко всем присутствующим, как можно твёрже, ответил:

– Мне всего двадцать лет, и только год назад я прошёл Посвящение. До вчерашнего дня я не участвовал ни в одной битве, но теперь я могу сплести десятки кос на своей голове. Я и мои воины два дня удерживали тысячи челманов в Волчьих Воротах, чтобы кланы успели собрать войско и подготовиться к войне. Из двух сотен Снежных Барсов осталось в живых только пятьдесят шесть, и около сотни заулов с ополченцами. Врага мы не пропустили, так разве мой клан ошибся в своём выборе?

– Хорошо сказано, Рутгер, сын Ульриха. – Зифтер кивнул, и на лице, готовом разразиться гневом, расцвела улыбка. – Ты достоин того, чтобы участвовать в Совете. – И уже потом, давясь смехом, добавил: – Ты вылитый сын своего отца! Так же горд, и так же спесив!

Воины захохотали, и молодой воевода ощутил, как спало напряжение, царившее до этого в палатке. Несмотря на молодость, его приняли в свой круг, будут говорить с ним как с равным, и к его мнению прислушаются. Он почувствовал, что одержал ещё одну маленькую победу, и облегчённо вздохнув, сел на место, отпивая вина из уже наполненного кубка.

– Нам надо многое обсудить. – Повысил голос Балвер, и когда установилась тишина, продолжил: – Все прекрасно знают, какое положение сложилось в Лазоревых Горах, и пока у нас есть сила, пока лорды видят её, мы можем изменить нашу страну.

– Что мы можем сделать? Кланов ослабели после войны. Такие потери мы не несли лет четыреста! Пока мы наберём прежнюю силу, надо будет вырастить не одно поколение. – Проговорил с места Касдер, вождь клана Серебряной Луны. – У лордов и знати сотни наёмников, не участвовавших в битве. Если мы будем что-то требовать от них, они нас просто раздавят!

– Касдер как всегда осторожничают! – Воскликнул Халмер, вождь клана Большого Орла. – Мои головорезы расправятся с любой дружиной наёмников, а если виги объединятся, то нам не страшна никакая сила. Не это ли мы сегодня и доказали? Да, нас мало, но мы – виги! А для вига нет ничего невозможного!

– Развязать новую войну очень просто. С этим никто не спорит. – Балвер поднял руку, призывая к тишине. – Вопрос только в том – нужна ли она нам? Надо избежать каких-либо потерь, чтобы наши горы не опустели на многие годы.

– Что ты сам предлагаешь?

– Я предлагаю составить свиток, где мы перечислим наши требования к лордам, и вызовем их на суд. Так мы, по крайней мере, создадим вид законности, и тем самым избежим вооружённого противостояния. Кто первым обнажит меч, тот и будет виновен в резне, если таковая случится.

– Ты предлагаешь идти в суд, где судья лорд Парфтек? Напомни мне, от чьего стола он кормится? – Усмехнулся Халмер. – Балвер, ты предлагаешь нам склонить свои головы, и позволить грабить себя дальше?!

– Я предлагаю избежать гражданской войны! – Глаза военного вождя грозно сверкнули, и он рывком поднялся. – Если кто-то этого не может понять, то в этом не моя вина. Сегодня закончилась война, и мы ещё не до конца смогли осознать её последствия, так, зачем начинать новую? Мы потребуем от лордов выплаты всех долгов по жалованью войскам, и пожизненное содержание вдовам погибших воинов.

– Казна Альгара пуста, как наши карманы! Тебе ли это не знать? Лорд Вармер здорово её подчистил!

– А вот здесь начнётся самое интересное. – Балвер улыбнулся, но эта улыбка не была доброй. Она напоминала, скорее всего, оскал хищного зверя. – Мы потребуем возврата народу рудников, шахт, масляных озёр, всего, что лорды за последние годы присвоили. Это будет противоречить их Новым Законам, что они придумали для нас, но мы будем стоять на своём. Мы будем стоять на грани войны. Будет сложно. Многие из вас могут сорваться, и натворить в гневе непоправимое, и я призываю вас всех – будьте сдержанны и терпеливы. Только тогда мы сможем добиться того, что жаждем.

В палатке висела зловещая тишина, и все чувствовали, что она вот-вот взорвётся яростными спорами. Никто пока не решался её нарушить, и все застыли в ожидании. Кто-то шумно сделал глоток из кубка, кто-то звякнул доспехами, но никто не рискнул нарушить молчание. Все присутствующие в палатке о чём-то напряжённо думали, и пытались решить для себя нечто очень важное, от чего зависело будущее клана, да и самой страны Лазоревых Гор в целом.

Рутгера так и подмывало рассказать на Совете об атаке сивдов в доспехах челманов, чтобы быть хоть чем-то полезным для вождей и воевод, чтобы не сидеть молча, и принять деятельное участие в обсуждении судьбы своего народа. Он несколько раз открывал рот, но что-то его останавливало. Он никак не мог решить, важно ли для Совета то, что он хочет сообщить? Может это не стоит внимания, и его поднимут на смех?

– Лорды не отдадут нам ничего. – Кто-то хрипло произнёс в тишине. – Они сошлутся на Новые Законы.

– Конечно, они сошлутся на свои законы. – Балвер оскалился всё той же, хищной улыбкой, и его глаза блеснули. – А теперь я кое-что вам расскажу. Или это будет лучше сделать самому виновнику? – Военный вождь посмотрел на Рутгера, и кивнул головой. – Сын Ульриха! Расскажи Совету Вождей про всё, что произошло у Волчьих Ворот, и ничего не утаивай.

Почувствовав на себе заинтересованные взгляды, молодой воевода поднялся, собрался с мыслями, и не торопясь, начал говорить:

– Для обороны Волчьих Ворот мне понадобилось сто бочек земляного масла. Я послал гонца в хранилище лорда Кирфера, и он привёз мне ответ, что за каждую бочку я должен заплатить по десять золотых. Тогда я поехал сам, и под угрозой пожара потребовал масло. Управляющий мне его прислал. Потом пришли харвеллы, и сообщили, что меня осудили на три года золотых рудников и штрафа в тысячу золотых. Вот, собственно, и всё.

Не успел Рутгер сесть, как ему задали вопрос:

– Не совсем понимаю. Зачем тебе понадобилось земляное масло? – Нахмурил густые брови Халмер, и почесал свою бороду. – Оно же годится только для освещения!

– Я разлил масло в поле перед стеной, а когда челманы пошли на приступ, поджёг его.

– Хм... Снежные Барсы не прогадали, что выбрали тебя воеводой! – Засмеялся вождь клана Большого Орла. – Я бы до этого никогда не додумался!

– Дело не в этом. – Прервал их разговор Балвер. – Вы не слышали главного! О чём гласит Закон Предков? В дни войны любой воин может прийти куда угодно, и взять что угодно для защиты своей страны. Управляющий Кирфера потребовал плату за то, что понадобилось для обороны, а когда воевода Снежных Барсов взял это, его приговорили даже не вызвав на суд! Что это? Жадность? Я думаю, что это жажда наживы на горе народа. А это не что иное, как измена. – Военный

вождь достал из-за пояса кусок ткани, развернул, чтобы все увидели начертанные на нём руны, и произнёс: – Здесь тайнописью начертано: «И когда отсечётся большой палец, кулак разожмётся. Рука не сможет удержать песок, сочащийся сквозь пальцы».

– Что это значит? Дьявол тебя раздери! Я не понимаю таких загадок. Кто это писал? – Воскликнул Зифтер.

– Кто это писал, я не знаю, да это теперь уже и не важно, когда враг разбит, но то, что кто-то из лордов с гонцом-гааром отправил это послание челманам – в этом нет никаких сомнений.

– Откуда ты взял это?

– Гонца смог перехватить воевода Рутгер. Правда, он немного поторопился, казнив его. Но, что сделано – того не вернёшь.

– Братья! – Поднялся вождь клана Стремительной Рыси. Он не торопясь разгладил свою седую бороду, осмотрел всех сидящих за столом, задержал взгляд на Рутгере, и только тогда заговорил: – А ведь всё это даёт нам доказательства причастности лордов к измене! Если они не хотят, чтобы на них обрушился праведный гнев мирян, они пойдут на все наши условия, и как говорит Балвер, мы многого можем добиться, не обнажая меча. Я всегда знал, что военный вождь мудр, и теперь ещё раз убедился в этом.

– Опять этот старый выскочка... – Начал было Халмер, и смолк, когда его пихнул кто-то сидящий рядом.

Между тем, вождь клана Стремительной Рыси, Савгон, смерив вига взглядом, продолжил:

– Я знаю, кое-кто меня не считает за равного, потому что я – харвелл, но я занимаю пост вождя на протяжении вот уже двадцати лет, и мой клан не желает кого-то другого. Разве это ни о чём не говорит? Разве я не достоин перстня вождя?

– Что ты хотел сказать? Мы знаем, что ты харвелл, и по праву занимаешь трон вождя. Мы знаем о твоей мудрости. Говори!

– Мы потребуем от Владыки Альгара уплаты всех долгов. Он слаб, и не сможет противиться нашим законным требованиям. Казна пуста, и он не сможет заплатить. Тогда мы потребуем возвращения всех богатств страны Лазоревых Гор в руки народа. Лорды, конечно, откажутся. Тогда мы предъявим им это письмо и приговор воеводе Рутгеру. Измена даже по Новым Законам наказывается смертью, не смотря на то, что жизнь вига – священна. Если лорды решат судиться с нами, то мы выиграем это дело. Если они попытаются договориться – мы выслушаем их предложения.

– Но судья – лорд!

– И что с того? Под давлением неоспоримых доказательств, и силы стоящей за нами, он примет нужное нам решение. Лорды не так могущественны, как вам кажется. Стоит отобрать у них богатство, и они лишатся своей безграничной власти. А кому они будут нужны без золота? Кто слышал, чтобы сивд служил своему господину без оплаты? Они взбунтуются, а нам это только на руку. Так что всё не так плохо, как вы думаете.

– Действительно. Всё не так плохо. – Поднялся вождь Зифтер, немного потоптался на месте, и хрипло пробурчал: – Вы все знаете мой задиристый нрав, то, что я уважаю только вигов, и говорю только то, что думаю. Не знаю, как это делается... Вождь Савгон! Когда кончится вся эта дьявольская свистопляска, приглашаю тебя в свой замок. Мы загоним для тебя отличную, жирную косулю.

– Вождь Зифтер! Надо ли понимать твою речь как извинение за ранее нанесённые обиды?

– Да. Именно так. Я прям, как арбалетная стрела. Не люблю юлить, и никогда не делаю этого. Я хочу помириться с вождём Савгоном, не смотря на то, что он харвелл, и пригласить его на охоту.

– Твоё приглашение принято, Зифтер. – Вождь клана Стремительной Рыси с достоинством кивнул головой. Он знал себе цену. Он умел прощать и ненавидеть. Он умел видеть не только чёрное и белое, а и многие сотни оттенков других цветов.

– Самый слабый и трусливый из лордов – это Кирфер. Надо его как-то напугать, и он будет сеять панику, нервировать остальных. Тогда нам будет несколько легче...

– Начал было говорить Зифтер, и удивлённо смолк, когда напротив него из-за стола, поднялся Рутгер

– Лорд Кирфер – мёртв. Его, и всю свиту перебили сивды, переодетые в доспехи челманов.

– Рутгер, что ты такое говоришь? Этого не может быть! – В голосе Балвера послышалась тревога. – Где это произошло?

– Это было недалеко от Волчьих Ворот, в самом ущелье. Сивды пытались прорваться в степи, и мы рассеяли их.

– Это точно были наёмники? – Спросил кто-то из вождей.

– Я – молод, и возможно ещё многое не понимаю, в отличие от вас, убелённых сединами, но я не слеп! И труп челмана всегда смогу отличить от трупа сивда!

– Что всё это может значить? – Пробормотал Халмер.

На вождя клана Большого Орла осуждающе покосились, и выжидающе смотрели на Рутгера. Он опять почувствовал на себе пронизывающие взгляды, и всем своим существом ощутил, что от него ждут ещё каких-то слов, прольющих свет, пояснят им то, что произошло в ущелье. Неожиданно со всей ясностью он осознал и понял, почему сивды убили лорда:

– Кажется, я понял, для чего всё это было сделано. Кто-то сильный и могущественный замечает следы. Кирфер был слабым звеном в цепи заговора против страны Лазоревых Гор, и чтобы не смог выдать остальных предателей, его убили руками сивдов. К тому же, меня можно будет обвинить ещё и в убийстве лорда.

– Но ведь это ложь. – Балвер сел, и нахмурившись, выпил вина. – Хотя, желающий спасти собственную шкуру не остановится ни перед чем. Чтобы обелить себя, нужно очернить кого-то другого.

Воевода посмотрел вниз, на стол, и уже в десятый раз пожалел, что находится на своём первом Совете Вождей. На столе между кувшинами с вином, на серебряных блюдах лежали многие яства, и Рутгеру, у которого не было во рту с утра и маковой росинки, показались настоящим чудом кулинарного искусства, хотя в них и не было чего-то необычного. Источали пар переложённые зеленью клубни варёного картофеля. Караваи пышного белого хлеба так и просились в руку, а куски жареного на огне мяса своим запахом просто сводили с ума.

Молодой воевода не слушал Балвера, ведь для него всё уже давно было ясно. Он как замороженный смотрел на еду, и не мог оторвать от неё глаз. Только сейчас он почувствовал, как проголодался. Двое суток без сытной, здоровой пищи, запах крови, запах смерти – это как-то не способствовало пробуждению аппетита.

Царь Аласея наклонился, и, стараясь перекричать поднявшийся шум спорящих вождей и воевод, заговорил:

– Ешь! Я вижу, тебе здорово досталось в Волчьих Воротах. Пока виги до чего-то договорятся, ты успеешь насытиться.

Рутгер не стал ждать, когда его начнут уговаривать, и, оглядевшись по сторонам, улыбнувшись, царю россов, потянул с ближайшего блюда внушительный кусок

нежнейшей телятины, покрытый румяной корочкой. Набив полный рот и пережёвывая мясо, он вдруг осознал, что ведёт себя с царём как со своим ровесником, как с равным себе. Он сразу почувствовал к нему какую-то симпатию, и подумал, что они могли бы стать друзьями. Почему могли бы? Всё может быть в этом сумасшедшем мире. Дружба с таким могучим союзником может быть очень полезна. Не зря же военный вождь не боится лордов и их, пусть небольшое, но всё войско, наёмников. Сколько сивдов вообще находится в стране Лазоревых Гор? Что-то около тысячи? После войны, когда погибло много вигов, тысяча наёмников – это большая сила. Конечно, они не так подготовлены, не так хорошо обучены, но их много. Это сейчас самое главное. Решатся ли лорды развязать гражданскую войну? Вряд ли. Они же не самоубийцы, в конце концов! Балвер призовет на помощь россов, и наёмники в течение дня будут уничтожены вместе с лордами. Жизнь вигов священна. Это виг не может убить вигов. А воину-россу без разницы, кто попал под его тяжёлый меч.

– Правильно. Пока вожди и воеводы переливают из пустого в порожнее – самое время подкрепиться. – Услышал Рутгер голос Зифтера, сидящего напротив, и наткнулся взглядом на его улыбку.

Эти слова прозвучали в полнейшей тишине, какая вдруг внезапно установилась в палатке военного вождя, и, безусловно, их слышали все. Воевода Снежных Барсов стремительно покраснел, словно его застали за чем-то постыдным и скверным. Он торопливо проглотил мясо, и протянул руку к кубку, чтобы запить его вином. Кто-то усмехнулся, и уже через мгновение взрыв многоголосого хохота потряс окрестности, вспугнув с близлежащих деревьев стаи мелких пташек, а кто-то из воинов, приводящих себя в порядок после битвы, выругавшись, вздрогнул.

* * *

Глава 20.

Военный вождь Балвер потёр седые виски, и тяжело вздохнув, проговорил:

– Всегда устаю от Совета Вождей. Гораздо проще идти в битву, чем выслушивать бесконечные споры.

– Мне всегда они нравились. – Рассмеялся царь россов. – Чего только на них не услышишь!

После Совета Вождей в палатке остались Рутгер, военный вождь, и Аласейя. Не смотря на кое-какие разногласия среди представителей кланов, вожди и воеводы смогли выработать совместный план действий, способный удовлетворить каждого. Теперь оставалось дожидаться последнего дня тризны по погибшим воинам, и, явившись на Совет Лордов предъявить свои требования.

После сытного и обильного ужина Рутгера клонило в сон. Только теперь он почувствовал, как смертельно устал за день, но едва он закрывал глаза, как в голове начинали проноситься картины так недавно бывших боёв. Как он смог выжить в том аду? Зачем его хранит и оберегает Бессмертный Тэнгри? Неужели ему всё же уготована роль военного вождя, а в дальнейшем и золотой меч Владыки? Если это так, то пройдёт ещё немало времени, прежде чем это случится, и кто знает, может в самый неподходящий момент Бессмертный Тэнгри забудет про него?

– Я собрал вас здесь для того, чтобы обсудить кое-какое дело. Может это и не самое главное, но Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри всё же убедил меня, что это необходимо для безопасности нашей страны. Рутгер, Вальхар говорил тебе что-то о походе в степи?

– Да, мой вождь. – Молодой воевода стряхнул с себя сонное оцепенение, и добавил: – Только я сомневаюсь, что смогу что-то там найти.

– О чём идёт речь? – Непонимающе спросил царь россов, и переводил взгляд с одного собеседника на другого.

– Наш друг ничего не знает о том, что мы собираемся предпринять. Я всё объясню. Аласейя, ты помнишь легенды о Древних Богах? Я знаю, что у вашего народа их ничуть не меньше, чем у каждого другого.

– Помню ли я легенды о Древних Богах? – Как эхо переспросил царь россов. – Я вырос на них, и до сих пор в кое-какие даже ещё и верю! Как верю в то, что царь россов, хоть раз увидевший дракона будет править долго и счастливо!

– Я хочу послать отряд воинов под предводительством Рутгера в степи, чтобы они нашли убежище Древних Богов.

Аласейя внимательно посмотрел в глаза военного вождя, потом на Рутгера, и в задумчивости потирая подбородок, откинулся на спинку кресла:

– Действительно. Как всё просто – всего лишь надо послать отряд. Разве вигам известно, где надо искать убежище? Или ваш оракул на леднике Висс смог определить место? Это просто невозможно! Обитаемый Мир велик, не смотря на то, что Апокалипсис выжег многие земли, и шанс, что отряд сможет найти Древних Богов, ничтожно мал!

На эти слова Балвер улыбнулся, и ответил:

– Ты не знаешь нашего Хранителя Очага Бессмертного Тэнгри? Ты не знаком с ним?

– Нет. Не имел такой чести. Мой отец много про него рассказывал, и я знаю, что он мудр как никто другой в Лазоревых Горах. Интересно было бы с ним встретиться.

– Ты встретишься с ним, познакомишься, и даже прикоснёшься к его мудрости.

Как только военный вождь сказал эти слова, полог палатки откинулся, и слегка наклонившись, внутрь вошёл Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри, в своём неизменном белом хитоне. Он пристальным взглядом оглядел всех присутствующих, прислонил посох к одному из пустых кресел, разгладил спутанную, седую бороду, и, кивнув головой, произнёс традиционное приветствие вигов:

– Да напьются ваши мечи кровью врагов.

– И тебе пасть в битве, жрец.

– Рутгер, как чувствует себя Вальхар? Его жизнь вне опасности? Может мне стоит прислать своего знахаря?

– Если не считать того, что ему придётся отнять руку, то всё в порядке. Знахарь всё же не помешает. У нас много раненых. Клан почти полностью уничтожен.

– Да. Победа нам далась большой ценой. – Хранитель покачал головой. Его глаза блеснули, и голос окреп: – Но мы их всё равно победили! Я гляжу, ты и сам ранен?

– Ерунда. Это царапина, на какую виг просто не обращает внимания. Другим досталось больше.

Учитель мало изменился с тех пор, как он видел его последний раз. Казалось, что время не властно над ним, и смогло только добавить несколько мелких морщинок в уголки цепких, внимательных глаз. Всё такой же статный старик, одинаково хорошо владеющий как мечом, так и своей мудростью.

Хранитель улыбнулся, обнажая крепкие, белые зубы:

– Как говорили Древние: «Шрамы украшают мужчину». Так?

– Была ли лёгкой твоя дорога? Садись и выпей с нами вина. – Балвер пододвинул к себе серебряный, украшенный самоцветами кубок, наполнил его до краёв, и, встав, подал его жрецу. Тот принял его, сел за стол, и не отрывался от него, пока не опустошил до дна. Потом снова разгладил свою бороду, и заговорил:

– Сейчас нет лёгких дорог. Всё предгорье заполнено войсками. Пока я скакал сюда, мне попалось несколько дозоров. Виги, Тайная Стража, ополченцы, даже попался дозор, целиком состоявший из знати, из окружения Владыки! Всем хочется узнать, куда едет так поздно вечером старый Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри. – Жрец посмеялся, и продолжил: – Если бы они все знали, как в скором будущем может измениться вся наша жизнь! Какого расцвета может достичь страна Лазоревых Гор, и её союзники!

– Если ты говоришь о военном походе в степи, то я хочу узнать всё, что тебе известно. – Проговорил царь россов, пожирая глазами жреца.

– Никогда не видел молодого царя Аласейя, и рад, что ты присоединился к нам, ведь одержанной победой мы целиком и полностью обязаны тебе. – Жрец поклонился россу, и тот ответил тем же, умерив своё любопытство:

– Ты слишком добр ко мне, Хранитель. Моя роль в битве не так уж и велика. Виги могли и сами опрокинуть вражеское войско, будь у них чуть больше времени.

– Хватит обмениваться любезностями! – Засмеялся Балвер. – Лучше поговорим о походе в Сармейские степи.

– Конечно. Для того мы здесь и собрались. – Хранитель интригуяще улыбнулся, о чём-то задумался, сцепив кисти рук в замок и поднеся к подбородку, тихо заговорил, глядя на трепыхающийся огонёк светильника: – Как вам всем уже известно, мы хотим отправить в степи отряд воинов на поиски убежища Древних Богов. Выбор пал на воеводу Рутгера, сына Ульриха. Тебе выпадает огромная честь, и, надеюсь, ты, как и всегда, не подведёшь нас. Всем известна легенда, передающаяся из поколения в поколение у многих народов Обитаемого Мира. Я не буду её пересказывать. – Хитро прищурившись, жрец посмотрел на присутствующих в палатке, и с долей торжественности в голосе, сказал: – Я вам просто покажу, что нашли мои монахи за последние полгода! Лурфар!

Полог палатки откинулся, и внутрь вошёл юноша в таком же белом хитоне, как и Хранитель Очага. Он положил на стол волчью шкуру, куда было что-то завернуто. Монах поклонился и, отойдя назад на два шага, встал за креслом своего учителя.

Жрец возбуждённо потёр ладони, и его старое, изборождённое морщинами лицо, озарилось каким-то внутренним, омолаживающим светом. Блаженная улыбка играла на губах, а бездонно-голубые глаза излучали радость.

– Надеюсь, вы все прекрасно понимаете, что, то, что вы сейчас увидите, никто не должен знать. Пока, по крайней мере. Со временем я сам всё это покажу народу вигов. – Он перевёл взгляд на царя россов, и добавил: – И, конечно же, нашим верным союзникам.

– Так что там? – Не выдержал Аласейя и с трудом удержался, чтобы не развернуть свёрток.

– Здесь артефакты Древних Богов. – С этими словами Хранитель откинул волчью шкуру, и взору собравшихся предстало не совсем обычное зрелище.

Рутгер привстал, облокотился на стол, и с удивлением рассматривал не совсем понятные бесформенные куски железа, куски никогда не виданной, чуть поблёскивающей при свете светильников, ткани, и одна большая, толстая книга в порыжевшем переплёте.

– Ну, книга, это понятно. А вот это что? – В голосе Балвера слышалось разочарование. – Зачем это железо? Какое отношение оно имеет к Древним Богам, даже если и найдено в Мёртвом Городе? Какой от него прок?

– Это не совсем обычное железо! Вот это то, из чего Древние стреляли. Конечно, после тысячи лет, пролежав в земле, оно испорчено, но, тем не менее, это так. Я уверен, что их оружие могло пробить любой доспех за несколько сотен шагов!

Рутгер взял со шкуры небольшой кусок железа, чуть тронутый ржавчиной, напоминающий небольшую палочку, заострённую с одной стороны, повертел её в руках, взгляделся, заметив на круглом торце незнакомые, загадочные руна, и спросил:

– Разве может это убить врага? – Во время его учёбы в Храме монахи не находили такое в Мёртвом Городе, и было совершенно невозможно представить, для чего это предназначалось.

– Это только кажется безобидным. Я уронил такой же артефакт в чашу светильника, и через несколько мгновений, вот этот наконечник, неизвестно почему, с какой-то дьявольской силой расщепил спинку кресла, в каком я сидел. – Хранитель оглядел лица присутствующих, и увидел их глаза, полные любопытства. – Это самое интересное, что смогли найти монахи за последнее время.

– Что здесь может быть интересного? – Царь россов взял в руки сплюснутый, чуть подплавленный, продолговатый кусок железа, из коего торчала толстая, изогнутая трубка.

– Именно из этого Древние Боги стреляли во врага. Хотите доказательств? Они тут. – Хранитель положил ладонь на древнюю книгу, немного помолчал, и осторожно раскрыл на заранее заложенной странице. Все какое-то время молча разглядывали поблёкшую за сотни лет картинку, на где был изображён человек в странных, пятнистых доспехах, приложивший к плечу нечто, отдалённо напоминающее арбалет.

– Конечно, это всё бесспорно. – Проговорил Балвер, принимая из рук Аласея непонятный кусок железа, и что-то разглядывая в нём. – Никто и не пытается это отрицать. Но есть ли какие-то доказательства того, что Древние Боги ещё действительно существуют, а не вымерли за тысячу лет?

Жрец покачал головой, и с видимым сожалением сказал:

– Мы отправим воеводу Рутгера на свой страх и риск, и даже не можем знать, увенчаются ли его поиски успехом. И всё же, лучше хоть что-то делать, чем сидеть сложа руки, и надеяться на милость Бессмертного Тэнгри. Много ли нам помогают боги, не смотря на все наши жертвы?

Было странно слышать такие речи из уст того, кто сам был Хранителем Очага Бессмертного Тэнгри. Того, кто сам обязан оберегать веру во всемогущего бога вивгов, ждущих их в своём царстве.

Рутгер взял со шкуры кусок тёмно-зелёной кожи, и вздрогнул. Такой она была холодной, и какой-то не человеческой, чужой. Ему показалось, что она таит в себе опасность, словно предупреждает, что в Обитаемом Море есть существа более могущественные и страшные чем сам человек, и стоит их хоть немного рассердить, как на земле грянет новый Апокалипсис.

Такие кусочки кожи он держал в руках и раньше, когда ещё был учеником в Храме Бессмертного Тэнгри, и ему было мало лет, но тогда он почему-то не задумывался, что всё это может значить. Теперь он чувствовал, что прикасается к великой, тысячелетней тайне, хранящейся в столь незначительной вещи. Подумать только! Ведь это когда-то было кожей Древнего Бога! Самого загадочного и таинственного, что когда-либо существовало в мире!

– Я готов попробовать. – Неожиданно для самого себя произнёс Рутгер. Какое-то странное ощущение овладело им. Что-то тянуло его туда, в степи. Что, он не мог себе объяснить, да даже и не пытался, просто знал, что там он сможет найти своё

предназначение. Там Бессмертный Тэнгри пошлёт ему знак, или подскажет, для чего он был рождён, и сбудется ли предсказание оракула с ледника Висс.

– Тебя ждут многие опасности. – Хранитель внимательно посмотрел в глаза молодому воеводе. – Готов ли ты к этому?

– Виг всегда готов к опасностям. – Гордо ответил Рутгер. – Если это нужно для страны Лазоревых Гор, если это нужно для наших народов, я готов отправиться в степи хоть завтра.

– Не так быстро, мой мальчик. – В глазах жреца мелькнула безграничная любовь и доброта, как тогда, когда он учил глупых, непослушных отроков, и пытался вложить в их головы хоть крупицу знаний об Обитаемом Мире.

– Мы уже говорили с тобой об этом, Хранитель. – Военный вождь наполнил кубок вином, и отпил из него. – Я возвращаюсь к своему вопросу: а нужно ли нам всё это? Принесёт ли нам пользу оружие Древних Богов? Если они смогли уничтожить свой мир, то не произойдёт ли это же и с нами?

– Я думаю, что нет. Древние Боги были могущественны. Они могли управлять природой, летать в другие миры, обладали огромной силой, какую мы сможем обуздать только через многие тысячи лет!

– Всё их могущество кончилось и рухнуло в один день! Они уничтожили сами себя! Зачем нам идти по их стопам?

– Балвер, ты тогда согласился со мной. – Тихо произнёс Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри, словно устал спорить. – Что с тобой случилось? Разве ты не хочешь обладать оружием Древних? Это даст нам неограниченные возможности! Это поможет нам распространить власть союза северных племён на весь Обитаемый Мир!

Военный вождь сделал нетерпеливый жест рукой, и с нескрываемой насмешкой спросил:

– А зачем нам это? Разве плохо, что другие народы живут по своим, только им понятным законам? Зачем нам их земли? Меня устраивает то шаткое равновесие, на каком балансирует наша жизнь. – Балвер вздохнул, немного подумал. – Я согласен послать отряд в степи на поиски Древних Богов, но только для того, чтобы найти подтверждение легенде.

– Становится всё интересней и интересней. – Пробормотал царь россов. Во время словесной перепалки он молчал, внимательно слушая, переводя взгляд с одного говорившего на другого, и наконец, не выдержал: – Что ты ещё нам не рассказал, Хранитель? Что ты ещё приберёг напоследок?

Жрец, нимало не смущаясь, пригубил кубок с вином, и обезоруживающе улыбнулся:

– В библиотеке Храма я нашёл записи, сохранившиеся ещё со времён Владыки Валькира, когда в наших землях ещё были частыми гостями купцы из России. Там рассказывалось о странных, адских существах, поедающих человеческое мясо. Нет-нет! Это не «тёмные». – Хранитель вскинул руки, упреждая вопрос военного вождя. – Это нечто совсем другое. Встреча с ними опасна, и тебе в дружину нужны хорошие, опытные воины.

Это замечание учителя несколько не испугало Стального Барса. После того, что ему пришлось пережить в Волчьих Воротах, он почувствовал свою, до сих пор дремлющую силу, и осознал, что как бы страшен ни был враг, его всегда можно убить.

– Что же я там должен буду найти, если оружие Древних не так важно для Хранителя Очага Бессмертного Тэнгри? – Непонимающе спросил Рутгер. Он действи-

тельно не понимал, зачем тогда ехать в степи, искать, и пытаться проникнуть под землю, в убежище Древних Богов? Чтобы просто подтвердить легенду?

– Знания! – С жаром откликнулся жрец. – Вот что нам нужно в первую очередь! Только знания имеют какую-либо ценность в этом мире! Обладая книгами Древних, умея их читать, мы можем достичь небывалых высот в развитии! Конечно, это произойдёт не сразу, через несколько сотен лет, но это произойдёт! И для этого стоит предпринять поход в степи! По записям купцов я смог составить карту, и думаю, что она сможет тебе помочь в поисках. – С этими словами Хранитель достал из рукава белого хитона свёрнутый кусок пергамента, и чуть дрогнувшими руками, словно расставался с самым ценным для него, положил на стол. – Конечно, это совсем не то, что я хотел бы предложить воеводе клана Снежных Барсов, но на первых порах она тебе может пригодиться.

Рутгер развернул карту, и первое, что бросилось ему в глаза, это большое белое пятно в левой части пергамента без каких-либо обозначений. Уверенной рукой там было начертано: «Проклятые Земли».

– Что это? – Тут же спросил он, указывая пальцем на надпись.

– Там бродит Невидимая Смерть, и это место населено невиданными тварями, поедающими человеческую плоть. Никто оттуда не возвращался, и никто не может сказать, что там есть. Твоей дружине придётся сделать большой крюк, чтобы попасть в Россию, и дальше на юг, где по моим расчётам и находится убежище Древних Богов.

– Не стоит ли нам поторопиться? – С жаром спросил Аласейя, будто сейчас же собирался отправиться в Сармейские степи вместе с дружиной воеводы.

– Нам? – С удивлением переспросил Балвер, и с лёгкой улыбкой посмотрел на царя россов. – Не хочешь ли ты...

– Именно это я и собираюсь сделать! – Нетерпеливо воскликнул Аласейя, и как бы оправдываясь, немного смущаясь, продолжил: – Где же ещё как не в этом походе я смогу найти неувядающую славу, достойную своего рода? В наших легендах говорится, что только на юге можно увидеть живого дракона, и я хочу это сделать, как когда-то сделал мой прадед, царь Никтиар.

– Тебе нужно хорошо подумать над этим. Это может быть очень опасно, и дружина Рутгера может просто затеряться на просторах Обитаемого Мира! С потерей воеводы Лазоревые Горы не перестанут существовать, но с гибелью своего царя, Росса погрузится в хаос!

– Я оставлю наместником своего двоюродного брата Иштера, и, думаю, у него хватит мудрости править от моего имени.

– Ты скор на решения, как и твой отец. – Балвер пригубил вина из кубка, потёр седые виски. – И всё же я бы хорошо подумал, прежде чем принимать такое решение.

– Я остаюсь на тризну, и у меня будет достаточно времени, чтобы всё взвесить. – С достоинством проговорил Аласейя, хотя по его горячности и так уже можно было сказать, что решение давно принято, и он ни за что не отступит.

– Сегодня был тяжёлый день. Мы одержали славную победу. – Военный вождь поднялся из-за стола, давая понять, что считает совет окончанным на сегодня. – Как говорили наши предки – утро вечера мудренее. Завтра, отдохнув после битвы, мы можем увидеть то, что сегодня просто упустили из виду, и не придали этому значения. Решается будущее страны Лазоревых Гор, и мы не имеем права ошибаться, ведь от этого зависит тысячи жизней.

Все согласились с этим, и, встав из-за стола, лёгким кивком головы простились с военным вождём. Рутгер хотел ещё о многом поговорить и обсудить, но усталость

всё же брала своё. Глаза слипались, каждая мышца натруженного за день тела, требовала покоя и отдыха. Да и рану, как бы ни была она легка, стоило перевязать.

Выйдя из палатки, он с наслаждением вдохнул полной грудью свежий, ночной воздух. После шатра, где горели масляные светильники, немного закружилась голова, и он постоял, чтобы прийти в себя. Посмотрел на чёрное небо, расцвеченное миллионами звёзд, и отметил про себя, что завтра должен быть хороший, солнечный день. А какое небо там, далеко в степи? Те же звёзды будут стоять над головой, и освещать его путь? Изменились ли они с тех пор, как Апокалипсис уничтожил мир Древних Богов? Или они вот так же смотрели в ночное небо, и видели эти же самые звёзды?

В сгущающейся темноте, в поле у Волчьих Ворот, горело множество костров. Кое-где мелькали факелы, и было слышно, как копали могилы пленные челманы. Где-то слышался женский плач, кто-то высоким, чистым голосом выводил древний, грустный мотив, рассказывающий о гордом, мужественном, непокорном народе, населяющем эти горы.

– Я отправлюсь с тобой в Сармейские степи! – С каким-то детским восторгом сказал царь Россы, поравнявшись с воеводой.

– Поиски неизвестного – удел простых воинов. – Ответил Рутгер, пока не зная, как вести себя с властителем сильного союзного государства. Он хотел улыбнуться, и понял, что росс просто не увидит его улыбки в темноте. – Зачем царю рисковать своей жизнью ради чего-то неизведанного?

– Вот именно, что неизведанного! Разве я не рисковал сегодня, идя во главе своих воинов? Разве не мог сразить меня меч челмана, или стрела? Никто не знает, когда порвётся цепь жизни!

– Царь Аласейя, я не понимаю, что ты хочешь этим сказать! Что могут значить твои слова?

– Я и сам не знаю, что хочу сказать. Быть царём очень трудно, и теперь моё положение тяготит меня больше всего. Мне двадцать шесть лет, а я не сделал для своей страны ничего такого, за что моё имя могут занести в летописи. Разве это не шанс на века прославить себя, и быть достойным сыном своего отца?

Те же мысли вертелись и в голове Рутгера. Одной победы у Волчьих Ворот ему казалось мало, хотелось чего-то ещё. Ему казалось, что Ульрих, погибший отец, не задумываясь, отправился на поиски Древних Богов, выполняя волю военного вождя, и Хранителя Очага Бессмертного Тэнгри. Ему хотелось стать похожим на него, чтобы уже при жизни о нём самом начали слагать легенды и воспевать в сказах.

– Завтра же я возвращаюсь в Россу, чтобы совершить древний обряд по временной передачи власти. У бояр будет большой соблазн, но Иштер удержит их в узде.

Воевода не видел в темноте выражение лица Аласейя, и если судить по голосу, то тот был сильно возбуждён, словно перед своей последней битвой в жизни. Можно было подумать, что он уже сейчас, в это мгновение готов отправиться в путь, без всякой подготовки и сборов. Глаза росса блеснули в свете ближайшего костра, и он, повернувшись к вигу, оказавшись лицом к лицу с ним, взял за руку, будто хотел удержать от следующего шага:

– Я всё это прекрасно понимаю, и хочу совершить нечто такое, чтобы войти в историю Обитаемого Мира! Я готов рискнуть чем угодно, лишь бы моё имя вспоминали потомки с благодарностью и трепетом. Разве тебе не нужен ещё один надёжный меч, и сильное плечо?

– Хорошо. Если ты готов отправиться со мной, то я буду только рад. Для тебя всегда найдётся место возле меня. – Стальной Барс был искренне рад, что совер-

шенно вот так, неожиданно, смог приобрести нового, верного друга. Что-то необъяснимое подсказывало ему, что их судьбы отныне сплелись воедино, и они надолго будут вместе.

– Поклянись, что дождёшься моего возвращения из Россы.

– Зачем? Слова вига вполне достаточно, чтобы оно прозвучало как клятва. Я буду помнить про него.

Царь россов засмеялся:

– Ты такой же, как и все мои друзья вига!

– Что же поделаешь? – Рутгер улыбнулся. – Нас так воспитали.

– Воевода! – Из темноты надвинулся едва различимый квадратный силуэт, и Стальной Барс узнал низкий голос Сардейла: – Воины из клана Чёрных Медведей поставили для нас палатку, и приготовили ужин. Снежные Барсы ждут тебя.

– Хорошо. Я уже иду.

Молодой воевода повернулся к царю россов, и, пожав его крепкую руку, сказал на прощанье:

– Да напьётся твой меч кровью врагов, Аласейя. Завтра увидимся в шатре военного вождя.

– Конечно. Пусть тебе помогают Боги на нелёгком пути.

* * *

Глава 21.

Рутгер вздрогнул, и, задыхаясь от нехватки воздуха, резко сел на низком топчане. Он не помнил, что видел во сне. Это было нечто страшное и непонятное. Чёрной бездной надвинулось неизбежное, то, от чего никак нельзя убежать, и встретить ударом остро отточенного меча. То, что не поддаётся никакому объяснению. Осоловевшими со сна глазами он оглядел палатку, не заметил ничего подозрительного, и облегчённо вздохнул.

Воевода встал, поднял стоящий у входа кувшин с разбавленным водой вином, и сделал большой глоток. Жажда прошла, но ощущение чего-то страшного, что скоро произойдёт, не исчезло. Что с ним? Что может случиться? Откуда такое предчувствие?

Он вернулся к топчану, сел, и, пытаясь унять дрожь в руках, сцепил их в замок. Такое с ним происходило впервые в жизни. Почему не проходит чувство смертельной опасности? Что может ему угрожать в лагере виков, где полно вооружённых воинов? Может, он чувствует то, что угрожает другим?

Рутгер попытался отогнуть повязку на плече, чтобы посмотреть на зудящую рану, и не смог. Слишком плотно завязана. Лекарь клана, Мирвер, хорошо знает своё дело. Иногда казалось, что он может оживлять и мёртвых. Ведь он смог вывести многих воинов, хотя большинство уже считали их безнадежными. Жаль, что это не так. Жаль, что он не маг, о коих Рутгер слышал в детстве, в сказках, рассказанных ему матерью перед сном в далёком детстве. Тогда всё казалось простым, и мир был создан для того, чтобы в нём жить, не зная забот. И не было в нём ни смерти, ни горя, ни беды. Тогда казалось, что каждый человек бессмертен, и всемогущ как Тэнгри. Что стоит только захотеть, и всё изменится так, как он того захочет!

– Воевода! – Раздались быстрые шаги, полог палатки откинулся, и внутрь ввалился Сардейл. На нём не было ни кольчуги, ни тегилыя, и, по всей видимости, он сам только что поднялся. Он посмотрел на Рутгера как-то растерянно, жалко, словно только что видел нечто страшное, ужасное, почти невозможное. Барс подумал, что

ветерана нелегко смутить, и значит, случилось что-то действительно важное. Вот оно! Предчувствие!

– Воевода... – Снова хрипло повторил ветеран, и Стальной Барс почувствовал в голосе своего друга боль, не поддающуюся никакому описанию. – Военный вождь Балвер – убит!

– Как убит? – Рутгер сразу понял, что это не шутка, и как бы ни была чудовищной и невероятной весть, это – правда. Такими вещами не шутят. Он вскочил, и первой его мыслью было бежать в палатку вождя, узнать, как всё это случилось, но он остановился, и стал торопливо натягивать рубаху, потом тегиляй. От резких движений рана на руке стрельнула болью, но у него не было времени обращать на это внимания. Быстрее, быстрее! Может, всё это ещё слишком преувеличено? Может кто-то чего-то недопонял, недослышал, и это всего лишь чудовищная ошибка? Так нет, Сардейл не будет говорить непроверенные вести. На военного вождя уже было несколько покушений, и телохранители показали, на что способны. Ни один кинжал, и ни одна стрела не достигли цели. В яростном запале они не могли остановиться, и от неудачливого убийцы всегда оставался лишь бездыханный труп.

– Как это произошло? – Он подпоясался широким, кожаным ремнём, с пристёгнутым кинжалом в ножнах, пригладил торчащие во все стороны непослушные льняные волосы, и повторил свой вопрос Сардейлу, который, казалось, не слышал его, занятый своими мыслями: – Как это произошло?!

– Лекарь говорит, что его отравили, и то, что яд был очень сильный. У него просто не было ни одного шанса!

Рутгер кивнул, и стремительно выходя из палатки, бросил:

– Заговорщики всё-таки нанесли удар. Подлый и коварный. Удалось кого-нибудь поймать? Кто на подозрении?

– Каждому понятно, что это сделали лорды, но у нас как всегда нет доказательств. Стража и телохранители никого не видели, а ты ведь знаешь, как оберегали Балвера. Как же это? Что же нам теперь делать? Как мы будем без военного вождя? Кто поведёт нас против лордов?

– Не всё потеряно. Да, лорды лишили нас вождя, но ведь есть ещё кланы. Вместе мы – сила! Кто посмеет встать у нас на пути?

На ходу Рутгер посмотрел на Сардейла, и увидел, что тот смотрит на него с какой-то неопишуемой грустью, словно это был последний день в его жизни:

– Вы, молодёжь, видите всё по-другому. Не так, как мы. Ты даже и не подозреваешь, какие силы сплелись в борьбе за власть в стране Лазоревых Гор. Если лорды не смогут взять нас миром, то они могут запросто призвать наёмное войско хоть из самого ада, чтобы подчинить нас себе.

– Тогда всё будет гораздо проще! Если есть враг – его убивают. Разве не так? – Барс хотел поддержать ветерана. Хотел, чтоб тот снова пробурчал своё «Будь я проклят», улыбнулся, и громогласно расхохотался. Он ещё не до конца мог осознать, что тот человек, с кем вчера сидел за одним столом и принимал вместе с ним важные, можно сказать, судьбоносные решения для Лазоревых Гор, мёртв. Он видел в нём сильного воина, и с первого взгляда понял, что того невозможно сломить ни одним из известных человечеству способом. Балвер всегда ответит ударом на удар, глядя на золото он рассмеётся, совсем не ценя его пленительный блеск, а на любую ложь всегда найдёт правдивый, исчерпывающий ответ. Рутгер знал его всего один день, и этого хватило, чтобы разглядеть в нём героя, какому хотелось подражать. Так же весомо говорить немного уставшим голосом с хрипотцой, делая скупые, бережливые движения, скрывая за ними недюжинную силу.

– Так-то оно так, но лорды хитры, и в политике для них нет равных. Они придумают какой-нибудь ход, и повернут дело так, что во всём будут виноваты именно виги, не желающие процветания своей страны. Поверь мне, так и будет.

– Это мы ещё посмотрим. – Твёрдо, сжав зубы, проговорил Барс. Он был полон решимости дать отпор любому, пусть это будет хоть сам дьявол, вырвавшийся из преисподней.

Возле серой, расшитой древними узорами палатки Балвера уже собрались все воеводы и вожди кланов. Они о чём-то громко спорили, и казалось, что вот-вот схватятся за мечи. Не смотря, на начинающий разгораться жаркий день, все они были не в обычных полотняных рубахах, а в войлочных тегилях, кое на ком, была видна и кольчуга.

Среди общего гвалта Рутгер не мог понять ни слова, и остановился, выискивая знакомые лица, чтобы кто-то мог объяснить ему, что здесь происходит, но никому не было до него дела. Каждый, перекрикивая общий шум пытался доказать что-то своё, уверенный, что только его точка зрения имеет право на существование. Те, кто его вчера внимательно слушал, боясь пропустить и слово, теперь его просто не замечали.

Чуть в стороне воевода заметил вождя клана Стремительной Рыси, и решил спросить у него, что всё это значит. Он уже собирался сделать шаг в его сторону, как тот подошёл сам, и, не приветствуя, заговорил:

– Виги хорошие воины, они всегда верны клятве, а ради друга готовы пойти на смерть. Вот и все их достоинства. Ещё не остыло тело Балвера, а они уже пытаются делить трон военного вождя. – Савгон горько усмехнулся. – Каждый из вождей имеет свои достоинства, каждый может что-то сделать для страны Лазоревых Гор, но для всех них трон Балвера слишком велик. Только он мог обуздать спесь вождей, и созвать их под одно знамя.

– Разве такого больше уже не будет? Разве вчера они не были в одном строю, прикрывая друг друга щитами?

– Молодости свойственна уверенность во всё хорошее, и за видимым, осязаемым успехом всегда хочется думать, что так будет всегда. – Горько усмехнулся вождь клана Стремительной Рыси, внимательным взглядом наблюдая за беснующимися вигами. – К сожалению, вигов может объединить только одна беда на всех, и сейчас каждый из них видит себя на троне военного вождя, в золотой короне с рубином. Мне же достаточно и перстня вождя клана. К тому же я харвелл, и по вашим законам никогда не смогу занять место Балвера.

– Мне кажется, что ты больше всех достоин трона военного вождя, чем кто бы то ни было. – Искренне вымолвил Стальной Барс. Он чувствовал, как в нём нарастает раздражение. Ему хотелось прикрикнуть на вождей, чтобы те замолчали, и только благоразумие удерживало его от этого шага.

– Тот, кто убил Балвера, сделал очень хитрый ход. Не стало звена, связывающего между собой кланы, и сразу же начался раздор. Военный вождь был нашим знаменем. Никто из вождей не сможет продолжить его дело.

– Как же это произошло?

– Никто не знает. Телохранители утверждают, что после вашего разговора в шатёр никто не входил. Они видели, как Балвер выпил вина и лёг спать, а утром обнаружили его холодный труп. Лекарь говорит, что вино было отравлено, да это и так понятно. Но как оно попало туда? Кто его принёс? Загадки, одни загадки. Кто сможет ответить на эти вопросы?

– Мы собирались встретиться сегодня утром, ещё до начала тризны, и обсудить кое-какие вопросы. – Рутгер помолчал, пытаясь справиться со своими чувствами. Всё отразилось на его лице. Растерянность, жалость, боль утраты. Он недолго знал Балвера, но уже проникся к нему доверием, и полюбил, как сын любит своего родителя, как когда-то он любил своего сурового отца. Теперь он остро ощутил то, что с гибелью военного вождя умерло всё, на что ещё могли надеяться кланы, и обычный народ Лазоревых Гор. Если вождь Стремительной Рыси прав, и говорит правду, то для вигов наступают трудные времена не смотря на то, что они победили в войне. Как же всё это могло случиться? Ведь это крушение всех надежд!

Савгон положил руку на плечо воеводы, слегка сжал её, и произнёс, глядя на спорящих вождей:

– Я не знаю, о чём вы говорили после Совета, да мне и дела нет до этого, но хочу тебя предупредить, что всё это может повернуться против тебя.

– Вот как? – Изумлённо спросил Рутгер. – Значит, всё это может повернуться и против царя россов, и против Хранителя Очага?

– Тем не менее, это так. Я говорю тебе об одном из вариантов развития дальнейших событий. В годы правления Владыки Альгара виги стали подозрительны. Принятые Новые Законы несправедливы, и уже никто не верит в непогрешимость Мудрого и Справедливого. Разве это может способствовать доверию?

– Так что надо сделать, чтобы вернуть это доверие?

Савгон грустно улыбнулся, посмотрел в глаза воеводе:

– Теперь я понимаю, почему Балвер видел тебя в недалёком будущем Владыкой страны Лазоревых Гор. Ты задаёшь не простые вопросы. Это хорошо. Теперь надо будет найти для них не простые решения. Воевода Рутгер, после тризны приглашаю тебя в свой шатёр. Мне есть, что тебе рассказать о вигах. То, о чём они не знают, и даже не подозревают. Возможно, это поможет стать тебе военным вождём. Помни – вечером, у меня в шатре.

– Ты не пойдёшь на тризну?

– Не забывай, я – харвелл, а по законам страны Лазоревых Гор я не могу там быть. – Вождь клана Стремительной Рыси слегка кивнул головой, и резко повернувшись, быстрым шагом направился между ровными рядами разбитых палаток.

– Что будем делать? – Подошёл ближе Сардейл. – Вожди, похоже, ещё долго не успокоятся. Может послать за Вальхаром? Хотя, он вряд ли сможет приехать.

– Не зачем кого-то, куда-то посылать. Эта весть облетит горы быстрее ветра. – Рутгер нахмурился, и сделал несколько шагов к шатру покойного. Вожди, завидев его, смолкли, и Стальной Барс всем телом почувствовал, как возникло чудовищное напряжение между ними. Казалось, что достаточно еле слышного, случайного звука, чтобы установившаяся тишина взорвалась криками гнева и проклятий. Он был бы даже рад, если бы так произошло. Тогда хоть можно было понять, что делать, но вожди молчали, и только их хмурые взгляды говорили о том, что ему здесь совсем не рады.

Перед ним расступились, освободив вход в шатёр, и Рутгер сделал ещё несколько шагов, с замиранием сердца остановившись перед ложем, где лежало укрытое тёмно-зелёным бархатом, тело вождя. Чуть потрескивали масляные светильники, доносился шум разбуженного страшной вестью лагеря, но здесь было мертвенно тихо, и казалось, что сюда уже проник удушающий запах тлена. За последние несколько дней он видел достаточно смертей, успел привыкнуть к ним, зачерстветь душой, и всё же то, что воевода увидел, больно ударило в сердце. Искривлённое мукой, посиневшее лицо, уже ставшее дорогим, скрещенные на груди холод-

ные руки, сжимающие рукоять меча. Единственный, кто мог повести за собой кланы, кто мог изменить страну Лазоревых Гор, теперь лежал мёртвый, отравленный кем-то из лордов. В этом не приходилось сомневаться, потому что для них он был самой серьёзной угрозой.

Хотелось вырвать свой меч из ножен, и издав боевой клич, бежать туда, где находятся шатры лордов. Ворваться туда, и не разбирая, в ярости пустить кровь всем, кто встанет у него на пути. От этого удерживало только благоразумие, и осознание того, что этим военного вождя уже не вернуть. Нужно как-то смириться, и продумать все свои дальнейшие действия, но в голову так ничего и не приходило. В душе было ужасающе пусто, будто вырвали сердце, и не было никакой силы, чтобы осознать всё произошедшее.

Стальной Барс вдруг подумал, что вот так же пять лет назад, покрытый страшными ранами, лежал на ложе и его отец. Он плохо помнил те дни, но этот страшный, ужасающий запах смерти въелся в его тело, казалось, навсегда. Тихо, осторожно шептались соседи, угрюмо молчали воины, а он сидел, и смотрел на восковое лицо убитого Ульриха, чуть тронутое улыбкой, чтобы хорошо запомнить его, чтобы потом он являлся к нему во сне, и, может быть, подсказывал, направлял его на нелёгком пути. Тогда он не мог до конца осознать, что сейчас рушится вся его дальнейшая жизнь, что всё, о чём он когда-то мечтал, может никогда не осуществиться, и он уже никогда не сможет стать тем, кем видел себя в собственных грёзах. Когда же он понял, что больше никто его не потреплет за льняные волосы, и добродушно улыбаясь, со знанием дела выправит длинный, деревянный меч? Когда в его душу вкрадчиво вползло чувство опустошённости, одиночества, от какого хотелось быть в полный голос, и от злости, что уже ничего не изменить, крушить всё, что попадётся под руки?

Кто же мог сотворить это подлое, грязное дело? Где искать убийц, и их вдохновителей? Впрочем, вывод напрашивается сам собой. Несомненно, виновных нужно искать в свите Владыки Альгара, тех, кто ненавидел военного вождя, и жаждал его смерти. Можно ли винить телохранителей Балвера? Они сделали всё, что могли. Защитить от кинжала, меча, или стрелы всегда проще, чем от того, о чём и не подозреваешь. Но кто же мог отравить вино? Как это удалось ему сделать? Можно не сомневаться в том, что воины и близко не подпустили бы незнакомого, подозрительного человека. Предательство? Невозможно. Близ военного вождя всегда были только преданные люди. Скорее они бы позволили убить себя, чем допустили убийство Балвера.

– Воевода Рутгер! – В палатку заглянул Сардейл. – Скоро начнётся тризна, и тебе необходимо присутствовать на ней. Балвер ещё два дня будет здесь лежать. Мы успеем проститься с ним, и воздать почести великому воину, ушедшему от нас.

– Да. Ты прав. – Стальной Барс тяжело вздохнул, и, повернувшись, вышел из палатки, сразу попав в окружение вождей, воевод, и их советников.

Злые взгляды. Хмурые лица. Казалось, что они его подозревают в том, что военный вождь мёртв. Хотя, может так и есть. Савгон предупреждал, что им нужен ничтожный повод, чтобы самим решить, кто виноват в беде, обрушившейся на них. Зная, и поняв их нетерпеливые характеры, можно было удивиться, что Рутгер до сих пор жив. Наверное, их сдерживало только то, что воевода виг, сын давно ушедшего к Очагу Бессмертного Тэнгри, героя, и всегда может потребовать поединка у перекрёстка четырёх дорог, и никто тогда не предскажет, чем кончится этот спор. Что победит: опыт, или молодость, полная сил?

Ещё вчера, они доброжелательно смотрели на него, шутили между собой, искренне, словно после больших трудов, устав убивать с каким-то грубым снисхождением, как позволено старости смотреть на юность, подливали ему вина. Казалось, что за одним столом собрались верные друзья, и между ними никогда не бывало распрей и ссор. Да и как могло быть по-другому? Они знали друг друга с детства, и в дни отрочества, много лет назад, обучались в Храме Бессмертного Тэнгри прекрасно зная, кто на что способен. В дни войны, и военных походов они вставали под одно знамя, бились в одном строю, прикрывая друг друга, забывая про всё, что было ранее, и были готовы умереть за того, кто стоит рядом. Только потом они выказывали своё недовольство, и до хрипоты спорили, отстаивая свою точку зрения.

– О чём вы вчера говорили после Совета Вождей? Что это был за важный разговор, если пришлось ждать, когда все разойдутся? – Зифтер угрюмо посмотрел на Рутгера, из под густых бровей, и на его бородатом лице не было заметно и тени лёгкой, ироничной улыбки. Наоборот, казалось, что в нём копится ярость, готовая вот-вот вырваться наружу, как вырывается пар из котла, слишком плотно накрытого крышкой.

Чувствуя, как стремительно нарастает напряжение, что достаточно одного неосторожного слова, чтобы случилось страшно непоправимое, под тяжёлыми взглядами вождей, чуть дрогнувшим голосом Рутгер ответил, помня просьбу Хранителя и Балвера до времени молчать о походе в Сармейские степи:

– Это не моя тайна. Пройдёт немного времени, и совсем скоро вы всё узнаете.

– Кажется, ты не понимаешь, воевода Рутгер. Вождь Балвер убит, а ты последний, кто был у него, и видел его живым. Нам нужно найти убийцу, и узнать, кто стоит за всем этим.

Барс вздрогнул, и осмотрелся в поисках Савгона. Как же он был прав! В словах Зифтера слышалась неприкрытая угроза, и казалось, что нужно совсем немного, чтобы просто слова стремительно переросли в действие.

Воевода посмотрел в глаза вождя клана Белого Быка, надеясь разглядеть там что-то такое, напоминающее ему вчерашнего добродушного человека, когда-то приезжающего в дом Ульриха, но увидел только решительную ярость, готовую взорваться вспышкой ненависти. Чувствуя, как и в нём самом копится злость на то, что ему не верят, и придётся что-то объяснять, оправдываться, он отступил на шаг, невольно коснувшись рукой оголовка пернача на поясе.

– Вы меня обвиняете в убийстве военного вождя? – Тихо спросил Рутгер, еле сдерживая волнение. Нет, он не испугался, и был уверен в собственных силах. Он не понимал, как в такой день, когда нужно сплотиться, кто-то мог начать свару!

– Пока нет, но всё может измениться.

– Многоуважаемый вождь Зифтер неправильно выразился. – Раздвигая толпу плечом, закованным в доспех, вперёд выступил Халмер. – Мы знаем, кто был для тебя Балвер, и что ты сделал для страны Лазоревых Гор, так что обвинять тебя в убийстве довольно-таки несправедливо, и даже глупо. Мы должны знать, о чём вы говорили, чтобы принять какое-то решение, и понять, что нам дальше делать. Может, твой ответ выведет нас на настоящих убийц? Кто знает, кто здесь замешен? Лорды? Челманы? Или ещё какая-то неизвестная нам сила? Для нас теперь важен любой твой ответ.

Слова вождя клана Большого Орла немного успокоили. Чувство опасности постепенно исчезло, и всё же тревога не покидала его. Он понимал, что это только начало, и последствия могут быть непредсказуемыми. Что он должен сказать? Глубоко вздохнув, Стальной Барс медленно проговорил:

– Сегодня день тризны, и день памяти по погибшим воинам. Мне надо посоветоваться с Хранителем Очага Бессмертного Тэнгри, а завтра, я, может быть, отвечу на ваши вопросы.

Сжав зубы, чтобы не выдать своего волнения, стараясь идти как можно твёрже, воевода надвинулся на толпу вождей, и они расступились. Под прицелом десятков глаз, будто прожигающими его насквозь, он сделал несколько шагов, и гордо подняв голову, пошёл к своей палатке. Он никак не мог осознать, как убелённым сединами воинам могла прийти в голову мысль, что он может быть повинен в смерти военного вождя. Конечно, друг друга они знают достаточно давно, и они вне подозрений, а он человек совершенно новый на Совете Вождей, но разве он не доказал свою преданность стране Лазоревых Гор, и разве не отстоял Волчьих Ворота? Или для них проще искать скрытого врага в близком окружении Балвера?

* * *

Глава 22.

Лорд Фельмор не торопясь открыл стоящий в углу палатки обитый серебром сундук, и, достав мешочек с золотыми монетами, с улыбкой повернулся к человеку, одетому в такую же чёрную хламиду, что и он сам. Под надвинутым на самые глаза капюшоне, он смог разглядеть лицо, и оно показалось ему смутно знакомым. Он пытался вспомнить, где видел его раньше, и не мог, хотя считал свою память цепкой и гибкой. Он тянул время, и вспоминал.

– Лорд Фельмор всё равно не сможет вспомнить, где видел меня раньше.

А он проницателен! Догадался? Или что-то другое? Может, он умеет читать мысли? Нет, этого не может быть! Этим даром владеют только «тёмные», да и то, не все. Это редко, но случается. Так кто же он? Фельмор вдруг поймал себя на мысли, что, совсем не зная этого мрачного человека в чёрной хламиде, приказал сивдам, телохранителям пропустить его в свою палатку. Что если этот убийца, сейчас выхватит свой отравленный кинжал и вонзит его в грудь повелителю Тайной Стражи?

Не выпуская мешочек с золотом из рук, лорд сел в своё излюбленное кресло, поставил ноги на небольшую, грубо сколоченную скамейку, и, пытаясь вытянуть незнакомца на разговор, спросил:

– Пока секретарь выполняет мой приказ, может, выпьешь вина? Отдохнёшь? Скажи, что ты желаешь?

– Я не пью вина. При моём ремесле это непозволительная роскошь. – Хрипло донеслось из-под капюшона. – Я и так уже слишком долго нахожусь в лагере вигов. Тризна вот-вот начнётся, и мне надо уходить.

– Но я же не могу заплатить за то, в чём не удостоверюсь? Или я не прав? Я должен знать, за что я отдаю золото!

Тень в чёрной хламиде согласно кивнула, и промолчала. Складывалось такое впечатление, что незнакомец считал ниже своего достоинства снизойти до разговора с человеком, значение коего в стране Лазоревых Гор было просто огромным. Лорда это несколько задевало, раздражало, но он решил переступить через свою гордость, и во что бы то ни стало заполучить в союзники пришельца, потребовавшего тысячу золотых за услугу, о какой его никто не просил. Лорд только страстно желал этого, хотя и несколько раз потерпел неудачу.

Он был уверен, что тёмная тень, стоящая чуть в стороне от золотой треноги светильника – ассан. О клане наёмных убийц в народе всегда ходило много слухов, сказок и легенд. Они существовало за много веков до того, как в эти горы пришли предки вигов, и вели долгую, затяжную войну с заулами и харвеллами. Собственно,

это трудно было назвать войной. Ассаны наносили внезапный удар, затихали, чтобы потом снова ударить, и от этого они казались ещё более неуязвимее, и таинственней. О них говорили то, что они владеют тысячами способов убийства человека, могут проникнуть куда угодно так, что их не может почуять ни одна собака, убить, и так же тихо, как утренний туман, исчезнуть. Этого никто не мог подтвердить, но и никто не мог опровергнуть. Встреча с ассаном всегда означала смерть, если за твою голову назначена награда. Не поэтому ли о них знают так мало?

Это было почти двести лет назад. Виги уничтожили клан наёмных убийц, или, по крайней мере, убили почти всех, так и не добравшись до главы. Ассаны затихли, и кажется, навсегда исчезли из Лазоревых Гор, однако...

Послышались быстрые шаги, и в палатку ворвался запыхавшийся Бирхор. Незнакомец шагнул в сторону, пропуская секретаря, и Фельмор готов был поклясться, что слышал звук вытаскиваемого из ножен кинжала, хотя руки пришельца скрывала ткань хламиды. Складывалось ощущение, что стоит ему захотеть, то он просто растворится в воздухе, и исчезнет, не прилагая к этому никаких усилий!

Бирхор отшатнулся в сторону, заметив ассана, упал на одно колено, и косясь на него краем глаза, видимо, не на шутку побаиваясь его, еле переводя дыхание, выпалил:

– Ваша милость! Военный вождь Балвер мёртв!

– Что? – Фельмор не поверил собственным ушам. Значит, незнакомец не лгал, и смог в одиночку убить вождя, где вся могучая и разветвлённая сеть Тайной Стражи оказалась бессильной? Лорд нахмурился. Что же это значит? Уже ни для кого не секрет чего добивается Фельмор, если к нему запросто приходят совершенно неизвестные убийцы и требуют деньги за выполненную работу? Это очень плохо. Кланов могут легко установить, кто убил Балвера, и тогда его не спасёт ни один Новый Закон. Воины кланов в гневе страшны. Тогда останется одна надежда на харвеллов, но разве они защита? Их быстро сомнут. Так откуда пришелец знает, про то, что уже несколько раз срывались покушения на военного вождя?

– Ты убил Балвера! Что мне мешает крикнуть стражников, и казнить тебя на месте? Ты оставил страну Лазоревых Гор без военного вождя! Кто теперь займёт его место? Вряд ли среди кланов найдётся такой же могучий человек, как покойный... – Лорду удалось скрыть радость, заставившее биться сердце быстрее. Вместо улыбки и довольного смеха он подозрительно посмотрел на незнакомца. Что он ответит? Как себя поведёт?

– Значит, я не угадал твоё желание. Что ж, может в следующий раз, мне это удастся?

В его словах не было тревоги. Только спокойствие и уверенность в собственных силах. Это невольно внушало уважение, и опасение, что этот человек может при малейшем покушении на свою жизнь пустить в дело нож, а уж он им владел в совершенстве. В этом, почему-то у Фельмора, не было ни малейшего сомнения.

– Да, наверное, в следующий раз ты угадаешь. А зачем угадывать? Ты можешь спросить у моего секретаря, и он укажет тебе, на ком можно заработать немного золота. – Улыбнулся лорд, многозначительно посмотрев на ассана. Он подумал, что судьба, наконец, обратила на него внимание, послав к нему человека из самого загадочного и страшного клана страны Лазоревых Гор. Если бы у него в подчинение было пара десятков таких бойцов! Можно было бы без всяких трудностей захватить власть!

– Именно для этого я и явился к тебе... – Незнакомец слегка кивнул. – Я всегда смогу понять, когда я тебе буду нужен, и появлюсь. Не пытайся меня найти самостоятельно. Это бесполезно. Я – везде, и я – нигде.

Лорд Фельмор не успел что-либо сказать. Наёмный убийца сделал два быстрых шага, неуловимым глазу движением протянул руку, выхватил мешочек с золотыми монетами, и прежде чем повелитель Тайной Стражи что-то сделал, вышел из палатки. Хотелось послать за ним лазутчиков, чтобы они проследили за ним, узнали, куда он направляется, но, всё это бесполезно. Через какое-то время все следопыты будут найдены мёртвыми, а ассан исчезнет, вполне может быть и навсегда. Нет. Не стоит рисковать. Фельмор ещё будет нуждаться в его услугах.

– Бирхор, как тебе это нравится? Ко мне ничего не боясь, приходит ассан, и сам предлагает свои услуги! Неужели все знают, что я хотел убить Балвера? Это может создать нам кое-какие препятствия на пути к достижению нашей главной цели....

– Мой лорд! Вы думаете, что незнакомец был ассаном?! Но ведь это невозможно! Клан наёмных убийц был уничтожен лет двести назад!

– Кто знает, что может существовать в дальних закоулках наших гор? Наш Обитаемый Мир ещё не совсем толком изучен, так что я допускаю, что в горах сохранились не только ассаны, а кое-что и страшнее их. Нас попытаются уличить в убийстве.

– Мой господин, позволю заметить, что для этого нужны доказательства, а их нет. Судя по тому, как действовал наш недавний гость, он настоящий мастер своего дела, и нам его услуги, несомненно, могут пригодиться.

– Да. Ты как всегда прав. Владыка Альгар слаб, и этим нужно воспользоваться. Впрочем, в будущем году заканчивается срок его правления, и виги не проголосуют за него вторично. Стране Лазоревых Гор нужна твёрдая рука. – Фельмор на мгновение задумался. Его глаза превратились в узкие щёлочки, и в них блеснул азартный огонёк. – Как ты думаешь, кто может претендовать на трон Владыки?

По всей видимости, у секретаря уже давно был приготовлен ответ на этот вопрос, и он без запинки ответил:

– После смерти военного вождя, хвала Бессмертному Тэнгри, остались только несколько человек, достойных править страной Лазоревых Гор. Это лорд Мортрей, но он затворился в своём родовом замке, и подозревается в измене. Ещё лорд Сатвел, за какого уж точно никто не проголосует, так как он по своему недомыслию участвовал в заговоре. И, конечно же, вы, мой лорд, сумевший раскрыть этот заговор, и по моим размышлениям, имеете неплохие шансы занять трон Владыки на следующий год.

Фельмор улыбнулся. Он не считал слова секретаря грубой лестью, так, как и сам уже думал об этом шаге. Стать Владыкой, конечно, заманчиво, но ещё слишком рано. Нет, ещё не время претендовать на трон. На роль нового Владыки надо найти кого-то слабого, не способного принимать волевые решения, и когда страна скатится в пропасть, раздираемая интригами лордов, явиться перед народом как спаситель, и тогда можно будет диктовать свои условия. Несколько законов, что временно дадут народу почувствовать какую-то свободу, дадут понять, что значит сытая жизнь при новом Владыке, и все будут просто молиться на него! Вот тогда можно будет приступить к осуществлению давней мечты. Мировое господство! Вот ради чего стоит жить! Вот чего он хочет. Избранный путь долог, но он надёжен, как вымощенная камнем дорога, и любое препятствие можно будет своевременно увидеть и обойти.

– Ты забыл о новой фигуре, появившейся на тёмном небосводе политики. Она ещё не ярко горит, и не набрала силу, но в будущем, она может причинить нам много неприятностей.

Бирхор на мгновение растерялся, потом быстро сообразил:

– Мой лорд имеет в виду Рутгера? Стального Барса? Кажется, такое прозвище ему дали воины клана.

– Да. Именно он вызывает у меня беспокойство.

– Я бы так не волновался. – Секретарь улыбнулся, обнажив мелкие, крепкие зубы. – Он ещё слишком молод, и не завоевал никаких почестей. Кто будет его слушать? Одного подвига, обороны Волчьих Ворот, явно недостаточно для того, чтобы его услышали. Вожди кланов готовы перегрызть друг другу глотки, чтобы занять место военного вождя! К тому же теперь у нас есть друг, и он может за небольшую плату устранить все наши препятствия, возникшие на пути. – Бирхор подобострастно поклонился лорду.

Неприятно резануло слух слово «нашему», и повелитель Тайной Стражи быстро взглянул на склонившегося в поклоне помощника. Не слишком ли многое он позволяет себе?

– Да. Возможно, что очень скоро нам придётся воспользоваться его услугами. – Фельмор поймал взгляд секретаря, и нахмурился. Тот, видимо сообразив, что только что совершил какую-то ошибку, неуверенно, слабо улыбнулся, надеясь, что его простят.

* * *

Рутгер не мог в это поверить, но ведь он сам всё это видел, и слышал. Неужели вожди кланов, ослеплённые желанием занять место военного вождя, готовы перегрызть друг другу глотки? Хотя нет, это слишком громко сказано. Они не будут, конечно, воевать с себе подобными, а чтобы сорвать злость, кого-нибудь обвинят в измене, и выместят на нём всё, что накопилось. Как сегодня пытались сделать это на Рутгере. Что бы было, если он рассказал о походе в степи? Лучше не думать об этом. Вожди кланов непредсказуемы. Даже не смотря на то, что их общий противник – лорды, они будут кусать друг друга, хотя каждый прекрасно понимает, что этого не следует делать. Что же с ними происходит? Как объяснить их глупое поведение? Что будет происходить дальше? Пока вожди кланов будут выяснять отношения между собой, лорды легко могут взять всё в свои руки, и то, о чём мечтал Балвер, будет невозможно воплотить в жизнь! Неужели они этого не понимают? Неужели им всё равно?

Обуреваемый такими мрачными мыслями Рутгер дошёл до своей палатки, одел доспехи, рогатый шлем, и сунул меч в заплечные ножны. За металлической полумаской шлема так легко спрятать глаза! Казалось, что это может как-то защитить от неприязненных взглядов, и скрыть чувства, острыми когтями разрывающие грудь. Сердце! Разве самодельный доспех сможет защитить от боли, какая с каждым ударом наполняла его до краёв так, что оно было готово вспыхнуть всепожирающим огнём?

По традиции, на похоронах воины должны быть во всеоружии. Такими, какими хотят явиться пред очами своего сурового Бога. Чтобы их узнали ранее погибшие воины, и, пододвинувшись, уступили место у Очага.

Где-то вдалеке слышались грустные, мрачные, древние песни, призывающего Бессмертного Тэнгри оставить место у Очага для ещё не похороненных воинов. Рутгер пытался представить себе, что сейчас твориться на поле перед Волчьими Воротами, и от этого становилось не по себе. О Боги! Сколько же там тел погибших! Разве

можно передать словами, сколько там боли, и горечи утрат? Кто сможет объяснить, что чувствуют жёны, сёстры и матери убитых воинов?

В каком-то полусне, он пришёл на поле перед Волчьими Воротами, где были вырыты сотни могил, и выполнил всё, что требовалось сделать воеводе по обряду предков. Трудно было представить, что совсем несколько дней назад здесь всё было по-другому. Что здесь в скалах весело шумел ветер, путаясь в многотравье, где озорно проглядывали синие цветки васильков.

Теперь здесь было царство смерти, и боли. Здесь не было слышно смеха, а только рыдания, и проклятья врагу, погубившему столько славных мужей страны Лазоревых Гор. Воевода смотрел, как несколько десятков женщин в траурных одеждах бродят среди этого кошмара, переступая через окровавленные трупы, выискивая своих защитников, и боялся подумать, что могут чувствовать они, враз лишившиеся всякой опоры, и могущие рассчитывать только на то, что лорды будут выплачивать им ежемесячно некую сумму на содержание семьи. Проклятье! Как же это страшно, знать, и найти своего любимого человека здесь с ужасной раной в груди, залитого кровью, с мёртвыми, остекленевшими глазами, и осознать, что уже больше никогда его не увидишь. А ведь когда-то он входил в дом, и все комнаты сразу наполнялись смехом детей, беготнёй, сутолокой, и казалось, что это никогда не кончится. Ночью их ждали жаркие объятия, то, что никто никогда не выставляет на показ, и уже под утро, обессиленные, они понимали, что другой такой ночи может уже не быть, и Бессмертный Тэнгри призовет мужественного воина к своему Очагу.

Их с детства учили быть готовыми пожертвовать всем ради своего клана, а если потребуется, то и без колебаний отдать свою жизнь. Им говорили, что погибнуть в бою от меча врага – большая честь, и только тогда воин попадает к Очагу Бессмертного Тэнгри. Только так можно обрести счастье, какого не было при жизни. Чтож, может так оно и есть, но жизнь дьявольски приятная штука, и приближать миг смерти совсем не хотелось.

Рутгер ещё помнил то чувство, когда перед боем ощущал себя бычком, ведомого в Храм, чтобы принести в жертву Богам. Что его умение владеть мечом? Во всеобщей свалке рукопашной схватки главное неумение, а везение. Он помнил то чувство безумной радости, когда враг бежал, а он, не смотря на то, что его пытались убить, остался жить, и может вдыхать полной грудью смрадный, дымный воздух, висящий над полем. Пусть он не видит солнца, пусть вокруг только обезображенные трупы, кровь и смерть, но он жив! И от этого сердце бьётся ещё сильнее, и тогда уже, кажется, что он никогда не сможет умереть.

Перед Стальным Барсом, задыхающимся от запаха смерти, остановилась старая женщина в чёрных одеждах, держащая в руке пучок ковыля. В её глазах не было жизни, они были пусты, и в них чёрной бездной застыло горе. Она молча смотрела на воеводу, и от этого становилось ещё страшней, и ещё трагичнее было её горе. Наверное, было бы во сто крат легче, если бы она сказала хоть что-то, но она не проронила и слова. Более не в силах выносить эту муку, Рутгер, сняв шлем, опустился перед ней на колени, и склонил голову. Она легко коснулась его распущенных волос, и дрожащим голосом, еле слышно произнесла:

– Долгих лет жизни тебе, воевода клана Снежных Барсов. Пусть твой меч всегда будет готов покинуть ножны для защиты своего народа. Надеюсь, мой мальчик погиб не напрасно...

Медленным, нетвёрдым шагом она направилась к огромному костру, где должны были принести в жертву Богам десять белых быков, и скоро пропала из его

вида. Нет, его не обвинили в том, что из-за него погиб её сын, но вину за это он почувствовал всем своим телом.

В какой-то полуюави, словно это происходило совсем не с ним, Барс медленно, старательно обходя павших, направился туда же, чтобы воздать песнь-молитву Бессмертному Тэнгри, и попросить сурового бога дать место у Очага всем своим воинам и тем, кто был убит в битве.

Горечь победы прочно поселилась в сердце каждого из них, и казалось, что уже никакой силой её оттуда будет невозможно изгнать. Более половины войска полегло в этой битве, и вигам понадобится много времени, чтобы обрести былую силу. Должно вырасти не одно поколение, прежде чем они смогут выступить в военный поход, как это бывало раньше.

Он поднимал кубок с вином сидя рядом с воинами на тризне, словно пытался залить свою горечь от потери друзей, и очнуться уже совсем в другом мире, без смерти и горя. Кто-то его о чём-то спрашивал, и он отвечал невпопад. Сначала робко, а потом всё смелее по мере того, как вино ударяло в голову, улыбался, и слушал рассказы воинов о друзьях, погибших в битве.

Он не услышал вопрос, что задал ему сквозь смех, сидящий напротив него, через стол, советник Хардур. Он, почувствовав на себе несколько десятков глаз, немного смутился, и в повисшей тишине на этом краю стола, переспросил:

– Советник Хардур, извини, я не расслышал твой вопрос. Не мог бы ты его повторить?

Одноглазый ветеран усмехнулся, стряхнул с седой бороды хлебные крошки, и недовольно проговорил:

– Таким молодым воинам, как ты, стоит прислушиваться к разговорам старших собратьев по оружию, может чему-нибудь и научишься. И всё же, как ты догадался подготовить такую ловушку для степняков? Виги никогда не использовали такой тактики. Удел вига – бешеный натиск и мощь, что сметает всё на своём пути. Как ты это смог придумать?

Стальной Барс улыбнулся, и постарался, чтобы его голос зазвучал как можно увереннее:

– В Храме Хранителя Очага Бессмертного Тэнгри достаточно книг Древних Богов, добытых монахами в Мёртвом Городе. Среди них попадаются и не совсем обычные, рассказывающими о том, как развивались Древние.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Наши предки проделали огромный путь до того, как стали Богами. На это ушло не одна тысяча лет. Они, так же, как и мы, бились мечами, воевали с соседями и заключали союзы. Их цивилизация развивалась так же медленно, как и наша. В сущности, мы идём по их стопам, и проделываем тот же путь.

– Ближе к делу, воевода! Я уже забыл, что спрашивал тебя в самом начале! Ты говоришь, как наш уважаемый Хранитель!

Сидящие рядом воины засмеялись, а когда снова установилась тишина, Рутгер сказал:

– Мне попала в руки книга, рассказывающая об истории развития Древних. Их язык давным-давно забыт, и руны невозможно прочитать, но я догадывался по картинкам. Они были блеклыми, многие страницы рассыпались в прах, прежде чем я их мог перевернуть и всё же я многое узнал.

– Что это была за книга?

– Наверное, по этой книге учили отроков военному делу. Там было много чертежей, показывающих, как происходили битвы. Там я и увидел воинов в стальных

блестящих латах, попадающих под горящее земляное масло при штурме какого-то города, и всевозможные ловушки, выручающих менее многочисленное войско.

– Хм... – Хардур потёр подбородок, разглаживая бороду, и весело блеснув своим единственным глазом, сказал: – Я уже начинаю думать, что грамота – это не так уж и плохо!

Воины снова засмеялись, и Рутгер именно сейчас понял, что он составляет с ними одно целое. Он не один, и никто его не предаст, не бросит на произвол судьбы, и он принадлежит к касте вигов, что легко обнажают мечи в защиту себе подобных. На сердце стало легко, и он уже забыл о том, что вожди кланов ещё совсем недавно делили трон погибшего военного вождя. Вино! Только оно было нужно ему сейчас. Только оно одно могло утешить его. Только с ним становилось легче, и уже было не так мучительно больно.

* * *

Глава 23.

Он знал более десятка языков и наречий Обитаемого Мира. Он умел находить следы там, где любой лазутчик рисковал заблудиться, а опытные следопыты недоумённо разводили руками. Он по мимике лица мог сказать, говорит человек правду или лжёт. Он мог поразить цель из арбалета на расстоянии пятисот шагов. Он мог постоять за себя, и справиться с несколькими противниками имея под рукой свой посох длиною в четыре локтя, и всё же, какое-то волнение жгло грудь, заставляя сердце сбиваться с привычного ритма. Что ждёт его впереди, там, где обитают дикие, степные племена? Все ли смогут вернуться домой, в родные горы, и смогут ли они найти убежище Древних Богов?

В шест, поддерживаемый свод шатра, постучали, и Лурфар вскинул голову, отвлёкшись от своих мыслей, коими был занят уже второй день подряд. По дыханию за пологом и шуршанию одежды он понял, кто там стоит, и слегка удивился. Раньше Хранитель так никогда не поступал, и в любое время хоть днём, хоть ночью, входил твёрдым, решительным шагом.

– Входи, Учитель. Ты же знаешь, что у меня от тебя нет никаких секретов, и всегда рад твоему приходу.

Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри вошёл, щурясь на масляный светильник, и, тяжело вздохнув, опустился в кресло, стоящее у стола. Он немного помолчал, искоса поглядывая на своего лучшего ученика, и приёмного сына, словно хотел сказать что-то важное, но никак не мог решиться на это.

Лурфар молчал, ожидая. Раньше он об этом как-то не задумывался, и только теперь видел, понимал, как ему дорог этот старик. Он не мог представить себе, что будет делать, когда Бессмертный Тэнгри призовет к себе Хранителя, и его земной путь закончится. Сколько он помнил себя, всегда рядом с ним был жрец, заменивший ему отца. Да и было ли когда-нибудь по-другому? Может, у него никогда и не было родителей, погибших во время чумы, и он сам всегда жил и воспитывался в Храме?

Монах знал, что не стоит торопить Хранителя. Как бы ни было ему трудно, он найдёт в себе силы, и примет правильное решение. Так было всегда, и так будет в будущем. Жрец всегда мог переступить через свои желания, и маленькие слабости.

Отрок робко посмотрел на своего учителя, понимая, что он пришёл не просто так, а хочет сказать нечто чрезвычайно важное. Их взгляды встретились, и Хранитель, кое-как подбирая слова, делая между ними продолжительные паузы, как будто с трудом, еле слышно произнёс:

– Лурфар, мальчик мой, ты, конечно, помнишь всё, о чём говорилось в палатке военного вождя.

– Учитель, я сочувствую. Страна Лазоревых Гор лишилась лучшего своего мужа, а ты потерял своего верного, старого друга.

– Да, это так. Но дело не только не в этом. Там, в палатке, я рассказал далеко не всё, что мне было известно, и о чём я догадываюсь.

– Я понимаю, Учитель, и не осуждаю. – Кивнул головой Лурфар. – Нам нужны знания Древних Богов. С ними мы сможем сделать большой шаг вперёд в развитии нашей цивилизации. Бессмертный Тэнгри так создал вигов, что если их ждёт впереди ещё большая опасность, тем самоотверженнее они бросаются вперёд.

– Я знал, что ты меня поймёшь. – Хранитель грустно улыбнулся. – Я научил тебя всему, что знаю сам, и даже больше. Обучая тебя, я и сам учился познавать мир. И всё равно, наши знания очень скудны о нём. Никто не знает, что вас ждёт впереди. С тех пор, как «тёмные» появились в Чёрном Лесу, все торговые пути с югом перестали существовать, и мы совсем не знаем, что там может быть. Вполне может быть, что Невидимая Смерть сделала те земли совершенно непригодными для жизни, и, направляясь туда, вы будете подвергаться неминуемой гибели.

– Но оставаясь здесь, мы никогда не сможем узнать этого. – Монах поднял глаза на старика. Он понимал, что хотел сказать учитель, и так же понимал, что тот не может найти подходящих слов, чтобы выразить все свои тревоги, гнетущие его душу. Конечно, он знал всё то, о чём говорила народная молва, всякие слухи и домыслы, и не видел в этом ничего страшного. Находясь за многие поприща от Сармейских Степей он чувствовал себя в безопасности, и свято верил, что всё так и будет в дальнейшем. Всё может измениться, окажется он там, и всё же, ведь он будет в окружении сотни доблестных, отчаянных воинов!

Он поднялся, подошёл к Хранителю, робко улыбнулся, и неожиданно для самого себя, добавил то, что хотел сказать давно, и всё же не решался:

– Я буду осторожен, отец.

Лурфар вдруг со всей отчётливостью осознал, что это может быть их последняя встреча, и не смотря на все его заверения, обещания, что всё будет хорошо, всё может пойти совсем не так, и он может погибнуть едва ступив под сень деревьев Чёрного Леса. Ему было не страшно умирать, ведь он был уверен, что делает это для страны Лазоревых Гор, для тех людей, кого знал и любил, и ещё для тысяч незнакомых, каких никогда и не увидит, но они с благодарностью будут вспоминать его имя.

После всего увиденного на поле возле Волчьих Ворот, он уже не казался сам себе бессмертным, и понимал, что и он может лежать, истекая кровью, с ужасной, огромной раной в груди. Нет. Не было никакого предчувствия. Просто до боли защемило сердце, и он вдруг подумал, что может никогда не увидеть это дорогое, покрытое морщинками лицо, и никогда не посмотрит в голубые, пронзительные глаза, снова чувствуя себя маленьким, и беззащитным.

Монах совершенно не помнил тот день, когда оказался на ступенях Храма Бессмертного Тэнгри. Не помнил своих родителей, какими они были, и временами ему казалось, что их никогда и не было, а он родился в самом Храме, и отец его никто иной, как сам Хранитель. Единственное, что он помнил, это глаза старика. Внимательные, и добрые. Они были такими и сейчас, и, кажется, за двадцать лет ничуть не изменились. Да и сам он остался таким, как и был. Статным, сильным, способным держать в руках не только посох, но и тяжёлый, двуручный меч.

Лицо Учителя осветилось радостью, морщины разгладились, а глаза наполнились скупыми мужскими слезами:

– Ты меня так никогда не называл.

– Я был глуп. Владея всеми известными знаниями, я не видел самого простого – отцовской любви. – Он встал, и неуклюже, первый раз в жизни, нерешительно обнял сидящего в кресле Хранителя Очага Бессмертного Тэнгри. Тот сразу откликнулся на это движение, и заключил своего приёмного сына в объятия, уже больше не сдерживая слёз.

* * *

– Ты услышишь много интересного. – Интригуяще проговорил Савгон, и бело-зубо улыбнулся.

Рутгер опустил в кресло. От выпитого на тризне вина кружилась голова, ноги слегка заплетались, и он смог дойти до шатра вождя клана Стремительной Рыси только благодаря поддержке Сардейла, расположившегося на лавке рядом, не расставаясь с кубком вина.

Через откинутый полог палатки было видно ночное небо, усыпанное миллионами звёзд, серп бледной луны, и яркие костры, горящие в бурлящем тризном лагере. Слышались древние песни, восхваляющие мужество павших, то и дело прерываемые взрывами смеха опьянённых воинов. Так было заведено издревле – провожать павших в битве к Очагу Бессмертного Тэнгри с весельем, ведь они попадают в рай. Но почему же так больно, горько душе, и совсем не хочется смеяться?

Присаживаясь на скамью перед жаровней, с интересом поглядывая на вождя Савгона, Рутгер жестом отказался от вина, предложенного Сардейлом, и приготовился слушать. Ведь начало было многообещающим. Он не думал, что услышит нечто новое. По его представлениям, он хорошо знал историю народа вигов, да и самих Лазоревых Гор, и думал, что легко распознает любую ложь. Впрочем, Савгон производил впечатление человека, скорее всего предпочитающего смерть, чем сказать хоть одно слово неправды.

– Во многое ты не поверишь. – Вождь клана немного помолчал, кутаясь в тёмно-синий тегийай. Сегодняшняя ночь выдалась прохладной, ведь лето близилось к концу, и совсем скоро на берёзах должны были появиться первые жёлтые листочки. – Многое покажется тебе просто невероятным, и, может быть, ты не захочешь меня слушать. И тем не менее, всё, что я скажу тебе, неприглядная правда, о которой никто не хочет знать.

– Надо выслушать хотя бы начало твоей речи. – Ободряюще улыбнулся Стальной Барс. – Зачем же я тогда шёл сюда через весь лагерь?

Сардейл усмехнулся. Он-то знал, как шёл воевода клана Снежных Барсов, повиснув у него на плече. Тем не менее, это пошло ему на пользу, и Рутгер не совсем, но стал гораздо трезвее, чем был, когда вставал из-за стола, на тризне.

– Хорошо. – Савгон приосанился, и опять замолчал. Потом собрался с мыслями и заговорил: – В летописи каждого народа есть страницы, про какие хотелось бы умолчать, да и летописи пишут не боги, а обычные люди, со своими мыслями, со своим отношением к героям, творящим историю. Они могут отражать прошедшие события совсем не так, как они были на самом деле. Когда-то, я изучал летописи Лазоревых Гор, и нашёл множество любопытных несовпадений. В общем, в зависимости от Владыки, нашу историю перекраивают, как хотят, выдавая белое за чёрное, а чёрное за белое.

– Что это значит? – Спросил Сардейл, подавшись вперёд.

– Я предупреждал, что вам многое не понравится, и, тем не менее, это так. – Савгон встал с кресла, и прошёлся по мягкому, цветастому ковру, застилающим земляной пол его походного шатра, плеснул себе горячего вина в кубок, чтобы немного

согреться, и вернулся в кресло, набросив на ноги кусок чёрной медвежьей шкуры. – Вернёмся к истории. Племена вигов пришли в эти горы семь веков назад. Они были воинственны, и не признавали ничего, кроме силы. Их было немного, зато они действовали сплочённо, и мудро. Сначала им удалось стравить заулов с харвеллами, а потом, когда в жестокой междоусобной войне те почти истребили друг друга, заняли гору Эрпон, и основали своё государство, со столицей Вольфбур, на месте города Древних Богов.

– Я ничего такого не слышал! – Заносчиво возразил Сардейл, сверкнув глазами, и едва не вскочив со скамьи. – Я хорошо знаю историю нашего народа! Виги пришли в эти горы как друзья, и много чем помогали харвеллам и заулам! Они помогли им в борьбе против гааров, и защитили их от ассанов!

– Сардейл, помолчи! – Рутгер ещё со времён учёбы в Храме Хранителя Очага Бессмертного Тэнгри помнил, как в библиотеке ему на глаза попала старинная летопись, где говорилось нечто похожее. Он был поражён, и не поверил ни одному написанному там слову, но червячок сомнения уже появился в его душе. Он хотел знать больше, и перерыл всю библиотеку, так ничего и не найдя. В конце концов, как-то странно пропала та летопись, он сам был поглощён учёбой в Храме, и потом, со временем, всё это забылось само собой. – Что-то подобное я уже читал. Что это была за книга?

– Тебе, наверное, попадалась летопись от Эвдира. Есть всего несколько подобных книг, и каждая ценится очень дорого. У меня есть только несколько листов, но я знаю, где можно взять её целиком. Мы отвлеклись! – Савгон взмахнул рукой, сверкнув перстнем вождя, украшенным изумрудом, отпил из кубка, и продолжил: – Виги умеют только воевать. Они не могут быть ремесленниками или земледельцами. Вот тогда Владыка Юфтер, обратил внимание на почти истреблённые народы харвеллов и заулов. Он дал им кое-какие права, и, конечно же, обложил налогами. С тех пор так и повелось, что виги – каста воинов, а харвеллы и заулы могут служить лишь на второстепенных ролях, хотя и те, и другие, могут биться не хуже. Для моего народа – красные плащи Тайной Стражи, для заулов – арбалеты и луки.

– Что же в этом плохого? – Спросил Рутгер, искренне не понимая, куда клонит Савгон, и стараясь рассмотреть в его словах какую-то скрытую подоплёку.

– Это же очевидно. – Улыбнулся харвелл, и оценивающе взглянул на воеводу, словно хотел убедиться, что перед ним действительно тот, кого он выбрал сам. – Коренные жители Лазоревых Гор ущемлены в правах, и видят в вигах своих поработителей. Конечно, за века сосуществования многие грани стёрлись, и всё воспринимается не так жёстко, как ранее, и всё же...

От слов вождя Стремительной Рыси воевода вздрогнул. Ему послышались в них едва скрытая угроза. Что он хочет этим сказать? Неужели харвеллы и заулы готовятся взяться за оружие, чтобы отстоять свои права? Нет-нет! Конечно это не так! Разве стал бы Савгон предавать собственный народ?

– Никогда не думал, что всё так плохо. – Криво усмехнулся Сардейл, и отхлебнул вина из кубка. Несмотря на всё, выпитое на тризне, он крепко стоял на ногах, и казалось, что ветерана вообще невозможно свалить чем-либо, не говоря уж про какое-то вино. – Ты уверен, в том, что это всё, правда? Все знают, что ты мудр, и всегда стоял на страже страны Лазоревых Гор, но тебя могли ввести в заблуждение злые языки, воспользовавшиеся тем, что сейчас это уже невозможно проверить.

– Ты не понимаешь, о чём говоришь! – Раздражённо воскликнул Савгон. – Как я могу не верить древним балладам и сказаниям своего народа? Там вся боль, что жжёт нас на протяжении семи веков!

– Зачем ты позвал нас, вождь? – С подозрением спросил Рутгер. Теперь он понял, что глава клана Стремительной Рыси преследует какую-то цель, и цель эта уже не просто маячит на горизонте, а становится вполне видимой и осязаемой. – Всё это я мог узнать и от Хранителя Очага Бессмертного Тэнгри, или найти летопись Эвдира. Зачем весь этот разговор?

– Я многое знаю, чего не мог сказать у шатра военного вождя. – Савгон посмотрел в глаза воеводе, бросил взгляд на Сардейла, вольготно расположившегося в кресле, и спросил напрямик: – Балвер готовил тебя на трон Владыки?

Стальной Барс растерялся, чувствуя, что краснеет, отвёл глаза, и в каком-то замешательстве, подозревая, что так оно и есть на самом деле, неуверенно ответил:

– Мне про это ничего неизвестно.

– Зато известно Вальхару, и твоему воину, Сардейлу. Ты не думал о том, почему тебя в двадцать лет выбрали в воеводы клана? Тебе не показалось это странным? Для этого иметь отца-героя явно недостаточно! К тому времени ты не убил ни одного врага! Как воины могли поднять мечи за того, кого почти не знали?

Рутгер подумал, что сейчас совсем не время для выяснения отношений, и всё же слова вождя клана Стремительной Рыси возымели своё действие. Теперь он видел множество странных совпадений, случайностей, произошедших за последние несколько дней, и они начали казаться ему какими-то закономерными, словно они обязаны были случиться именно так, и никак иначе. Он бросил взгляд на ветерана, заметив, как хищно блеснули его глаза в свете светильника, а сам он весь подобрался, словно хотел через несколько мгновений отбросить кубок в сторону, и выдернуть из ножен на спине свою огромную секиру.

– Не знаю, что напридумывал себе многоуважаемый Савгон, но мне поручено только приглядывать за воеводой, охранять его, и удерживать от опрометчивого шага, если он решится такой сделать. Если у Вальхара и Балвера был какой-то план относительно Рутгера, то могу вас заверить, что мне о нём ничего неизвестно.

– Кто мне объяснит, что происходит?! – Вспылил Стальной Барс. Он уже начал терять терпение. Действительно! Сколько можно ходить вокруг да около? Давно пора всё рассказать!

– Сардейл – воин. Он хорошо умеет вламываться в ряды врагов, размахивая боевым топором, но он вряд ли сможет объяснить то, что не совсем ясно его пониманию. – С улыбкой проговорил Савгон, и глубоко вздохнув, предложил: – Со всем моим уважением к ветерану, я скажу Рутгеру, что он должен знать, и то, о чём я догадался. Если я что-то упущу, то Сардейл меня поправит.

Занятый наполнением кубка вином, воин кивнул, одобряя предложение вождя клана Стремительной Рыси, и тот заговорил:

– Давно всем известно, что страна Лазоревых Гор переживает не лучшие времена, и каждый, кто может думать, видит, что власть захватили лорды. Они заинтересованы только в своём обогащении. На простой народ им просто плевать. Владыка Альгар проявил себя плохим правителем. Слабым и безвольным, пляшущим под дудку лордов. В сущности, это они его и посадили на трон. Казна пуста, пенсии вдовам погибших воинов не выплачиваются. Денег на содержание войска не выделяется. Налоги поднимаются с каждым месяцем. Лорды хотят выкачать из страны Лазоревых Гор как можно больше денег, миряне еле сводят концы с концами, а собаки лордов едят из мисок, сделанных из чистого золота! – Савгон перевёл дух, отпил из кубка вина, держащий до этого в руке, и продолжил: – Нам нужен новый Владыка, думающий и видящий всё в несколько ином свете, чтобы он мог, не боясь, сломать некие из вековых столпов. На Совете Вождей, Рутгер, тебе стало ясно, что

Балвер предлагал действовать по закону, а браться за оружие только в крайнем случае.

– Ты не сообщил мне ничего нового. – Стальной Барс нахмурился. Стоило идти сюда, для того чтобы услышать то, что известно уже всем?

– Конечно. – Савгон кивнул. – Военный вождь знал, что жить ему оставалось недолго. Для лордов он был как кость в горле, и он искал для себя преемника. Чтобы был так же нетерпим к несправедливости, и так же, как и он, хотел возрождения Законов Предков. В ближайшем для него окружении на эту роль не подходил никто, но Вальхар указал на Рутгера, справедливо полагая, что он, как и его отец, благороден, честен, всегда верен данному слову, и предан стране Лазоревых Гор. Никто не хочет гражданской войны – это уничтожит все народы гор, но терпеть, уже нет больше сил. У нас два пути – переворот, и законные выборы, как завещали нам Древние Боги. Балвер предлагал выборы. У нас есть Рутгер, что совершил пока один подвиг, но его, безусловно, уже заметили. После того, как он совершит нечто, что может изменить жизнь нашего народа в лучшую сторону, его изберут в военные вожди, а потом и во Владыки....

Вождь клана Стремительной Рыси устало вздохнул, и с грустью глядя на молодого, обескураженного воеводу, добавил как-то мягко, по-отечески:

– Мальчик мой, тебя не спрашивая, втянули в большую игру, где на кону стоит власть над самой богатой страной Обитаемого Мира!

Рутгер молчал, переваривая всё услышанное. Все его смутные догадки подтверждались, и он не знал, как вести себя дальше. Он был зол, что, не спросив у него самого, за него всё решили, и в то же время был горд, что ему оказывали такое доверие люди, чьё слово в стране Лазоревых Гор, было весомым и твёрдым как гранитная скала. Вот для чего его отправляют в степи! Найти убежище Древних Богов, и мечом добыть себе славу! Это действительно великий подвиг! Так может артефакты и знания не имеют значения?

– Лорды не отдадут власть.

– Конечно. Они будут цепляться за неё зубами. В ход пойдёт подкуп, подлог, убийства, но если ты не испугаешься, тебя поддержат, и ты победишь.

– После войны вигов осталось очень мало. Что я смогу сделать? С чего мне начать?

– Есть ещё третья сила, которая может пойти за тобой, и какую никогда не берут в расчёт ни лорды, ни воины.

– Кто же это? – Рутгер растерянно замолчал, и вопросительно посмотрел на Савгона.

– Харвеллы и заулы. Верни им их права, и они пойдут за тобой хоть в огонь, хоть в воду. Сделай их равными с вигами, и ты получишь тысячи голосов в свою пользу!

– Харвеллы и заулы не могут голосовать! – Воскликнул Сардейл, оказывается, внимательно всё слушающий, и возмущённый предложением вождя клана Стремительной Рыси, не выдержал: – Харвеллы и заулы могут только разводить скот, ковыряться в земле, да что-то делать в своих мастерских!

– Много ли ты знал харвеллов? – Возвысил свой голос и Савгон. – Что ты о них знаешь? Вы сами поставили нас в такое положение, ограничив во всём, в чём только возможно! Разве они плохо сражались у Волчьих Ворот? Кто в битве при Балте сдерживал пехоту гааров почти целый день, пока отряды вигов не собрались под одно знамя? Кто были те лучники? Триста заулов! А я? Я вождь клана уже двадцать лет, и воины не собираются меня менять! Так чем харвеллы и заулы хуже вигов?

Сардейл яростно сверкнул глазами, вскочил, и, по всей видимости, уже соби-
рался разразиться потоком отборной брани, но Рутгер крикнул:

– Хватит! Вы – уважаемый ветеран, и мудрый вождь! Что вы делите между собой, когда у нас есть общий враг? Что вы ругаетесь, как две торговки на городском рынке? – Вино выветрилось из его головы, от хмеля не осталось и следа. Пока два воина смотрели на него удивлёнными глазами и не могли произнести ни слова, Рутгер встал, вырвал кубок из рук Сардейла, и выплеснул вино на ковёр: – Ты всегда был невозмутим и спокоен. Даже вчера, в жестокой сечи ты не давал воли своей звериной ярости, чтобы не забыть о защите, и прикрыть меня от меча врага. Что на тебя нашло? Или ты выпил слишком много?

Стальной Барс повернулся к вождю клана Стремительной Рыси, и твёрдо посмотрел в его глаза. Тот, явно жалея о своей вспышке гнева, отвёл взгляд в сторону, и мучимый жаждой, отпил из кубка.

– Где твоя мудрость? Где твоя рассудительность?

В мёртвой тишине Рутгер прошёл к своему креслу, сел, и немного подумав, сказал:

– Савгон прав. Харвеллы и заулы – большая сила, а вигам нужны союзники в борьбе против лордов. Если мы призовём на помощь царя россов, то начнётся большая война, и наши горы утонут в крови. Мы развяжем лордам руки, и они призовут сивдов, ярвиров, да кого угодно! Надо обходиться своими силами, и не дать им повод.

– Но харвеллы и заулы не имеют права голоса! – Снова выкрикнул Сардейл, успокоившись, и сев на своё место.

– Значит надо дать им это право!

– Лорды не примут такой закон. – Проговорил Савгон. – Они прекрасно понимают, чего можно ожидать от народа, сравнивающегося в правах с вигами, не видящего семь веков этих самых свобод. Это может быть на руку только вигам.

– Для этого ты позвал нас в свой шатёр? Чтобы выторговать для своего народа привилегии? – С усмешкой спросил Сардейл.

– Выбирай слова! – Вождь опять нахмурился. – Я не торгуюсь, а предлагаю. Рутгер даёт права харвеллам и заулам, а я постараюсь, чтобы они его поддержали, когда он станет Владыкой.

– Сейчас я ничего не смогу сделать.

– Конечно. Но в недалёком будущем – сделаешь. Зная Балвера, я уверен, что он подумал и об этом. Ведь так? О чём вы говорили в палатке военного вождя поздно ночью?

– Меня сегодня спросили об этом уже несколько раз! Даже на тризне мне не давали покоя! Это не моя тайна, и я не могу открыть её. Я дал слово, а слово для вига всё равно, что клятва.

– Хорошо. – Савгон кивнул, и неожиданно улыбнулся так, как будто и не было той мимолётной вспышки гнева, а весь вечер он просидел на весёлой пирушке, где рассказывали смешные истории из своей жизни, воины. – Ты – вылитый отец! Такой же гордый, немного спесивый, немного заносчивый, дерзкий, и надёжный, как старый, добрый меч. Таким и оставайся. Помни – вожди кланов любят дерзких, молодых воинов. Они тоже когда-то были такими, и, видя тебя, вспоминают свою бесшабашную юность. – Савгон помолчал, и хрипло, с грустью сказал: – А теперь давайте поднимем кубки за тех, кто сидит у Очага Бессмертного Тэнгри, вспомним, какими они были при жизни, и как пали смертью Великих Героев!

* * *

Глава 24.

Несмотря на бессонную ночь, Рутгер не ощущал усталости. Он был так возбуждён, что ни о каком сне не могло быть и речи. Слишком много мыслей роилось в его голове, и очень многое надо было обдумать. Он чувствовал, что стоит на пороге чего-то важного, великого, и смертельно опасного. Это надвигалось неосяземо, постепенно, незаметно заполняя собой все закоулки памяти, вытесняя все другие мысли, оставляя только то, что не давало покоя, и заставляло сердце биться так, что казалось, оно вот-вот выломает рёбра груди.

Он злился, и ему казалось, что его ненависть может иссушить весь мир, то вдруг понимал, что не может сердиться ни на Вальхара, ни на Хранителя, а уж тем более на отравленного Балвера. Куда его втянули помимо воли? Почему не спросили, и так долго скрывали то, что он должен был знать с самого начала? Зачем такие меры предосторожности? Или они выжидали, сможет ли он выжить в этой войне? Да, так и есть. Но он не только выжил, а ещё и совершил великий подвиг, после чего его имя наверняка выбьют на Красной Стене Храма Бессмертного Тэнгри.

Рутгер пытался представить, что бы сделал отец на его месте, и не смог. Он даже не помнил его лица! Он помнил только его сильные руки, широкие плечи, затянутые в грубо сплетённую кольчугу, яркие, казалось, пронизывающие насквозь, голубые глаза, и чуть хриплый, насмешливый голос.

Как он пережил тогда известие о его смерти? Ведь это всегда так страшно, когда умирает горячо любимый человек. Кажется, что жизнь остановилась. Хочется выть, крушить, взорвать этот несправедливый мир, а когда биться в истерике уже больше нет сил, понимаешь, что ты всего лишь человек, и так же смертен, и твоя жизнь, всего лишь вспышка молнии в бездне Вселенной. Ты всего лишь песчинка, какую может никто и не заметит, пройдёт мимо, и только с твоей смертью, как-то не увидев уже ставшего привычным, как деталь окружающего мира, лица, вспомнит, что чего-то не хватает. Мир не треснет, и не развалится на тысячу хрупких осколков. В нём не будет всего лишь тебя, твоего лица, твоих мыслей, и твоих дел.

Мать. Что он помнил о ней? Мягкие, нежные руки, заботливо поправляющие одеяло, и то, как он, сквозь веки, борясь из последних сил с подкрадывающимся сном, наблюдал за ней, чтобы сказать что-то доброе, хорошее, и ещё раз увидеть её улыбку. Потом плачь, занавешенные чёрной тканью зеркала, принесённые отцом из какого-то давнего боевого похода, и ощущение беспросветного, вязкого горя, окружающего со всех сторон, и понимание, что не в силах что-либо изменить....

Воевода слышал, как начинает пробуждаться лагерь. Где-то уже затрещали дрова в костре, и потянуло дымком, где-то далеко перекликались караульные, и еле слышно защебетали проснувшиеся птицы. Крыша серой палатки светлела, подсвеченная поднимающимся солнцем, и скоро в щель между пологом входа и матерчатой стенкой проник лазутчик – жизнерадостный, золотой луч небесного светила. Хвала Бессмертному Тэнгри! День обещал быть солнечным и ясным. Что он принесёт? Какие вести? Что изменится в этом мире? В лучшую, или худшую сторону?

Он услышал шелест травы, тяжёлую поступь, и по шагам понял, что к палатке подошёл Сардейл. Ветеран немного постоял, прокашлялся, и заглянул, отодвинув рукой в сторону полог. Они встретились взглядами, и воин, улыбнувшись, вошёл.

– Да напьётся твой меч кровью врагов, Рутгер. – Не дожидаясь приглашения, он сел в кресло, оглядел убогое внутреннее убранство палатки, словно видел её содержание в первый раз, и тяжело вздохнул: – Всё плохо.

– Что случилось? – Встревоженно спросил воевода, и сел на топчане натягивая на ноги сапоги. – Ты принёс дурные вести?

– Даже и не знаю. Где у тебя здесь вино? Мне надо промочить горло. Ага! – Ему на глаза попался кувшин, и, не теряя времени на поиски кубка, он сделал внушительный глоток. Отёр усы, и довольно крикнув, продолжил: – Я поговорил с множеством воинов, и кое-что выяснил, насчёт человека в чёрном хитоне. По-моему, это, как ни странно и невероятно, был ассан.

– Ассан. – Повторил Рутгер, потом смысл сказанного был понят, и он удивлённо воскликнул: – Ты думаешь, что говоришь? Последнего ассана убили почти двести лет назад! Этого просто не может быть!

– А, по-моему, это как раз всё и объясняет. Он хладнокровно проник в охраняемый лагерь, раз. – Сардейл загнул один палец. – Смог отравить вино, два. И ушёл так, что его никто не видел, три. Вспомни-ка, самое главное умение ассана – жить среди людей, чтобы никто не мог догадаться, что он наёмный убийца. Ты пробовал так жить? Так вот, могу с полной уверенностью сказать, что это дьявольски сложно. – Ветеран улыбнулся так, словно одержал великую победу над былинным великаном, и получил в придачу тысячу золотых монет.

– Но это невозможно! Совершенно точно известно, что клана ассанов больше не существует! Их храм разрушен, алтарь разбит вдребезги, а их воины вырезаны все поголовно!

– Ты думаешь, что чудес не бывает? А вдруг, где-то далеко в горах, ещё сохранились остатки клана, и они до сих пор продолжают совершенствовать своё мастерство? Воины говорят, что такое вполне возможно. В наших горах есть такие места, куда никто, никогда не заглядывал. Туда просто нет никаких троп, но это совсем не значит, что там невозможно пройти.

Не имея желания спорить, Рутгер покачал головой:

– Что ещё? Это ведь не последняя твоя новость?

– Да, воевода. Есть ещё кое-что. – Сардейл ещё раз отхлебнул из глиняного кувшина, и широко улыбнулся, отчего его лицо, изуродованное шрамом, приняло самый благодушный и умиротворённый вид: – Хорошо! Вот теперь я могу выступить один против сотни челманов.

– Что ты хотел мне сообщить? – Теряя терпение, напомнил Стальной Барс. Накричать на ветерана ему помешало только уважение к его годам и богатому, боевому опыту.

– Я видел, как в военный лагерь, на самом рассвете, въезжали свиты лордов. От их флагов и именных гербов рябило в глазах, и я думаю, что это не с проста.

– Ну и что? Враг разбит, Владыка здесь, послезавтра похороны Балвера, так, где же им ещё быть?

– Не такие они люди, чтобы сломя голову лезти туда, где находится несколько сотен вооружённых вигов! Не иначе, как ими задумана очередная пакость, а мы и оглянуться не успеем, как они примут какой-нибудь новый закон, опять ущемляющего наши права!

– Нет. Этого не случится. Как говорит поговорка – виг долго думает, но быстро действует. Лорды об этом знают, и прежде чем что-то сделать, хорошо поразмыслят, а не вызовет ли это народные волнения? – С убеждением сказал воевода.

– Хотелось бы, чтобы так оно и было... – Пробормотал Сардейл, и смолк, когда услышал далёкий звук рога Владыки, созывающий вождей кланов и воевод на Совет.

Рутгер вздрогнул от неожиданности, и пробормотал:

– Ещё один Совет? Странно. И лорды здесь? – Сердце что-то кольнуло, как острая игла, словно подавало сигнал: «Будь осторожен. Тебе грозит опасность».

* * *

Какое-то гадкое, необъяснимое предчувствие не покидало Стального Барса, будто впереди ждало нечто плохое, необъяснимое, то, чего никак не удастся избежать.

Волнуясь, он долго выбирал, что взять с собой, меч, или пернач, и, в конце концов, закинул за спину ножны, мгновение поколебался, засунул за пояс и пернач, что не так давно не раз спасал ему жизнь в битве. Он взял в руку серебряный жезл воеводы, и подумал, что так и не успел покрасоваться с ним в Андвее. Впрочем, перед кем там красоваться? Он совсем один, как перст, и его дом – это небольшой уголок с топчаном, отгороженный шкурами от остальных в Доме Воинов. Вернётся ли он туда когда-нибудь? Сможет ли пройтись по родным, до боли знакомым улицам, или его отправят в степи так и не дав посмотреть на родной город после войны, вдохнуть его воздух, почувствовать его запах?

Глядя на него Сардейл улыбнулся:

– Ты как отец, пытаешься всё предусмотреть, – и вдруг серьёзно добавил: – Лордов охраняют сивды, а жизнь сивда ничего не стоит.

– Ты думаешь... – Начал было Рутгер, и тут же смолк, словно не мог поверить в слова ветерана. Неужели лорды могут решиться и на такое?

– Кто знает, где кончается цепь жизни любого из нас? С нашими лордами ни в чём нельзя быть уверенным. Этот Совет может легко превратиться в бойню, и лордам будет плевать на все законы. Если они почувствуют в тебе опасность, они сделают всё, чтобы тут же тебя уничтожить. Может не сейчас, а чуть позже, но это будет. И если у них есть хоть один ассан, это случится.

– Неужели ассаны так опасны?

– Они веками оттачивали своё мастерство наёмных убийц. Они появляются как лёгкий, вечерний ветерок, наносят удар, и исчезают так, что никто ничего не замечает. Это сильный противник. В открытом бою виг, конечно, одолеет его, но когда дело касается незаметного убийства, то тут им нет равных. Помни – ассаны могут жить среди обычных людей, годами скрывая свою сущность, чтобы ударить только один раз, и удар этот, как всегда смертелен.

– И всё же меня страшит совсем не это.

– Я понимаю. – Кивнул головой ветеран. – Думай, прежде чем что-то сказать. Времена теперь другие, и надо быть осторожным даже на Совете у Владыки. Ты сын Великого Ульриха, а это уже половина дела. Никто из вождей не может похвастать таким отцом. Будь горд, дерзок, и всё же постарайся не перегибать палку. Как любил повторять твой отец: чтобы победить, надо быть веткой ивы на берегу реки.

– Как это? – Непонимающе спросил Рутгер.

– Прогнуться под снегом, чтобы не сломаться, и выждав момент, сбросить его. Это непросто, и в то же время возможно. Главное, только выбрать правильное время.

– Прогнуться, чтобы не сломаться? Это мудро, и достойно подражания. Это лучше, чем идти на рожон не взирая ни на что, тем самым добавляя себе трудностей. Я так и буду делать, к тому же, по-моему, я всегда так и поступал... Как погиб мой отец? Мне никто никогда не рассказывал об этом. Просто говорили, что пал в битве, прикрывая отход отряда вигов.

– Это не совсем правда. Всё было немного не так. – Сардейл пригладил бороду, разделённую на две косы, будто это могло помочь вспомнить дела давно минувших

дней, и начал свой рассказ: – Та война вообще произошла, можно сказать, случайно. Нам никто не угрожал, никто не пытался что-то у нас отнять. Просто нам стало известно, что гаары собирают войско, и кое-кто из вождей решил нанести упреждающий удар. Балвер долго сопротивлялся, но, в конце концов, его уговорили, и он повёл войско в земли гаар. Мы шли без лазутчиков, проводников, и, конечно же, попали в засаду. Войско было растянуто, и выстроиться во фронт мы не могли, со всех сторон дорогу окружали дремучие леса. Балвер решил отойти, перестроиться, и встретить врага. Триста лучников, заулов, почти весь день сдерживали гааров, пока мы смогли выйти из леса и выстроиться в боевые порядки. Только тогда военный вождь заметил, что не хватает сотни твоего отца. Никто не знал, где он. Когда уже все посчитали, что они погибли, тогда прибежал гонец от Ульриха, известивший о том, что если Балвер не поторопится, то вся слава достанется только Снежным Барсам. Вот тогда мы опять ринулись в лес, и на небольшой полянке, где происходила битва, ударили гааров сбоку. Те не выдержали, и побежали. Мы гнали их долго, и захватили много добычи. Что и говорить! Глупо мы тогда поступили, но битва была славной. Многие воины отправились к Очагу Бессмертного Тэнгри. Многие стали Великими Героями.

– Хранитель говорил нам, что это была праведная война. Если бы мы не разгромили гааров, тогда они с ещё большими силами напали бы на нас.

– Это вряд ли. – Усмехнулся Сардейл. – Как потом стало известно, они готовились к войне вовсе не с нами, а с кердами. Что-то там они не поделили из-за пастбищ для скота. То ли керды хотели их захватить, то ли гаары. Да разве это важно?

– Так значит, Савгон был прав? Вигам есть что скрывать, и не вся наша история выглядит жестокой борьбой за выживание с враждебными народами?

Ветеран тяжело вздохнул, и проговорил:

– Наверное, у каждого народа, найдётся в летописях несколько страниц, и о них не хотелось бы вспоминать. Разве не так?

– Мне хотелось бы, чтобы таких страниц было как можно меньше. Мы не опоздаем на Совет?

– Не беспокойся. Туда мы никак не сможем опоздать. Пока соберутся все лорды, вожди и воеводы, мы успеем и позавтракать, и выпить вина. Звук рога Владыки совсем не означает, что надо бежать сломя голову к его шатру. Это всего лишь сигнал, что нас ждут. Но вот не идти туда, я бы не советовал.

Мысль только мелькнула в голове, а Сардейл уже заметил, как изменилось лицо молодого воеводы. Рутгер недовольно поморщился, подумал, что отвертеться от Совета не удастся, и улыбнулся сам себе, поняв, что рассуждает совсем как в детстве, пытаясь увильнуть от надоедливой, нежелательной работы по дому. Тогда он был счастлив. Или нет? Он многого не знал, и это не давило тяжким грузом на плечи, не было того горького бремени, что может отравить всю дальнейшую жизнь.

* * *

Глава 25.

Знают! Сознание обожгло огнём, стало немного жарко, но Рутгер, как ему показалось, смог сохранить на своём лице печать непроницаемости. Он медленно обвёл взглядом всех присутствующих, и остановился на лорде Сатвеле. Именно он задал последний вопрос, не лишённый ехидства, и какого-то потаённого коварства.

– Почему я должен отвечать на вопрос лорда, коего совсем недавно обвиняли в государственной измене? – Рутгер повернулся к трону Владыки, стоящего на неболь-

шом возвышении, со вкусом задрапированный шкурами редких животных, привезённых из далёких, недостижимых царств, и стоивших целое состояние.

Владыка Альгар с неуверенной, жалкой улыбкой посмотрел по сторонам. По всей видимости, он неважно себя чувствовал, и его сейчас больше заботили вопросы о собственном здоровье, а не страна Лазоревых Гор. Он то впадал в какую-то полудрёму, и не слышал о чём говорят лорды и вожди. То вдруг неожиданно вскидывал голову, и, глядя куда-то вдаль, всматривался во что-то виденное только ему.

На ответный выпад лорд зло ощерился, но что-либо ответить не успел. Его прервал повелитель Тайной Стражи:

– Обвинения в измене сняты с лорда Сатвелла. Нами было проведено тщательное расследование, опрошены сотни свидетелей, и они в один голос подтвердили, что Сатвелл был втянут в заговор помимо своей воли, и не нанёс какого-либо вреда стране Лазоревых Гор. Жаль, конечно, что вдохновитель заговора, лорд Кирффер был убит челманами. Я думаю, что мы бы узнали от него много интересного, и установили всех заговорщиков.

Стоя в центре огромного пурпурного шатра, окружённый со всех сторон скамьями с сидящими на них лордами, с одной стороны, вождями и воеводами с другой, Рутгер чувствовал себя не совсем уверенно. Хотелось убежать, скрыться, чтобы его никто не видел, и не приставал с вопросами, на какие трудно ответить. Он видел угрюмые лица, недобрый блеск глаз, и всем своим существом ощущал опасность от людей, собравшихся здесь.

Чёрные доспехи, рогатые шлемы, бороды, заплетённые в косы, с одной стороны, и разряженные в разноцветные бархат и парчу, так, что рябило в глазах, с другой. Стальной Барс видел, чувствовал это противостояние, и их взаимная ненависть была столь осязаемого, что хватило бы и небольшой искры, чтобы вспыхнул яростный, звериный гнев. Он понял, что если хочет победить в этой непростой, бескровной схватке, то должен расположить к себе вождей и воевод. Он постарался вспомнить всё, о чём говорил ему Савгон, Вальхар, Балвер, и Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри. Пришла пора действовать. Прогнуться, чтобы не сломаться, выждать момент, чтобы ударить, и победить.

– Я не понимаю, чего от меня добивается лорд Сатвелл. – Его голос дрогнул, и краем глаза он заметил самодовольную усмешку лорда. Неужели поверил? – Что я сделал? Чем вызвано его недовольство?

Вожди переглянулись между собой. Кто-то презрительно сплюнул на пол, и среди чёрных доспехов пробежал гул тихого ропота. Сатвелл, предвкушая свою небольшую победу, злорадно улыбнулся, и повторил свой вопрос:

– Так почему клан Снежных Барсов выбрал в воеводы двадцатилетнего юнца, не убившего до того дня ни одного врага? Я думаю, что здесь мы видим сговор, целью коего была слабая оборона Волчьих Ворот, где могли бы прорваться полчища челман. Вальхар, как и лорд Мортрей хотели, чтобы виги потерпели в этой войне сокрушительное поражение, чтобы они могли обстричь свои тёмные делишки!

Рутгер почувствовал, как его переполняет ярость, и каким-то шестым чувством понял, что пришло время нанести удар. Жёстко, и беспощадно, будто коротким взмахом меча. Он повернулся к лорду, и твёрдо глядя в его глаза, видя, как тот замер в оцепенении и растерянности, зло процедил:

– Странные вещи творятся в стране Лазоревых Гор! Героев войны поливают грязью, и обвиняют в измене! А лорды, ничего не сделавшие для защиты своего народа, как всегда оказываются на самых почётных местах на тризне! Теперь я

точно знаю, что такое война. Это когда воины кланов, верные своей клятве, умирают за ублюдков, грабящих их страну!

Он прекрасно осознавал, что делал, и какие последствия могут вызвать его слова, и, тем не менее, сказал это, намеренно грубо. Ему вдруг показалось, что именно этих слов ждут от него вожди кланов, уже разочаровавшись, в сыне Ульриха, ведь он позволил себе небольшую слабость. Теперь была проведена резкая черта, делящая мир на друзей и врагов. Враги – всемогущие, богатые лорды. Друзья – вожди и воины кланов.

Тишина длилась несколько мгновений. Именно столько, сколько потребовалось собравшимся, чтобы осмыслить услышанное. Лорд Сатвел испуганно и поспешно отскочил. Кто-то выругался, кто-то громко усмехнулся, и молчание взорвалось оглушительными воплями ярости. Кричали лорды. Перебивая друг друга, выкатив глаза, разбрызгивая слюну. Казалось, что они вот-вот сойдут с ума от собственного крика, и нечеловеческой ненависти, что разожгли в их ледяных и продажных душах, слова Рутгера.

Блеснули мечи, и молодой воевода заметил, как несколько сивдов-телохранителей, сопровождающих лордов, подались вперёд. Неужели они решат пустить ему кровь прямо на Совете? Неужели они наплюют на все законы и установленные правила? Это возможно, но и вожди кланов не останутся в стороне. Они, конечно, не оставят молодого воеводу, и обнажат мечи в его защиту. Во что же тогда превратится Совет? В кровавую резню, и потом уже будет невозможно сказать, кто стал настоящим зачинщиком?

Когда шум от криков лордов стал чуть тише, все явственно услышали голос Сатвела, едва не срывавшегося на визг:

– Я требую, чтобы этого щенка отдали под суд! Как он смеет обвинять нас в измене, ведь с нас сняты все обвинения! Да за это даже четвертования мало! Эй, стража! Взять его!

Рутгер не стал оглядываться на вождей и воевод. Он знал, что они, так же, как и лорды стоят на ногах, что-то кричат, и чего-то требуют. Вот он, момент истины. Сейчас будет известно, правильно ли он всё рассчитал, и вовремя ли нанёс свой удар. Получил ли он в лице вождей союзников, или они и не собирались возвращать Законы Предков, а были рады опять плясать под дудку лордов.

Четверо сивдов из личной охраны кого-то из лордов обнажили мечи, и сделали несколько шагов по направлению к стоящему посередине шатра воеводе. Он не стал куда-либо отступать или искать более выгодной позиции для боя. Он был готов умереть. Он был готов погибнуть под их мечами, чтобы виги всё же увидели, что для лордов значат свои же собственные законы, и как они готовы их исполнять.

– Если с головы воеводы Рутгера упадёт хоть один волос, воины клана Большого Орла вырежут всех сивдов! – Послышался громовой, чуть хриловатый голос Халмера. – Клянусь Бессмертным Тэнгри, что так и будет!

– Клан Стремительной Рыси готов встать под знамя Стального Барса! Мы готовы поднять мечи в защиту страны Лазоревых Гор!

– Клан Серебряной Луны поддерживает сына Ульриха!

– Клан Белого Быка тоже!

Сивды нерешительно остановились, затравленно озираясь, отступили к своим хозяевам, и наконец, убрали мечи в ножны. Видя, что вожди кланов настроены решительно, постепенно замолкли и лорды. Владыка Альгар очнулся от своей полудрёмы, и, подняв золотой меч – символ власти, поднялся. Он выждал, пока установится пол-

ная тишина, и тогда заговорил, стараясь придать своему слабому голосу больше уверенности:

– Что всё это значит? Воевода Рутгер слишком молод, чтобы быть воеводой, и он плохо понимает ситуацию, сложившуюся в нашей многострадальной стране. Пусть он объяснит, что хотел этим сказать, и почему посмел оскорбить лордов!

В повисшей тишине Стальной Барс слышал только стук своего сердца, пытавшегося проломить рёбра груди. Он чувствовал на себе десятки глаз, и одни из них хотели бы испепелить его дотла, другие подбадривали, и давали поддержку, и он ощущал её всем своим телом.

– Давай, Рутгер! Скажи им всё! – Это выкрикнул Зифтер, и хрипло рассмеялся. Он был во многом противоречив, не любил принимать трудные решения, и всегда действовал, полагаясь на своё какое-то особое звериное чутьё. Вот он и сейчас сразу же понял, что сын Ульриха способен повести за собой воинов кланов. Что он сможет сделать всё, чего ждут от него виги.

Стараясь унять биение своего сердца, Стальной Барс глубоко вздохнул, и заговорил:

– Я ещё молод. Мне всего двадцать лет, и на моём счету только один подвиг – оборона Волчьих Ворот, но я помню и своего отца, и то время, когда народы страны Лазоревых Гор жили счастливо. Я помню, когда из казны выделялось золото на содержание войска, воины кланов могли кормить свои семьи, и заниматься тем, что определил им Бессмертный Тэнгри. Я помню то время, когда семьям погибших воинов ежемесячно выплачивалась пенсия, и они не сводили концы с концами. Налоги не повышались, ремесленники, крестьяне и скотоводы не разорялись, а процветали. Я помню ярмарки, проводившиеся каждую неделю, и славились своими товарами. Я помню длинные обозы от россов, кверков, ярвиров, и из каких-то далёких стран, и их названия я не мог выговорить. Где всё это? Почему, несмотря на повышение налогов казна пуста? Почему, имея несколько золотых рудников, виги не знают, что будут есть завтра? Почему народ нищает, а лорды набивают своё брюхо, и бесятся с жиру? Разве они больше работают? Разве с мечом в руках они защищают страну Лазоревых Гор? Почему им принадлежат все рудники, шурфы с драгоценными камнями, и озёра с земляным маслом? Как это оказалось у них в руках, ведь всё это когда-то принадлежало народу! Ответьте!

Впервые после свары Рутгер позволил себе оглянуться, и увидел на бородастых лицах вождей довольные улыбки. Кто-то даже ему подмигнул. Да, это его союзники, и единственная опора, на какую можно опереться, когда дело касается драки. Виги не сильны в политике, так уж сложилось веками. Они чувствуют себя свободно только в битве. Может, поэтому лордам удалось все богатства страны Лазоревых Гор незаметно прибрать к рукам? Ничего. Теперь есть кому потрепать их за жирную холку!

– Воевода Рутгер ещё мало что понимает в нашем положении, но я не осуждаю его за это. – Послышался скрипучий голос лорда Вармера. – Он воин, и ничего не смыслит в том, что касается налогов, и государственной казны. Каждый год страна нуждается в огромных запасах продовольствия. То, что выращивают заулы и харвеллы слишком мало, чтобы прокормить вигов. Им самим едва хватает, чтобы не умереть от голода. Большая часть налогов уходит на закупку хлеба, продающегося в общественных...

– Втридорога? – Усмехнулся Стальной Барс, прерывая казначея на полуслове. Он уже понял, что тот хочет сказать, и решил не дать ему этого сделать. Вальхар предупредил его о том, что лорд Вармер может повести беседу так, что все согласятся

с его словами, и потом сами будут удивляться, почему же они вздумали бунтовать. – Общественные лавки должны принадлежать государству, и цены в них должны быть приемлемые, а ими владеет лорд Ягдвер, и каравай хлеба там стоит два золотых. Это лорд Вармер называет заботой о народе?

– И всё же мы делаем всё возможное, чтобы как-то облегчить жизнь простого народа... – Начал было лорд Вармер, но был перебит визгливым голосом Сатвелла:

– Лорды! Разве вы не слышали? Разве вы ничего не понимаете? Этот щенок обвиняет нас в том, что мы грабим страну Лазоревых Гор! Это заговор, и все заговорщики сидят напротив нас! Они же просто хотят нас всех уничтожить, а Владыке Альгару отрубить голову!

Среди вождей кланов сверкнул меч, и с места поднялся воевода Урхард. С презрительной улыбкой он оглядел лордов, и в повисшей тишине глухо произнёс:

– Сатвел слишком много на себя берёт. Везде ему мерещатся заговоры. Не потому ли, что он сам был его участником? Кто он такой? – Глаза воеводы гневно сверкнули, и, нахмутив седые брови он, повысил голос, чтобы перекрыть ропот, начинающий подыматься на скамьях власть предержащих: – Он всего лишь лорд, обманом захватившим то, что всегда принадлежало народу! Вы! Пекущиеся о благе народа! Что вы сделали для него? Повысили налоги? Не выплачиваете пенсии вдовам? Не содержите войско? Я! Воевода клана Чёрных Медведей, обвиняю лордов в воровстве и взяточничестве! Я требую у Владыки Альгара возврата Законов Предков, и отмены Новых Законов!

Это было уже серьёзное обвинение. Урхард был уважаемым человеком, и его слово всегда имело вес на любом Совете. Если воевода объединённых сил вигов решился сказать такое, значит, все вожди кланов были с ним согласны. Для лордов это могло означать только одно – скорое смещение со своих постов, и суд. Если вина лорда будет доказана, его может ожидать или изгнание, или рудники.

– Вожди кланов! Согласны ли вы с воеводой Урхардом? – Громко спросил Владыка Альгар.

Нестройный хор голосов ответил утвердительно. Лорды безмолвствовали. Такое произошло впервые за много лет, и тут было над чем задуматься.

Рутгер, до сих пор стоящий посередине шатра, быстро оглянулся, встретился взглядом с вождём клана Стремительной Рыси, и, собравшись с духом, ведь неизвестно как может отреагировать на его слова Совет, сказал:

– Перед штурмом Волчьих Ворот ко мне в войско пришёл десяток харвеллов с грамотой о сопровождении меня в замок Салдо, и огласил приговор суда, где меня приговорили к штрафу в тысячу золотых, и к трём годам рудников.

– Мы уже говорили об этом, воевода Рутгер, и я отменил приговор. – Напомнил Владыка Альгар.

– Я помню это, Мудрый и Справедливый. – Стальной Барс поклонился. Он не был уверен, что после всего произошедшего повелитель Тайной Стражи удовлетворит его просьбу, и всё же продолжил: – Я хочу сказать не об этом. Когда десятник узнал о том, что происходило у нас, он решил принять участие в битве, и показал себя с лучшей стороны, вместе со своими воинами. Я хочу просить лорда Фельмора о переводе этих харвеллов в моё войско.

– Ты хочешь, чтобы харвеллы служили в войске вигов? – С изумлением спросил Владыка. Он покачал головой, и добавил: – Вряд ли из этого что-то получится. Харвеллы не воины. Они могут служить только в Тайной Страже.

– Если у них хватило мужества биться с многочисленным врагом вчера, то почему они не смогут поднять свой меч и завтра?

– Не знаю. Пусть лорд Фельмор сам решает, что делать со своими стражами. Хотя, воеводу Рутгера можно понять. Его войско понесло большие потери. Если наш многоуважаемый повелитель Тайной Стражи не будет возражать, то в виде исключения... – Владыка многозначительно посмотрел на лорда.

– Благодарю тебя, Владыка. – С места поднялся лорд Фельмор. – Воевода Рутгер, я не помню имени харвелла, какого послал к тебе. Не напомнишь ли ты мне его?

– Десятник Эвгурн. Сын Галла.

– Да-да, точно. Теперь я вспомнил. Достойный, и исполнительный воин. Он не выполнил мой приказ, но раз уж решение суда в отношении воеводы Рутгера отменено, то и я отменяю свой ранее оглашённое повеление. Пришли ко мне этого десятника, и я, вручив ему соответствующие грамоты, отправлю его к тебе обратно.

Стальной Барс посмотрел в глаза лорду Фельмору и понял, что больше не увидит храброго харвелла, если тот придёт к своему повелителю. С ним может произойти всё, что угодно. Нападут разбойники, хотя в горах страны их никогда и не было, произойдёт какой-нибудь несчастный случай, и наконец, он может просто исчезнуть без всякого следа. Подумав немного, Рутгер как можно естественнее улыбнулся, и сказал:

– Конечно, я пришлю его к тебе, как только он вернётся из дальнего дозора у Чёрного Леса, куда я отправил его вместе с несколькими заулами.

– Да. Считаю вопрос решённым, я не буду против того, чтобы он выполнял твои приказы. – Фельмор кивнул головой, и, поджав губы сел на место.

– Чтож, я рад, что вы смогли договориться. – Проговорил Владыка Альгар. – Давайте теперь перейдём к более важным вопросам. – Он выждал эффектную паузу, как бы, между прочим, поправил одну из шкур, устилающих трон, и, оглядев всех членов Совета, начал свою речь: – Завтра начнётся к подготовке к похоронам военного вождя. Страна Лазоревых Гор понесла большую утрату. От руки подлого наёмного убийцы пал один из лучших мужей. Кто сможет его заменить? Кто сможет сочетать в себе такие качества как осторожность и мудрость? Кто сможет предвидеть последствия от сделанного шага? Кто будет предан стране Лазоревых Гор до самой своей смерти? Я вижу здесь многих достойных воинов. Кто сможет взвалить на себя непосильное бремя, и полностью отдался своей стране? Я думаю, что на эту роль как никто другой подошёл бы Вальхар, вождь Снежных Барсов, но он ранен, и не может занять трон своего друга. Кстати, где лорд Мортрей? Почему его нет на Совете?

С места поднялся лорд Фельмор, и, прокашлявшись, оглядевшись по сторонам, словно кого-то искал взглядом, сказал:

– Владыка! Есть основания считать, что Мортрей был правой рукой лорда Кирфера, вдохновителя заговора. Мы предприняли меры, но ему удалось выскользнуть из ловушки с несколькими десятками верных ему сивдов. Сейчас он находится в своём родовом замке. Тайная Стража охраняет дорогу к нему, и если он посмеет высунуться оттуда, его тотчас схватят.

– Вот как? Кто бы мог подумать! Один из лучших сынов страны Лазоревых Гор – предатель. У тебя неоспоримые доказательства в его измене? – Альгар подался вперёд, и в его голосе прозвучала надежда, будто он надеялся увидеть на лице лорда улыбку, и услышать, что это шутка.

– Да, Владыка. К сожалению, все факты указывают на то, что именно Мортрей был среди заговорщиков.

– Клянусь Бессмертным Тэнгри, у нас слишком много предателей! Откуда они? И как раз те, на кого и не подумаешь! Что с ними случилось? Почему они встали на этот скользкий путь? Зачем им это? Неужели во всём виновато золото? Но ведь лорд

Кирфер и Мортрей отнюдь не бедны! Почему Кирфер пошёл на сговор с челманами, от руки, коих и погиб?

– Владыка! – Подал голос Рутгер, и встал со скамьи, куда уже успел сесть. – Лорд Кирфер погиб не от рук степняков! Это я знаю совершенно точно! Я уже рассказывал вождям и воеводам о смерти Кирфера, и могу повторить всё с самого начала ещё раз. – Стальной Барс обвёл взглядом лордов, надеясь увидеть какую-то заинтересованность, но ничего кроме пылающей злости в глазах, не заметил. Он усмехнулся, и чтобы ещё насолить своим новым врагам, начал свой рассказ: – Когда закончился штурм Волчьих Ворот, когда военный вождь Балвер, и воевода Урхард повели войска кланов на лагерь челманов, мы услышали крик. Кто-то звал вигов, и было в этом крике что-то ужасное, отчего наши сердца похолодели. Так может кричать только смертельно раненый человек. Едва мы приготовились, как из ущелья в сторону степи на нас понеслась полусотня конников в доспехах степняков. После трёх залпов из арбалетов, мои оставшиеся в живых бойцы, бросились в атаку. После короткой схватки мы одолели врага, но кое-кому всё же удалось уйти. Одного нам удалось захватить живым, и я смог задать ему несколько вопросов.

– Ты знаешь язык челман? – Спросил кто-то из лордов.

– Нет. Это не были степняки. Под личинами челманов скрывались сивды. Вот, что самое важное. Раненый сивд рассказал нам, что им приказали убить лорда Кирфера. – Рутгер немного подождал, и, расслышав начавший подниматься ропот, выкрикнул: – И приказ этот исходил от лорда Фельмора!

Молодой воевода видел, с какой ненавистью повелитель Тайной Стражи смотрел на него, и понял, что подписал себе смертный приговор. Теперь его жизнь не стоила и медного гроша, но он хотел нанести внезапный удар, и он его нанёс. Как лорд Фельмор его выдержит? Будет кричать, что это ложь? Или поступит как-то по-другому? Смолчит, чтобы потом подослать убийцу, как к военному вождю? Что и говорить! Об Эвгурне и его воинах придётся забыть, и молчать уже просто не было сил.

Среди нарастающих возмущённых криков послышался громкий голос Владыки Альгара, и все понемногу замолкли, чтобы он смог сказать своё веское слово. Хоть он и был куклой в руках лордов, но он всё же был главой Вольфбура.

– Смелое заявление, воевода Рутгер. Чтобы подтвердить это, ты должен представить доказательства. Без них твои слова ничего не стоят. Где тот сивд?

– Я отпустил его.

– Лорд Фельмор вправе вызвать тебя на поединок, на перекрёсток четырёх дорог, и смыть оскорбление кровью.

Стальной Барс увидел, как лорд злорадно улыбнулся, и уже несколько не таясь, не скрывая своей ненависти, произнёс:

– Я слишком стар, чтобы размахивать мечом, а Рутгер слишком молод, чтобы мог самостоятельно делать какие-то выводы. Время рассудит нас, а Бессмертный Тэнгри накажет лжеца.

Лицо молодого воеводы вспыхнуло багрянцем, в голову ударила бешеной волной кровь. Он едва смог сдержаться, чтобы не выхватить меч, но быстро сообразил, что именно этого и добивался лорд Фельмор. Оскорбить, чтобы вывести из себя, побудить к каким-то необдуманным, опрометчивым действиям, а потом не торопясь, упиваясь своим торжеством, уничтожить.

Не зная, что делать, и что сказать, Рутгер оглянулся, как бы ища совета и поддержки у убеждённых благородной сединой вождей кланов, заметил подбадривающую улыбку Савгона, и сказал:

– Конечно. Уверен, что так и будет. Время покажет, кто есть, кто. И когда-нибудь, на суд истории всплывут все страшные тайны нашего беспокойного, кровавого века. Потомки вспомнят наши имена. Чьи-то с гордостью благоговением, чьи-то с презрением и ненавистью.

Стальной Барс поклонился Совету и сел на место.

– Славно сказано. – Владыка Альгар кивнул. Он хотел ещё что-то сказать, но со скамьи поднялся лорд Сатвел, и с дрожью в голосе, словно искал защиты у Мудрого и Справедливого, так, чтоб слышали все, произнёс:

– Владыка! Я хочу сказать об ещё одном странном факте, наводящем на размышления, и его никак нельзя оставить без внимания! В войске клана Чёрных Медведей есть «тёмный»! Возможно он и не один. Почему «тёмный» служит в войске? Как он попал туда? Может он лазутчик, и обо всём увиденном докладывает своим соплеменникам в Чёрный Лес? Что нас ожидает в будущем? Новая война? Воевода Урхард, ответь на мои вопросы!

Лорды зашевелились. По рядам пробежал шёпоток, и он мог в любой момент мог превратиться в возмущённые крики, уже не раз оглашавшие за день своды шатра Советов.

Ветеран поднялся, помолчал, собираясь с мыслями, и нахмутив седые брови, ответил:

– Да. В моём войске есть один «тёмный». Да, он служит в нём лучником и следопытом. И клянусь Бессмертным Тэнгри, более лучшего воина, умеющего идти по следам, я ещё не встречал. Лорд Сатвел увидел его кожу, но он не увидел то, что находится у него внутри. Он «тёмный» только наполовину. Его мать нашего племени, а отец давно погиб в небольшой стычке у Чёрного Леса ещё лет двадцать назад. Может в нём и есть какие-то способности от «тёмных», кроме острого зрения и изумительного слуха, но я больше ничего у него не замечал. Его отец был нашим врагом. Так что с того? Ещё два дня назад Хортер сделал гораздо больше для страны Лазоревых Гор, чем лорд Сатвел за всю свою жизнь.

– О моих заслугах перед Родиной может судить только Владыка и Совет Лордов! – Заносчиво выкрикнул Сатвел. – Откуда тебе знать, что я сделал для процветания страны!

– Довольно! – Мудрый и Справедливый поднял руку, прекращая спор, способный превратиться в обычную склоку, во взаимные обвинения и оскорбления. – Воевода Урхард, что ты можешь сказать про «тёмного»?

– Он предан клятве, исполнителен, как и любой виг! Он готов в любое мгновение пожертвовать своей жизнью, если это понадобится клану, и стране Лазоревых Гор. – Урхард хотел ещё что-то добавить, но промолчал, быстро взглянув на Альгара, и заметив на его лице гримасу недовольства.

– Может уважаемому воеводе Урхарду это только кажется? «Тёмные» хитры и изворотливы. Нельзя оставлять это без внимания! Сегодня «тёмный», завтра харвелл, а потом кто? Мы будем брать в войско весь сброд, что пожелает носить чёрнёные доспехи воинов, увенчанных славой?

– Если это сможет укрепить оборону страны, я возьму в своё войско хоть дьявола, лишь бы не слышать твоих стонов! – С гневом произнёс ветеран. – Что толку с тобой спорить, если ты ничего не смыслишь в военном деле, а можешь придумывать только свои законы, что ставят вигов на грань выживания.

– Хватит! – Повысил голос Владыка. – Сегодня за весь день прозвучало достаточно упрёков и оскорблений с обеих сторон. Никогда ещё на Совете не было таких яростных споров. Итак, можно подводить итоги. Войскам кланов будет выплачена

вся задолженность по их содержанию. Семьи погибших получают всё золото сполна. Не пристало вдовам героев нищенствовать. Кое-какие Новые Законы мы отменим. Какие, мы решим чуть позже, после похорон военного вождя. Лорд Сатвел сам отказался от золотых рудников в пользу страны Лазоревых Гор, но я пока оставляю его на этом посту, так как никто кроме него не знает истинное положение дел в шахтах. Заговор раскрыт. Мортрей в своём замке и не сможет выйти оттуда. Лорд Кирфер погиб при загадочных обстоятельствах. Кто здесь и в чём замешан, я так и не понял. Лорд Фельмор, займитесь расследованием данного преступления. Остальное пока оставим всё, как есть. Я думаю, Совет можно заканчивать. К тому же наступил вечер и подходит время ужина. – Альгар устало вздохнул, и поднялся, давая понять, что больше не потерпит дальнейших споров, и каких-то разногласий.

* * *

Глава 26.

Самое трудное – это смириться с мыслью о том, что стал одноруким инвалидом, и единственный, верный друг пал жертвой чьих-то козней. Он знал наверняка, догадывался, кто смог всё это сделать, и хотелось вырвать меч из ножен, и пустить кровь кому-нибудь из высокородных. Всё равно кому. Друг от друга они ничем не отличаются, и если один мог совершить нечто подобное, то другой мог сделать нечто ещё более страшное. Он чувствовал себя раздавленным и опустошённым. Словно кончилась жизнь, и нет ни на что надежды. Ещё тогда, в их последнюю встречу, в тронном зале военного вождя, он вдруг подумал, что видит его в последний раз, но тогда он гнал от себя эту мысль и упорно не хотел к ней возвращаться. Да, смутное предчувствие его не обмануло. Прошло чуть меньше недели, и Балвер, способный повести за собой войска кланов против лордов, и мог изменить жизнь страны Лазоревых Гор, погиб. С ним погибло всё. Теперь уже ничего не будет. Он один знал, каким должно быть новое государство. Он один знал, что надо делать и как достичь своей цели.

Вальхар тяжело вздохнул, и, прислушавшись к пульсирующей боли в обрубке левой руки, вышел на каменную террасу, окружающую здание лазарета. Ему казалось, что он насквозь пропитался запахами крови, гноя, и удушающими мазями лекаря. Сейчас ему было необходимо глотнуть свежего воздуха, привести свои мысли в порядок, и наедине, поразмыслить.

Виги гордятся своим пренебрежением к смерти. Так ли это? Раньше, несколько веков назад, это было необходимо, чтобы род, племя, клан, мог выжить в борьбе за существование. Самопожертвование ради других. Так воспитывали с детства. Теперь надобность в этом отпала. Клань набрали силу, их численность выросла в несколько раз, они смогли показать своим соседям, что всегда могут и готовы постоять за себя. Теперь нужны не только воины. Нужны обычные люди: ремесленники, крестьяне. Нужно развивать торговые отношения с другими странами Обитаемого Мира. Кто будет этим заниматься? Как это делать? О, Бессмертный Тэнгри! Ты слишком рано призвал к себе военного вождя Балвера!

Вальхар посмотрел вдаль, где возле скал ютились небольшие островки сосен, и уже начали желтеть листья на редких осинах и берёзах. Он любил раннюю осень. Любил опадающие листья, покрывающие сплошным разноцветным ковром землю. Любил начинающее остывать солнце. Любил незаметно, по мгновению укорачивающиеся дни, и это хмурое, затянутое дождевыми облаками небо.

Сзади послышались шаркающие шаги, и вождь клана оглянулся, встретившись взглядом с лекарем клана, Мирвером. Тот выглядел очень устало, постаревшим лет

на десять, если не больше. Мешки под глазами набухли, натруженные руки с длинными пальцами чуть подрагивали, а в покрасневших от недосыпания глазах, застыла смертельная усталость. Да и сам он как будто сгорбился, стал меньше ростом.

– Ты плохо выглядишь, Мирвер. Так много работы?

– Да, мой вождь. Ещё никогда мне не приходилось так тяжело. Сегодня ночью умер ещё один твой телохранитель.

– Кто?

– Себер. Я ничего не мог сделать. С такими ранами не выживают. Как он протянул два дня, для меня до сих пор загадка.

– Он был очень крепок здоровьем. – Вальхар помолчал. Что говорить? Всё ясно и без слов. После таких ужасных ран вряд ли кто-то выживет. Мечи челман на многих воинах оставили свои метки.

– Меня часто называют колдуном, а я всего лишь лекарь, и я мало что знаю! Как бы хотел я быть всемогущим магом, и спасти всех раненых! Жаль, что это невозможно. Если бы я был одним из Древних Богов!

Вождь положил руку на плечо лекаря и сжал его:

– Ты почти один из Древних Богов. Сколько воинов ты поставил на ноги? Скольких вернул к жизни?

– Не знаю. – Честно ответил Мирвер. – Мой вождь, я думаю совсем о другом. Может быть, когда-нибудь наступят времена, когда не будет войн, люди будут умирать только от старости, а мне придётся лечить не раны, а лёгкую простуду?

– Когда-нибудь такое время действительно придёт. Не при нашей жизни, но оно обязательно будет. – Вальхар ободряюще улыбнулся. – А пока возьми себя в руки, и сделай всё что можешь, чтобы остальные воины пошли на поправку.

– Да-да, конечно. – В голосе лекаря опять прозвучала смертельная усталость. – Мой вождь, как ты себя чувствуешь?

– Мирвер, я – вождь. Я всегда чувствую себя хорошо. Я должен выглядеть уверенным, и вселять в людей надежду, даже если на это не остаётся сил. Я не принадлежу себе, как бы плохо мне ни было.

– Да. Наделённые властью обязаны интересы других ставить выше своих собственных интересов. – Лекарь опять тяжело вздохнул, и посмотрел в направлении Большой Марвейской дороги. – Скоро должны подъехать подводы с родственниками раненых воинов....

– Это ты хорошо придумал. Лица близких – вот самое лучшее снадобье от всех болезней. – Вальхар задумался. При воспоминании о жене радостно затрепетало сердце. Где ты, Арния? Спала ли, пока шла война? Съела ли хоть кусочек хлеба, пока звенели мечи? Как там сын? Всё такой же восьмилетний, любознательный егоза? Бессмертный Тэнгри, подскажи, что нужно сделать, чтобы ему никогда не пришлось воевать, чтобы он никогда не узнал, что такое смерть?

Вальхар вспомнил льняные волосы своей супруги, её бездонные, зелёные глаза, её переливчатый, заразительный смех. В её руках спорилась любая работа, и казалось, нет чего-то такого, что она не смогла бы сделать своими тонкими, изящными пальцами.

Женщины! Самое трудное – это быть женщиной вовремя становления мира. Они провожают своих хвастливых мужей на войну, и не знают, увидят ли их когда-нибудь вообще. Они безропотно остаются дома, и ведут хозяйство, приглядывая за детьми. Они без слёз отдают пятнадцатилетних сыновей в Храм Бессмертного Тэнгри, чтобы те обучались воинскому искусству, и терпеливо ждут, когда те вернутся домой возмужавшими, сильными, неузнаваемыми, в своих доспехах, и рогатых

шлемах. Они должны быть сильными и мужественными. Потому что по-другому не выжить в этом мире, потому что так нужно клану.

– Что? – Переспросил Вальхар, осознав, что только что не расслышал вопрос лекаря клана.

– Мой вождь, Балвер погиб. Что теперь будет? Неужели всё останется так, как есть? Неужели ничего не изменится в лучшую сторону? На кого нам надеяться?

– Рано или поздно смерть настигнет любого из нас. Надежда всегда есть. Поверь мне, не всё ещё кончено, и есть человек, способный повести вигов за собой. Он ещё очень молод, и совершил только один подвиг, но придёт время, он наберётся сил, и бросит свой клич, собирая под своё знамя воинов.

– Кто он?

– Пока я не могу тебе этого сказать. Только знай – этот Герой из нашего клана. Он – Снежный Барс.

Вальхар посмотрел в глаза Мирвера, и по блеснувшим в них огонькам, слегка омолодившими его лицо, понял: он догадался, кого имел в виду вождь клана.

* * *

Лорд Сатвел, еле сдерживая раздражение, сел в кресло, плеснул из кувшина в свой кубок вина, так, что половина пролилась на стол, и, не отрываясь, выпил до дна. Нахмурясь, он посмотрел на Фельмора, и недовольно замолчал под его ледяным взглядом. Наверное, никто и не догадывается, каких усилий ему стоит держать себя в руках. Он бы мог дорого заплатить за удовольствие пустить молодому выскочке, Стальному Барсу, кровь.

– Ну, вот. Поскольку наш многоуважаемый Сатвел успокоился, я могу продолжить... – Повелитель Тайной Стражи самодовольно улыбнулся. Только грозным окриком можно было заставить лорда заткнуться, иначе он любой Совет превращал в балаган. Что поделаешь? Впечатлительный, истеричный человек! Правда, богатый, но терпеть его выходки, уже больше нет сил. – То, что тебе пришлось отказаться в пользу казны от золотых рудников – это твои решения, и они касаются только тебя. Это твоя плата за глупости, совершённые тобой. Мне даже страшно представить, что ты можешь ещё натворить, но сейчас я хочу сказать не об этом! – Фельмор взмахнул рукой, пресекая попытки Сатвела открыть рот, и невольно понижая голос, так как понимал – тканевые стенки шатра Совета могут сослужить плохую службу, и если кто-то захочет, то всегда сможет подслушать, о чём говорят лорды. – Теперь мы знаем, кто, скорее всего, займёт место военного вождя. Как это ни странно, но мне кажется, что на трон сядет молодой воевода Рутгер. Кто со мной не согласен?

Повелитель Тайной Стражи посмотрел на сидящих перед собой лордов и не смог сдержать презрительной усмешки. Когда-то уверенные в себе, в своей безнаказанности, в своём особом, привилегированном положении, они сидели, не кичились своим богатством, а напоминали толпу городской черни, совершенно не знающими, и не понимающими, что им делать дальше. Они ждали, что кто-нибудь им скажет, что делать дальше, и как избежать смерти на лобном месте.

– Он единственный, кто может предпринять против нас что-либо серьёзное. Чтобы этого не произошло, чтобы воины кланов его не поддержали, нам нужно выработать кое-какую стратегию. Хвала Бессмертному Тэнгри, старый волк умер! Жаль, что объявился волчонок, но я думаю, ему мы сможем свернуть шею. Нашему дорогому казначею придётся выплатить все долги черни. – Фельмор быстро взглянул на казначея.

– Но казна пуста! Там нет ни одного золотого! – Лорд Вармер улыбнулся. На его обрюзгшем, не в меру располневшем лице улыбка смотрелась как издевательство, и Фельмору захотелось, во что бы то ни стало погасить её. Он внимательно посмотрел на казначея, как будто сквозь него, и как ни в чём, ни бывало, продолжил:

– Конечно. В государственной казне совсем нет денег! Ерунда! Виги, почувствовавшие свою силу, уже начавшие объединяться, подождут. Что им год? Два? Но потом, когда их терпение иссякнет, они придут к лорду Вармеру, вспорют ему живот, и, наматывая кишки на кулак, спросят: «Где наше золото, что ты украл»? – Повелитель Тайной Стражи медленно поднял руку, и ткнул пальцем в пухлый живот казначея, затянутого в кафтан из зелёного замша. – Потом они вырежут всю твою семью, и ограбят твой замок, как ты когда-то ограбил их дома!

Улыбка мгновенно исчезла с лица Вармера. Он побледнел, его щёки затряслись, и с дрожью в голосе он спросил:

– Что же мне делать?

– Найти золото, и отдать свой долг черни. Ты слишком долго ничего им не платил, и зарвался от своей безнаказанности.

– Но казна пуста!

– Зато полны сундуки, стоящие в подвале твоего замка!

– Но это огромная сумма!

Лорд Фельмор обвёл лордов усталым взглядом, скривил губы в усмешке, и с презрением произнёс:

– Вы у меня вызываете только жалость. Жалость! Неужели вы до того заплыли жиром, до того отупели, что не можете понять, что виги уже не те, что были раньше. Что лучше потерять меньшее, чем всё, в том числе и голову!

– Жизнь вига – священна!

– Скажешь это тем, кто придёт вспарывать твоё ненасытное брюхо! – Теперь лорд Фельмор по-настоящему ненавидел этот сброд, и всеми фибрами своей души презирал их. Он ненавидел их за беспросветную тупость, за жадность, застилающую им рассудок, и ему было непонятно, как они так много лет могли наживаться на беде народа. Вдруг он подумал: стоят ли они того, чтобы править страной Лазоревых Гор? Кто они? Всего лишь люди, в своё время успевшие обманом захватить богатства этих гор. Кем они будут, если их лишит этого богатства? Всего лишь кучкой трусливых тварей, готовых ради выгоды, и собственного благополучия предать и продать любого! По пути ли ему с ними? Да и вообще, зачем ему всё богатство Обитаемого Мира? Зачем ему безграничная власть, к которой он так рвётся? Он не сможет купить за золото бессмертие, да он бы и не хотел жить вечно. Что имеет самую большую ценность в этом сумасшедшем мире? Семья! Вот что самое важное, самое нужное, и самое бесценное для человека!

У него не было своей семьи. Жена и две дочери погибли семь лет назад, во время чумы, пришедшей откуда-то с юга. Тогда было страшное время. Лекари ничего не могли сделать, и народ умирал десятками в день. На улицах Вольфбура горели огромные костры, на них сжигали трупы, заражённых убивали, и бросали в очищающий огонь. Только так смогли одолеть мор. Кто тогда остался у него из родственников? Сестра и её сын, десяти лет от роду. Что с ними теперь? Как они живут? Надо послать к ним гонца, и узнать, не нуждаются ли они в чём. Если надо будет, то и переселить в замок. Может, на старости лет у него появится наследник, и он обретёт какой-то интерес к жизни, кроме борьбы за власть? Да, так и надо сделать. Но это потом, а пока...

– Лорд Фельмор прав. – Владелец рудников с драгоценными камнями не стал подниматься, и говорил сидя. Впрочем, никто против этого не возражал. Здесь не было никого посторонних, в том числе и Владыки. Совет Лордов как всегда напоминал заговор.

– Что значит прав? – Взвился Сатвел. – Я уже отдал им два золотых рудника! Разве этого мало?!

– Да. Мало.

– Виги хотят есть. И хотят есть сегодня. Чтобы сохранить свои богатства и жизни, мы должны их задобрить. Не стоит надеяться на сивдов. Виги их просто вырежут, а потом примутся за нас. Не надо подливать масло в огонь. Пока они не потребовали передачи моих рудников под своё покровительство, я сам отдам их, а заодно отправлю несколько возов с золотом в государственную казну. Надо отдать малое, чтобы едва тлеющий огонёк народного недовольства не перерос в грозный, всепожирающий пожар.

– Я не собираюсь подчиняться черни! – Взвизгнул Сатвел. – Я отдаю им самое ценное, что есть у меня! Рудники! Какого дьявола им нужно ещё? Моё имущество? Мой дом? Это же просто грабёж! Мои телохранители защитят мою семью! Они не дадут разграбить мою казну!

– Ты хочешь развязать гражданскую войну? – Холодно спросил повелитель Тайной Стражи. Под его взглядом лорд опять сник, что-то невнятное забормотал, и наконец, замолк совсем. Его глаза блестели от ярости, лицо то бледнело, то его заливал багряный, нездоровый румянец.

– Что же нам делать? Вот так просто взять, и всё отдать?

– Да! Вот так просто взять, и всё отдать! – Прокричал Фельмор. Почувствовав жажду, он сделал два быстрых шага к столу и, взяв в руки золотой, тяжёлый кубок с вином вдруг поймал себя на мысли, что ему хочется подражать в движениях тому странному, ночному гостю, ассану. В этом была, какая-то необъяснимая сила, решительность и опасность. Едва уловимая, но вполне осязаемая. – Наша щедрость не должна знать границ. Только щедростью мы сможем как-то выправить своё положение. Задоблив кланы, мы ослабим положение Стального Барса, в каком вожди видят продолжателя дела Балвера. А когда всё утихнет, когда чернь будет вполне довольна своей жизнью, мы найдём способ, как устранить волчонка.

– Почему нельзя это сделать сейчас? Я уверен, что у лорда Фельмора в Тайной Страже найдутся отчаянные головы, и они за тысячу золотых возьмутся и не за такое. – Сатвел ехидно улыбнулся.

– Сейчас это вызовет совсем ненужные пересуды и подозрения. Да что там подозрения! Виги будут знать совершенно точно, чьих рук это дело!

– Так что с того? Подозрения – это ещё не доказательства.

– Не надо дразнить дремлющую собаку. В любой момент она может укусить. Чтобы поднять бурю возмущений не надо никаких доказательств. Чтобы виги обнажили мечи, им будет достаточно слабого убеждения. Нам во что бы то ни стало надо избежать кровопролития, чтобы сохранить своё положение. Чтобы мы опять могли править страной Лазоревых Гор. Разве мы не этого хотим добиться?

– Да, это верно. – Ответил за всех Парфтек. Похоже, что он единственный, кто чувствовал себя хорошо в это радостное, солнечное утро. Он улыбался, и был уверен в себе. С каким-то детским любопытством, словно присутствовал здесь первый раз в жизни, он смотрел по сторонам, кивал, соглашаясь с чьими-то словами, и не пытался что-то сказать. Он был согласен со всем, что здесь происходило. Он предоставил

другим лордам решать свою судьбу, принимать нелёгкие решения, и брать на себя ответственность за дальнейшее развитие событий. Его это устраивало!

Фельмору тут же захотелось как можно грубее стереть с его самодовольного, глупого лица, улыбку, и он спросил, вложив так много сарказма в свои слова, как только мог:

– Что может предложить нам лорд Парфтек? У главного судьи страны Лазоревых Гор должно быть много идей, относительно нашей дальнейшей судьбы? Почему молчит наш многоуважаемый меч правосудия?

– А что я могу сказать? Я полностью согласен с тобой, лорд Фельмор. Надо чуть отпустить вожжи, чтобы потом натянуть их с новой силой. Разве не так?

– Конечно, всё так. – Повелитель Тайной Стражи усмехнулся. Устав расхаживать по полу шатра он присел в кресло, застеленное дорогим мехом, добытым где-то на севере страны россов, и стоивших ему немалых денег, ещё раз оглядел лордов, и, кашлянув, сказал: – Нельзя допустить того, что произошло с Алла́й-ханом. Мы возлагали на него слишком большие надежды, и вот к чему это привело. Мне с большим трудом удалось замять эту историю, замести следы, и обелить лорда Сатвела. Для этого пришлось убить Кирфера. Да! Мне пришлось отдать этот приказ, потому что он был слабым звеном, и я подозреваю, что он ехал к Волчьим Воротам, чтобы встретиться с Балвером, и поведать ему о заговоре. Сейчас мы дождёмся моего секретаря. У него есть сведения, и на них стоит обратить внимание. Что-то, касающееся всех нас. Наш молодой выскочка из клана Снежных Барсов задумал нечто необычное.

Тяжёлый полог, расшитый причудливыми узорами из золотых нитей, откинулся, и в шатёр ворвался Бирхор. Он тяжело дышал, и не сразу смог заговорить. Фельмор сразу обратил внимание на то, что он не склонил голову перед лордами, не спросил позволения войти, и никому не выразил своего почтения. Хорошо. Так и надо. Пусть знают своё место. Пусть знают, кто они такие, и что они стоят, если забрать у них их богатства и высокие посты.

* * *

Глава 27.

Утро не принесло ожидаемого облегчения, и в голове, как и с вечера, царил ужасающий сумбур. Мысли молниями вспыхивали, и тут же отметались сознанием, так как не могли объяснить многое, что Рутгер видел и слышал вчера. Чего он смог добиться? Да ничего! Он не нашёл понимания у всех вождей кланов, но заручился хоть какой-то поддержкой. Это единственное, что его пока успокаивало.

Почему вожди кланов так повели себя? Почему поверили обещаниям Владыки и лордов? Пусть им выплатят все долги, пусть отменяют кое-какие Новые Законы, но ведь это совсем не то, что они хотели получить! Это только малая часть того, чего они ожидали от Совета! Почему так получилось? Ведь каждый в отдельности понимал и знал, чего нужно требовать, так почему же собравшись вместе, они обо всём этом забыли? О! Если бы был жив Балвер! Уж он-то, безусловно, смог довести начатое дело до конца! С кем посоветоваться? Кто может подсказать, что делать дальше?

Стальной Барс вспомнил глаза лордов, горящую в них нечеловеческую ненависть, и невольно поёжился. Он явственно видел в их зрачках свою смерть. Если бы не вожди кланов, они могли прямо там наброситься на него и разорвать на части! Они и хотели сделать это руками сивдов. Почему хотели? Они и сделают это. Они пойдут на что угодно, лишь бы не было человека, что в открытую объявил им о своём

противостоянии. Чего от них ждать? Яда в вине? Стрелы из леса? Или убийцы с кинжалом? Скорее всего, это произойдёт не сейчас, а чуть позже... Позже? Позже, Рутгер, выполняя последнюю волю военного вождя, отправится в степи, на поиски Древних Богов. Чтож, так будет даже лучше. Сбежать? Нет, так виги не поступают. Это не побег, это хитрый тактический ход. Прогнуться, чтобы не сломаться, и ударить, чтобы победить. Чем не девиз? А потом, когда он вернётся из степей, всё может измениться, и на него будут смотреть не как на простого воеводу, а как на Великого Героя, нашедшего убежище Богов.

Рутгер улыбнулся своим мыслям, и поднялся с топчана, откинув в сторону одеяло из медвежьей шкуры. Сделал несколько энергичных взмахов руками, умылся из таза, стоящего у столба, подпирающего шатёр. Не надо унывать. Надо приниматься за дела. Он накинул на плечи латанный тегилляй, и вышел из палатки.

Стоящие у входа воины подтянулись, и, ударив мечами в щиты, хором сказали:

– Да напьётся твой меч кровью врагов, воевода.

– И вам желаю смерти в бою. Всё спокойно в лагере? Ничего не заметили? –

Рутгер повернулся к Норхорду, с кем, как казалось, совсем недавно проходил обряд посвящения в воины.

Под полумаской рогатого шлема блеснули изумрудные глаза, и друг детства, как всегда с улыбкой, ответил:

– Всё спокойно, Рутгер. Все заняты своими делами. Пленные заканчивают постройку своей Башни Молчания, чтобы завтра уйти в степи. Воины разжигают костры, чтобы начать варить кулеш. За ночь ничего не произошло.

Стальной Барс кивнул:

– Так и должно быть.

– Мой воевода, среди воинов ходят разные слухи, и один загадочнее другого. Сможешь ли ты ответить мне на несколько вопросов, чтобы развеять кое-какие сомнения?

– Норхорд, Юрдер, я знаю вас с детства. Я верю вам, как и вы, мне. Уверен, что всегда смогу на вас положиться, так как же я не смогу ответить на ваши вопросы?

– Мой воевода, правда ли, что ты собираешь отряд, чтобы отправиться в Сармейские степи на поиски Древних Богов?

– Вот как? – Рутгер прищурился. Он был неприятно удивлён, что так тщательно оберегаемая тайна совсем не является таковой, и многие воины из клана Снежного Барса её знают. – Не буду этого отрицать. Да, это правда. Но откуда тебе это известно?

– Об этом знают многие, и многие готовятся к этому походу. Все собираются пойти с тобой в степи. Все хотят попасть к Очагу Бессмертного Тэнгри.

Стальной Барс улыбнулся. Если все воины собираются идти с ним, значит, ему доверяют, значит, ему верят, значит, они будут ему верны до смерти.

– Мой воевода! Ты должен принять нас в свой отряд. Ты просто не сможешь без нас обойтись! Мы тебе необходимы, как воздух!

– Прежде чем вам что-то обещать, я хочу, чтобы вы хорошо подумали. Никто не знает, что ждёт нас впереди, какие опасности. Может, никто из нас не вернётся домой, и никто, никогда, так и не узнает, где наши могилы.

– Это не самое страшное. – Усмехнулся Норхорд. – Зато наши имена будут на Красной Стене в Храме, и мы сможем бросить свой вызов Богам! Что ещё нужно воину, чтобы умереть в лучах славы?

– Мой друг, я знаю, у тебя есть невеста, и вы собираетесь сыграть свадьбу. Так надо ли тебе рисковать жизнью, чтобы молодая жена осталась вдовой?

– Такова судьба всех женщин нашего народа! На всё воля Бессмертного Тэнгри! Никто не знает, когда оборвётся цепь нашей жизни.

– Хорошо. И всё же, подумай. – Улыбнулся Рутгер. Он огляделся по сторонам, и направился к шатру воинов, где спал Сардейл.

Какие странные зигзаги порой выписывает жизнь. Ещё совсем недавно он едва знал его, и ветеран казался неприступным, нелюдимым, человеком, лицо кого пересекал ужасный шрам, которым его не раз пугали в детстве, чтобы он поскорее засыпал. Смешно! Как будто это могло ему помочь уснуть. Сейчас Рутгер не мог представить свою дальнейшую жизнь без его совета, или каких-то слов. Он стал незаменимым человеком. Герфур, друг детства, как-то отдалился после битвы. За ним и раньше замечались кое-какие странности, но всё это Стальной Барс списывал на скромность, и застенчивость приятеля. Ещё вместе проходя обучение в Храме Бессмертного Тэнгри, он иногда пропадал куда-то на несколько дней, а на все вопросы только загадочно улыбался. Его наказывали за это, секли розгами, сажали в яму, но всё через какое-то время повторялось. Где же он? Где пропадает? Почему уже второй день не показывается на глаза? Что за дела у него могут быть?

– Славное утро! – Пророкотал Сардейл, отдёргивая полог палатки и выходя из неё. – Воевода! Рад тебя видеть. Что привело тебя к нам в столь раннее время? Что-то случилось?

– Это, смотря с какой стороны посмотреть. – Рутгер нахмурился, смерил взглядом ветерана, перевёл глаза за его плечо, где уже маячили лица других воинов. Он не был сердит на Сардейла, и всё же решил сделать ему кое-какое внушение. Что это за тайна, какую знают все?

– Так что же случилось? – На заспанном лице ветерана промелькнула тень тревоги, и он запахнул на поясе серый тегийай, из правого плеча коего клочками торчал конский волос. – Я начинаю опасаться даже незначительной мелочи. Мы ввязались в большую игру, ставкой в которой являются наши жизни.

– Хорошо, что ты это понимаешь. Только я не могу осознать, почему тайну, что мы клялись хранить как зеницу ока, знают почти все воины клана? Кто проговорился? Ты?

Ничуть не смущаясь, Сардейл почесал бороду, покосился за спину, и, усмехаясь, проговорил:

– Разве от этих дьяволят можно что-то скрыть... Да и собственно, всё равно скоро они бы узнали об этом. Ну не вдвоём же мы поедем в степи! Так что тебе будут нужны воины. А где же их ещё взять как не в клане Снежного Барса! Только они могут, забыв про всё, наплевав на какие-то дела отправиться со своим воеводой хоть на край света, даже если им будет суждено погибнуть в этом походе!

Рутгер невольно поморщился от таких высокопарных слов, но с самым серьёзным видом кивнул. Что поделаешь? Виги любят превозносить и гордиться тем, что они готовы в любое мгновение своей жизни идти на смерть.

– Хорошо. Жду тебя в своей палатке. Надо подумать на счёт нашего отряда. Да, и найдите Герфура! Не мог же он бесследно исчезнуть!

* * *

– Ты превзошёл своего отца... – Голос, доносящийся из конца полутёмного зала, был еле слышен, и приходилось напрягать слух, чтобы понять все слова, спешащие заблудиться между массивных каменных колонн храма, и снова стать непроницаемой тайной.

Масляные золотые светильники не могли разогнать сумрак, царящий здесь, и, не смотря на разгоревшийся день, казалось, что зал храма таит в себе кучу загадок,

тайн, и даже опасностей. Где-то в высоте, под самым потолком проносились, шурша крыльями птицы, случайно залетевшие сюда в окна. Слегка потрескивали фитили в светильниках. Пахло земляным маслом, снегом, и чем-то ещё, тем, что заставляет вглядываться в углы, чтобы заметить притаившуюся там угрозу.

Он стоял посередине зала, преклонив колено, один, и только где-то далеко впереди хрипел своим голосом, навевая тревогу, оракул:

– Ты знаешь тысячи способов убийств, и скоро одним из них тебе придётся воспользоваться. Клан знает, что ты справишься, и доверяет тебе. Забудь про всё, и сделай то, что должен.

– Мой повелитель, мы выросли с ним с детства... – Дрогнувший голос исчез в сводах зала, растворился в полумраке, и всё же он был услышан.

– Ты – виг. Но ты ещё и ассан. Помни свою клятву, и своё предназначение. Для ассана нет друзей. Есть только верность клану, и приказ, что он должен выполнить, не смотря ни на что.

– Мне придётся открыть своё истинное лицо.

– Да. Клан простит тебе это. После того, как ты убьёшь его, клан простит все твои вольные и невольные прегрешения. Воевода Рутгер набирает силу, способную потом нас уничтожить, так можем ли мы допустить это? Уже несколько веков мы живём среди людей, и носим маску. Что может быть труднее этого? Но это наш рок, и наша судьба. Поверь мне, когда-нибудь это всё закончится, и мы обретём былую силу. Люди будут неметь от ужаса при звуках наших шагов, и будут молить нас о пощаде. Если они сами не знают, что будет в недалёком будущем, что ждёт их, так почему мы не можем их повести? Мы станем во главе всего Обитаемого Мира. Пусть мы затопим всё в крови, но это будет во благо всего человечества. Мы используем борьбу кланов и лордов себе на пользу, а когда придёт время, возьмём власть в свои руки. Это будет не просто, но это стоит того.

– Я не уверен, что воевода Рутгер сможет найти убежище Древних Богов, и их оружие...

– Я наблюдал за ним всё время, пока он рос. Я знал его отца, я знаю его друзей, я знаю его врагов. Он не отступит. Он найдёт то, что ему нужно. И когда он будет возвращаться, убей, и принеси в храм то, что он найдёт.

Не вставая с колена ассан запахнул полы чёрного плаща, склонил голову. Здесь, на леднике Висс всегда было прохладно, слыша голос оракула и вовсе становилось не по себе. Хотелось уйти куда-нибудь, разжечь костёр, и протянуть озябшие руки к согревающим языкам пламени.

– Узнай, что задумали лорды. Отправляйся с ним в степи. Будь вигом, будь воином, будь его правой рукой. Тебе всегда это удавалось. А когда придёт время – убей!

Голос оракула ударил как бич. Хлётко и громко. Ассан вздрогнул, склонил голову:

– Я понял. Мой повелитель. Какой смерти я должен предать врага? Ядом, как военного вождя? Кинжалом? Стрелой?

– Это ты решишь сам. Помни, что быть ассаном – это в совершенстве владеть искусством убийства. А теперь, иди. Я буду молить Богов, чтобы они указали тебе путь среди людей.

Убийца в чёрном плаще поклонился, и встав, быстрыми шагами направилась к выходу из зала. Внешне он был спокоен, зато внутри... Приказ главы клана ассанов огнём жёг сердце. В нём жило два человека. Один был верен клятве, произнесённой в Храме Бессмертного Тэнгри в день посвящения воинов, другого тяжким грузом к земле пригибала клятва, данная ещё в детстве клану ассанов. Одна требовала хра-

нить верность клану Снежного Барса, другая обязывала выполнить приказ оракула ледника Висс, ведь именно он являлся повелителем ассанов.

Ему послышалось, что в наступившей тишине прозвучали слова главы клана, и чьи-то еле слышные шаги. Что это? У оракула есть кто-то ещё? Ещё один ассан? Кто он, из какого рода? Остаться, спрятаться, и посмотреть кто он такой? Нет! Это запрещено законами клана. Как бы ни было любопытно, этого нельзя делать. За это наказывают смертью. Ассан не должен знать другого ассана. Это нужно для того, чтобы тайна клана никогда не была раскрыта.

Как можно убить человека, с коим прожил большую часть жизни бок о бок? Как можно убить того, с кем преломлял хлеб, пил вино из одного кубка, и не раз рисковал жизнью? Как убить того, кого он почти боготворил, и считал лучшим из лучших? Блеск стали. Звон мечей. Крики воинов. Брызги крови. Перекошенные болью и ужасом лица. Запах горелого человеческого мяса. Звериный рёв огня. Как после всего этого убить друга? Какой клятве остаться верным?

Он понимал, что рано или поздно ему придётся делать нелёгкий выбор, и уже заранее страшился его. Сейчас он был готов его сделать, и остаться с вигами, но что он решит, когда глава клана ассанов снова призовет его к себе? Он не хотел думать об этом, как не хочет думать о чём-то неприятном человек, понимающий, что его жизнь не принадлежит самому себе. Сначала клан, и его приказы, а уж только потом он сам, и его желания. Так было всегда, и, наверное, будет из века в век.

Он посмотрел вниз. Туда, где между скал, укрытая непроницаемым, белёсым туманом извивалась тропа. Казалось, что мира не существует, а есть только он, и Храм Оракула за спиной. Если бы было можно не возвращаться назад и не принимать столь трудных, но необходимых решений!

Резкий порыв ветра бросил в лицо горсть снега. Это слегка отрезвило, и напомнило, что надо спускаться вниз. Там, внизу, он должен что-то решить для себя, и уже никогда не сворачивать с выбранного пути. Так что же он решит? О, бессмертный Тэнгри! Как это трудно! Как трудно быть человеком!

* * *

Глава 28.

– Ну, так, что с того? – Прорычал Сардейл, вгрызаясь крепкими зубами в жареную баранью ногу. – Это уже не самое страшное. Главное, что лорды пошли на уступки, а дальше мы их всё же дожмём, и они никуда не денутся.

– Сомневаюсь. – Хранитель Очага неуверенно покачал головой, и с иронией добавил: – Они сделали вид, что вняли гласу народа. Пройдёт немного времени, и они опять приберут власть к своим рукам. Да, что говорить! Они никогда и не отпускали её. Так, что Рутгер мало чего добился на Совете. – Хранитель увидел, как молодой воевода дёрнулся при этих словах, и поспешил успокоить его: – Ты ничего не мог поделать. Ты немного погорячился, но в целом вёл себя правильно и достойно. Ты расположил к себе вождей кланов, и они тебе симпатизируют. Многие даже готовы встать под твоё знамя. – Жрец улыбнулся: – «За ублюдков, что грабят страну!» Так, кажется, ты сказал? Всего несколько слов, и ты обрёл сильных друзей, и могущественных врагов.

– Так что же мне теперь делать? Лорд Фельмор так просто не оставит нанесённое ему оскорбление. Он мне отомстит. – Сказал Стальной Барс, и потёр виски.

Он собрал в своём шатре всех, с кем говорил о походе в степи. Не было только Балвера, и царя россов. Он понимал, что надо что-то делать, принять какое-то реше-

ние, собирать дружину, в конце концов, и выполнить волю военного вождя. С чего начать? И чего можно ожидать от клики лордов?

– Сейчас в тебе говорит осторожность. – Кивнул Хранитель. – Так и надо. Не стоит принимать необдуманных решений. Надо взвесить все за и против. – Он немного подумал, и продолжил: – Насколько я знаю лордов, они уже думают о том, как уничтожить тебя, и при этом, чтобы подозрение не пало на них. Они, безусловно, сумеют устроить на тебя покушение, но пока ты в лагере воинов, тебе нечего опасаться. Совсем другое дело, когда вы отправитесь в поход. Вполне возможно, что ещё до того, как вы достигнете Чёрного Леса, на тебя будет совершено покушение. Или... – Жрец помолчал, и закончил: – В твоей дружине будет ассан, чтобы убить тебя при первой возможности.

– Совсем другое волнует меня! – Воскликнул Рутгер. Последние слова старика не вызвали в нём трепета в душе и страха. Пока это казалось чем-то далёким. Тем, на что не стоит обращать внимания. – Почему не все вожди поддерживали меня? Почему они не заставили лордов вернуть Древние Законы? Почему всё пошло не так, как мы планировали? Что нам помешало?

– Слишком много вопросов. – Улыбнулся Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри. – На всё нужно время. Пока вожди довольны тем, что получили. Со временем всё вернётся, и лорды, ибо они вместо сердец имеют сундуки с золотом, вернут себе всё, что отдали. Едва ли тогда жизнь в стране Лазоревых Гор станет лучше. Вот тогда кланы и призадумаются.

– Когда это всё ещё произойдёт! – Раздражённо проговорил Стальной Барс. – Что мне сейчас делать?

– А что тебе делать? – Усмехнулся Сардейл, отпивая из кубка разбавленного вина. – Похороним военного вождя, соберём дружину, и отправимся в степь!

– Получится так, что я сбегаю от лордов. Ведь я их оскорбил, и они просто жаждут моей крови! Я не могу уйти, не приняв бой!

– Плевать! – Выкрикнул Сардейл, и довольно оскалился. – Пусть они думают, что хотят. Мы будем делать то, что должны делать. А если они так жаждут твоей крови, то пусть посылают за нами в степи дружину сивдов. Там Бессмертный Тэнгри и сталь рассудят, кто сильнее, и, кто прав!

– Я обещал царю россов, что дождусь его, и возьму с собой. Где сам царь Ала-сейя? Почему он исчез так неожиданно?

– Рутгер! Он царь огромной и сильной страны. Он не обязан отчитываться перед тобой! – Попытался успокоить воеводу Хранитель. – Если он уехал в Россу так поспешно, значит, у него были на это веские причины. Я уверен, что он даст о себе знать, надо только немного подождать. Терпение, мой мальчик, и ещё раз терпение.

– Да, терпение. – Пробормотал воевода, и вдруг, хлопнув себя по лбу, воскликнул: – Проклятье! Совсем забыл! Норхорд! – В палатку заглянул стоящий на страже молодой воин, и не успел открыть рта, как тут же получил приказ: – Найди Эвгурна и харвеллов сражавшихся у Волчьих Ворот. Забери у них оружие и посади в яму. Стеречь строго и никого к ним не подпускать. Пусть хоть придут от самого лорда Фельмора! Выполняй!

Из под шлема блеснули зелёные глаза, и, кивнув головой, воин исчез за пологом палатки. Едва его шаги замерли в отдалении, как Сардейл с удивлением спросил:

– Что это значит? Ты не доверяешь харвеллам проливавшим с нами кровь? Мы же были с ними в одной битве! Как ты можешь так с ними поступить?

– Сардейл! – Вступил в разговор Хранитель Очага Великого Тэнгри. Он внимательно посмотрел на ветерана, перевёл быстрый взгляд на Рутгера, и, улыбаясь, сказал: – Достаточно хитрый и умный ход. В чём ты его обвинишь?

– Пока не знаю. Так ли это важно? Пока потяну время, а потом возьму его с собой в степи. Надеюсь, когда мы вернёмся, всё изменится. Что я ещё могу для него сделать?

– О чём вы говорите? Разве лорд Фельмор не согласился отпустить Эвгурна в клан Снежных Барсов? – Не вытерпел Сардейл. – Зачем его сажать в яму?

– Затем, чтобы сохранить ему жизнь. – Мрачно ответил Стальной Барс. Он увидел недовольное лицо ветерана, и решил объяснить ему всё. – Лорд Фельмор потребовал, чтобы Эвгурн явился к нему за письменным разрешением на перевод. Догадываешься, чем это может ему грозить? Дорога до Вольфбура может вдруг стать смертельно опасной, а стены замка Салдо очень толсты, и оттуда не долетит ни одного звука, как бы ты ни старался что-либо услышать.

– Разве Фельмор посмеет убить того, к кому приковано внимание? Это же глупо!

– Он же убил Балвера! Так что может ему помешать убить простого воина? Пока оставим всё так, как я решил, а там будет видно.

Сардейл, что-то недовольно пробормотав, взял в руки кубок, но не стал его наполнять вином, а повертев в больших ладонях, поставил обратно на стол:

– Ладно. Ты воевода – тебе видней. Ты ведёшь какую-то свою игру, понятную только тебе. Смотри, как бы не пришлось потом расплачиваться за неё. Клан потом спросит у тебя за всё.

Услышав в голосе Сардейла угрожающие нотки, Рутгер усмехнулся, и с улыбкой посмотрел на ветерана. Ему хотелось объясниться, чтобы между ними не было никаких недомолвок и непонимания, но он чувствовал, что это будет проявлением слабости, и если он начнёт оправдываться, то воин со своим прямолинейным характером поймёт всё не правильно.

– Конечно. Клан спросит с меня. Сколько человек нужно в дружину, чтобы выйти в степи? На каком количестве воинов остановиться, и какую дорогу избрать? Я надеюсь на вашу мудрость и опыт, думаю, что вы мне сможете дать хороший совет.

Стальной Барс хитрил. На самом деле в одну из бессонных ночей он давно уже всё решил. Он определился и с численностью дружины, и с тем путём, что они отправятся. Мог назвать имена кое-каких воинов, идущих с ним. Он ждал от Сардейла и Хранителя чего-то такого, что мог упустить сам, не смог предугадать.

Жрец улыбнулся, расправляя седую бороду, покачал головой, и только тогда заговорил, сразу дав понять, что его советы здесь могут ничего не значить, так как он не силён в таких предприятиях:

– Я мало что понимаю в делах воинов. Слишком давно я держал в руках меч. Для этого есть совсем другие люди, разбирающиеся в этом больше моего. Меня интересует только результат. То, что ты привезёшь из степей. Так что, какое бы ты решение ни принял, по мере сил я смогу его только дополнить, согласиться и поддерживать тебя.

Рутгер кивнул. Он и не сомневался в таком ответе Хранителя. Жрец Храма – кладёшь мудрости, осторожности, и возможности предсказания недалёкого будущего. Нет, он не был каким-то провидцем. Он умел делать выводы из того, что знал, основываясь только на известных ему чертах характера человека, и то, что он предсказывал, большей частью обычно сбывалось.

– Да, в таких делах лучше всего спросить совета у бывалых воинов. – Сардейл самодовольно улыбнулся, и широкой ладонью разгладил бороду. – Путь предстоит не близкий, полный опасностей, поэтому я предлагаю взять под знамя Стального Барса сотню вигов. Этого вполне достаточно, чтобы можно было оказать сопротивление противнику, а если будет нужно, то и прорваться сквозь ряды врага.

– Многоуважаемый Сардейл, по всей видимости, забыл, что от клана Снежного Барса осталось всего пятьдесят шесть воинов. Где мы возьмём сотню бойцов, что будут готовы на любые безумства? – Спросил Хранитель.

– Стоит только бросить клич, как к нам присоединится тысяча бойцов! – Запальчиво воскликнул ветеран, и сверкнул глазами из-под насупленных бровей.

Опасаясь, как бы словесная перепалка не переросла в яростный спор, Рутгер поднял руку, и повысил голос:

– Нам не нужна сотня воинов, а уж тем более – тысяча. Хватит полусотни. Большой отряд легко заметить, маленький может просочиться сквозь пальцы. Не забывай, что в степи, в нашем же направлении будут двигаться и несколько тысяч челман. Конечно, они будут без оружия, без коней, но они своим количеством будут представлять большую силу. Мы пойдём далеко от них, совсем другой дорогой, там, где их не было, и где их конница оставила хоть какую-то траву. Снежных Барсов осталось немного, поэтому отряд я наберу сам, и призову воинов из других кланов.

– Тогда я не понимаю, почему ты спрашиваешь совета, когда сам всё уже решил? – Сардейл усмехнулся. Он взял в руки секиру, что прислонил ранее к креслу, словно видя её в первый раз в жизни, осмотрел, и добавил: – Ты – воевода. Тебе доверились воины клана. Они сражались под твоим знаменем, и умирали за тебя. Какое бы ты решение ни принял, знай – я всегда буду на твоей стороне, и если будет надо, без колебаний отправлюсь к Очагу Бессмертного Тэнгри.

Рутгер недовольно поморщился. Он не любил таких пафосных речей, а ветеран всё чаще и чаще их произносил. Что это? Незаметно подкрадывающаяся старость? Или что-то иное? Например, непомерная хвастливость? Нет, Сардейл не такой. Он действительно жаждет погибнуть в битве, и совершить ещё кучу подвигов.

За полотняными стенками шатра послышались быстрые шаги, зазвенели скрещённые мечи, и прозвучал слегка хриплый голос Юрдера:

– Стой! Что надо? Воевода занят!

– Владыка Альгар призывает воеводу Рутгера к себе!

Не вставая с места Стальной Барс крикнул:

– Юрдер! Пропусти его!

В шатёр, нагнувшись, вошёл воин, по виду какого сразу стало понятно, что он сивд. Начищенные доспехи, меч на левом боку, а не как у вигов за спиной, и шлем, напоминающий собой шишак, без рогов силы, без полумаски, закрывающей лицо. Слегка прищурившись, он оглядел собравшихся, и проговорил:

– Владыка Альгар...

– Да слышали уже! – Недовольно перебил посланника Сардейл. – Всё, что идёт от сивдов – опасно и коварно! Ты хочешь заманить в ловушку нашего воеводу? – Грозно спросил ветеран, и по тону его голоса было непонятно, то ли он шутит, то ли говорит серьёзно.

На лице воина не дрогнул ни один мускул, хотя слова Сардейла можно было с лёгкостью считать оскорблением, смывающимся только кровью. Он отлично владел собой, и, не прилагая никаких усилий, быстро укротил свою, готовую вспыхнуть, ярость.

– Горы вигов не терпят лжи и обмана. Здесь ценятся только доблесть и мужество. Среди любого народа есть предатели и лжецы. Если воин клана желает ссоры, то я всегда готов скрестить с ним меч. В любое время дня и ночи!

Ветеран усмехнулся, и уже готов был разразиться ругательством, но его опередил Стальной Барс:

– Интересно, чего же он хочет от меня? – Ни к кому не обращаясь пробормотал он, и его слова были услышаны.

Сивд встрепнулся, ещё раз внимательно оглядел присутствующих, и оглянувшись, словно опасаясь кого-то стоящего за спиной, сказал:

– Я плохо знаю ваши Новые и Старые Законы, но на месте воеводы Рутгера я бы взял с собой меч, и полусотню воинов с собой. Это может пригодиться.

– Что ты мелешь? Наёмник!

– Подожди! – Остановил Сардейла Стальной Барс. – Что тебе известно? Что ты видел?

– В шатре Владыки Альгара я видел лорда Сатвела и Фельмора. Уже это может насторожить. Не так ли? К тому же недалеко я видел около полусотни сивдов и харвеллов. Скажу честно: те сивды, кого я видел – люди без чести. Нет такого преступления, на какое они не решились бы за золото.

– Зачем ты всё это нам говоришь? – Настороженно спросил Рутгер, глядя в глаза сивда, пытаясь в них разглядеть нечто похожее на ложь. После того боя у Волчьих Ворот он не был готов верить представителю народа, готового на что угодно, что может приказать господин. Теперь любой сивд казался ему врагом.

– Меня зовут Ярв, я – наёмник. Я знаю, что такое честь. В страну Лазоревых Гор я приехал, чтобы добыть себе славу в бою. Всё оказалось не так просто. Виги не берут сивдов в своё войско. Так что мне оставалось делать, как не поступить на службу к лорду Фельмору? Не думайте, что воины моего народа не видят и не понимают, что творится в вашей стране. Вот-вот может начаться новая война, в какой лорды пойдут на вигов, и ни к чему хорошему это не приведёт.

– Так что же ты хочешь этим сказать? – Задумчиво спросил Стальной Барс. Он уже догадался, но хотел услышать сам, то, что не договаривал сивд.

Ярв вскинул голову, положил руку на рукоять меча:

– Клянусь всеми богами Сангара, я приехал сюда, чтобы биться с вигами плечом к плечу против общего врага. Но судьба распоряжается иначе, и во мне виги видят только противника. Не знаю, поверите вы мне, или нет. Впрочем, мне на это плевать.

Сивд усмехнувшись посмотрел на побагровевшего Сардейла, и улыбнулся. Немного помолчав, он хотел ещё что-то добавить, но его прервал Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри.

– Наш Обитаемый Мир очень сложен, и не так прост, как кажется. Часто то, что видно, не всегда оказывается правдой. Существует не только белое и чёрное. Есть ещё много оттенков любого другого цвета. – Жрец, выходя из задумчивого состояния, огляделся по сторонам, и ударил посохом из священного дерева в пол. – Даже во зле можно увидеть много доброго!

– Сейчас речь не об этом. – Рутгер поднялся, подойдя к столу, налил в серебряный кубок вина, и протянул Ярву. Предугадывая его слова, поспешно заверил: – Я не пытаюсь этим вином купить твою верность. За честность я плачу честностью, а за предательство смертью. Этот кубок от чистого сердца, за то, что видели твои глаза, а язык не дал тебе смолчать за гнусную игру лордов.

Сивд кивнул, и улыбнувшись принял кубок:

– Ты ещё слишком молод, чтобы плести какие-то интриги. Ты ещё очень наивен и прямолинеен, но именно это и подкупает. Буду рад, если мне когда-нибудь доведётся оказать тебе услугу.

Стальной Барс оглянулся, и отдал приказ Сардейлу:

– Собери воинов, способных держать оружие, готовых прогуляться к шатру Владыки Альгара. Я чувствую, что назревает нечто интересное, и нам приготовили радужный приём.

– Будет сделано, воевода Рутгер! – Весело ответил ветеран, и опять перекинув из руки в руку секиру, довольно ощерился.

* * *

Глава 29.

Владыка Альгар кивнул, ответив на поклон молодого воеводы, и разрешил садиться. Он помнил, что говорил ему лорд Фельмор, помнил каждое его слово, и ничего не мог с собой поделать. Он не хотел выполнять его указания. Всё его существо протестовало и сопротивлялось. Он понимал, чего это может ему стоить, какие могут быть последствия, и всё же... Он решил сделать так, как подсказывает ему остатки нерастраченной, ещё не вытравленной до конца чести. Альгар видел в воеводе клана Снежных Барсов что-то совсем другое, возможно, совсем не то, что видели в нём другие. Он видел в нём надежду для всей страны Лазоревых Гор, и ему хотелось поддержать его. Оградить от того, от чего он ещё может его оградить.

– Воевода Рутгер! – Подал голос лорд Сатвел. – Согласно Новым Законам, оружие нужно оставлять за дверями приёмного покоя Владыки. Я требую...

– Как уважаемый лорд Сатвел представляет себе вига без меча? Я воин, а не ремесленник. – Виг твёрдо прервал лорда на полуслове, и не дал ему закончить. Это было дерзко, нагло, но именно это и нравилось Альгару в отроке.

В речи Стального Барса Владыка не услышал и тени сомнения в своих словах. Он понял, что воевода ни при каких обстоятельствах не отдаст оружие, а скорее всего, вступит в бой, отстаивая свою честь. Этот отрок крепко усвоил уроки своих учителей. Кто же у него был учитель? Ах да, Вальхар, друг и правая рука Балвера, коего почти боготворили все воины кланов.

А этот Рутгер, сын Ульриха совсем не прост! В нём что-то есть, что заставляет насторожиться и почувствовать опасность, исходящую от него. Этот сможет приструнить лордов, и повести за собой кланы. Возможно, он сможет это сделать даже лучше, чем Балвер. Похоже, что за ним будущее страны Лазоревых Гор!

– Мы знаем, кто ты, воевода Рутгер. – Сатвел многозначительно посмотрел на Владыку, ожидая поддержки в своём требовании, и не получил её.

Альгар только улыбнулся, увидев, как растерялся лорд. Если забыть о том, чем всё может закончиться, то это даже забавляло. Владыке совсем не хотелось, чтобы в его шатре вспыхнула ссора, способная послужить поводом, чтобы развязать руки лорду Фельмору, и сюда ворвалась полусотня сивдов, давно уже к этому подготовленная. Это может дорого стоить. Гораздо дороже, чем думают лорды. Разве вчерашний день ничего им не показал, и они ничего не поняли? Как дать знать Рутгеру, чтобы он не накалял обстановку? Подмигнуть? Но это, конечно, заметит не только он, да и правильно ли будет истолкован сигнал?

– Если лорд Сатвел заботится о собственной безопасности, то пусть он будет спокоен. Мой меч покинет ножны только для защиты страны Лазоревых Гор, и моей чести.

– Ты дерзок и нагл.

– Не более чем любой из вигов. – Вступил в разговор Владыка. Ему был симпатичен молодой воевода из клана Снежных Барсов, он хотел ему помочь, но не знал, как. – Дерзость всегда была отличительной чертой характера любого вига, так стоит ли на это обращать внимание? Я не возражаю. Воевода Рутгер может оставить меч при себе.

– Но это противоречит Новому Закону...

– Что вы изволили принять только вчера? – Владыка возвысил голос. Ему доставляло удовольствие дразнить Сатвела, и видеть его недовольные гримасы. Если бы не его богатство и влияние, какой бы хороший из него получился шут! – Довольно! Воевода показал себя верным и храбрым воином, я думаю, что такую малость мы можем ему простить.

Стальной Барс слегка кивнул, демонстрируя свою признательность, и в этом движении Владыка снова заметил достоинство, благородство, и уверенность в осознании собственной силы и значимости. Да, вот настоящий преемник Балвера, вполне способный что-то изменить в стране Лазоревых Гор.

– Как будет угодно Мудрому и Справедливому... – В голосе лорда проскользнули нотки злости, но он тут же взял себя в руки: – В конце концов, мы собрались здесь не для того чтобы о чём-то спорить. О Новом Законе воевода Рутгер мог просто не знать. Сейчас совсем другой вопрос занимает наши умы и настораживает всё наше сознание. Нам стало известно, что ты, воевода, собираешь отряд, чтобы отправиться в Сармейские степи на поиски убежища Древних Богов. Так ли это?

Альгар видел, как нахмурился Стальной Барс, как потемнели его глаза. Нет-нет, по всей видимости, он не растерялся, просто несколько мгновений обдумывал свой ответ.

– Да, это так. Я выполняю последнюю волю военного вождя, которого убил, как я полагаю, ассан. – Он многозначительно посмотрел на лорда Фельмора. Тот сделал вид, что не заметил его взгляда, и продолжал рассматривать какой-то свиток, что держал в руках ещё тогда, когда воевода клана Снежных Барсов вошёл в шатёр.

– Что же ты надеешься найти в убежище Древних Богов?

– Знания, и оружие, позволяющие возвеличить страну Лазоревых Гор. Разве не об этом думает каждый виг со дня своего рождения?

– Твои порывы благородны, но разве нам это нужно? Ты забыл, что стало с миром Древних, и какое наследство они оставили после себя? Разве ты хочешь этого?

– Чтобы уничтожить Обитаемый Мир, нам нужны знания Богов, а таких знаний у нас не будет никогда. Всё, чем мы обладаем, это всего лишь крупинки того, что было известно каждому из Древних. То, что я найду, не сможет причинить вред нашему Миру.

– Откуда такая уверенность? Ведь никто не знает, что нас ждёт впереди, и никто не ведаёт, когда оборвётся цепь жизни, выкованная Бессмертным Тэнгри!

– Если лорд Сатвел рассчитывает уговорить меня оставить мысль о походе, то это бесполезно.

– Нет-нет, ни в коем случае. – Поспешно заговорил лорд, и улыбнулся, оскалившись большими, белыми зубами. – Мы все уважаем последнюю волю военного вождя, и не собираемся отговаривать тебя от похода. Кто знает, может это наш шанс достигнуть небывалого могущества! Мы даже готовы снабдить тебя золотом, едой, и надёжными, опытными воинами!

Владыка внимательно смотрел на воеводу Рутгера, и гадал, какой путь он выберёт? Согласится на помощь, или откажется? Как поведёт себя дальше? Лорды

предусмотрели оба варианта ответа, и подготовили соответствующие ловушки. В какую из них попадёт сын Героя Балты?

– Лорды слишком добры, и я польщён, что они принимают столь деятельное участие в моём походе, но я вынужден отказаться от вашей помощи, и свою дружину я наберу сам.

– Вот как? – В голосе Сатвела послышались язвительные нотки, и Владыка почувствовал, что ловушка вот-вот захлопнется. Сейчас Стального Барса обвинят в недоверии лордам, потом хорошенько разозлят его, и он, в силу своего характера скажет что-нибудь резкое. Вот тогда в палатку и ворвётся полусотня сивдов, чтобы защитить правителя страны Лазоревых Гор...

Полог шатра откинулся, и в проём вошёл слегка запыхавшийся секретарь лорда Фельмора. Его одежда была покрыта толстым слоем пыли, словно он весь день провёл в седле, в безумной гонке по дорогам предгорий. Переводя дыхание, он потряс сжимаемым в руке свитком, и еле смог прохрипеть:

– Срочное донесение для лорда Фельмора!

Повелитель Тайной Стражи поднялся, и, поклонившись Владыке, спросил:

– Мудрый и Справедливый, ты позволишь?

Альгар кивнул, и с нарастающим беспокойством смотрел как Фельмор делает несколько шагов к Бирхору, берёт у него из рук свиток, разворачивает и читает. Что там ещё приготовила ему судьба? Какой удар? Что за новая напасть нависла над страной Лазоревых Гор?

Лорд опустил свиток, кивком головы отпустил своего секретаря, и повернувшись к воеводе Снежных Барсов, спросил:

– Какие дела могут быть у обычного воеводы клана, с царём россов? Почему он с десятком телохранителей, при полном вооружении скачет к тебе? Неужели он собирается принять участие в походе?

Владыка с удивлением посмотрел на Рутгера. Новость была просто сногшибательной. За всё время своего недолгого правления царь Аласейя смог сойтись только с военным вождём, да и то, только потому, что Балвер, и отец царя были друзьями, и вместе участвовали в какой-то небольшой давней битве. Аласейя недоверчив, и расположить его к себе почти невозможно. Почему же он так доверяет ему? Отроку, что всего неделю назад стал воеводой? Почему он решается всего с десятком телохранителей идти в степь с мало знакомым человеком? Пусть он одержал славную победу у Волчьих Ворот, но ведь и только! Больше ему нечего рассказать Бессмертному Тэнгри!

– Да. Мы вместе отправляемся на поиски Древних Богов.

– Почему же раньше, ты нам ничего этого не рассказал? Я думаю, что хотя бы Владыка страны Лазоревых Гор мог знать об этом! – Почти выкрикнул лорд Сатвел, и от его резкого голоса Альгар вздрогнул. – Теперь мне ясно, о чём вы говорили с военным вождём перед тем, как его кто-то отравил!

– Я дал клятву о том, что буду молчать об этом. Так неужели я мог её нарушить? Лорд ставит мне в укор то, что я, как и всякий виг верен своему слову?

Владыка улыбнулся. Рутгер не стал отвечать на выпады Сатвела, а просто ускользнул от прямого ответа. Да он ещё и хитёр! Хорошее качество, для двадцатилетнего отрока. В его годы молодые воины всегда всё рубят с плеча, не задумываясь о последствиях, а он только что показал себя как умный и дальновидный политик. Что предпримут лорды? Все их планы рушатся как песочные замки. Участие в походе царя россов спутало все их карты. Теперь они просто не могут вызвать воеводу на ссору, и в чём-то обвинив, схватить его. Тяжёлые конники Россы – великая

сила. Аласейя, конечно же, призовет их, чтобы освободить своего друга. Решатся ли Фельмор и Сатвел на открытое противостояние?

Повелитель Тайной Стражи неторопливо прошёл к своему креслу, видимо по пути обдумывая свой следующий вопрос, сел, и примиряюще заговорил:

– Лорд Сатвел слишком вспылчив, и я прошу воеводу Рутгера простить его. Забудем все старые обиды. Разве стоит на них обращать внимание, когда речь идёт о будущем величии Лазоревых Гор, и Россы? Сможет ли ответить ещё на несколько вопросов воевода клана?

– Я готов ответить на любой вопрос, если он не заденет моей чести, или чести погибшего военного вождя.

Фельмор удовлетворённо кивнул, и слегка подбравшись, словно собирался вскочить, спросил:

– Я думаю, что у тебя уже есть кое-какой план? Какова будет численность твоего отряда? Какой дорогой ты его поведёшь, и какие припасы возьмёшь с собой?

Воевода Рутгер долго молчал. Владыка уже начал терять терпение, и многозначительно поглядывал на него, когда он, наконец, заговорил:

– Плана, как такового, у меня пока нет, так как я собирался посоветоваться со своими воинами и царём Аласейя. Ну, а отправиться в поход я думаю после похорон военного вождя.

– Чтож, я не буду пытаться навязывать тебе какое-то своё мнение или пожелание, однако хочу сказать, что со временем начала похода тебе надо будет поторопиться. Тело Балвера забальзамировано, и будет отправлено в Храм Бессмертного Тэнгри, где будет погребено в склепе, после осенних праздников.

– Но ведь до них ещё два месяца! Чем вызвана такая задержка?

– Мы хотим воздать ему почести, коих ещё никто никогда не получал. Военный вождь был не совсем обычный человек, и погребён он должен быть не как простой смертный....

– Хорошо. Со временем выхода в степи я потороплюсь. Будут ли у лордов ещё какие-либо пожелания?

– Конечно. – Мягко улыбнулся Фельмор, и резко спросил: – Где тот харвелл, о переводе коего ты просил меня? Почему он до сих пор не явился ко мне?

– Эвгурн, сын Галла уже вернулся из дозора, но наказан мной, и сидит в яме вместе со своими двумя воинами.

– Вот как? – Изумился лорд. – Ты уже наказываешь моих людей своей властью? Разве тебе дано такое право?

– Я думаю, что грамота о его переводе всего лишь дело времени. Ведь уважаемый лорд согласился удовлетворить мою просьбу. Я считаю Эвгурна своим воином, и за то небольшое нарушение он должен понести наказание, как и любой другой виг из моего войска.

Владыка Альгар видел, как перекосило от злости худое, вытянутое лицо Повелителя Тайной Стражи, как он задрожал от ярости, но через мгновение его голос был так же спокоен и ровен:

– В чём же его вина?

– Его оплошность столь незначительна, что не стоит твоего внимания, и всё же он должен ещё пять дней отсидеть в яме, чтобы понять, что значит служба в войске, что за более серьёзную вину его ждёт ещё более суровое наказание.

– Хорошо. – Фельмор кивнул. – У меня больше нет вопросов к воеводе Рутгеру. Может, Владыка хочет что-то спросить у него?

Это был сигнал, и Альгар востепенел. Хотя ему и нравилось дразнить лордов, но на сегодня мера дозволенного была исчерпана. За их льстивыми и вежливыми речами таились серьёзные угрозы и намёки: «Помни, как ты сел на трон, и делай то, что мы тебе скажем, чтобы усидеть на нём. Иначе...» Они делали вид, что не замечают те маленькие дерзости, что он допускал, и всё же Альгар понимал, что придёт время, и они всё ему припомнят.

Он набрал в грудь побольше воздуха, несколько мгновений подумал, и заговорил, уже совершенно точно уверенный в том, что лорды как всегда ведут какую-то свою, очень тонкую игру, и в этой игре особая роль отводилась его семье. Вернее, его племяннику.

– Воевода Рутгер, я хочу просить у тебя за своего родича. За сына своего убитого брата, за Архорда. Он просто бредит битвами, сражениями, дальними походами и подвигами, но в силу кое-каких обстоятельств ему было невозможно этого испытать. Я прошу, чтобы ты взял его в свой военный поход. Поверь, он не будет обузой. Он неплохо владеет мечом, хорошо стреляет из арбалета, а тактике и стратегии его обучали лучшие учителя Вольфбура!

– Никто не знает, что нас ждёт в степях. Ходят разные слухи...

– Это всего лишь слухи. Пока не увидишь сам – ни в чём не удовлетворишься. Архорд не будет лишним в твоём отряде.

– Я не могу принять какое-то решение относительно его. Мне надо посоветоваться со своими людьми.

– Конечно, и всё же я пришлю его к тебе сегодня вечером.

– Как будет угодно Мудрому и Справедливому. – Рутгер слегка поклонился, и снова сел в кресло.

Владыка Альгар и сам понимал, что Архорд совсем не нужен в отряде, отправляющемся на поиски Древних Богов. Чем может быть полезен взбалмошный, ленивый, наглый и не считающийся ни с кем отрок, двадцати пяти лет от роду? Да, он неплохо владеет мечом, стреляет из арбалета, кое-что знает из тактики и стратегии, и что? Он жаждет подвигов, славы, власти, но ничего не хочет сделать для того, чтобы получить всё это! Где он был, когда у Волчьих Ворот гремела битва, а виги умирали за свою свободу? Он лежал в своей палатке мучаясь от жуткого похмелья, и даже не пытался что-либо предпринять! Да и какой от него был бы толк, если он привык только хвастаться своей доблестью, ничем её не доказывая?

Почему с ним произошла такая перемена? Почему он так рвётся в этот поход? Почему его, Владыку, вынудили предложить своего племянника в качестве бойца в отряд? О чём он разговаривал с Фельмором и Сатвелом почти всю ночь? Что они задумали? Какую-то новую, хитрую ловушку? Ну, конечно, что же от них ещё можно ожидать! Они только и думают о власти и богатстве....

Альгар хотел как-то предупредить воеводу об этом, обдумывал различные варианты для этого, но так ничего и не смог решить для себя. У него не было возможности перемолвиться словом с Рутгером. О любом его шаге будет тут же доложено тем, кто имеет настоящую власть, тому, кому придётся подчиниться. Балвер! Как же тебя не хватает! Только ты мог что-то сделать в этой многострадальной стране! Пока Стальной Барс обретёт настоящую силу, многое может измениться, и надо полагать совсем не в лучшую сторону.

– Чтож, – Из задумчивости Владыку вывел голос лорда Фельмора: – Если вопросы все решены, тогда я не вижу смысла более задерживать воеводу Рутгера. Если ему что-то понадобится, он несомненно обратится к нам. Ведь кто ещё, если не мы, сможем ему оказать посильную помощь? Не так ли?

Стальной Барс усмехнулся, по всей видимости, речам Повелителя Тайной Стражи, и спросил:

– Интересно, во сколько мне всё это обойдётся?

– Ну, что ты! Какие счёты? – Фельмор улыбнулся. – Между нами были кое-какие небольшие разногласия, но теперь это всё уже в прошлом. С сегодняшнего утра начались выплаты по долгам. Мы учли все свои ошибки, и в будущем не допустим их ни при каких обстоятельствах. В конце концов, мы все печёмся только о благе народа страны Лазоревых Гор.

Это была старая, уже не раз проверенная уловка, чтобы вызвать собеседника на грубость и ссору. Для чего? Чтобы осложнить и так накалённые отношения, или только для того, чтобы прощупать порог сдержанности и благоразумия воеводы? Бессмертный Тэнгри! Помоги ему! Не дай сорваться, и всё испортить!

Альгар слегка напрягся, подавшись всем телом вперёд, и не сводил свой взгляд с Рутгера, ожидая его действий. Как он себя поведёт? Жаль, что Владыка не оракул, и не может предсказать, что произойдёт в дальнейшем. Он смотрел на него, видел его чёрный, небогатый доспех, рогатый, немного помятый в битве, стиснутый в руке, шлем, собранные на затылке в тугую пучок светлые волосы, пушок, едва начавший пробиваться на подбородке. Слегка поблёскивал заткнутый за пояс жезл воеводы, а ребристый оголовок пернача казался ещё более грозным оружием, чем торчащий из-за спины недлинный, двуручный меч.

Стальной Барс улыбнулся, обнажив ровные, белые зубы, поднял голову, обвёл взглядом лордов, словно оценивая их, и произнёс:

– Конечно. Кто старое помянет, тому глаз – вон. Я, несомненно, воспользуюсь вашим предложением, уважаемые лорды. Насколько я понимаю, наш разговор подошёл к концу, и если это так, то поспешу откланяться, ведь у меня ещё много дел...

Воевода Рутгер поклонился всем присутствующим и, развернувшись, успел сделать несколько шагов к выходу из палатки, как был остановлен вопросом Фельмора:

– Кстати, что делают твои воины возле шатра Владыки?

Сын Ульриха резко обернулся, и Альгар успел подумать, что продолжением такого движения должен быть звон вырванного из ножен меча. Стремительный, быстрый, неуловимый глазом выпад, приносящий смерть.

– У каждого воеводы есть свои телохранители, а так как от моего войска осталось только пятьдесят шесть бойцов, то они пришли все.

– Разве в военном лагере вигов тебе может угрожать какая-то опасность? Теперь это самое безопасное место в Обитаемом Море!

– Да. Это так. Но я помню, что произошло с вождём Балвером, а он тоже был в военном лагере вигов.

Рутгер ещё раз улыбнулся, и отдернув полог шатра, вышел.

– Нас опять перехитрили. – Первым нарушил молчание лорд Фельмор, и тяжело вздохнул. – Это становится даже интересно.

– Неслыханно! – Как всегда с чувством воскликнул Сатвел. – Я еле сдерживался, чтобы не обнажить свой меч!

– Так что же тебе мешало? – С улыбкой спросил Повелитель Тайной Стражи. – Благоразумие? Против этого щенка у тебя бы не было ни одного шанса.

– Это ещё неизвестно! – Запальчиво начал лорд, но подчиняясь нетерпеливому жесту Фельмора, замолчал.

– Мы, как всегда, опять уступили свои позиции. Мне это начинает надоедать. Все наши планы рушатся как картонные домики. Ясно одно – воеводу Рутгера, вместе с царём россос нужно как можно быстрее выпроваживать в степи. Потом, когда

он вернётся, если вообще вернётся, страна Лазоревых Гор будет совсем другой страной, где ему не найдётся местечка.

* * *

Глава 30.

Второй день они наблюдали, как челманы, выполнившие свои обязательства, уходили в степи, откуда совсем недавно пришли, чтобы уничтожить страну Лазоревых Гор. Они видели, как враги уходили небольшими группами, и целыми отрядами, по несколько сотен человек, строго держа равнение в рядах, чётко печатая шаг. Создавалось впечатление, что недавно, совсем не они понесли сокрушительное поражение, а кто-то другой, и вся эта орда просто отходит, чтобы собравшись с силами, снова обрушиться на вигов. От этих мыслей становилось немного не по себе, и хотелось, сжав в руках меч, срубить хоть несколько голов ненавистного противника, чтобы попасть к Очагу Бессмертного Тэнгри с достойной свитой.

– Что тебе видно? Хортер! – Вальгер поднял голову, пытаясь рассмотреть среди ветвей дерева следопыта своего десятка. Бесполезно. У этого «тёмного» с детства дар маскировки, и найти его где-то в лесу просто невозможно. Зато он, всё видит и слышит. Десятник даже подозревал, что Хортер может чувствовать то, чего не может ощущать нормальный человек. Ведь он же «тёмный»! Пусть наполовину, но ведь какие-то способности передались ему от отца!

– Идут, и нет им конца и края.

– Да. Силища была огромная, и всё же мы их разбили. – С удовольствием пробормотал Вальгер.

– Не пройдёт и года, как они вернутся, и тогда нам будет труднее их победить.

– Ты думаешь, они посмеют?

– А как сам бы ты поступил? Зная тебя с детства, я с уверенностью могу сказать, что ты бы собрался с силами, и ударил снова, но уже туда, откуда враг совсем не будет ожидать атаки. Надо было поступить по Законам Предков и отсечь каждому оставшемуся в живых кисть правой руки. Зря военный вождь решил отпустить их. Придёт время, они вернутся, и кто знает, сколько их тогда будет, и не смогут ли они тогда загнать нас в горы.

– Но я – виг! А виги никогда не отступают!

– А они челманы. Так что с того? Они могут быть не менее упорны, чем мы.

– Они дали клятву, что больше не появятся в наших землях!

– Что стоят клятвы, когда идёт речь о власти над всем Обитаемом Мире? Где власть и золото – там нет места для благородства и чести.

Вальгер усмехнулся:

– Ты говоришь, как Хранитель Очага!

Сверху засмеялись и ответили:

– Пусть так. Пусть как Хранитель. Все мы учились у него... – Хортер немного помолчал, а потом воскликнул: – Ого!

– Что там? – Тут же встрепнулся Вальгер и привстал на цыпочки, словно мог разглядеть то, что скрывала от его взгляда пыль, поднятая сотнями ног, бредущими по дороге. Он увидел окутанные густым, коричневым облаком пыли повозки, понуро идущих челманов, кое-где торчащие из толпы бунчуки, украшенные конскими хвостами. Перекрывая топот ног, где-то в глубине бредущего человеческого стада, промычала корова, заблеяли бараны.

Не дождавшись ответа «тёмного», десятник снова повторил свой вопрос:

– Что ты видишь?

– Много чего, и ничего хорошего. Виги слишком добры, если снабдили мясом и повозками своего бывшего врага. Варваров нужно уничтожать, а не провожать их с почестями домой. Я уверен, что они вернутся. Разве можно смириться с поражением, и забыть про такой лакомый кусок, как страна Лазоревых Гор?

Сверху на Вальгера посыпалась кора, мелкие сучки, и через мгновение на землю прыгнул отрок с серой кожей лица. Он поправил на себе лёгкую кольчугу, снял с плеча небольшой лук, и опустился на землю, нахмутив тёмные брови.

– Что же тебя так расстроило? Если они придут, пусть и с новыми силами, то мы всё равно их разобьём, и тогда уже не будет никакого разговора о пощаде!

– Если к тому времени от войска вигов останется хоть сотня воинов. Что будет с нашей страной через пару месяцев?

– Не всё так плохо, как тебе кажется! Я слышал, есть в клане Снежных Барсов воевода, что может повести за собой войско. Он уже показал себя в битве у Волчьих Ворот, где два дня сдерживал степняков.

– Так и что же нам делать? Пойти к нему и предложить свои мечи? Что нам это даст? Если лорд Сатвел захочет, то он сможет достать нас и там. Всё из-за твоего длинного языка!

Вальгер почесал затылок, и, потупившись, проговорил:

– Кто же знал, что так получится? И всё же, я уверен, что придёт время, и я точно поведу лорда Сатвела на суд!

– Ну, да. – Вздохнул Хортер. – Обычно так и бывает. Когда это у нас судили лордов? Кого угодно – только не их.

– Да. – Согласно кивнул десятник. – Тут я слегка дал маху.

Он не верил в то, что лорд Сатвел может чем-то испортить ему жизнь, как и не верил в то, что его когда-нибудь могут убить. Ему не посчастливилось участвовать в битве у Волчьих Ворот, хотя он и пытался сделать всё возможное, чтобы попасть туда. Как назло, воевода Урхард поставил его десяток охранять лорда, где и произошла стычка, изменившая дальнейшую судьбу Вальгера. Зная мстительный нрав Сатвела, он отправил десяток в дозор, в предгорья страны Лазоревых Гор. Туда, где кончались владения вигов, и начинались земли заулов. Им был дан приказ следить, и ни во что не вмешиваться. Как это сделать, когда сердце разрывает злость и ненависть к врагу? Когда рука сама тянется к мечу, чтобы вырвать его из заплочных ножен, и начать рубить жёлтолицых, узкоглазых противников? Почему военный вождь Балвер всех их пощадил? Что может стоить их слово, когда на кону их жизни? Они могут обещать всё что угодно, они могут поклясться, чем угодно, лишь бы сохранить остатки своего войска. Такой враг коварен, и жесток. Ему нельзя верить. Его надо уничтожать.

– Вальгер! – Из густого подлеска выскочило сразу двое воинов. Они остановились, тяжело дыша, и переведя дух, один из них торопливо заговорил: – Мы нашли два десятка челман. Они остановились в тысяче шагов отсюда, на опушке леса, и похоже, что собираются провести там ночь.

– Они вооружены?

– Да! Такое ощущение, что они готовы вот-вот броситься обратно в бой!

– О чём они говорят? – В запале спросил десятник, и тут же сообразил, что это спрашивать глупо. Никто из них не знал языка степняков. Он увидел озадаченные лица друзей, и улыбнулся: – Ладно, забудь. Мы не участвовали в битве, но зато Бессмертный Тэнгри даёт нам шанс отомстить за погибших воинов! Скоро совсем стемнеет, а ночью мы на них нападём, и вырежем всех!

– Это не совсем благородно...– Попытался вставить слово Хортер, но под злыми взглядами воинов, примолк.

– О каком благородстве ты говоришь? Челманы должны уходить без оружия, и не останавливаться в наших землях ни на мгновение. Что им здесь надо? Почему они медлят? Я уверен, что они что-то придумали, и собираются нам отомстить за своё поражение!

– Что могут сделать два десятка воинов? Это не войско! Это просто горстка врагов!

– Горстка врагов может убить кое-кого из заулов или вигов. Я считаю, что мы должны убивать каждого из степняков, кого застанем с мечом в руках! – Вальгер оглядел своих приятелей: – Ну, кто со мной?

– Ты же знаешь, что мы всегда с тобой! – Воскликнул один из отроков, появившихся из густых кустов.

– Тогда вперёд! Устроим дикарям кровавую ночь!

* * *

Правильно говорят, что хуже всего – ожидание. Каждый воин из десятка Вальгера поторапливал солнце, чтобы оно быстрее скрылось за дальними отрогами гор. Чтобы быстрее ночь окутала мир своим чёрным, непроницаемым одеялом, а звёзды, единственные помощники в таком деле, чуть освещали путь, и не дали ошибиться.

Каждый отрок, сжимая в руках оружие, молил Бессмертного Тэнгри, чтобы дал силы устоять против врага. Чтобы дал отваги и мужества. Чтобы не отвернулся, и не послал им удачу. Хоть молодые воины и были готовы отправиться к Очагу Бога, и всё же любой из них не желал смерти ни себе, ни своим друзьям. Первый бой – самый страшный. Это понимал каждый, и готовился к нему со всей тщательностью. Любая упущенная мелочь может стать причиной гибели. Не подтянутый ремешок доспеха, плохо заточенный клинок, не проверенный лук, или стрелы. Всё имеет значение, и всё должно быть в наилучшем.

Челманы не спешили укладываться спать. Они о чём-то шумно спорили, собравшись у ярко горящего костра, и казалось, что они никогда не смогут прийти к какому-либо согласию. Виги не понимали из их речей ни слова, но по интонации голосов врага догадывались, что их спор окончится ещё не скоро.

Они были уверены в собственной безопасности, и даже не выставили дозорных. Роковая беспечность. Это позволило вигам подобраться к противникам почти вплотную. Несколько шагов, и вот он, враг. Отроки не боялись, что кто-нибудь из челманов оглянувшись, сможет их заметить. Тьма, стущавшаяся за кругом света от костра, зачернённые лица, доспехи, надёжно скрывали их, и растворяли в темноте. Виги всегда умели маскироваться, и наносить внезапный удар.

Вальгер выжидал, пытаясь угадать, и поймать подходящий момент, чтобы с наименьшими потерями уничтожить степняков, и вдруг понял, что не решается отдать приказ об атаке. Бессмертный Тэнгри! Как это трудно – повести своих друзей и приятелей с кем вырос, и знаешь с детства, в первый, настоящий бой! Как трудно произнести только одно слово, после какого тишина взорвётся яростными криками и звоном стали! Как они поведут себя? Смогут ли одолеть два десятка челманов? Это не военные игрища, где проигравший в крайнем случае может остаться без обеда. Здесь проигравший погибает.

До плеча десятника дотронулась рука находящегося рядом Хортера. Вальгер скосил глаза, потом медленно повернул голову. Он смог прочитать на губах «тёмного» немой, беззвучный вопрос: «Что они делают?»

Тем временем у костра действительно что-то изменилось. Челманы прекратили свои споры, расселись в круг возле костра, и, сложив руки на груди, хором выводили какую-то заунывную мелодию, с каждым тактом повышая голоса. Кто-то достал бубен, и отбивал им ритм, с каждым мгновением убыстряя его. Когда звон слился в один непрерывный, тревожный звук, и казалось, достиг своего апогея, вдруг все разом смолкли. Один из степняков что-то выкрикнул, и двое, резко поднявшись, метнулись к куче шкур, сваленных неподалёку. В круг света был притащен, и брошен на землю ещё один воин. Он был связан, рот заткнут кляпом, а лицо залито запёкшейся кровью.

Вальгер пригляделся, и по одежде понял, что пленником был гаар. Что же они собираются делать? Неужели они хотят принести его в жертву своим богам? Бесславная, ничтожная смерть. Чувствуя, как в душе шевельнулась жалость к пленнику, десятник медленно достал из ножен меч, посмотрел на Хортера, и кивнул головой. Тот натянул лук, и выбрал себе цель. Когда в руке из одного челман сверкнул нож, когда гаар в ужасе забился, пытаясь вырваться и видя близкую смерть, Вальгер приподнялся, поняв, что момент атаки наступил, и лучше его уже может не быть, прорычал:

– Смерть!

Несколько стрел молниями сверкнули в неровном свете костра, кто-то закричал, кто-то захрипел. Челман, занёсший нож над гааром получил стрелу Хортера в горло, и захлёбываясь кровью, упал в огонь, подняв облако искр. Сразу же запахло палёной шерстью, стало чуть темнее, но это не помешало вигам видеть своих врагов. Несколько шагов, и десятник опустил меч, ударив по тени, бросившейся ему навстречу. В лицо щедро плеснуло чем-то горячим, и Вальгер ощутил, как его охватывает какое-то новое, ещё не изведенное им чувство. Это была какая-та гремучая смесь ярости, удали, и безрассудной отваги. Он чувствовал, что может сокрушить любого противника, и нет ему равных по силе в схватке на мечах.

Он что-то закричал, отбил клинком мелькнувший перед глазами меч, ударом ноги в грудь отбросил завизжавшего степняка в сторону, и с неописуемым наслаждением пронзил его своим оружием. Перед ним появилась ещё одна тень, и по рога-тому племени он понял, что это виг.

– Ну, всех перебили? – Прохрипел Вальгер, оглядываясь.

– Да. Никто не ушёл. – Ответила тень голосом Альмера.

– Среди наших есть потери?

– Не знаю. Я слышал, как кричал Норбер.

– Норбер! – Тут же позвал десятник. – Ты цел?

– Зацепили слегка! Так, царапина!

– Отлично! Гаар жив?

Кто-то пнул ногой потерявшего сознание пленного, и все услышали его приглушённый стон.

– Забираем его с собой и уходим!

Вальгер вытер меч об труп только что убитого челмана, вложил его в ножны, и, зная, что воины десятка сразу же пойдут за ним, направился в лес, в темноту, под защиту деревьев. Он понимал, что только там они могут быть в безопасности, и только там они смогут уйти от погони степняков, если таковую они решатся снарядить. Шум схватки наверняка слышали и другие из врагов, кто остановился на ночь недалеко отсюда. Зачем рисковать, и ввязываться в бой с противником, превосходящем численность воинов в отряде дозора, в несколько раз? Это глупо, и рав-

ноСИЛЬНО самоубийству. Лучше ужалить и отступить, чтобы потом ужалить снова, и так без конца, пока все враги будут не уничтожены.

Отойдя на приличное расстояние от места нападения Вальгер остановился, и, поджидая остальных воинов своего десятка прислушался, напряжённо вглядываясь в темень леса. Не заметив ничего подозрительного, он снял с головы шлем, и бросил в траву, под ствол огромной, разлапистой сосны:

– Всё, привал. Хортер, возьми пару человек и осмотришь. Если найдёшь небольшой отряд челманов, то мы продолжим свою охоту. Где пленный?

– Здесь. – Прохрипел один из воинов, и сбросил с плеча, связанного гаара. – Тяжёлый, хоть и мелкий.

Пленник застонал, но так и не очнулся.

Вальгер снял с пояса флягу с водой, плеснул ему в лицо, ладонью легко похлопал по щекам. Наконец, тот смог сесть, а когда его глаза приняли осмысленное выражение, что-то пробормотал, и попытался отодвинуться от десятника.

Виг усмехнулся, и, наклонившись над гааром, спросил:

– Ты понимаешь наш язык?

Пленник немного помолчал, видимо раздумывая над чем-то, а потом заговорил на чистом вижском без какого-либо акцента:

– Да. Я понимаю ваш язык, но благодарить тебя за своё спасение совсем не собираюсь.

– Почему же?

– Зачем вы меня спасли? Чтобы допросить, а потом так же хладнокровно перерезать горло? Я прекрасно знаю, что вы делаете с пленными, когда выводите у них всё, что вас интересует. Так что можешь меня прикончить, я не скажу тебе ни слова.

– Вы гаары все такие? – Улыбнулся Вальгер. – Стал бы я тебя спасать, чтобы перерезать горло? Как тебя зовут?

– Йеге.

– Йеге? – Переспросил десятник, и озадаченно почесал голову. – Никогда не слышал такого странного имени. Ладно, это не важно. Зачем они хотели убить тебя? Вы же союзники!

– Мы никогда не были союзниками. – Удручённо проговорил гаар и тяжело вздохнул. – Челманы принесли нашему народу только смерть. Я удивлюсь, если от гааров осталось хотя бы пара тысяч человек.

– Что ты хочешь этим сказать? – Вальгер не смог сдержать удивления в голосе, и отхлебнул воды из фляжки. Он вдруг понял, что находится на пороге такого открытия, от какого будет стынуть кровь в жилах, и замирать от страха сердце в груди.

– Что тут можно сказать? Мы думали, что степняки пришли чтобы защитить нас от вигов, а они просто начали уничтожать гаар. Конечно, наш правитель, Ирде, сам виноват во всём этом, но ведь мы хотели всего лишь защиты. Сначала всё было хорошо. Они многое нам пообещали, и даже начали кое-что делать, а потом всё кончилось. Начали пропадать люди. Сначала по одному, потом сразу десятками. Потом нам открылась страшная правда...

– Что же вы узнали? – Десятник почувствовал, как его голос дрогнул, и он захотел поторопить пленника, чтобы быстрее услышать то, о чём уже начал догадываться.

– Они приносят в жертву своим богам живых людей! Шаманы вырезают сердце и печень, чтобы потом добавлять их в пищу своим воинам. Они верят, что только так можно победить врага, и поработить его бессмертную душу.

– Так значит, они хотели вырезать у тебя сердце? – Вальгер отшатнулся от Йеге, оглянулся, ища поддержки у друзей, и спросил у мрачно молчавших в темноте фигур: – Разве можно отпускать такого врага с миром? Такое зверье надо поголовно уничтожать!

Отроки зароптали, а кто-то воинственно потряс оружием. Десятник добился того, что хотел. Он хотел ещё раз испытать то чувство упоения боем. Он хотел ещё раз почувствовать тугое сопротивление мечу живой человеческой плоти, и горячий плеск крови. В голове мелькнула мысль, что он становится чудовищем, жаждущим только одного – убивать, но он тут же отбросил её в сторону. У него есть враг. У него есть меч. Чему же учили его с детства, как не сеять смерть?

Он выпрямился. Поддрагивающими от нетерпения пальцами обхватил рукоять меча, медленно потянув, вытащил его из ножен, и, подняв над головой, воскликнул:

– Смерть порождениям Дьявола! Да напьются наши мечи кровью врагов!

– Смерть! – Втори́ли ему отроки.

* * *

Глава 31.

Рутгер смотрел на Герфура и не мог понять, что с ним произошло. Внешне он оставался всё таким же. Немного мечтательным, немного рассудительным, пытающимся что-то понять в мире, в каком жил, но сейчас чувствовалось, что с ним что-то произошло, что он изменился. Стальной Барс ощущал это, и в то же время не мог себе этого объяснить. Взгляд стал решительнее, движения порывисты и резки. Он и говорить стал как-то особенно. Увереннее, словно был убеждён, что все поймут его правильно, и к его словам, безусловно, прислушаются. Ловко орудуя ножом, он отрезал куски мяса, и с завидным аппетитом пережёвывал их не забывая запивать вином, разбавленным водой.

– Ну и что же тебе ответил оракул? – Спросил Стальной Барс. Сначала он немного злился на него, потому что тот отправился на ледник Висс, никого не поставив об этом в известность, но потом всё же простил, и теперь вместе с ним завтракал, будто Герфур и не пропадал на два дня.

– Он предрекает тебе большое будущее. Ещё он сказал, что страну Лазоревых Гор ждут огромные перемены.

– В какую сторону? В худшую, или в лучшую?

– Пока это ему не известно.

– Как всегда. – Усмехнулся Рутгер. – Оракул на леднике Висс никогда ничего толком не говорит. Так, только в общих чертах.

– Не согласен. – Парировал Герфур. – Он мне намекнул на то, что твой поход окончится удачно. Ты найдёшь убежище Древних Богов. Он в этом уверен. Теперь в этом уверен и я.

– Все только и говорят о нашем походе. – Улыбнулся воевода. – От воинов из других кланов нет отбоя. Все хотят покрыть свои имена неувядающей славой. Мне приходится использовать всё своё красноречие, чтобы не обидеть достойных мужей, что хотят отправиться в степи, но отряд всё равно разрастается как тесто на дрожжах! Вместо полусотни бойцов у меня набралось уже семьдесят человек!

– Не вижу в этом ничего страшного. Большому отряду легче обороняться! Нам придётся какое-то время идти по следам отступающих челманов, и я думаю, что не все из них смирились со своей судьбой. Многие из них захотят посчитаться за своё поражение!

– Мы едем в степи не воевать, а искать! Я не собираюсь вступать в какие-то бои. Я хочу просочиться между отрядами противника не теряя времени и воинов. С полусотней бойцов это бы получилось легко, но сейчас! Никто не хочет слышать отказ. Каждый уверен, что только он достоин участвовать в походе. Что мне придумать?

– Зато у тебя есть выбор! Выбери лучших!

– Разве в войске вигов есть лучшие? Мне предстоит трудный выбор между воинами. Кого-то всё равно придётся обидеть. – Рутгер задумчиво поворошил веткой угли костра, чему-то улыбнулся, и посмотрел на снежные вершины далёких гор.

Стояло жаркое утро. Такое, какое может быть только в самом конце лета, и казалось, что осень и зима никогда не наступят. Что никогда предгорья не покроется снегом, и леса всё так же будут радовать глаз, свежей, изумрудной листвою. Где-то в глубине бездонного неба щебетал жаворонок, безумно радуясь солнцу, и Рутгер вдруг осознал, что, не смотря на все свои чёрные дни жизнь всё же прекрасна. Всё когда-то кончается, и за плохим всегда приходит хорошее. И вода тогда не кажется затхлой, вино пьянит, хлеб пышен и вкусен, а воздух чист и прозрачен.

Воевода улыбнулся своим мыслям, и посмотрел на Сардейла, вытаскивающим недалеко от своего шатра с довольным видом, секиру. Где-то немного в стороне промчался небольшой отряд всадников. В дымке, поднимающейся к небу, слышались команды ветеранов и звон оружия. Лагерь продолжал жить своей, размеренной, военной жизнью. Но он только казался полусонным, с ленцой выполняющим какие-то приказы. Каждый понимал, что едва пропоёт боевой рог, то пройдёт всего несколько мгновений, прежде чем виги во всеоружии будут готовы отразить любое нападение.

Рутгер заметил, как мимо рядов упражняющихся на мечах воинов проезжает группа всадников, под зелёным знаменем Владыки Альгара. Их доспехи ярко горели в свете утреннего солнца, а плюмажи из красных перьев на шлемах были видны издали.

– Проклятье.

– Что? Что случилось? – Встрепенулся Герфур, и, повернув голову, тоже заметил отряд всадников. – Это кто? К тебе? Судя по знамени...

– Это племянник Владыки Альгара. Лорды навязали мне его с собой в поход. Я пытался отказаться, но они оказались настойчивыми, и ничего не хотели слышать про отказ. Ума не приложу, зачем он нам нужен? Какой от него может быть прок кроме слезки в пользу лордов?

– По крайней мере, ты будешь знать, кого следует опасаться.

– Это единственное, что может быть хорошего. Вполне может статься, что мне будет некогда утирать ему сопли!

– Я слышал, что лорд Архорд хорошо владеет мечом, и стреляет из арбалета! – С уверенностью произнёс Герфур, вытирая нож и пряча его в ножнах за поясом.

– А это мы сейчас проверим. – Рутгер улыбнулся, и неторопливым шагом направился навстречу подъезжающему отряду разряженных воинов.

Не зная к кому обращаться с приветствием, воевода остановился, и, подняв вверх ладонь, проговорил:

– Да напьются ваши мечи кровью врагов, воины. Кто вы, и что вам понадобилось в лагере клана Снежных Барсов?

Его цепкий взгляд сразу выделил, что среди всадников нет ни одного вига, а только сивды. А вот и Ярв. Значит это действительно телохранители племянника

Владыки. Где же он сам? Почему он не одет в чёрные доспехи, как требуют того древние традиции страны Лазоревых Гор?

– Нам нужен воевода Рутгер. Я буду говорить только с ним. – Вперёд выступил один из воинов, и Стальной Барс понял, что это Архорд. На вид лет двадцать пять, бритый, как и у сивдов подбородок, блуждающий, отнюдь не лишённый остроты взгляд зелёных глаз, волевые, грубо очерченные скулы. Должно быть, он умеет быть жёстким и властным. Что он за человек?

– Чтож, ты нашёл воеводу. Это – я.

– Ты? – В голосе Архорда послышалось неприкрытое презрение. – Не думал, что воевода два дня сдерживающий орду степняков в Волчьих Воротах, такой оборванец!

Среди сивдов послышались смешки. Не смог сдержать улыбки и Рутгер. Он действительно выглядел как оборванец. В серой, простой холщовой рубаше, без доспехов, он не производил благоприятного впечатления, и уж тем более не был похож на воеводу клана Снежного Барса.

Всё ещё улыбаясь, он сделал шаг вперёд, взял под уздцы чёрного коня лорда, и, глядя в его зелёные глаза, сказал:

– У вигов есть поговорка: не всё что видишь, может быть правдой. Если бы за тебя не просил твой дядя, ты бы сейчас же отправился домой к своим нянькам. А пока слезай с коня, и попробуй нанести мне хотя бы один удар мечом!

Стальной Барс резко развернулся и пошёл к костру, не дожидаясь ответа Архорда, где совсем недавно оставил Герфура. Он сознательно оскорбил лорда, чтобы тот вспылит, и вызвал его на поединок. Наглецов надо учить, и ставить на место. Так его учил отец. Так его учил, и Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри. В этом он был убеждён и сам.

– Рутгер, по-моему, сейчас не самое лучшее время злить лордов! Подумай, чем всё это может обернуться!

– Пока тебя не было два дня, здесь многое изменилось. Иди, принеси мне меч, и приготовься немного посмеяться.

– Что ты собираешься делать? – С тревогой спросил друг детства, не решаясь оставить воеводу одного. Кто знает, что предпримет лорд в ответ на оскорбление?

– Немного поиграть, и поставить его на место. Иди, и поторопись!

Архорд тем временем спрыгнул с коня, и, обнажив меч, подходил к костру. Его глаза пылали гневом, ноздри широко раздувались, и было заметно, что он еле сдерживает себя, чтобы не бросится на безоружного противника.

Стальной Барс встретил его с поощрительной улыбкой на губах, скрестив на груди руки. К месту будущей схватки подтянулись спешившиеся сивды, виги, приводившие в порядок свои доспехи, находясь недалеко от шатра. Кто не любит посмотреть на схватку? По достоинству оценить мастерство бойцов, а то и выиграть пару медных грошей?

– Возьми свой меч, и приготовься получить достойный урок! Я покажу тебе, что значит оскорбить лорда Архорда! И если я тебя не убью, то это только потому, что ты – виг!

– По всей видимости, лорд одержал много громких побед, раз так уверен в своих собственных силах! – Рутгер усмехнулся, стараясь ещё больше распалить своего противника, и взял свой меч из рук подбежавшего Герфура. Он не стал размахивать клинком, пробуя его в руке. Он решил покончить с этим быстро и решительно. Без всяких красивых ударов, без попытки узнать возможности соперника, как когда-то учил его Увгард.

– Мой воевода! Будь осторожен! Не убей, случайно, этого разряженного петуха! – Выкрикнул Сардейл, и в предвкушении жаркой схватки довольно осклабился.

Архорд ударил первым, справа, с плеча. Стальной Барс не стал парировать этот удар своим клинком. Плавню скользнул в сторону, и как два дня назад, перед битвой у Волчьих Ворот, сделал шаг вперёд, сближаясь с лордом, одновременно раскручивая меч над головой, справа налево. Сверкнула сталь, и разящий удар настиг Архорда, когда тот только начал поднимать свой меч, чтобы отразить опасность. Противник не успел что-либо предпринять, как уже лежал на земле. Помятый шлем слетел с головы, а сам он был на грани потери сознания.

Воевода услышал, как восторженно взревели воины, как удивлённо смотрели на него сивды, а Сардейл разочарованно сплюнул, что-то пробормотав. Рутгер поднял меч, и виги стихли.

– Принесите воды лорду. Его придворные учителя так же немощны, как и он сам. Что ему делать в моём отряде?

Поддерживаемый Ярвом, племянник Владыки поднялся, и со злостью прохрипел:

– Мы ещё не закончили!

– Закончили. – Жёстко сказал Стальной Барс. – Я нанёс удар плашмя. Если бы я чуть повернул меч, ты бы лишился половины головы. Ты – мертвец.

Архорд хотел было ещё что-то сказать, и даже приподнял для этого голову, но потерял сознание, и обвис на руках сивдов. Те поспешили его унести подальше, и попытались привести в чувство. К Рутгеру подошёл Ярв, и, не желая, чтобы кто-то его услышал, шепнул:

– Есть разговор, воевода. Думаю, тебе не лишне будет узнать кое-что интересное.

Что-то тревожное было в его голосе, и Стальной Барс кивнув, направился в свой шатёр. Надо обязательно его выслушать. Ещё тогда, при первой их встрече, этот сивд показался ему человеком надёжным, какому можно если не доверять, то, по крайней мере, верить. Может, он действительно скажет что-нибудь важное?

– Воевода Рутгер, тебе придётся взять лорда Архорда в свой отряд. – Заговорил сивд, едва они вошли в шатёр. – Владыка Альгар будет просить тебя ещё раз. Фельмор и Сатвел будут настаивать. Когда-нибудь тебе придётся уступить, чтобы не испортить отношения с существующей властью.

– Вот как? – Стальной Барс нахмурился. – Зачем мне Архорд? Что в нём есть такого, чего нет в любом из вигов? Зачем мне его спесь? Зачем мне постоянно ставить его на место? Я уверен, что так и будет продолжаться весь наш поход! Не проще ли отправить его домой?

– Нет. Не проще. – Возразил Ярв. Выглянул из шатра, и только тогда, понизив голос, продолжил: – Разве тебе не понятно? Его послали приглядывать за тобой! Разве не лучше иметь уже знакомого тебе сторонника лордов, чем это будет кто-то неизвестный тебе? Что ты думаешь об этом?

– В твоих словах есть логика. – Кивнул Рутгер. – Но зачем мне кто-то из клики моих врагов? Разве не могу я просто никого из них не брать с собой?

– Не знаю, о чём договорились лорды, и всё же от них можно ожидать чего угодно. Вполне может быть, что без Архорда где-то в степи тебя может ждать засада. Не лучше ли пока держать его при себе? Вы говорите, что друзей надо держать возле сердца, а врагов ещё ближе. В походе нас может поджидать много опасностей, и тот,

кто должен приглядывать за тобой, тот, кто должен навязывать тебе свою волю, может просто погибнуть.

Рутгер внимательно посмотрел на Ярва, немного подумал. Было в этом нечто гаденькое, подлое, но в сущности сивд был прав. Разве всемогущие лорды не задумали что-то подлое, гадкое и коварное? Против такого врага хороши все средства. В такой войне тот, кто уповает на благородство, погибает первым. Политика – грязная вещь.

– Да. Так и надо сделать. Хорошо. Я беру Архорда в свой отряд, и десяток его телохранителей, но не больше. А ты, Ярв, отвечаешь мне за то, чтобы лорд был тихим и покладистым. Если мне что-то не понравится в его поведении, то... – Стальной Барс многозначительно не договорил.

Сивд понял всё правильно, и поспешил заверить:

– Воевода Рутгер, я знаю кое-какие струны в душе Архорда, и задев их, я смогу какое-то время держать его в узде. Скоро он поймёт, сколько стоит его жизнь, тогда присмирееет и сам.

– Надеюсь, так оно и будет. – Воевода улыбнулся, и уже совсем успокоившись, сказал: – Отбери десяток из сивдов, согласных пойти в степи, и можете разбивать шатёр.

– Это будет сделать легко. В моём отряде мало кто по доброй воле вызвался сопровождать лорда. Мои воины привыкли к лёгкой и сытой жизни! Их тела привыкли к баням и мягким постелям! Стоит мне только сказать, и почти все уйдут обратно, во дворец Владыки.

– Но ты-то ведь останешься?

– Конечно! Останусь я, и верные мне люди. Мне давно уже надоела служба во дворце, и разные сомнительные поручения.

– Что же это за поручения? – Подозрительно спросил Рутгер.

– Впереди нас ждёт долгая дорога, и мы успеем обо всём поговорить. – Ярв улыбнулся, и вышел из палатки.

Не смотря на то, что Ярв был сивдом, он нравился Стальному Барсу. Его независимый взгляд пронзительно чёрных глаз, уверенные, казалось, строго рассчитанные движения опытного воина, всегда имеющего на всё какие-то свои убеждения. Он не был прям как виг, но что-то благородное в нём всё же было. Жаль, что он сивд. Такой боец, несомненно, пригодился бы в войске клана.

К шатру подошёл Сардейл и Герфур. Ветеран недовольно покосился на воеводу, отчего его шрам налился кровью, и Стальной Барс заметил, как забились жилка на его изуродованной щеке. Казалось, ткни её пальцем, и, лопнув, она изойдёт густой, горячей, красной струёй.

Рутгер ждал, когда они заговорят первыми, и с любопытством поглядывал на обоих. Самым нетерпеливым оказался ветеран:

– Дьявол меня раздери! Воевода, ты что, не мог подольше позвенеть мечами? Ты меня разочаровал! Разве этому тебя обучали в войске? Я понимаю, в настоящей битве, но здесь-то!

– Что же тебя так расстроило? – Не скрывая улыбки, спросил Стальной Барс.

– Он проиграл два гроша! – Со смехом ответил Герфур.

– Да. Проиграл... – Пробурчал Сардейл, и заулыбался сам. – Поставил на лорда, что тот выдержит три удара, а он оказался просто наглым щенком!

– С этим наглым щенком нам придётся отправиться в степи. – Пригласил общее веселье воевода. С лиц друзей сразу же сползли улыбки, и Герфур возмущённо спросил:

– Зачем он нам нужен? Это же не боец, а настоящая обуза!

– Так надо. Потом вы всё поймёте. Это одно из требований Владыки Альгара. Ладно. – Вдохнул Рутгер. – Тело Балвера уже отправили в Храм Бессмертного Тэнгри. Дружина собрана. Осталось дожидаться Аласейя, и можно будет отправляться.

– Наконец-то! – С облегчением вдохнул Сардейл. – Что-то засиделся я без дела! Моя секира давно наточена, а Тэнгри принесены все жертвы! Жрец говорит, что нам будет сопутствовать удача!

– Так говорят все жрецы. – Усмехнулся Стальной Барс, и немного подумав, добавил: – А что будет на самом деле – никому не известно.

* * *

Глава 32.

Странно видеть, как в тёплой зелени окружающих замок лесов, пролетают крупные хлопья холодного снега. Здесь всегда такая странная погода, что может меняться по несколько раз в день. Утром бывает тепло, светит солнце, поют птицы, и кажется, что так будет долго, несколько дней, а к полудню небо затянет свинцовыми тучами, и из них посыплется снег, чтобы к вечеру растаять без следа, и уже ничем не напоминать всему живому, что небеса совсем недавно хмурились. Это из-за ледника. Он напоминает о себе своим ледяным дыханием каждый день.

Мортрей стоял на стене, кутаясь в плащ из медвежьей шкуры, и смотрел вниз. Туда, где за рвом, среди деревьев и кустов скрывались харвеллы из Тайной Стражи лорда Фельмора. Они ничем не выдавали своего присутствия, но все, кто находился в замке, знали: они там, и не уйдут, пока не перебьют всех.

Сколько их там? Сотня? Две? Этого не узнать, пока не опустишь подъёмный мост, не откроешь ворота, и с верными воинами не пойдёшь в атаку. Зачем? Только для того, чтобы в отчаянном порыве погубить и без того небольшой отряд? Из замка КORTE ведёт только одна дорога, да и та петляет так, что на ней не развернуться большим силам. Отличное место для множества засад. В замке, окружённом со всех сторон скалами, хорошо обороняться, и только. Его невозможно взять штурмом, но и невозможно из него вырваться. Замок КORTE – самое безопасное в стране Лазоревых Гор, место, и в то же время, это самая надёжная ловушка.

Лорд тяжело вздохнул. Его оболгали, объявив изменником страны Лазоревых Гор. Его обвинили в том, что он вступил в сговор с Повелителем Сармейских степей, чтобы занять трон Владыки. Никаких доказательств Совет Лордов не предоставил, да они были и не нужны. Зачем доказательства тем, кто это всё и придумал? Им было нужно, чтобы он замолчал навсегда, и не мог рассказать вигам об их предательстве. Чтож, им это удалось. Пока. Но зато он смог вырваться, и не смириться. Он ещё продолжит борьбу. Как? Пока он не знал ответа на этот вопрос, только чувствовал – всё ещё впереди. Надо просто немного подождать, а после победы вигов в войне с челманами, всё решится, само собой. Военный вождь Балвер рассудителен, и имеет здравый смысл. Он сможет принудить лордов подчиниться ему. Он сможет восстановить справедливость, и тогда страна Лазоревых Гор узнает всю правду о тех, кто хочет ей править, грабя свой собственный народ.

– Мой лорд! По моим подсчётам, запасов еды хватит на три месяца. – Сотник Норд помолчал, что-то прикидывая в уме, и добавил: – А если немного затянуть пояса, то и на четыре.

Мортрей повернулся и, глядя на своего верного сивда, улыбнулся:

– Этого более чем достаточно. Столько времени нам не понадобится. Балвер сможет вернуть Законы Предков, и накажет зарвавшихся лордов.

Сотник криво усмехнулся, и, глядя со стены вниз, недовольно проворчал:

– Ещё неизвестно, кто победит в этой войне. Насколько мне известно, у Аллай-хана несколько тысяч воинов, а вигов наберётся едва ли две!

– Не забывай царя Россы! Они придут к нам на помощь, а тяжёлая конница россов непобедима! – Мортрей тоже посмотрел со стены, пытаясь разглядеть среди листвы и кустов харвеллов, потом спросил: – Сколько ты уже в стране Лазоревых Гор? Шесть лет? Или я ошибаюсь? Неужели ты ещё не заметил, что в Обитаемом Море нет воинов сильнее, чем виги?

Норд улыбнулся, снял шлем, и лорд заметил в его пышных, каштановых волосах несколько косичек, заплетённых по обычаю вигов. Он подумал, что совсем недавно не видел их на голове своего сотника. Или просто не замечал? Не обращал на это внимания?

Сивд заметил удивлённый взгляд своего господина, и ответил на немой вопрос:

– Я считаю страну Лазоревых Гор своей Родиной. Что меня ждёт в Сангаре? У меня нет ни невесты, ни матери, ни дома. А здесь...

– Что здесь? Неужели есть невеста?

– Да. Она харвеллка, и её отец держит кузницу. Как только всё утрясётся, мы думаем, что можно будет и пожениться.

– Поздравлять тебя пока не буду. – Улыбнулся лорд. – У вигов это считается плохой приметой.

– Я понимаю. – Пробормотал Норд, и отпрянул за зубец стены. Стрела, пущенная откуда-то из леса, бессильно ударила в камни, и упала вниз. Сивд засмеялся, и, погрозив кулаком невидимому стрелку, спросил: – Мой лорд! Что мы будем делать? Неужели так и будем сидеть здесь? Твои воины жаждут боя!

– Будем ждать. Всё-таки я верю, что чаша весов склонится в нашу сторону. После победы виги не будут терпеть лордов, а выдвинут свои требования. Вот тогда всё и изменится.

– Может нам попробовать послать гонца?

– К кому? – Устало спросил Мортрей. Он и сам уже думал над этим, но так и не смог решить, куда слать гонцов, и с какой вестью. Призывать на помощь вождей кланов? Они наверняка думают, что в замке КORTE скрываются изменники, и придут не на помощь, а для того, чтобы взять его штурмом. Это им не удастся, но сражаться с войском своего народа...

– Пошлём гонца к Владыке Альгару, и к сотнику Ярву.

– Что это даст? Ты же знаешь, что Альгар – ставленник лордов, и ничего для нас делать не будет. Отдать себя в руки правосудия, это значит подписать себе смертный приговор. Судья и присяжные – все куплены. Им надо, чтобы я молчал, и лучше, чтобы я замолчал навсегда. Ведь об их заговоре знаю только я и лорд Гринхард.

– Значит надо послать гонца к лорду Гринхарду!

– Я даже не знаю, жив ли он. Наверняка Фельмор принял какие-то меры. А кто такой сотник Ярв?

– Он командует охраной Владыки Альгара, и имеет кое-какой вес. Он может как-нибудь повлиять на Мудрого и Справедливого. Тогда чаша весов, может быть, склонится в нашу сторону.

– Не знаю. – Мортрей размышлял. Это казалось слабой надеждой. И вообще, с каких пор сивд, командующий сотней телохранителей может иметь какой-то вес, и повлиять на Владыку? Что происходит в Вольфбуре? Мир сходит с ума? – Вряд ли из этого что-то получится, но попробовать можно. Надо узнать, что происходит в стране Лазоревых Гор. Мы сидим здесь взаперти и совсем ничего не знаем.

Надо только найти добровольца, и способ, как проскользнуть между воинами Тайной Стражи! Как это сделать?

– Ледник! Надо попробовать пройти через ледник. Замок одной из стен упирается в скалу. Добровольцы просто взберутся на неё, а потом через ледник выйдут в тыл харвеллам.

– Это невозможно. Насколько я знаю, со дня постройки замка Корте никто не мог подняться по той скале и уйти через ледник.

– А разве кто-то пытался это сделать?

Лорд немного подумал и улыбнулся. А ведь действительно! В летописях нигде не было сказано о смельчаках, способных пройти через ледник. Никто и не пытался этого сделать. В конце концов, не возникало даже такой ситуации, что нужно было искать какие-то дополнительные пути отхода.

– Надо попробовать. Хорошо. Ты найдёшь с десятков добровольцев, я напишу пару посланий. Пошлём гонцов к сотнику Ярву, и вождю Снежных Барсов, Вальхару. Мне кажется, что он наиболее из всех вождей здраво мыслит.

– А Балвер?

– Да. Тогда три послания. Хотя, мне кажется, что с Балвером что-то случилось. Мы с ним были в добрых отношениях, и, зная его характер, я уверен, что он давно бы нашёл способ связаться со мной, не смотря на все препоны Тайной Стражи. Ищи добровольцев! К полудню я набросаю текст всех трёх посланий!

Мортрей посмотрел вниз, со стены и усмехнулся. Ему показалось, что он кого-то заметил среди деревьев. Какое-то неясное движение. Харвеллы никогда не уйдут отсюда, и будут продолжать осаду, пока не погибнет последний сивд.

Через хмарь свинцовых облаков неожиданно пробилось солнце, и своими огненными лучами согрело этот кусочек Обитаемого Мира. Сразу стало теплее, и на глазах, тут же начал таять снег. Это показалось добрым знаком, вселяющим в сердца людей надежду, и веру, что ещё ничего не кончено, и всё, конечно, изменится в лучшую сторону.

* * *

Держась за стремя неторопливо идущего коня, Арния молчала. Молчал и вождь клана Снежных Барсов, Вальхар. Он понимал, что это не правильно, что они должны о многом поговорить, и как-то проститься. Вот только ни один из них не знал, как. Что их ждёт в скором будущем? Будут ли они живы через неделю? Месяц? Полгода? Насколько расстанутся, и встретятся ли когда-нибудь вообще? Увидит ли он когда-нибудь своего восьмилетнего сынишку, или тот будет помнить об отце только из рассказов матери, и от убелённых сединой ветеранов?

Обитаемый Мир жесток, но это их мир. Нужно найти силы, чтобы жить в нём, думать о будущем, и пытаться заглянуть в далёкое завтра. Если будет угодно Бесмертному Тэнгри, он даст жизни ещё не одному поколению вигов, и не даст врагам уничтожить страну Лазоревых Гор.

Вальхар не выдержал этого тягостного молчания, нарушаемого звоном удилов, фырканием коня, и его мерной поступью.

– Что же ты молчишь, Арния? Неужели тебе нечего мне сказать, или я не заслуживаю твоих слов?

Жена подняла лицо вверх, и вождя клана как всегда опалили её бездонно-изумрудные глаза. Но сегодня он в них заметил ещё и тревогу. Она пряталась где-то там, в дальних уголках, и всё же была заметна. Что её так встревожило? Что она может предчувствовать? Смерть кого-то из них? Или что-то ещё похуже?

– Разве мои слова смогут остановить тебя? Ты ещё слишком слаб. В тебе ещё очень мало крови, чтобы полноценно жить, а ты уже взбираешься на коня, тревожишь кое-как оправившихся телохранителей, и едешь в стан войска вигов! Неужели без тебя там никак не смогут обойтись?

– Там остался Рутгер. Он слишком молод и неопытен. Лорды смогут поймать его в сети интриг, и из них наверняка будет очень трудно выпутаться. Я не могу подержать его мечом, но я могу думать, и смогу дать ему пару полезных советов. Мы должны закончить дело Балвера. Ты же знаешь: люди власти не принадлежат сами себе.

Арния опустила голову, и грустно произнесла:

– Да, это так, и от этого мне кажется, что жизнь остановилась, и что я никогда не смогу тебя увидеть.

– Перестань. Нет причин для грусти. Война кончилась, орды челманов изгнаны из пределов страны Лазоревых Гор. Сейчас наступило время переговоров. Что мне может грозить?

– Самое опасное всегда может поджидать впереди, и интриги лордов – это совсем не пустяк. Они ещё способны попортить вигам кровь. Это только начало твоей борьбы, и кто знает, чем она закончится?

– Я уверен, что ничего страшного не случится. – Вальхар, встретив взгляд супруги, ободряюще улыбнулся. Он хотел наклониться и поцеловать её, но вспомнил, что сзади, на небольшом отдалении от них едут трое телохранителей, единственные, кто смог так скоро оправиться от ран, полученных у Волчьих Ворот. Только это удержало его. Не подобает вождю клана на людях проявлять какие-то обычные, человеческие слабости. Он – кремь, и сильнее его, нет никого.

Арния поняла его движение, и оглянулась на телохранителей.

– Я вижу улыбку, но твои глаза говорят мне совсем о другом. Чем ты озабочен? Чем встревожено твоё сердце?

– Я думаю о том мальчишке, кого Снежные Барсы выбрали воеводой. Это сильнее меня. Да и как мне о нём не думать, если мы с Балвером подняли его на такую высоту? Как сделать так, чтобы он оттуда не упал, и оправдал все наши надежды?

– Не забывай том, что этот мальчик сумел два дня выстоять против сотен челман, и тем самым спас страну Лазоревых Гор от разгрома. Разве он поддастся лордам? Разве они смогут его обмануть? Насколько я его помню, то он всегда был не такой как все. Какой-то серьёзный, не по годам рассудительный. Оно всё и понятно. Так рано лишиться матери, а потом и отца!

– Он не нуждается в жалости. Его отец – Ульрих, Великий Герой Балты! Разве сын героя не должен быть героем?

Арния чему-то улыбнулась, а потом, подняв лицо к своему мужу, и вовсе рассмеелась:

– В Обитаемом Море может всё встать с ног на голову и наоборот, но виг никогда не перестанет хвастаться.

Вальхар тоже засмеялся, потом задумчиво посмотрел на возвышающиеся по сторонам Марвейской дороги скалы, и произнёс:

– Да. Ты как всегда права. Скорее рухнут эти горы, и небо упадёт на землю, прежде чем виги перестанут хвалиться чем-нибудь. Не собой, так предками, а если не предками, то потомками.

– Я почему-то всегда думала, что если бы ты не был воином, то наверняка был бы поэтом.

Вождь клана посмотрел в глаза Арнии, и увидел в них любовь. Нерастраченную и неостывшую за все годы, что они прожили вместе. Были ли эти годы? Что он смог дать ей кроме тревог, забот и переживаний? Жизнь любого вига – это оттачивание мастерства владением клинком. Это служба в войске, какая занимает его так, что на семью почти не остаётся и времени. Сколько раз он видел своего сына за последние пару лет? Несколько раз?

В глазах противно защипало, и Вальхар почувствовал, как по щеке скатилась, запутавшись в седеющей бороде, скупая слеза. Он всегда был сентиментален, но никогда не решался сказать то, что ощущал сердцем. Он боялся показаться в глазах других людей слабым, нерешительным человеком. Странно. В молодости он совсем не думал об этом. Он просто знал, как должно быть, и шёл, невзирая на преграды по пути воина, следуя Законам Предков. Он беззаветно служил клану, рискуя на поле битвы своей жизнью. Судил, как подсказывала ему совесть, и никогда не пытался начать жизнь как-то по-другому. Теперь тяжкий груз прожитых лет всё сильнее давил на плечи, и он понимал, что надо было жить как-то иначе, что в мире есть не только чёрное и белое, что в мире есть и другие цвета, радующие глаз. Раньше, как и сейчас, он не боялся умереть. Пасть в битве, как друг Ульрих, или быть отравленным, став жертвой интриг, как Балвер. Он боялся не успеть сделать то, что хотел сделать, а времени, отпущенного ему Бессмертным Тэнгри, становилось всё меньше и меньше. Вальхар не знал этого наверняка, он просто это чувствовал. Ему придётся чем-то жертвовать, и вывод был очевиден. Семья! Ему придётся жертвовать самым дорогим и святым для него, ради будущего всего клана. Чтобы его род продолжал жить, чтобы у его сына было светлое будущее, а не рабское существование под гнётом лордов.

– Наверное, ты права. – Вождь грустно улыбнулся. – И если бы я был поэтом, я бы все свои песни посвятил тебе. Это ты давала мне силы, чтобы я мог бороться, чтобы я стал тем, кем я стал сейчас.

Арния остановилась, и молитвенно сложив руки на груди, еле слышно произнесла:

– Я только заклинаю тебя: вернись домой. Хоть какой – только вернись. Помни – мы тебя любим и ждём.

Вальхар заметил в глазах жены застоявшиеся слёзы, и это больно сжало сердце. Сейчас он был готов отдать всё на свете, лишь бы она улыбнулась, лишь бы никогда не видеть её слёз. Он наклонился в седле, и зная, что телохранители всё видят, поцеловал жену в губы. Он почувствовал вкус земляники, и подумал, что уже начал его забывать. Вот то, ради чего стоит жить. Не смотря ни на что, и на зло всем врагам.

– Будь осторожен...

– Я вернусь. – Проговорил вождь клана, и, почувствовав, как снова, предательски защипало в глазах, дёрнул поводья, прищипорив своего коня.

* * *

Глава 33.

Вместо рукопожатия царь россов рассмеялся, и, раскинув руки, обнял воеводу клана Снежных Барсов. Рутгер слегка растерялся такому проявлению дружеских чувств, но быстро сообразил, что к чему, и похлопал Аласейю по сильным плечам, затянутым в чёрный, невзрачный кафтан. Краем глаза он заметил, как передёрнуло лорда Сатвела, а Фельмор смотрел на это с ироничной полуулыбкой. Царь отстранился, и, держа за плечи воеводу, с вызовом спросил:

– Разве так встречают друзей? Рутгер! Где вино? Где ужин? Я весь день был в пути, не останавливаясь ни на мгновение, и жутко проголодался!

– Здесь вряд ли тебе дадут кусок мяса и глоток вина! – Стальной Барс ещё раз обнял росса, отметив, что собравшиеся в палатке Владыки Альгара лорды, совсем не в восторге от столь бурной встречи обычного воеводы клана и царя могущественного, сильного государства. – Чтобы поужинать, нам придётся оставить многоуважаемых лордов, и пройти в мой шатёр.

– Могу я узнать у почтенного царя Россы, чем вызвана его спешка, и какова цель его посещения лагеря вигов? – Вкрадчиво спросил повелитель Тайной Стражи, и слегка наклонил голову, всем своим видом показывая, что не пропустит мимо своих ушей ни одного звука.

Аласейя повернулся, и беззаботно ответил:

– Конечно! Я не делаю из этого какой-то тайны. Уже многие века виги и россы союзники и в горе, и в радости, так неужели я могу пропустить такое приключение? Уладив кое-какие срочные дела я оставил вместо себя своего брата наместником, и принял решение участвовать в походе под предводительством Стального Барса.

– Но это может грозить многими опасностями твоей жизни! Что будет с Россией, если её царь погибнет?

– А что может быть с Россией? – В голосе царя послышались нотки удивления. – Я всего лишь царь. Один из многих, что когда-то занимали трон своей страны. Я оставил за себя брата, так о чём мне расстраиваться? Каждый человек в этом мире смертен, и каждый может умереть.

– Вот именно... – Многозначительно заметил лорд Фельмор.

Глаза Аласейя вспыхнули гневом, благородные черты лица заострились, и еле сдерживая ярость, голосом, не предвещающим ничего хорошего, он воскликнул:

– Знай своё место, пёс! Я – царь Россы! А ты кто? Я не виг, и ничто мне не помешает срубить твою голову! Ты прячешься за спины харвеллов и сивдов, а я всегда встречаю опасность с мечом в руках! Ты опутал нитями заговора всех, кто здесь находится, но, видимо, не понимаешь самого простого: это всё ненадолго! Придёт время, и если не виги, то я сам посажу тебя на кол!

В шатре Владыки повисла напряжённая тишина. Только было слышно, как потрескивает фитиль в лампаде у небольшого изваяния Бессмертного Тэнгри, и как кто-то из лордов с присвистом дышал. Где-то вдалеке, за полотняными стенками палатки послышалось ржание лошади, чей-то хриплый смех, и насмешливый голос Сардейла: «А что нам терять? Ворвёмся, и перережем всех лордов вместе с сивдами! Что у них, кровь, что ли не такая, как и нас? Чем они лучше?»

Рутгер видел испуганные, побледневшие лица, и не мог сдержать злорадной усмешки. Всего несколько слов, а Аласейю удалось до смерти напугать правящую верхушку страны Лазоревых Гор, и показать им, как ненадёжна и убога их власть.

Царь россов успокоился, с улыбкой оглядел всех здесь собравшихся, и мягко, чуть ли не ласково, сказал:

– Доведите мои слова до Владыки Альгара. Жаль, что сегодня его здесь нет, и что он отбыл в Храм Бессмертного Тэнгри вместе с телом военного вождя. Пусть он знает, что я всегда готов оказать ему помощь и поддержку, и я всегда готов наказывать зарвавшихся лордов. – Он повернулся к Стальному Барсу, положил ему руку на плечо, и весело спросил: – Так ты мне дашь поесть или нет? А то я уже начинаю думать, что ты жаден так же, как и эти твари!

Воевода улыбнулся, и, кивнув, решительно направился к выходу из шатра. В его голове промелькнула мысль, что он совсем не обсудил с лордами то, зачем они

его вызывали к себе. Напомнят они ему об этом, или нет? Осмелятся, и попытаются задержать его? Вряд ли. Сейчас они слишком напуганы вспышкой гнева царя Аласей, и не скажут ни слова.

Хвала Бессмертному Тэнгри! Наконец-то он покинул их шатёр! Сейчас он понял, как там было душно. Кажется, сам воздух был пропитан ядом интриг и заговоров. Ещё немного, и каждый, кто был чист душой, будет отравлен, если будет находиться там чуть дольше.

Царь россов и Рутгер, едва вышли из шатра перепуганных лордов, как тут же были окружены десятком телохранителей Аласей. Держа в руках обнажённые мечи, они шли рядом, готовые при малейшей опасности пустить их в ход, и покарать того, кто может угрожать их царю. Немного впереди шёл Сардейл с несколькими воинами из клана Снежных Барсов, и расчищал дорогу от любопытных, начинающих собираться, чтобы поглазеть на грозных союзников.

– Зачем ты устроил это представление? – На ходу спросил Стальной Барс, глядя на своего новообретённого друга.

– Догадался? – Аласей весело улыбнулся и подмигнул: – Давно уже следовало преподать урок вашим лордам, особенно Фельмору. Слишком вольготно они себя почувствовали после того как убили Балвера. Да и тебе, друг мой, надо понемногу давить на них. Или ты ведёшь какую-то свою игру?

– Можно сказать и так. – Рутгер ступевался. Никакой игры он не вёл, да и это претило чувству его достоинства. Он просто хотел собрать отряд, и через пару дней отправиться в степи, чтобы покрыть своё имя неувядающей славой. Что будет потом, как поведут себя виги и лорды, он даже и не загадывал, как и не строил далеко идущих планов. Он жил сегодняшним днём, и этого казалось достаточно.

– Хорошо. За ужином расскажешь. – Кивнул царь россов, и немного погодя рассмеялся: – А кто это предлагал перерезать всех лордов вместе с сивдами? Твой головорез?

– Да. Один из лучших – Сардейл. Моя правая рука.

– Чтож, обязательно с ним познакомлюсь. За ужином нам нужно будет немного пошептаться. Я бы сказал, в узком кругу. Балвер просил меня кое о чём, и я, сам понимаешь, не могу не выполнить его последнюю волю.

* * *

За приготовление ужина взялся сам Сардейл, и Рутгер невольно подивился, откуда взялось такое разнообразие, если учесть то, что виги в основном питались кулешом и козлятиной, запивая еду кисловатым, дешёвым вином, разбавленным водой. Откуда взялось такое богатство, если, несмотря на все обещания лорда Вармера, в войске ещё не было выплачено ни одного золотого?

На столе сочно парила источая жир, нарезанная крупными кусками свинина, говядина. пышные караваи белого хлеба дразнили своим запахом и вызывали зверский аппетит. Перья лука свешивались с серебряных блюд, и казались зелёными реками между горок парящего, рассычатого картофеля. Безумно дорогие помидоры, как бы подчёркивая свою обособленность, сиротливо жались к своим ближайшим родственникам, огурцам. И среди всего этого изобилия, в центре стола, возвышалась пара глиняных кувшинов с терпким, батгейским вином.

– Ого! Так вот значит, как кормят воеводу клана! – Воскликнул царь россов, вольготно располагаясь в кресле во главе стола. Он сразу же потянулся к кувшину с вином, наполнил свой кубок, в несколько глотков выпил, и, переводя дух, прогово-

рил: – Наконец-то! Только у вигов можно выпить хорошего вина, и ничего не опасаясь, расслабиться. Анди!

В палатку вошёл воин с обнажённым мечом, в шлеме без маски, в чешуйчатом, не как принято у россов, доспехе. Его плечи покрывал плащ из шкуры пятнистого, неизвестного Рутгеру, зверя, застёгнутый на мощной груди серебряной пряжкой. Он сразу же внимательно осмотрел внутреннее небогатое убранство шатра, и только тогда промолвил:

– Приказывай, мой царь.

– Расставь воинов по периметру шатра в двадцати шагах от нас, чтобы никто не мог услышать то, о чём мы будем говорить, и вели никого не подпускать ближе. Пусть это будет даже сам Владыка Альгар. Если кто-то ослушается – тому смерть! Позови сюда воинов, чьи имена сейчас назовёт тебе воевода клана, и заходи сам.

Рутгер не задумываясь назвал Сардейла и Герфура.

– Будет сделано. – Анди кивнул, и вышел. Скоро послышался его голос, отдающий приказы, и Аласейя улыбнулся:

– Более преданного человека трудно представить. Он верой и правдой служил моему отцу, и так же служит мне.

Стальной Барс сел напротив царя, взял кувшин и не торопясь наполнил кубки. Он размышлял, о чём будет идти речь с такими мерами предосторожности. О чём будет предстоящий разговор? О чём мог попросить росса, Балвер? Зачем такая секретность?

В шатёр вошли Сардейл и Герфур. Ветеран вёл себя свободно, не напряжённо, впрочем, как и всегда, а Герфур растерялся, и явно не находил себе место. Куда же подевалась его недавняя уверенность в себе? Или он так повёл себя из-за царя россов?

– Что же вы? Воевода уверил меня, что вам вполне можно доверять. Так что садитесь, и приступим к еде. – Аласейя сделал широкий жест рукой, приглашая всех к столу.

– В клане Снежного Барса любому воину можно доверять. – Проворчал Сардейл сядя по правую руку от Рутгера.

– Не сомневаюсь. – Парировал царь. – Давайте наполним наши кубки, и начнём. Разговор предстоит не простой и долгий. Мой друг, всё ли у тебя готово для похода, и когда ты хочешь начать его?

– Вообще-то всё уже готово, мы ждали только тебя.

– И, похоже, это тебя не удивило? Не так ли?

Стальной Барс улыбнулся:

– Да. Лазутчики лорда Фельмора сказали нам об этом ещё два дня назад. Если честно, то это спасло нас от новой войны. – Заметив недоумённый взгляд царя, воевода продолжил: – Меня призвали в шатёр, к лордам и Владыке Альгару. Один из сивдов предупредил меня, что там подготовлена засада, и я пришёл с вигами. Всё-таки они собирались затеять со мной ссору, и, обвинив в оскорблении Мудрого и Справедливого, сопроводить в замок Салдо. Лазутчик явился вовремя! Известие о твоём прибытии расстроило все их подлые замыслы. Всем известно, что в замок Салдо попасть легко, а вот выбраться оттуда, довольно затруднительно, как рыбе, запутавшейся в сетях.

Аласейя усмехнулся:

– Ваших лордов ничем не проймёшь. Тысячу раз был прав военный вождь: им поможет только одно снадобье – топор палача. Собственно, для этого я и собрал вас всех.

Полог шатра откинулся, и вошёл Анди. Быстрым, цепким взглядом он оценил Сардейла с Герфуром, и ни слова не говоря сел рядом с царём. По его напряжённому виду можно было безошибочно сказать, что в любое мгновение он ожидает нападения, и то, что он в любой момент может отразить его, а если понадобится, то и закрыть грудью своего господина.

– Тебе, мой друг, наверняка не даёт покоя вопрос, о чём меня просил Балвер? Так вот, ответ очень прост – он просил меня посадить тебя на трон Владыки. – Аласейя выждал эффектную паузу, и продолжил: – Я пока не знаю, как это сделать, но полагаю, что вместе мы что-нибудь придумаем. Я плохо знаю ваши законы, поэтому вы сами должны решить, как это произойдёт. Со своей стороны, я обещаю поддержку войска россов, вплоть до прихода их в страну Лазоревых Гор, для уничтожения наёмников.

Последние слова царя жёстко резанули слух, и Рутгер поморщился. Он не хотел новой, опустошительной, кровавой войны... Пока он перебирал в уме различные варианты, как этого можно избежать, вдруг до конца осознал смысл сказанных россом слов. Сразу же стало жарко, и он отхлебнул из кубка, чтобы утолить внезапно появившуюся жажду.

– А у меня кто-нибудь спросил согласие? Мне совсем не хочется... – Начал было Стальной Барс, но был прерван всё тем же царём россов:

– Рутгер! У тебя просто нет выбора! Я сам долго размышлял над словами Балвера, и пришёл к выводу, что он, как всегда, был прав! – Аласейя перевёл дыхание, отпил вина, с улыбкой оглядел воинов: – Ни для кого не секрет, что отец Рутгера был другом Балверу и Вальхару. Во многих битвах они прикрывали друг друга спины. Это было и при Балте, и в войне против ярвиров. Рано или поздно военный вождь должен был подумать о своём преемнике, так кого он мог предложить, как не сына своего погибшего друга? Он мог предсказать, предвидеть, каким будет характер сына своего друга. – Царь россов с каким-то сожалением посмотрел на Стального Барса, немного помолчал: – Если бы Балвер был жив, он бы, конечно, извинился перед тобой. Но так как он мёртв, я сделаю это за него. Прости, что тебя долго использовали в тёмную. Ты долго много чего не знал, и вот теперь, я думаю, что пришло время. Тебя уже давно подготавливали к трону Владыки. Днём и ночью. Ты мог этого и не замечать, но всё было направлено на то, чтобы ты признавал только Древние Законы. В этом постарался, конечно, Вальхар, и Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри. Сейчас, когда ты победил в своей первой битве, ты стал зрелым мужем, и можешь повести за собой вигов. Или мне это только кажется?

Рутгер подавленно молчал. Что он мог сказать? Очень горько и обидно узнать, что те, кому верил и кому был беззаветно верен, использовали его как куклу в своей игре, что называется политикой. Неужели всё, чего он смог достичь за последний месяц, было давно predetermined, и его просто слегка подталкивали и направляли по тому пути, что был нужен военному вождю? Впрочем, так ли это плохо? По крайней мере, он стал не простым воином, а воеводой клана. Кем бы он стал, если бы Вальхар, и Хранитель не направляли его по правильной дороге, а дали свернуть с неё? Нет, об этом лучше и не думать.

– Я совсем не знаю, что мне надо делать! Если уж так получилось, что военный вождь видел во мне Владыку, я готов сделать всё, чтобы выполнить его волю. Но пока, я думаю, это невозможно.

– Если царь россов позволит, то я хотел бы поведать Рутгеру о настроениях вигов. – Неуверенно проговорил Сардейл. Тяжело вздохнул, и ещё тише добавил: – Наш воевода пока ещё не знает, что говорят о нём воины из других кланов.

– Сардейл! Не надо чиниться. – Аласейя ободряюще улыбнулся, и, подцепив ножом несколько кусков мяса, положил себе на тарелку. – Нам предстоит сражаться плечом к плечу, делить последний кус хлеба и глоток вина, так что давайте сразу отбросим все титулы и званья.

Ветеран, как ни в чём ни бывало, кивнул, и, отпив из своего кубка, заговорил:

– Стального Барса пока мало кто воспринимает всерьёз. Только четыре клана из семи готовы поддержать его, да и то, только до какого-то определённого момента, а дальше я и не знаю, что может быть. Я сам слышал, как ветераны из клана Чёрных Медведей весьма нелестно отзывались о нём. Они согласны идти за ним только для того, чтобы прижать лордов, а на троне военного вождя хотели бы видеть кого-то из своих.

Пока Сардейл говорил, Рутгер размышлял, и пришёл к выводу, что ветераны Чёрных Медведей, правы. Свой человек на троне, это, конечно же, лучше, чем кто-то неизвестный:

– Они думают правильно. Военным вождём может стать человек, совершивший несколько великих подвигов, чьё имя повергает врагов в ужас, а сердца друзей наполняет гордостью. Так зачем же я отправляюсь в степи, как не за делами, о коих будут вспоминать ещё наши потомки? Это пока, я простой воевода, что в Волчьих Воротах отбивал два дня атаки врага. Потом, когда мы найдём убежище Древних Богов, наши имена засверкают над всем Обитаемым Миром! Только тогда, на Совете Вождей меня выберут, и посадят на трон.

– Ты понял всё правильно. – Аласейя улыбнулся. – Так что ради страны Лазоревых Гор ты просто обязан найти Богов! Я уверен, что дух Балвера сейчас нас слышит, и радуется, что не ошибся в тебе. Трон военного вождя – это ступень, после какой стать Владыкой уже не так сложно. Гораздо труднее будет без никому ненужной войны прижать лордов, и что-то изменить в жизни вигов.

– Я готов к этой битве! – В запале почти выкрикнул Стальной Барс, и краем глаза заметил, как глаза сидящего к нему боком Сардейла, потеплели. Он прекрасно осознавал, что взять власть в свои руки будет совсем не просто, как и противостоять интригам лордов, но его так выпестовали, так воспитали, что он не мог представить свою жизнь без каких-то важных решений, могущих всё изменить. Прах и громкая слава отца не давали его сердцу успокоиться.

Царь россов поднял кубок с вином, и провозгласил:

– За будущего военного вождя! Будь как Балвер, и ты станешь Владыкой Лазоревых Гор!

Все как один встали, подняли кубки, и выпили их до дна. Рутгер вдруг почувствовал, что в этом шатре только что произошло что-то очень важное, что объединило пятерых совершенно разных людей. Цель! Все пятеро жаждали достигнуть её. Кто-то хотел покрыть своё имя славой, кто-то, выполняя завет военного вождя занять его трон, кто-то, сберечь своего будущего Владыку. У каждого было что-то своё, но вместе они пытались достигнуть чего-то общего, чего-то безумно далёкого, что представлялось всем какой-то загадочной, ещё не осязаемой воочию, мечтой.

Где-то недалеко зазвенели мечи, и послышались крики. Кто-то громко выругался, и Стальной Барс узнал голос Архорда.

Царь россов встрепенулся, поглядел на воеводу:

– Это ещё кто?

– Это племянник Владыки Альгара. Лорд Архорд. Мне пришлось его взять по настойчивой просьбе Мудрого и Справедливого.

– Лорд в твоём отряде? – Удивлению Аласейя не было предела. – Как такое возможно? Зачем ты взял врага? Он может обнажить меч против нас тогда, когда нам понадобятся все силы!

– У вигов есть поговорка: держи своих друзей возле сердца, а врагов ещё ближе. Теперь я знаю, кто мой враг, и что он делает в моём отряде. Разве это плохо? Гораздо хуже было бы, если я не знал того, кто подослан лордами. К тому же с ним всего десяток сивдов.

– Десяток сивдов?! – Вскричал росс. – Их удар в спину может всем нам стоить жизни!

– Я думаю, что их сотнику можно доверять, и он смог убедить меня, что сможет повлиять на Архорда, чтобы тот немного поутих.

– Ты говоришь, что доверяешь сивду?

– Да. – Рутгер посмотрел в глаза царю, и заметил в них какой-то бешеный огонёк разгорающейся злости. Он видел росса в гневе, и всё же решил не отступать. Он хотел отстоять своё мнение, чего бы это ему ни стоило. Он понимал, что если уступит сейчас, то потом уже никогда не сможет перечить Аласейя. – Этот сивд не совсем обычен. Он благороден, и знает, что такое честь.

– Честный сивд? – Росс усмехнулся. – Я такого ещё никогда не встречал. Ладно, дело твоё, но если я в чём-то их заподозрю, то я отдам приказ их перебить. Кстати, раз уж так, то хотелось бы взглянуть на того, с кем мне придётся смыкать щиты! Анди, приведи к нам этого лорда, я хочу с ним познакомиться.

Телохранитель царя кивнул, и вышел из шатра. Через какое-то время послышались его резкие приказы, опять лязгнули мечи. Полог палатки откинулся, и один за другим в неё вошли Архорд и Анди. Лорд не разглядев сидящего к нему спиной Аласейя, сразу же зло проговорил:

– С каких это пор мне не позволяют прогуливаться по лагерю, где я хочу? Я требую объяснений!

Росс медленно повернулся, и смерил племянника Владыки высокомерным взглядом. Тот, узнав царя, смутился, и промычал нечто невразумительное, попятился, и совсем растерявшись, застыл на месте. Молчание длилось недолго, и первым, как всегда заговорил Аласейя:

– Теперь это будет происходить часто. Ты вступишь в отряд воеводы Рутгера, так что тебе придётся ему подчиняться, и ты будешь прогуливаться только там, где он разрешит. Запомни – если тебя куда-то не пускают, значит, на это есть какие-то свои причины. Всё, я тебя больше не задерживаю.

Лорд опять пробормотал что-то неразборчивое, сделал шаг назад, едва не упав наткнувшись на Анди, и неуклюже поклонившись, скрылся за пологом шатра.

Сардейл громко расхохотался, и, вытирая слезы, брызнувшие из глаз, еле смог выговорить:

– Разве это лорд?! Да это просто шут!

Начавшее возникать напряжение разрядилось дружным смехом. Рутгер смеялся вместе со всеми, а сам думал о том, что теперь Архорд будет искать случая, чтобы поквитаться за своё унижение. Теперь в его списке стояло пять имён. Если до кого-то ему пока было сложно добраться, то он, конечно, наберётся терпения, и выберет момент, чтобы отомстить. Только вот, когда это будет? Где-то там, в степях? Нет, для этого у него слишком мало сил. Десяток сивдов – это ничто, даже если каждый из них отчаянный рубака. Скорее всего, это произойдёт, когда они будут возвращаться в страну Лазоревых Гор, но до этого ещё надо дожить.

* * *

Глава 34.

Кутаясь в длиннополый, разноцветный, изрядно поношенный халат, Сагынай подобострастно отступил на шаг, и низко поклонился. Краем глаза он успел заметить самодовольную ухмылку Владыки Альгара, и понял, что добился своего. Он всегда умел произвести нужное ему впечатление. Ему хватало одного взгляда, чтобы понять, кто перед ним, и что представляет собой. Так и сейчас, одна единственная стрела, пропитанная причудливым узором лести, подобострастия, хитрости, и тонкого расчёта, точно попала в цель. Никто из врагов не умел выражаться так, как он, и никто из них не умел спрятать в потоке слов именно то, о чём он хотел умолчать. Виги слишком прямолинейны, и не умеют так изощрённо лгать. Несмотря на то, что он с трудом говорил на языке вигов, все собравшиеся здесь лорды понимали его, и кажется, были довольны, что для них не требуется толмач.

– Я хочу ещё раз поблагодарить Великого Владыку Альгара, да продлятся годы его правления до бесконечности, за ту милость, что он оказал недостойным его рабам...

– Хватит сладких речей, Сагынай. – Мудрый и Справедливый поднял руку. – Я уже забыл, о чём мы говорили с самого начала. О чём же ты говорил, как только вошёл в мой шатёр?

– Если Владыка позволит, то я ему напомним. – Лорд Фельмор приподнялся с кресла, внимательно посмотрел на склонившегося тысячника челман. – Слишком много забот свалилось на голову нашего правителя, и не мудрено, что-то забыть.

Сагынай показалось, что он услышал в голосе Повелителя Тайной Стражи какую-то издёвку, и он, не сумев сдержать изумления, подняв голову, взглянул на него. Так и есть! Фельмор смотрел на Владыку Альгара с нескрываемым презрением, и по этому взгляду можно было безошибочно понять, кто в стране Лазоревых Гор настоящий Владыка.

– Тысячник сообщает, что завтра на рассвете последний отряд из его войска покидает пределы нашей страны. Он благодарит тебя, за то, что ты обеспечил их едой и водой, не дав погибнуть голодной смертью. Он просит найти и наказать тех вигов, что, не смотря на закончившуюся войну, продолжают нападать на безоружных челман, что отнюдь не способствует установлению добрососедских отношений.

Ропот голосов пробежался по местам, где сидели лорды. Сагынай не знал кто они, не знал их имён, но теперь уже с уверенностью мог сказать, что видел перед собой правящую верхушку страны Лазоревых Гор. Альгар – всего лишь ширма. Послушная кукла в руках истинных хозяев этих богатейших гор.

– Это возмутительно! – Выкрикнул кто-то из разноцветной толпы лордов. – У нас есть договор, и его надо выполнять! Сколько всего было нападений, и сколько челманов было умерщвлено?

Челман заметил, с каким негодованием были сказаны эти слова и поспешил сгустить краски:

– Я не могу сказать с точностью многоуважаемым лордам, чей разум подобно солнцу прорезает тьму невежества, сколько всего было нападений, но мне известно, что погибло более сотни моих соотечественников. Верные данному слову, они не предпринимали ничего, чтобы защитить свои жизни, и молча погибали под мечами жаждущих крови воинов. Моим глазам не удалось лицезреть это ужасное зрелище, но я видел тела зверски замученных гааров, и у них было вырвано сердце, и печень. Мои воины не успевают хоронить павших союзников по их обрядам, и нам прихо-

дится их сжигать, разводя огромные костры. Найдут ли их души успокоение, или будут тревожить своим присутствием благословенную страну Лазоревых Гор?

– Лорд Фельмор, приложите все усилия, чтобы найти виновных, и наказать их. – С ленцой в голосе проговорил Владыка, и украдкой, прикрывшись ладонью, подавил зевок.

– Конечно, Мудрый и Справедливый. В течение двух дней виновные будут найдены, и препровождены в замок Салдо. Я думаю, лорд Парфтек вынесет правильный приговор, и преступники проведут остатки своей жизни в золотых рудниках.

Повелитель Тайной Стражи многозначительно посмотрел на судью, надувшего и без того толстые щёки, важно кивнул.

Глядя на него Сагынай сразу сообразил, что справедливого суда нет в стране Лазоревых Гор. Здесь всё так же покупается и продаётся, как и в Сармейских степях. Он помнил разговор, произошедший у него с лордом Фельмором один на один.

Сначала он долго не мог понять, чего от него добиваются, и почему задают такие странные вопросы. Потом вспомнил слова, случайно брошенные в сердцах повелителем Сармейских степей, когда тот ещё был жив, и его телохранители ещё и не думали, что такое многочисленное войско потерпит поражение. Тогда он не понял их значения, теперь же ему всё стало ясно. Этот человек в чёрной хламиде, этот невзрачный, почти незаметный лорд Фельмор, продал страну Лазоревых Гор, и призвал Аллаи-хана из степей, чтобы с помощью его войска сесть на трон Владыки!

Тысячник почувствовал исходящую от него угрозу ещё тогда, во время первого их разговора, и понял, что любое неосторожное слово может его погубить. Повелитель Тайной Стражи не остановится ни перед чем, и заставить навсегда замолкнуть любого ненужного ему свидетеля. Сагынай тогда мысленно поблагодарил всех своих Богов, что хан не успел посвятить его в свои планы, и он ничего не знал. Он был уверен, что именно это спасло ему жизнь.

Тысячник ещё раз поклонился, поняв, что все разговоры окончены, рассыпавшись в похвалах Владыке и лордам, попятился к выходу из шатра. Только выйдя из него, он глубоко и облегчённо вздохнул. Он повернулся, и, пряча от стражников торжествующую улыбку, направился в сворачивающийся лагерь челман, находящийся в нескольких полётах стрелы от Волчьих Ворот.

У него был конь, но он пришёл сюда пешком, чтобы самому увидеть стройные ряды палаток вигов, и трезво оценить их готовность к следующей войне. Да, он собирался набрать войско ещё большее, чем было, и уговорить сына покойного Аллаи-хана пойти новой войной на богатейшую страну, в какой даже у простых телохранителей есть мечи, украшенные безумно дорогими изумрудами. Глупцы! Они не видят и не замечают собственного богатства, на какое могли бы с потрохами купить все страны и народы Обитаемого Мира!

Сагынай улыбался, потому что был уверен, что смог убедить лордов и Владыку, что челманы сломлены, и никогда больше не нападут на вигов. Они верят клятвам! О, Великая Пустота! Как же они наивны и слепы! Разве должен такой народ существовать, и владеть этими горами? Нет! Такие богатства должны принадлежать сильным и хитрым правителям! Таким, как он! Пусть он пока тысячник разбитого войска, но придёт время, и он сможет стать господином Сармейских степей, а там и всего мира! Сын Аллая? Военное счастье переменчиво, и он может легко попасть в засаду, устроенную если не вигами, то любым другим народом.

* * *

Йеге не был магом или колдуном, их времена давно прошли, растворившись в веках, но иногда ему казалось, что он действительно может сотворить какое-нибудь

заклятие, и совершить чудо. Немного поразмыслив, он приходил к выводу, что слегка погорячился, а соплеменники всё же были убеждены, что он может это сделать. Они просили у него выполнить нечто невозможное. Вызвать дождь во время засухи, вылечить умирающего от ран, помолиться Богам, чтобы он даровал победу даже в самом безнадежном положении. Он как мог, пытался опровергнуть эти слухи, но ничего не помогало. Все были уверены, что он просто набивает себе цену.

В том, что он знал и умел, не было ничего магического. Знахарские знания копились в их роду из века в век, и передавались от старших к младшим под строжайшим секретом. Любому, кто пытался передать эти знания другим родам, отрубалась голова, и не было пощады никому, будь то обычный родич, или старейшина. Говорят, что раньше такое случалось. Так закончила свою жизнь его прабабка.

Йеге посмотрел на воина, зажимающего рукой рассечённое мечом плечо, и кажется, узнал его, хотя, все виги в свете затухающего дня, в своих чёрных доспехах, с раскрашенными лицами, в рогатых шлемах, казались ему совершенно одинаковыми. Это он спас его от смертельного удара, подкравшегося челмана, оттолкнув в сторону.

Знахарь подсел к нему поближе, порылся в своей котомке, по запаху нашёл нужный корешок, и протянул воину:

– На! Пожуй!

Морщась от боли, тот недоверчиво спросил:

– Что это? Ты хочешь меня отравить?

– Нет! Клянусь Богами, я даже не думал об этом! Этот корешок уймёт боль, что разгорается в твоём плече, и я смогу зашить рану! – Гаар начертил в воздухе знак своих Богов, и протянул раненому небольшой, резко пахнущий корень.

Виг недоверчиво покосился на него, снова застонал, и когда боль стала невыносимой, поспешно схватив лекарство, засунул его в рот. Он что-то попытался проговорить, не смог, и повалился на спину, потеряв сознание.

Шум боя переместился куда-то за деревья, а скоро и вообще затих вдалеке. Где-то, совсем недалеко, кто-то захлёбываясь кровью что-то бормотал на языке челман, и из последних сил шуршал листьями.

Йеге не спешил бежать на шум. Мало того, он совсем не собирался помогать раненому степняку, предоставив ему возможность умереть от ран, полученных в битве с вигами. Теперь он ненавидел челман, и был готов убить кого-нибудь из них, хотя раньше никогда этого не делал. Он был знахарь, а не воин. Его дело лечить, а не убивать.

Гаар достал из-за пояса потерявшего сознание вига нож, взрезал кожаный доспех на плече, и осмотрел рану. Она была не глубокой, и всё же следовало потопить, чтобы воин не истёк кровью. Йеге достал из мешка небольшую склянку с мазью, кривую длинную иглу с суровой нитью. Ещё раз оглядел след вражеского меча, и принялся за работу.

Виги и гаары враждовали между собой несколько сотен лет, и никто не помнил, из-за чего всё началось. Об этом не было сказано ни в летописях, ни в песнях или сказаниях передававшихся из поколения в поколение. Скорее всего, поводом для непрекращающейся войны послужила такая мелкая и ничтожная причина, что о ней поспешили забыть, и никогда не вспоминать.

Йеге не чувствовал ненависти к вигам. Наоборот, он им был благодарен, и хотел отплатить тем же. Если бы Боги не свели их в одном месте, гаар ещё прошлой ночью был бы уже мёртв. Странно. Бывшие союзники стали врагами, а вечные враги стали

друзьями. Они не стали его связывать, так как понимали, что бежать ему некуда, да и не зачем. Пока в округе рыщут степняки – самое безопасное место рядом с вигами.

Знахарь зубами перекусил нитку, стянув края раны, и осторожно обработал рубец остро пахнувшей мазью из склянки. Потом достал из сумы чистую тряпицу, и перевязал плечо вигу. Он остался доволен своей работой. Давно ему не приходилось помогать людям, а без этого, ему казалось, невозможно жить.

– Ты что тут делаешь?

Йеге вздрогнул от голоса Вальгера, раздавшегося над самым ухом. Молодые воины передвигались в сумерках как тени. Ни шороха, ни звука. Неплохо они подготовились к войне. Впрочем, знахарь от кого-то слышал, что их обучают воинскому искусству с самого детства, так что в этом нет ничего удивительного.

– Я просто помог раненому!

– Только помог? – Вальгер недоверчиво покосился на свежую перевязку. – Откуда я это знаю? Может, ты отравил его?

– Нет-нет! Ты что! Я – знахарь! Так разве я могу убивать людей? Тем более что вы спасли мою жалкую жизнь!

– Почему же Лавбер лежит без сознания? От такой раны боли немного, так что я думаю....

– Он скоро очнётся! – Торопливо начал объяснять Йеге, и вдруг разглядев на лице десятника улыбку, замолчал.

– Ладно, успокойся. Никто не собирается тебя убивать. Ты хороший лекарь? Если так, то для тебя у нас найдётся работа. Одного из наших крепко приложили. Сможешь его поднять на ноги?

– Я не маг, но сделаю всё возможное. Где он?

– Сейчас принесут. – Вальгер оглянулся, посмотрел куда-то в лес, в темноту, и, повернувшись, спросил у знахаря: – Ты хорошо узнал челманов? Почему они такие? Как они смогли завоевать половину Обитаемого Мира? Воины из них совсем никудышные. Слабые, да и мечами машут без толку. Как они смогли добраться до страны Лазоревых Гор?

– Ты спрашиваешь у меня то, на что я не знаю ответ. Могу сказать только, что челманы не люди. Я видел, что они делают с пленными. Они приносят в жертву своим Богам тех, кого удаётся захватить. Да, их много, и только поэтому они захватили полмира.

Вальгер молчал, что-то обдумывая, а потом с горечью в голосе сказал:

– Не понимаю Владыку. Разве может такой народ иметь право на существование? Надо было уничтожить каждого из них. Я ещё раз повторяю, что едва они зализуют свои раны, они опять пойдут на нас войной. Тогда это будет очень жестокая война. Врага нужно убивать, а не прощать.

* * *

Глава 35.

Рутгер оглядел воинов, выстроившихся в две шеренги, и нахмурился. Нет, совсем не такой он представлял свою дружину, отправляющуюся на поиски Древних Богов. Слишком много воинов. Как сотня бойцов сможет незаметно просочиться среди отступающих челман? Большой отряд медленно идёт, и слишком заметен. Они неизбежно привлекут к себе внимание, и степняки, скорее всего, захотят отомстить за своё поражение в войне.

Попасть в дружину под чёрное знамя с изображением оскаленной пасти барса было так много желающих, что перед воеводой стоял непростой выбор. Ему при-

шлось переговорить с сотнями бойцов из всех семи кланов. Приходили и опытные ветераны, и отроки, только посвящённые в воины. Ему не хотелось кого-то обижать своим отказом, и он призвал на помощь Увгарда и Сардейла. Те быстро находили с претендентами общий язык, проверяли их умение владения мечом, и говорили, подходит человек или нет. Рутгер не знал, что именно говорили ветераны тем, кому отказывали, но воины уходили довольные, хитро поглядывая на него. Многих они отправили обратно, и всё равно, воеводе казалось, что его отряд слишком велик. Сотня воинов, и у каждого должно быть по коню. Где они будут добывать себе пищу? После того, как по степям прошли тысячи челман, это будет очень сложно.

В отряде были разные люди, как были разными и причины, по каким они попали под командование Рутгера. Зловеще чернели доспехи вигов и заулов. Утреннее солнце, отражаясь от начищенных нагрудных пластин, вплетённых в кольчуги россов, весело перепрыгивало на чешуйчатые латы сивдов, и играло всеми красками радуги на шлемах воинов. Вот это-то и не нравилось Стальному Барсу. Бойцы ехали, чтобы поучаствовать в сражениях, и они, безусловно, будут. Завоевать славу, чтобы их имена выбили на Красной Стене храма Бессмертного Тэнгри. Не составляли исключения и пятеро монахов, присланных жрецом. Рутгер же не хотел ввязываться в ненужные стычки. У него была одна цель – Древние Боги. Конечно, их убежище хотели найти все воины, но наверняка, мало кто в это верил.

– Рутгер! Какого дьявола ты нас здесь всех выстроил? – Недовольно пробурчал Сардейл, словно его оторвали от очень важного дела. – Если хочешь нам что-то сказать, так говори, а не надо хмуриться!

Стальной Барс набрал полную грудь воздуха, и как можно твёрже сказал:

– Время пришло! Завтра на рассвете мы выступаем. Среди нас есть разные люди. Виги, сивды, харвеллы, россы, заулы, несколько монахов. Есть один лорд, и даже один царь.

В строю слышались смешки, и Рутгер заметил, как Аласейя подбоченясь, самодовольно, явно дурачась, оглядел своих соседей, чем вызвал новый приступ веселья.

– Чтобы достичь своей цели мы должны сомкнуть щиты, и, не взирая на чины и звания вместе противостоять врагам, что встретятся нам на пути. Нас всего лишь сотня, но это грозная сила, и каждый боец в отряде прошёл жёсткий отбор, так что...

– Стальной Барс замолчал, так как не знал, что сказать. Он хотел, чтобы каждый понял, что отвечает за них, хотя каждый может постоять за себя и сам, что только дисциплина и чёткое выполнение приказов может быть залогом успеха. Он хотел сказать, чтобы они не рисковали напрасно, и не торопились отправиться к Очагу Бессмертного Тэнгри увенчанные славой героев, и подумал, что указывать на это не имеет никакого смысла. Пусть будет всё, как будет. Потом, они поймут и это. – Ладно, вы и без меня всё прекрасно понимаете. Готовьтесь! Завтра выступаем! Если у кого-то есть какие-то важные дела, то пусть поторопится. Завтра его ждать никто не будет.

Рутгер повернулся, и пошёл в свою палатку. Ему нужно было ещё многое обдумать, и посоветоваться с царём россов, Сардейлом. Его постоянно грызло какое-то сомнение, что он что-то упустил. Нечто важное, что потом скажется на судьбе всего отряда.

Сегодня, как и всегда он проснулся на рассвете, долго лежал на топчане, обдумывая создавшееся положение. Все его мысли вертелись о том, как выполнить завет военного вождя, и занять его трон. Но что он мог сейчас сделать? Он не имел значительный вес, и на Совете Вождей его никто не будет слушать. Ему во что бы то ни

стало нужно совершить громкий, великий подвиг, чтобы его имя выгравировали на Красной Стене Храма Бессмертного Тэнгри, где уже есть имена всех Героев, в том числе и отца. Только после этого он сможет быть избранным военным вождем, и то, если повезёт, и из воевод кланов никто не пожелает занять этот трон. Да, всё могло решиться только после его похода в степи.

Лорды не станут терять время зря. Наверняка они придумают множество новых законов, ещё больше ограничивающих вигов в их правах. Надолго ли это? Недовольство будет зреть с каждым днём, и всё равно рано или поздно достигнет своего апогея. Что тогда будут делать власть имущие? Опять призовут какого-нибудь внешнего врага, чтобы ярость вигов выплеснулась на него? Или всё же с кем-то договорятся, и страна Лазоревых Гор, не смотря на всё упорство воинов, перестанет существовать? Зачем им это? Или это только фундамент для постройки нового государства с войском из сивдов и наёмников для завоевания всего Обитаемого Мира? Кто же тогда будет править? Неужели лорд Фельмор? Сатвел? Кто из них двоих? Других, более решительных и способных на всё что угодно, в Вольфбуре больше нет.

Рутгер услышал в размеренном, привычном шуме лагеря какие-то новые звуки, и вышел из палатки. Он увидел двух всадников, приближающихся к его шатру, и в одном из них по фигуре, узнал Владыку Альгара. Мудрый и Справедливый был затянут в доспехи обычного телохранителя-сивда, скрывая лицо под стальной личиной, из-под которой был виден только бритый подбородок.

Растерявшись, воевода не сразу поклонился, и произнёс:

– Да напьётся твой меч кровью врагов. Что привело Владыку Альгара в шатёр простого воеводы из клана Снежных Барсов?

Стоящие у входа в палатку воины отсалютовали мечами, причём ни один мускул не дрогнул на их лицах, словно приезд повелителя страны Лазоревых Гор к их воеводе был самым обычным делом.

– И тебе того же... – Альгар усмехнулся, и снял с головы посеребрённый шлем, и отрок увидел бледное лицо Владыки, словно что-то его тревожило до такой степени, что ни на мгновение не оставляло в покое. – Ты теперь уже не совсем простой воевода, Рутгер, сын Ульриха. Никто не брезгует попасть в твой отряд. Есть даже царь россов.

Стальной Барс понял шутку и улыбнулся. Лихорадочно соображая, зачем Альгара принесло к нему, он подошёл к коню, и, придерживая стремя, попытался помочь спуститься повелителю. Тот раздражённо поморщился, что-то пробормотал, и ловко спрыгнул на землю, бросив поводья сопровождающему его воину.

– Лагерь наполнился слухами о твоём скором отбытии. – Владыка посмотрел в глаза Рутгеру.

– Да. Я хочу отправиться завтра на рассвете.

– Чтож, тем лучше. – Альгар кивнул. – Есть серьёзный разговор. Ты сможешь сделать так, чтобы нас никто не услышал?

– Конечно. – Воевода помнил все предосторожности Аласейя, и жестом пригласил Мудрого и Справедливого в свою палатку. Он задержался перед входом, и сказал одному из стражников: – Возьми десяток воинов из нашего отряда, и оцепи палатку по периметру на расстоянии пятидесяти шагов. Запомни – в оцеплении должны стоять только виги. Если кто будет пытаться пройти – убей.

– Будет сделано, мой воевода.

Когда Рутгер вошёл в тень шатра и укрылся от начавшего нагревать землю солнца, то увидел, что Владыка уже расположился в одном из кресел напротив входа,

держа в руках кубок. Он оглядел более чем скромное убранство, и, заметив кувшин, хотел подняться. Стальной Барс опередил его, и налил вина. Мудрый и Справедливый сделал глоток, и сказал:

– Я завидую тебе, воевода. Ты доверяешь своим воинам. Твой приказ будет выполнен? И если кто-то приблизится, они его убьют? Будь это кто угодно?

– Несомненно. – Рутгер с достоинством кивнул, и, пододвинув к себе кресло, сел, приготовившись слушать.

Владыка Альгар тяжело вздохнул, заглянул в кубок, сделал ещё один глоток:

– Сегодня мне удалось ускользнуть от лордов и их соглядатаев. Ты доверяешь своим людям, меня же окружают одни враги, за исключением нескольких человек. Я не хозяин в своём замке, не хозяин в Вольфбуре, и уж тем более, не хозяин в стране Лазоревых Гор. Зачем я тебе это говорю? Ты же всё знаешь. Я просто кукла, какую в любой день могут уничтожить.

– Чего же ты хочешь от меня, Владыка?

Мудрый и Справедливый немного помолчал, будто раздумывая говорить или нет о цели своего визита, и продолжил:

– Какое-то время назад, я так же, один на один разговаривал с Балвером. Тогда мне так же удалось улизнуть от неусыпной опеки лордов. Но это не так уж и важно. Мне кажется, что ты единственный, кому я могу доверять.

– Чтож, если это действительно так важно, то я – весь внимание. – Больше всего Рутгера подкупили слова Владыки о покойном военном вожде, словно он сравнил его с Балвером. Это показалось многозначительным и многообещающим.

– Лорды ведут какую-то свою, сложную игру, и, кажется, я понимаю, их цель – власть над всем Обитаемом Миром. Пока они не очень сильны, или, правильнее будет сказать, чуть ослабли, но ведь всё меняется, не так ли? Что они ещё придумают, мне не известно. Что будет, если власть попадёт в руки жадным, и попирающим всё человеческое, лордам? Мне даже страшно подумать!

– Мы не допустим этого! – В запале выкрикнул Рутгер, и поймал себя на мысли, что начал говорить, как Сардейл. Напыщенно и пафосно.

– Кто это – мы? – Владыка усмехнулся. – Вы – это кто? Клан Снежных Барсов? Царь россов? Вальхар?

Стальной Барс посмотрел в глаза Альгару, и, чувствуя, как на него накатывает какая-та жаркая волна, не давая возможности смолчать, выпалил:

– По возвращению из степей я стану военным вождём.

Мудрый и Справедливый широко улыбнулся, словно только этого и ждал. Будто он как рыба, был выброшен на жаркий песок берега, и был обречён умирать, но произошло чудо, и снова оказался в воде, без какой не мог прожить и мгновения.

– Вот теперь я верю тебе. Тогда, при разговоре с Балвером, кажется, это было много столетий назад, хотя прошло всего чуть больше недели, он сказал, что видит своим преемником только тебя. Что только ты соответствуешь ему по характеру, и взглядам на мир. Теперь я тоже уверен, что ты подходишь на этот высокий пост.

– Владыка, но зачем ты мне всё это говоришь?

– Что у меня на голове?

Светлые, длинные волосы Альгара, по обычаю вигов были затянуты на затылке в тугой пучок, и перевязаны тонкой красной лентой – принадлежностью к клану Большого Орла.

– Ничего.

– Только сняв корону, я чувствую себя человеком. Я устал. Я устал подписывать законы и указы, противные мне самому, и моему народу. Я устал говорить то, чего

требуют от меня лорды. Я пытаюсь сопротивляться, но это мало чем помогает. Мой голос в замке Вольфбура, как глас умирающего в пустыне. Семья – это единственное, что меня сдерживает не обнажить меч против лордов.

Мудрый и Справедливый опустил голову, и Рутгер заметил среди прядей волос седину. Сколько ему лет? Тридцать? Тридцать пять? Но это не возраст для седых волос! Даже у воинов, побывавших в смертельной опасности, нет таких седых клочков!

– Самое страшное – это видеть, что все твои усилия тщетны. Так что, воевода клана Снежные Барсы, найди убежище Древних Богов, и возвращайся в родные горы. А я приберегу тебе место Владыки.

– Владыки? – Рутгеру показалось, что он ослышался. Слишком стремительный взлёт ожидал его впереди. Он, конечно, понимал, что люди, верящие в него, будут медленно и планомерно продвигать его всё выше и выше к трону, но ведь это обычно происходит постепенно, и занимает несколько лет!

– Что здесь удивительного? – Альгар вскинул голову, и в его глазах зажёгся огонёк непокорности. Плавающим взором он осмотрел воеводу с ног до головы, и повторил: – Что здесь удивительного? На трон Владыки всегда садился тот, кого поддерживают сильные этого мира! То, что виги голосуют, бросая в кучи белые и чёрные камни, совсем ничего не значит!

– И так было из века в век?

– Не знаю. Могу сказать только то, что так посадили на трон меня. С тобой будет совсем другая история. – Мудрый и Справедливый утолил жажду, выпив кубок до дна, и продолжил, обращаясь к напряжённо молчащему Рутгеру: – Когда ты вернёшься из степей, то я уверен, что все воины кланов пойдут за тобой. Тогда уже будет не важно, что предпримут лорды, чтобы удержать власть в руках. У тебя будет сила и мощь всей страны Лазоревых Гор! Только под угрозой смерти они отдадут всё, что присвоили себе за четыре года моего правления. Запомни это, и никогда не забывай.

– Почему тогда вожди кланов не поддержали меня, когда я обвинил лордов на Совете в грабеже и измене? Почему они ограничились только тем, что пригрозили? Неужели я так слаб, что они это почувствовали, и не пошли за мной? – С каким-то отчаянием вскричал Стальной Барс, словно от его вопросов сейчас зависела всё. И судьба страны Лазоревых Гор, и его собственная.

Владыка улыбнулся, но в его глазах не светилась радость. В них большим, серым камнем, тяжелела усталость:

– Ты ещё слишком молод, и не испорчен большой политикой, и, наверное, не сможешь меня понять, и всё же я попробую тебе кое-что объяснить. Это всего лишь мои догадки, но в них есть доля истины. – Альгар помолчал, собираясь с мыслями, встал, сделал несколько шагов по земляному полу шатра, и сев на место повёл свой рассказ: – Я просмотрел несколько древних свитков и летописей, и прочитал в них, что нечто подобное уже было в стране Лазоревых Гор лет четыреста назад. Лорды так же грабили свой народ, что еле сводил концы с концами. Тогда даже начался голод, и люди начали умирать от истощения.

– Я учился в Храме Бессмертного Тэнгри и ничего такого не слышал! – Не смог удержаться от замечания Рутгер.

– Не удивительно. – Парировал Мудрый и Справедливый. – Разве об этом кому-то хочется вспоминать? Прошное переделать не сложно. Достаточно только переписать историю так, как надо. Ладно, мы отвлеклись... Виги озлобились. Тут и там начали громить кладовые лордов, купцов. Они были полны хлеба, солонины и вина! Народ был не просто возмущён, а уже начались вооружённые противостояния.

Было достаточно искры, и никто бы не смог остановить пожар войны. Думаешь, лорды поняли и сообразили, что нужно делать? Как бы ни так! Кто-то поднял цены, кто-то приказал своим наёмникам жестоко подавить выступления. Наиболее умные решили сбежать в Россу. – Альгар замолчал, и все переживания отразились у него на лице, будто он сам когда-то участвовал в событиях четырёхсотлетней давности.

Ничего этого Рутгер никогда не слышал, и не читал в летописях Храма Бесмертного Тэнгри. Уже знакомый, привычный мир снова становился с ног на голову. За последние несколько дней столько всего произошло, что ему начало казаться, что сходит с ума. Он был на волосок от смерти став воеводой и героем Волчьих Ворот. Он узнал много нелицеприятного из истории своего народа. Он стоял в центре всех придворных интриг. Он отправлялся в степи на поиски Древних Богов, и наконец, сам Владыка обещал ему, что придержит для него свой трон!

– Что же потом произошло?

– Произошло самое страшное. Ты сам виг, и знаешь о нашем терпении. Оно безгранично, но когда кончается и оно, то наступает кровавое время. В течение дня виги в ярости вырезали всех наёмников и лордов. Никому не удалось скрыться или сбежать. Воины не тронули только их детей и жён.

– Ты хочешь сказать, что скоро виги начнут резню?

– Нет. Этого уже не будет. Разве ты не улавливаешь сходства, и в то же время различие? Подумай. С твоей головой это не сложно!

Догадка была подобна молнии в первородной тьме. Вдруг стало всё предельно ясно и просто. Рутгер покачал головой, удивляясь дальновидности и прозорливости лордов. Они и не собирались что-то делать для простого народа. Их поблажки всего лишь временная мера, чтобы потом, когда все успокоится, снова продолжить грабить страну.

– Проклятье! Так значит, они направили ярость воинов на внешнего врага, и теперь, когда всё успокоилось, им нечего опасаться?

– Я знал, что ты проницателен не по годам. – Альгар улыбнулся. – Ты догадался, что многие вожди кланов этого не понимают?

– Да. Сейчас надо давить на лордов, надо добиваться того, что мы заслуживаем, но вигов после войны будет уже не поднять.

– Так и есть. Но ещё ничего не потеряно! – В голосе Владыки при желании можно было расслышать надежду. – Мы теперь знаем свою силу, и знаем, что можем сделать. Надо только не допустить, чтобы пожар новой войны поглотил страну Лазоревых Гор. Зачем лишние жертвы? Нас и так осталось немного.

– Как предотвратить это?

– Не знаю. Но у тебя есть ещё время. Пока ищешь Древних Богов – думай, а когда вернёшься, виги будут накалены уже до предела. Им будет нужен вождь, знающий, что нужно делать. Воины вполне благоразумны, и если твой план им понравится, если они сочтут его хорошим, то пойдут за тобой.

– Значит, мне осталось всего лишь вернуться из степей Великим Героем, и придумать, как без ненужного кровопролития изгнать лордов? Ничего не скажешь – пустяк.

– Да. – Альгар усмехнулся. – И всё же, ради страны Лазоревых Гор тебе нужно постараться. Ради детей, ради нашего будущего.

Владыка поднялся, видимо вспомнив о чём-то очень важном:

– Мне пора. Лорды наверняка уже не на шутку всполошились. Да, чуть было не забыл! Рутгер, моему племяннику, лорду Архорду, совсем нельзя доверять. Он

служит Фельмору, и выполнит любой его приказ. Что? Ты это уже знаешь? Но ты наверняка не знаешь того, что я совсем не рад, что у моей сестры есть такой сын.

– Что ты скажешь о Ярве, Владыка?

– Ярв... – Повторил Альгар и улыбнулся. – Это он посоветовал мне приехать сюда, и рассказать всё, о чём я думаю. Совсем недавно он выполнял какие-то тёмные распоряжения лорда Фельмора, и был начальником моей охраны. А когда узнал, что Архорд отправляется в степи вместе с тобой, напросился к нему телохранителем. Мне жалко было отпускать человека, кому я доверял, но что поделаешь? Может, от него будет большая польза в твоей дружине, чем при моём троне?

– Значит, ему можно верить?

– Несомненно. Если бы он не был сивдом, то наверняка был бы вигом. Приглядись к нему, и прислушайся. Он может дать неплохой совет. – Владыка немного помолчал, что-то обдумывая, и уже, перед тем как выйти из шатра, сказал с какой-то грустной улыбкой: – Если бы я мог, я тоже попросился в твой отряд. Проклятая корона держит меня в плену. Ты свободен, и поэтому не можешь знать, какое это счастье – быть свободным.

– Странные слова. – Пробормотал Стальной Барс.

– Странные? Возможно. Когда-нибудь ты поймёшь, что я хотел этим сказать. Не надо, не провожай меня. Я найду дорогу и сам.

Мудрый и Справедливый вышел из шатра, а Рутгер остался сидеть в кресле, пытаясь привести свои мысли в порядок. В глубокой задумчивости он не слышал, как уехал Владыка, как в палатку заглянул один из стражников и что-то спросил. Мысли как сумасшедшие скакали в голове, собираясь в огромный клубок, разбивались, и снова начинали свою безумную пляску.

Лишь только когда в шатёр вошёл вождь клана Вальхар, он поднялся из кресла, слегка поклонившись, не удержался и бросился к нему в объятия, как сын, невероятно долго ждавший возвращения своего отца.

* * * *

Глава 36.

Сейчас лорд Фельмор нуждался в дельном совете как никогда. Он отлично понимал, что и сам уже запутался в своих же, так хорошо расставленных сетях. В голове всё смешалось, и казалось, что все так необходимые ему мысли заблудились где-то там, в тёмном лабиринте подсознания, и нет такой силы, чтобы освободить их, чтобы принести облегчение перегруженному мозгу.

Что толку от крикливого и истеричного Сатвела? Что могут посоветовать остальные, не видящие дальше своего носа? Ему нужен кто-то другой. Тот, кто знает все движения и хитросплетения, но имеет свой, незамутнённый взгляд на вещи.

В полумраке шатра тихо потрескивали золотые светильники, бросая слабые блики на идола Бессмертного Тэнгри, и отражаясь от драгоценных камней, украшающих его фигуру, завораживали взгляд. Сегодня очень тихо. За толстыми, подбитыми войлоком стенками шатра не было слышно ни звука. Так тихо бывает только перед битвой, или перед чем-то таким, что неизбежно несёт смерть. Казалось, что весь мир застыл в ожидании своего конца, и наслаждался последними мгновениями своей жизни.

Не в состоянии больше выносить эту муку, лорд Фельмор привстал с кресла, и с удивлением поняв, что боится крикнуть и услышать свой собственный голос, тихо позвал:

– Бирхор! Где ты, бездельник?

Секретарь появился как всегда тихо, смиренно сложив руки и покорно не поднимая головы. Спёртый воздух шатра чуть колыхнулся, и наполнился запахом полыни и ещё каких-то лесных трав. Это было как дыхание свежего ветерка, ласкающего разгорячённое лицо после жаркого дня.

– Я здесь, мой господин.

– Что тебе стало известно?

– Это были дозорные из клана Чёрных Медведей. Нашим следопытом удалось увидеть их только издалека, с расстояния примерно в восемьсот шагов.

– Неужели харвеллы не смогли приблизиться к вигам, и взять их в плен? Разве двух десятков воинов недостаточно для этого? – Фельмор усмехнулся, и не рассердился, что его приказ до сих пор не выполнен. Он не торопил с его выполнением своего секретаря. Ведь это был всего лишь приказ Владыки Альгара, и он ничего не стоит. Чем больше виги убьют челманов, тем больше разожгут костёр ненависти в их сердцах, и тем легче будет ему явиться в этот мир как спасителю, и занять трон Мудрого и Справедливого.

– Среди дозорных есть проклятый «тёмный», а мой драгоценнейший господин знает, как они чувствуют опасность...

– «Тёмный»? Ах, да, я знаю о нём. Чтож, пока не будем их трогать. Положение не простое, и мне совсем не хочется, чтобы воевода Урхард разозлился из-за пленения своих людей, даже если это произошло по закону.

– Это ещё не всё, мой господин. Нам удалось разглядеть, что в десятке Вальгера трое раненых, и гаар, странного вида, похоже, что шаман.

– Гаарский шаман? – С удивлением спросил лорд. – Что же он там у них делает? Он связан?

– Нет, мой господин. Вот это-то и странно. Мне показалось, что он перевязывал раны.

– Знахарь? Но как он попал к ним? И как они заставили его оказывать им помощь? Всем известно, что гаары фанатичны в своём стремлении убивать вигов, так неужели он их не отравил, и не перерезал горло ночью?

– Нет, и более того, у меня сложилось впечатление, что он делает это по доброй воле. Мне не удалось услышать, о чём они говорят, но ведь движения и жесты бывают красноречивее любых слов.

– Это уже интересно. – Фельмор задумался. В голову как назло ничего не шло, и он не придумал ничего лучшего, как спросить у Бирхора его мнения по этому поводу: – И что ты думаешь об этом?

– Возможно, я ошибаюсь, ведь я не так мудр, как мой господин.

– Оставь это! – Раздражённо воскликнул лорд. – Говори саму суть! Мы здесь одни, и за столько лет преданности ты заслужил кое-какие привилегии! Говори!

Секретарь подобострастно поклонился, благодаря своего господина за признание своих скромных заслуг, и неуверенно начал:

– Теперь мы уже знаем, какому богу поклоняются варвары из степи, и какие жертвы они приносят Великой Пустоте. Мы не раз находили обезображенные трупы гаар. Не удивлюсь, если окажется, что челманы людоеды. Да и что можно было ожидать от них? В степи не так просто найти пропитание. – Голос Бирхора окреп, и уже с полной уверенностью он закончил: – Я думаю, что виги случайно спасли шаману жизнь, и он пытается отплатить им той же монетой.

– В твоих словах есть логика. – Задумчиво проговорил Фельмор, и внимательно посмотрел на своего секретаря. За столько лет он всё ещё продолжал удивлять его. Бирхор не производил впечатления мудрого, и имеющего богатый жизненный опыт

мужа, но на поверку оказывался гораздо умнее многих лордов. – Этот шаман может нам рассказать много интересного.

– Несомненно, мой лорд. Может ли раб своего господина поведать ему о кое-каких своих планах?

Фельмор недовольно поморщился, но не стал опять одёргивать своего секретаря. Если ему так это нравится, то пусть продолжает пресмыкаться. Как говорится – горбатого может исправить только могила. Сейчас его мысли, и планы вполне могут понадобиться. Возможно, это как-то повлияет, и сумбур, царящий в голове, уляжется?

– Это любопытно. Что за план появился у тебя?

– Как я понимаю, мы должны выполнить волю Владыки Альгара, и найти виновных в смерти челманов? Кажется, так он обещал тысячнику степняков? В то же время нам не нужны осложнения с воеводой и вождём клана Чёрных Медведей. Что и говорить! Если вигам из любого клана станет известно о сопровождении десятка Вальгера в замок Салдо, то легко может начаться бунт, и им никто не сможет управлять. В своей ярости виги не обузданы, и не успокоятся, пока не пресытятся кровью своих жертв. Мы можем натравить на Вальгера челманов.

– Едва это станет известно в лагере, виги бросятся в погоню, и перебьют степняков. Пока нам это не нужно. Они ещё могут нам пригодиться.

– Конечно, мой лорд. Сейчас не спокойно в предгорьях, и путь от границы до Волчьих Ворот опасен. Трудно ли десятку воинов с тремя ранеными пропасть бесследно? «Тёмные», захотев крови людей, могут и отойти от Чёрного Леса, к тому же дозорным придётся проходить мимо него. Надо просто дождаться, когда их сменят другие дозорные, и подготовить засаду. Не смотря на то, что с дхорами у нас есть договор на счёт дороги Вальпира, они никогда не могли удержаться от грабежа.

– Я подумаю об этом. – Улыбнулся Фельмор. В плане секретаря не хватало изящества, к которому привык лорд, но в целом, он был совсем неплох. Но сейчас не это беспокоило его больше всего. Он хотел услышать мнение Бирхора на создавшееся положение глазами человека, который, так сказать, не имеет к этому никакого отношения, и не знает, о дальнейших шагах своего господина. – Как ты думаешь, что нам делать дальше?

Лорд посмотрел на секретаря, и заметил в его глазах еле скрываемую усмешку. Проклятье! Кажется, он обо всём догадался, и почувствовал растерянность могущественного Повелителя Тайной Стражи! Он становится слишком проницательным, и в какой-то степени даже опасным. Что может быть хуже, чем думающий, и всё понимающий слуга?

– Если мой господин позволит.

– Говори! И не прикидывайся, что ничего не замечаешь!

Бирхор поклонился чуть ниже, чем обычно, и это не ускользнуло от взгляда Фельмора. Всё-таки он боится перегнуть палку, и знает, что может произойти, если он допустит ошибку.

– На мой взгляд, всё слишком запутанно, и невозможно разобраться кто, и в чём виноват. Но этого ведь и добивался мой господин? А ход повелителя с привлечением челман просто гениален! Я бы никогда не смог всё так хорошо просчитать. Я всего лишь червь, осмеливающийся дышать тем же воздухом, что и мой господин.

– Так ты понял всё это?

– Далеко не сразу, и только после того, как лорды начали выплачивать вигам свои задолженности. Их казна пустеет, а казна моего лорда остаётся нетронутой. После войны, и после того как вожди кланов предъявили свои требования лордам,

они теряют тысячами золотых монет, в то время как господин не потерял ни одного медного гроша!

– Да. – Самодовольно улыбнулся Фельмор. – Это был неплохой ход. Что же тебе ещё понравилось, мой верный слуга?

– То, как мой лорд, расспросил тысячника челман. Он так и не догадался, что от него узнали всё, что хотели!

– Нет. Он не так глуп, как это может показаться. Он далеко не глуп... – Ещё раз пробормотал повелитель Тайной Стражи в задумчивости, потом тряхнул головой, словно отгонял от себя ненужные мысли, и сказал: – Тем не менее он всё равно выполнит то, что я жду от него. Кто откажется от мести, когда жертва сама идёт в руки, даже если обременён какой-то клятвой, данной уже давно?

– В отряде Рутгера сотня лучших воинов из всех кланов страны Лазоревых Гор, несколько монахов Хранителя, и царь Аласейя с россам. – Осторожно напомнил секретарь. – Монах Лурфар очень опасен.

– Даже такой монах, как Лурфар, обладающий всеми секретами древних воинов не способен противостоять тысяче степняков. Ведь их до сих пор осталась орда. Пусть несколько поредевшая, но всё же в три раза превосходящая по численности войско вигов. Опытные воины не дадут этому щенку проскользнуть сквозь отряды отступающих челман, и обязательно затянут его в драку, что закончится гибелью всей дружины.

– Мой лорд! Среди вигов есть росс, и его гибель нам совсем нежелательна! Вдруг, всего этого, что мой господин запланировал, не случится, и дружина Барса избежит ловушки?

– Вряд ли наместник Иштер сильно расстроится смерти своего двоюродного брата. Насколько я его знаю, он безумно влюблён во власть и богатства, а царю россов давно уже пора ответить за своё высокомерие, и оскорбления. – Раздражённо возразил Фельмор. Он услышал в голосе секретаря неприкрытое заискивание и лесть. Он подумал, что с этим нужно как-то кончать. Поведение Бирхора ему начало жутко не нравиться. Раньше он не был таким. Или он просто не замечал этого? – В отряде есть лорд Архорд. Он и позаботится, чтобы мне стало известно о приближении Рутгера после поисков к стране Лазоревых Гор. Он, конечно, глуп и заносчив, но это он сделать сможет, и тогда мы подготовим ему достойный приём. Если он что-то и найдёт у Древних Богов, то это достанется мне.

– Я не понимаю, мой господин! А как же Сагынай с челманами? Если он нападёт на вигов, то Архорд может погибнуть!

– Ну и что? В такой большой игре, потеря одной, к тому же совершенно ненужной пешки, не имеет значения. Он всего лишь племянник Владыки, не имеющего власти в собственной стране! Смешнее не придумаешь. Говорят, его неплохо потрепал Стальной Барс?

– Совершенно верно, мой лорд. Барсу хватило всего одного удара, чтобы поставить выскочку на место.

– Да. Виг, выживший в такой битве – это не придворный лизоблюд, способный поражать мечом только чучело врага. Чтож, надеюсь, челманы покончат и с сыном Ульриха, и с непокорным царём россов. Тогда мы убьём, как говорили Древние, сразу двух зайцев, и наши руки будут не замараны в их крови. Надо только чтобы это произошло в землях гаар, а лучше, ещё дальше. Тысячник Сагынай это понял, и не упустит шанса посчитаться за поражение своего народа.

Увлёкшись собственными рассуждениями, лорд Фельмор не сразу заметил, как качнулись язычки пламени в золотых светильниках, потревоженные слабым дуно-

вением ветерка. Бирхор неожиданно вскрикнул, и вытянул руку, силясь что-то сказать. Его глаза выражали ужас, и казалось, что вот-вот готовы выскочить из орбит. Повелитель Тайной Стражи мгновенно обнажил меч, и повернулся. Ещё не веря в происходящее, он увидел у столба, поддерживающего один из сводов шатра, знакомую фигуру в чёрном плаще, с надвинутым на самые глаза капюшоном. Как долго он здесь находится, и как вообще попал сюда? Палатка лорда тщательно охраняется, даже сильнее чем шатёр Владыки! Он перебил всю стражу? Но почему не было слышно криков и звона оружия? Зарезать два десятка воинов не так-то просто, а сделать это бесшумно так совсем невозможно!

– Проклятье! Как ты попал сюда? Ты убил всех харвеллов?

– Нет, повелитель. Твои стражи не пострадали. Все живы, здоровы, и продолжают охранять тебя. Что они могут сделать против ассана? Меня невозможно увидеть, если я сам этого не захочу.

– И как долго ты здесь находишься? – Настороженно спросил лорд, бросая меч в ножны, и подумав, что ассан мог легко убить его. Хорошо, что он пока на стороне Фельмора. Или уже нет? Наёмного убийцу можно легко перекупить.

– Немного. Я хотел просто показать свои возможности. Стенки твоего шатра издают очень много шума, когда их разрезаешь ножом.

Повелитель Тайной Стражи не стал заглядывать за спину ночного гостя, понимая, что сейчас, в полумраке, разрез увидеть будет невозможно.

– Ты можешь так же действовать и днём?

– Днём возникают небольшие трудности, но это тоже разрешимо. Ночью я могу проникнуть куда угодно.

– Судя по голосу, ты очень молод, и в тебе говорит тщеславие. – Усмехнулся лорд. Ему хотелось разговорить ночного гостя, чтобы тот как-то выдал себя, и таким образом узнать его имя. Уж очень ему хотелось понять, кто в клане Снежных Барсов на самом деле является ассаном.

– Как тебе будет угодно. – Убийца слегка склонил голову и не поддался на уловку. – Стальной Барс на рассвете отправляется в свой поход на поиски Древних Богов, и я подумал, что у повелителя Тайной Стражи могут быть какие-нибудь желания по этому поводу.

– Да, у меня есть кое-какие, как ты выразился, желания. – Проговорил Фельмор, немного помолчав. – Ведь я не могу тебе приказывать, не так ли?

– Конечно. Но если ассан берёт заказ, то он его выполняет во что бы то ни стало.

– Жаль, что я не могу этого проверить. Назови мне хотя бы одно имя, кто мог бы подтвердить твои слова.

– Лорд хочет вытащить из меня то, о чём я не хочу говорить. Ты можешь поверить мне на слово. Могу сказать только то, что клан ассанов не уничтожен, и у нас хватает работы.

Фельмор оценивающе оглядел убийцу. Теперь он не испытывал того страха, овладевшего им при первой их встрече. Теперь он смотрел на ассана как на своего слугу, выполняющего любой приказ за определённую плату.

Повелитель Тайной Стражи, наклонив голову, попробовал заглянуть под капюшон, но ассан еле заметным движением сместился в тень. Поняв, что ему не удастся заглянуть в лицо ночному гостю, он оставил свои бесплодные попытки, и сказал:

– Как я понимаю, кроме того, что ты ассан, ты ещё и воин из клана Снежных Барсов. Так? По моим сведениям, два десятка бойцов из этого клана отправляются вместе со своим воеводой в степи. Не состоишь ли и ты в этом отряде?

Лорд дождался сдержанного кивка и продолжил:

– Я хочу, чтобы ты убил Рутгера, сына Ульриха, как только он достигнет предгорий страны Лазоревых Гор на обратном пути.

– Лорд хочет получить то, что он там найдёт?

– Найдёт он там что-нибудь или нет, известно одному Бессмертному Тэнгри. Найдёт – хорошо. Не найдёт – и так сойдёт. Главное, чтобы он не вернулся.

Убийца немного помедлил, и тихо, так, что это походило на шелест лёгкого ветерка, промолвил:

– Я понял тебя, лорд.

Ассан скользнул к дыре, что прорезал в шатре, и уже хотел раствориться в ночи, как был остановлен вопросом повелителя Тайной Стражи:

– Как тебе удавалось столько лет скрывать свою сущность?

– Самое трудное – это играть роль обычного человека.

– Так как же ты смог это?

Вопрос остался без ответа. Фельмор сделал несколько шагов туда, где только что была тень убийцы, но увидел только звёзды ночного неба в прорези палатки.

– Мой господин! – Подал голос Бирхор, до сих пор молчавший и не смевший в присутствии ассана сделать какое-либо движение: – Его могут убить челманы Сагынай!

– Так что с того? Значит, ему просто не повезёт, и нам не придётся платить. Зато я уверен, что если щенок избежит ловушки степняков, его настигнет смерть оттуда, откуда он её совсем не ждёт.

– Ассан не назвал свою цену!

– Да, действительно. – Лорд задумался. Это показалось ему странным. Неужели наёмный убийца забыл назвать, сколько будут стоить его услуги? Этого не может быть! Такие, как он, никогда не забывают таких пустяков. Здесь что-то другое. Что?!

* * *

Глава 37.

Вальхар раздосадовано прикусил губу, и украдкой посмотрел на Рутгера. Забавно. Двадцатилетний воин, на счету которого победа у Волчьих Ворот, не один убитый противник, краснеет как девица на выданье, и не знает, куда себя деть! Хорошо, что в шатре они одни, и все воины спят. Это их последняя ночь в стране Лазоревых Гор. Завтра, то есть уже сегодня, им предстоит нелёгкий, далёкий путь.

Стальной Барс с преувеличенно серьёзным видом изучал свитки, где была приблизительно изображена карта земель, где отряду предстояло пройти, чтобы попасть к предполагаемому месту нахождения убежища Древних Богов. На них было слишком много белых пятен, и что-либо понять в них можно было только с огромным трудом, и всё же это было единственное, что хоть как-то могло помочь в дороге.

Вальхар не смог сдержать улыбки, и уже в открытую посмотрел на Рутгера, из-за чего тот покраснел ещё больше, и наконец поднял свой недовольный взгляд. Однако он сказал совсем не то, на что рассчитывал вождь Снежных Барсов:

– Разве это карта? Здесь же ничего не понятно! Вот здесь. Что за землями гаар? Тут вообще ничего нет! Что там? Обитаемый Мир заканчивается? Лучше уж вообще без карты, чем с такой.

– Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри предупреждал, что монахи, составлявшие её, уже были поражены Невидимой Смертью, и были в полубредовом состоянии. Они могли кое-что забыть, а могли что-то и просто не увидеть. Хорошо, что у тебя есть хоть это. По крайней мере, ты знаешь направление.

– Почему так случилось, что наши купцы так давно не торговали с народами, живущими на юге? Ведь получается то, что мы знаем только гаар, а что находится за их землями, мы не имеем ни малейшего понятия! Неужели в стране Лазоревых Гор нет торговых людей, желающих снова наладить связь с другими странами? Уверен, что им есть что выставить на продажу, и удивить северян!

Вальхар задумался. В каждом вопросе Рутгера он видел какое-то особое значение, и ему казалось, что именно такие вопросы должен задавать человек, отмеченный Бессмертным Тэнгри. Он почти забыл, что он сам предложил Балверу этого отрока, и старинный друг, доверяя ему, тут же согласился. Теперь он хотел видеть в сыне Ульриха не совсем обычного человека, не простого воина, только благодаря ему получившего серебряный жезл воеводы, а какого-то особенного, не похожего ни на кого, отрока.

Вождь не торопясь отошёл от стола, протянул левую руку, чтобы взять кувшин с вином, и тут же отдёргнул, увидев, что на ней нет кисти. Отвар Мирвера пока действовал, и он не чувствовал той изнуряющей острой боли, преследующей его, и ждущей, когда он неосторожно поведёт себя, чтобы вонзить свои острые зубы в плоть. Вальхар краем глаза посмотрел, не заметил ли его воспитанник того неловкого движения, и вздохнув, правой рукой налив в свой кубок вина из глиняного кувшина, сел в кресло, справедливо полагая, что у отрока может возникнуть множество вопросов, и ответить на них будет совсем не просто.

– Я никогда не думал об этом, но ответ на твой вопрос можно найти в летописях историков.

– Что-то я не припомню в них ни одной строчки про это.

– Рутгер, а много ли ты читал летописей? За несколько веков существования страны Лазоревых Гор, было создано десятки, если не сотни рукописей. Ведь каждый Хранитель писал что-то своё, и имел свой взгляд на историю. О чём-то умалчивал, не поминая и словом, а что-то описывал так, после чего чёрное вполне могло стать белым.

– Да, Савгон предупреждал меня об этом.

– Ты говорил с Савгоном?

– Да. Сразу после Совета Лордов, и он мне рассказал о нескольких нелицеприятных фактов из нашей истории.

– Савгон – харвелл. Ему больно за свой народ, что мы – виги, якобы угнетаем уже несколько веков.

– А разве это не так?

– Не совсем так. – Улыбнулся вождь, пытаясь извлечь из недр своей памяти всё, что мог помнить про то давнее противостояние: – Если бы не виги, харвеллы вообще перестали существовать как народ. Их просто не было под солнцем Обитаемого Мира.

– Я ничего не знаю про это. – Произнёс Рутгер, но Вальхар заметил в его глазах блеснувшую хитринку. Или это только показалось в неровном свете трепещущих языков огня светильников?

– Рутгер, мальчик мой, ты вступил в бой с лордами, где каждый жест, и выражение лица могут истолковываться по-разному. Как ты сможешь противостоять им, если на твоём лице, как открытую книгу, можно прочесть все твои чувства?

– Я не какой-нибудь бездушный идол! Я живой человек!

– Значит, тебе нужно научиться одевать маску бездушного идола. Выставленные напоказ твои чувства – признак твоей слабости, и они иногда, могут стоять жизни.

– Хорошо, мой вождь. Я научусь владеть собой. Но неужели это может иметь значение для страны Лазоревых Гор?

– Конечно. Для судьбы страны Лазоревых Гор может иметь значение даже такая мелочь. Помни, кем ты должен стать.

Стальной Барс кивнул, и спросил:

– Так что там у нас с харвеллами? Хотелось бы узнать все мнения, и составить своё.

– Ты хочешь очистить все зёрна от плевел? Чтож, так и должен поступать Владыка. – Вальхар улыбнулся. – Нельзя верить кому-то одному. Он может и солгать. Что касается харвеллов, то они должны быть благодарны племенам вигов. В те давние времена, когда мы пришли сюда, теснимые многочисленным народом ярвиров, харвеллы уничтожались ассанами, и их оставалось совсем немного. Мы взяли их под свою защиту, и тем самым спасли от вымирания. Война с кланами наёмных убийц длилась на протяжении многих веков с переменным успехом, пока Владыка Старл Одноногий не разгромил их на склоне Священной горы Эрпон. Конечно, ассаны существуют и сейчас, но их слишком мало, чтобы представлять для нас какую-то опасность. Они живут среди нас, по нашим законам, служат в нашем войске, и никто, никогда, и ни за что, не догадается, кто они на самом деле.

– Возможно ли это? Это похоже, скорее всего, на сказку! Как ассан может всю жизнь скрывать свою сущность? Разве они маги? Колдуны?

– Тебе трудно это понять, да и никто из вигов не сможет, я думаю. Ассаном может быть любой. Это не какой-то особый народ. Ассаном может быть и виг, и харвелл, и заул. Всё дело в том, что у них своё, какое-то кровавое божество, какому они поклоняются, и этот Бог требует человеческих жертв.

– Я слышал, что их искусство убийства совершенно?

– Да. Этого у них не отнять. Если бы у нас был хотя бы один ассан, то многих сложностей удалось избежать. – Вальхар поймал на себе удивлённый взгляд Рутгера, и пояснил: – Было бы неплохо, если все твои враги однажды ночью умерли. Я имею в виду лордов Сатвела и Фельмора. Они наиболее опасные.

– Мой вождь, это неблагоприятно, и не достойно вига. – Вальхар увидел усмешку на лице воеводы, свидетельствующую, что он так совсем не думает. – Но в интригах, куда мы ввязались, любое средство хорошо.

– Да. Ты прав. Потомки нас оправдают, а историки перепишут летописи так, как это будет нужно. Ульрих всегда говорил: чтобы победить, иногда нужно прогнуться, чтобы не сломаться.

– Я помню эти слова, и взял их вместо девиза. Каким он был, мой отец? Я слишком мало о нём помню, а мне так хочется походить на него!

Вальхар рассмеялся:

– Ты и так похож на него как две капли воды! И характером, и внешностью. Твои движения, походка, всё как у него. Иногда я ловлю себя на мысли, что вижу вместо тебя ожившего, и сохранённого Бессмертным Тэнгри, Ульриха. Тебе не надо пытаться походить на него. Ты – он! И я уверен, что ты будешь хорошим Владыкой.

Где-то далеко, еле слышно пропели петухи, и это вернуло Рутгера в действительность. Сразу же подумалось, что может ждать впереди. Что там, по ту сторону степи? Существуют ли Древние Боги на самом деле, или их поиски бесполезная трата времени и сил? Может зря всё это, и пока он отсутствует, в стране Лазоревых Гор всё изменится, и дома, как такового, и Родины, у него уже не будет? Может и возвращаться выжившим в походе будет просто некуда? Может им придётся всю оставшуюся жизнь скитаться в поиске места, где можно будет осесть и начать всё сначала? А

может и этого ничего не будет? Отряд сгинет где-нибудь в землях, где бродит Невидимая Смерть, и никто никогда не узнает, где они сложили свои головы?

От всех этих мыслей защемило сердце, и Стальной Барс только сейчас осознал, что он может больше и не увидеть свои горячо любимые горы. Не увидит, как утренний луч солнца отражается многомиллионным бликом от снежных вершин. Не вдохнёт полной грудью воздух, что можно пить, словно воду. Не увидит свой городок Андвей, где когда-то родился и вырос.

– Со вторыми петухами ночная стража поднимет воинов. Осталось совсем немного времени, а ты так и не прилёт за ночь. Не спится?

– Я уже не смогу уснуть. – Покачал головой Рутгер. Ему хотелось рассказать вождю клана, что у него на сердце, как ему тревожно, как предчувствие чего-то необъяснимо страшного терзает его душу, и он не может с этим что-либо поделать. Виги не выставляют свои чувства напоказ. Да и чего можно ожидать от суровых воинов, коим с детства внушают, что смерть в бою высшее благо, что только может пожелать человек?

Вальхар прекрасно видел, что молодой воевода не находит себе места, что его переполняют тяжёлые думы, и никак не мог решить с чего начать этот нелёгкий разговор, чтобы поддержать его. Он помнил, что так и не сказал Балверу то, что считал единственно важным, о чём всегда думал, и в чём всегда был уверен. Не сказал, и очень скоро потерял последнего, единственного друга. Так что же нужно сказать? Как выразить то чувство, что он ощущал в своей груди, какое безжалостно раздирало сердце?

– Ты... – Начали они одновременно и тут же смущённо смолкли, словно боялись нарушить установившуюся между ними молчаливую связь, стоившую сейчас гораздо больше любых сокровищ Обитаемого Мира.

Рутгер заметил в глазах Вальхара сверкнувшие слезинки, и больше не имея сил сдерживать себя, бросился к человеку, воспитавшему его, в объятия, сразу простив все те невольные прегрешения, что тот, может быть, когда-нибудь допустил.

* * *

Нет, не таким себе представлял Рутгер свой отряд. Ему хотелось ограничиться полусотней конных воинов, и просочиться сквозь полчища отступающих челманов, а если будет возможность, то и просто обойти, избегая совершенно ненужных столкновений. Но разве можно в этом убедить опытных ветеранов, участвовавших во многих боевых походах ещё тогда, когда их нынешний воевода ещё даже и не родился? Немного поразмыслив, Рутгер, в конце концов, внял уговорам ветеранов, и в итоге его отряд разросся до величины среднего торгового каравана. Деятельный и хозяйственный Сардейл не пожелал обращаться к лордам, как настаивал Архорд, а где-то у своих приятелей, из других кланов, нашёл пять повозок на массивных колёсах, выструганных из толстых досок. Увидев их, Стальной Барс, было возмутился, но воины принялись в один голос убеждать его, что без них в дальнем боевом походе даже нечего и делать!

На повозки, крытые грубо-выделанными шкурами буйволов были нагружены запасы щитов, копий, стрел для луков и арбалетов. Благодаря неуклюжему нраву Сардейла в одну из повозок была помещена даже небольшая походная кузня, вместе с мехами, наковальней, и грузом каменного угля. Соответственно в эти огромные и неуклюжие дроги было впряжено по четвёрке буйволов. Это вообще лишало отряд какой-либо манёвренности, зато, как рассудил Рутгер, можно было не в пример легче обороняться против конницы врага. Выстроенные в ряд, и оштитившиеся

копьями, эти передвижные крепости могли расцечь любой конный клин степняков. Чтож, отряд потерял подвижность, зато приобрёл стойкость.

– Не смотри на телеги как на своего врага! – Весело воскликнул Сардейл, и осадив коня рядом с Рутгером, несильно хлопнул его по плечу. – Сколько я себя помню, виги всегда с ними ходили в дальние походы! Несмотря на неказистый вид, они уже многие века верой и правдой служат нашим воинам!

Воевода попытался улыбнуться, но не смог, только грустно усмехнувшись, пробормотал:

– Да, с их помощью можно совсем неплохо обороняться.

– Обороняться? – Удивлённо переспросил ветеран. – Как можно обороняться с помощью повозок? Виги никогда не обороняются! По крайней мере, так было до последнего времени. Многие поколения воинов перевозили на них припасы, стенобитные тараны и катапульты, а обратно, после победы мы везли на них огромные горы добычи!

– И много бывало добычи? – С улыбкой поинтересовался Аласейя, ехавший рядом. Царь россос сменил свои блестящие доспехи на скромную, зачернённую кольчугу вигов, оставив себе только украшенные искусной чеканкой наручи.

– Города гаар очень богаты. Ведь они торгуют со многими племенами с юга! Пленные нам рассказывали, что к ним приезжали купцы даже из-за степи! Правда, это случалось очень редко, и теперь я понимаю причину этого. Теперь, когда степняки разбиты и рассеяны, у меня появилась возможность самому посмотреть на те далёкие страны.

– Ещё неизвестно, как далеко судьба забросит нас! – Попытался возразить Аласейя, и тут же был остановлен снисходительной улыбкой ветерана.

– Ты, царь, плохо знаешь наши легенды, да и Хранитель нам много рассказывал про убежища Древних Богов.

– Хранитель и сам не знает, где они находятся. – Пробормотал воевода. – Карта, составленная его монахами, слишком неполная, и там много чего непонятного. Я даже думаю, а не придумал ли он всё это для того, чтобы мы всё-таки исполнили его давнюю мечту?

– Разве он мечтал об этом?

– Конечно. Он всё время твердил о знаниях, обладающими Древними Богами, и всегда хотел их заполучить.

– Но ведь далеко в горах есть Мёртвый Город! Неужели его монахи ничего не могут там найти?

– Там очень много мест, где бродит Невидимая Смерть. – Грустно ответил Рутгер, и тяжело вздохнул. – Древние умели от неё защищаться, а мы – нет. Каждое посещение монахами Мёртвого Города заканчивается скорой смертью кого-то, или всех, поэтому жрец решил никого не посылать туда. Слишком большая плата за те жалкие крупницы артефактов, что им удалось добыть.

– Ничего! Скоро всё изменится. – Ободряюще улыбнулся Аласейя, и запахнул на себе плащ. – Мы достанем Древних Богов из-под земли! Пусть нам даже придётся уподобиться кротам!

Рутгер грустно улыбнулся этому ничего не значащему разговору, и подумал, что едущие рядом с ним друзья не понимают, что их ждёт впереди, и куда они направляются. Как можно так радоваться, уезжая из дома? Ведь не все смогут вернуться в страну Лазоревых Гор, и не всех встретят как героев.

В каком-то странном смятении Стальной Барс подставил разгорячённое лицо под прохладные капли начавшего накрапывать дождика, но облегчения это не при-

несло. Казалось, что нигде и никогда не найдётся такой силы, что смогла бы вернуть ему душевное равновесие, и дать понять, что это всего лишь расставание, и их в его жизни будет ещё очень много, возможно, даже больше, чем встреч.

– Хорошая примета!

– Что? – Встрепенулся Рутгер, выравниваясь в седле.

– У нас в Россе считается хорошей приметой, когда кто-то на рассвете, во время лёгкого дождичка отправляется в путь! – Улыбнулся царь Аласейя. – А увидеть вот это – так вообще к счастью!

Молодой воевода снова поднял мокрое лицо, и увидел, как маленький, красный лучик вновь народившегося солнца, сначала боязливо, а потом всё смелее и смелее раздвигает серую хмарь облаков, и скоро уже золотится во всей своей красе, заставляя расцветать раскинувшуюся перед ним, только проснувшуюся землю. А где-то там, далеко впереди, где их ждала неизвестная, и потому опасная степь, над лесом, на фоне тяжёлых, свинцовых туч, раскинулась необычная своим чистым семицветием радуга. И Рутгер вдруг понял, что он ещё вернётся домой. Не важно, кем, победителем или потерпев поражение, главное, что вернётся, и его будет ждать человек, заменивший ему отца. Тот, что сейчас был ему дороже, чем тот, почти неизвестный Великий Герой, чьё имя выбито на Красной Стене Храма Бессмертного Тэнгри.

* **

Часть 2. Оставляя за собой могилы.

Глава 1.

– Клянусь Бессмертным Тэнгри, ничего подобного я в жизни не видел! – Потревоженные громовым голосом Сардейла, в вышине, над построенной уходящими в степи побеждёнными челманами Башней Молчания, с противным карканьем поднялась в небо стая ворон. Ветерану пришлось снять шлем, и подставить длинные, русые волосы, заплетённые в несколько кос, не прекращающемуся мелкому дождю, чтобы посмотреть на вершину гигантского сооружения. Но удивительно было даже не это, что челманы за неделю, без всяких инструментов смогли сложить из камней гробницу для своих павших воинов, а то, где они смогли найти столько камней в местности, где большей частью преобладали леса и поля.

Башня Молчания действительно поражала своей грандиозностью. Не менее тридцати локтей в высоту, и около ста шагов в длину, каждой стороны правильного квадрата, без каких-либо архитектурных украшений, грубо отёсанными камнями, она являла собой мрачное напоминание о том, что как жалок и несовершенен человек в мире, где полно опасностей, и казалось, что сама природа объявила ему войну на выживание.

Рутгер посмотрел на хмурое небо, потом на Башню, и оглянулся в сторону оставшихся далеко позади гор. Теперь он увидит их не скоро, от этого щемило сердце, и казалось, что уже нет ничего более страшного, чем эта изнуряющая боль.

Стальной Барс отъехал в сторону, и смотрел, как отряд медленно проходит мимо, в сторону где-то далеко на юге виднеющегося леса. Первое возбуждение, связанное с отъездом, прошло, уступив место монотонности отмеряемых раз за разом шагов. Сколько недель они проведут в пути? Сколько их вернётся домой? Смогут ли они что-либо найти, и какие опасности поджидают их? Одни вопросы, и на них пока ни у кого не было ответа.

– Рутгер! Почему твоё сердце полно печали? – К воеводе подъехал царь россов: – Нас ждут великие дела! Сам Бессмертный Тэнгри благословил нас на этот подвиг, и о нём потомки будут слагать легенды!

– Может быть, именно поэтому мне так и грустно. – Улыбнулся Стальной Барс. – Мы так и не подготовились к такому дальнему походу. Мне всё время кажется, что мы что-то упустили.

– Чтож, это возможно. Никто в мире не совершенен, и мы вполне могли про что-то и забыть. Но раз уж это такая мелочь, то стоит ли на неё обращать внимание? Подумай лучше, какие приключения могут ждать нас впереди!

– Наверное, это меня и тревожит.

Аласейя подъехал ближе, положил ему руку на плечо, и, заглянув в глаза, спросил:

– Ты первый раз уезжаешь из дома так далеко и так надолго?

– Да. Хотя свой дом у меня был когда-то очень давно. Кажется, в другой жизни. – Рутгеру хотелось рассказать своему другу о том, что гложет его сердце, не давая покоя, о том, что он рано лишился матери, а отец погиб в битве при Балте. О том, что его воспитал вождь клана Вальхар, и Хранитель Очага Бессмертного Тэнгри. О том, что почти все воины клана Снежного Барса были его учителями. О том, что события последних дней основательно закружили ему голову, и он, кажется, запутался, не понимая, и не находя выход. О том, как это трудно жить совершенно одному на белом свете, знать, что некуда преклонить свою голову, и некому раскрыть свою душу. Его взгляд упал на серебряный жезл воеводы, торчащий за поясом, и криво усмехнувшись, тряхнув поводьями, он проговорил: – Вся моя семья – это меч, и войско клана.

– У тебя ещё всё впереди! И мы ещё попляшем на твоей свадьбе! Клянусь, я выпью столько вина, сколько вешу сам!

– Дело не в этом.

– Тогда в чём же?

– Не знаю. Что-то не даёт покоя, и я не могу это объяснить. Словно над нами что-то нависло, и в любое мгновение может упасть, чтобы всех раздавить. Что это? Я не понимаю. Предчувствие смерти?

– Рано тебе ещё об этом думать! – Царь хлопнул Рутгера по плечу, и весело рассмеялся: – Улыбнись! Всё не так плохо, как тебе кажется! У нас сильный отряд, и мы можем дать бой любому противнику!

– Да. Что верно, то верно.

Из чуть более сотни воинов, составляющих отряд Стального Барса, только восьмеро не представляли собой хороших мечников, или лучников. Это были пятеро монахов из храма Бессмертного Тэнгри, лорд Архорд, и знаменосец Герфур. Друг детства мог нанести несколько удачных ударов мечом, но не более того. Зато он быстро соображал, и был верен, как преданный пёс.

– Я всё же надеюсь, что нам долгое время удастся избегать сражений. Это может нас надолго задержать. Наша цель – Древние Боги, а не битвы.

– Это разумно. – Кивнул росс и улыбнулся. Он хотел ещё что-то добавить, но был прерван криком, донёсшимся с головы колонны:

– Дым! На опушке леса виден дым!

– Здесь земли заулов. Неужели не все челманы ушли? – Встревожился Рутгер, и дал шпоры коню, отдавая на ходу приказы: – Всем приготовиться! Норхорд! Возьми свой десяток, и проверь, кто это там жжёт костры!

– Будет сделано, мой воевода!

Глядя вслед удаляющимся всадникам Стальной Барс пытался предположить, кто находится там, на опушке далёкого леса, и не мог себе этого представить. Дозорные? Вряд ли. Те находятся где-то дальше. На границе земель гааров и заулов.

Неужели челманы? Почему же они не ушли? И почему костёр только один? Этого явно недостаточно, чтобы приготовить еду для нескольких десятков человек. Так кто же там может быть, и представляют ли эти люди какую-либо опасность? Может, это засада?

От всех этих мыслей можно сойти с ума. Рутгер усмехнулся. Уже во всём ему начинают мерещиться заговоры, и засады. Наверное, надо поверить в себя, и стать более уверенным? Боги! Если бы он мог отвечать только за себя!

Лучник из десятка Норхорда остановил пританцовывающего коня, и радостно прокричал:

– Это виги из клана Чёрных Медведей! Их сменили утром воины из клана Большого Орла, и они остановились передохнуть. С ними трое раненых, и один убитый.

– Убитый виг?

– Да, мой воевода!

– Похоже, что они сражались с челманами. Степняки нарушили своё слово? – С негодованием воскликнул Стальной Барс, и решение созрело мгновенно: – Едем к костру!

Воевода дёрнул удила, и пустил коня галопом, на ходу успев оглянуться. За ним вслед устремилось несколько всадников, и он с усмешкой подумал, что у него, как и у всякого человека, наделённого властью, появилась своя свита. Сардейл, Герфур, Эвгурн, два харвелла, выжившие в битве у Волчьих Ворот, и царь россов. На каждого из них он мог положиться, и доверять как самому себе. Он даже не мог представить свою дальнейшую жизнь без их существования. Это были и телохранители, и советники, и друзья.

Десятника вигов Рутгер узнал сразу. Они виделись около года назад, на посвящении в воины. Сразу вспомнился полумрак в Храме Бессмертного Тэнгри, Красная Стена с именами героев, освещённая трепещущим светом факелов, отчего она казалась кровавой. Молчаливые воины во всеоружии, застывшие словно статуи. Завывающий ветер, заблудившийся где-то в кровле. Благоговейный, дрожащий голос Хранителя, и его уверенный надрез на руке. Золотая чаша, до краёв наполненная кровью, и бледные, испуганные лица отроков. Чего же они тогда боялись? Неизвестности? Ответственности? Или того, что стали равны ветеранам, и по первому звуку боевых рогов должны были ринуться в битву? Как давно всё это было! Сколько всего произошло с тех пор!

Стальной Барс окинул взглядом неровный строй приветствовавших его воинов, отметив про себя, трое из них действительно ранены. Он поискал глазами тело убитого, не нашёл, и спешившись, сел на когда-то поваленное бурей дерево, возле какого весело трещал небольшой костёр. Один из харвеллов Эвгурна подхватил поводья коня, и отвёл его в сторону. Сардейл внимательно посмотрел на близлежащие кусты, словно там могла скрываться какая-то опасность, и нахмурился.

Молчание явно затягивалось. Казалось бы, нужно было о многом поговорить и выяснить, и в то же время никто не мог набраться смелости, чтобы нарушить установившуюся тишину, словно боялся, что едва заговорив, он уличит себя в чём-то постыдном и вероломном, что недостойно звания воина.

Рутгер ещё раз посмотрел на воинов Вальгера, потом на десяток Норхорда. Измождённые, уставшие, осунувшиеся лица вызывали жалость, но они ещё пытались улыбаться, и, не смотря на своё состояние, бодрились, показывая, что готовы по первому слову своего десятника вступить в бой.

– Что у вас произошло? – Наконец спросил Стальной Барс. – У вас такой вид, будто вы вырвались из ада.

Вальгер, мучительно вспоминая, где мог видеть молодого воина с серебряным жезлом воеводы за поясом, присел рядом, и, сложив руки на перекрестии обнажённого меча, сказал:

– Мы прошли через две ночи боёв с челманами. Как нам удалось выжить – ума не приложу.

– Они напали первыми?

Десятник немного помолчал, и, собравшись с духом, ответил:

– Нет. Мы первыми обнажили мечи.

Рутгер вздохнул. Совсем не то он ожидал услышать от Вальгера. Он хотел услышать о вероломстве и коварстве степняков, о том, что они нарушили клятву, данную военному вождю, и первыми напали на дозор, горя мщением.

– Зачем же ты это сделал? Ты нарушил слово, что дал Балвер. Ты знаешь, чем это может грозить для тебя и твоих воинов? Ведь это серьёзное преступление!

Десятник усмехнулся, но в его усмешке не было и тени сожаления. Скорее, она была какой-то злой.

– Конечно, суд лордов приговорит нас к изгнанию, или несколькими годами золотых рудников. Заменившие нас воины Большого Орла уже сказали, что лорд Фельмор с нетерпением ждёт нашего возвращения, чтобы заточить в замок Салдо. Но тут всё не так просто, как кажется на первый взгляд.

Рутгер заметил, что Сардейл подошёл ближе, порываясь что-то сказать, отчего шрам, пересекающий его лицо, налился кровью, но был перехвачен царём россов, и уведён под руку куда-то в сторону, за воинов Норхорда.

– Что же произошло? – Стальной Барс чувствовал, что Вальгер что-то не договаривает, и не знает, как начать. Он хотел поторопить его, и в то же время боялся, что его слова могут сбить десятника с мысли. – Почему вы напали первыми?

– Рутгер, ты же помнишь, ещё по Храму Бессмертного Тэнгри, что я всегда поступал по справедливости, но я не умею говорить так складно как ты. В общем, мы спасли гаарского шамана, вот, пусть он тебе всё сам и расскажет.

– Шамана? – С удивлением переспросил Стальной Барс. – Где же он? Никогда не видел колдунов врага!

– Он не совсем колдун. Он – знахарь. Йеге! – Позвал Вальгер, и обвёл взглядом ближайшие кусты. – Выходи! Здесь тебя никто не тронет! Ты же знаешь, что вигам можно доверять!

Заросли в рост человека раздвинулись, и возле костра появился гаар. Рутгер не видел шаманов, но почему-то именно такими их себе и представлял. Грязный, когда-то бывший разноцветным, рваный халат. Где только можно было подвязанные какие-то косточки, ленточки, бантики. Спутанные, заплетённые во множество тоненьких косичек чёрные волосы. Перепачканное сажей, испуганное лицо, и бегающие глазки, непонятного, тёмного цвета.

– На вид он немного неказист, зато выходил моего бойца. Если бы не он, то Маркхар ещё вчера отправился бы к Очагу Бессмертного Тэнгри. Он вытащил его с того света!

– Не знаю, какой он знахарь... – Воевода помолчал, оглядывая, и пытаясь на взгляд оценить все перечисленные достоинства гаара. – Он понимает по-нашему? Как вы разговаривали между собой?

– Я понимаю язык вигов. – Проскрипел шаман. – Спрашивай. Йеге ответит на любой твой вопрос.

Рутгер улыбнулся, подумав о том, что у шамана, похоже, слишком большое самомнение, и он немного не в себе. С чего бы он стал говорить так о себе, словно здесь только его телесная оболочка, а душа витает где-то в небесах.

– Присядь, шаман. У меня к тебе будет несколько вопросов.

Гаар не заставил себя долго ждать, и сел прямо там, где стоял, немного в стороне от костра, поджав ноги под себя. Было в нём что-то комичное, что невольно вызывало улыбку. Ещё несколько мгновений назад он умирал от страха, а теперь как-то приосанился, и хорошо, что вообще снизошёл до разговора с воеводой клана Снежных Барсов!

– Спрашивай, отрок. Всё, что знает, Йеге расскажет. Тебе надо только направить его путь.

Продолжая улыбаться, Стальной Барс произнёс:

– Если ты позволишь себе ещё одну такую выходку, то я прикажу тебя высечь. Уж поверь мне, многие воины из моего отряда с удовольствием займутся шаманом векового врага. Как так случилось, что гаары вместе с челманами пошли войной на страну Лазоревых Гор?

Надменное выражение исчезло с лица гаара, в глазах снова промелькнул страх, и он торопливо заговорил:

– До нашего правителя Йвтура дошли слухи, что виги собираются предпринять поход, чтобы разбить войско гаар, и он призвал повелителя Сармейских степей себе на помощь, чтобы разделаться со страной Лазоревых Гор раз, и навсегда. Они пришли с юга, и было их многие тысячи. В начале они вели себя достойно, и гаары встретили их как дорогих гостей. Но потом они всё чаще и чаще начали вмешиваться в дела нашего правителя, и вершить свой суд, по какому выходило, за любую провинность – смерть. Потом начали пропадать люди. Немного, один, два, а скоро и целыми десятками. Гаары были в страхе, и всё же нашлись среди них достойные мужи, что смогли проследить за челманами. То, что они увидели, повергло их в ужас! Степняки приносили своим богам человеческие жертвы! Они вырезали у гаар сердца и печень, чтобы добавлять это в котлы своих воинов! Они верили, что это добавляет им силу и мужество. Наши союзники, на коих мы так надеялись, оказались обычными людоедами! Такими же, как и «тёмные». Что мы могли сделать? Их было слишком много. А когда Аллай-хан пошёл на страну Лазоревых Гор, он погнал всех гаар впереди своего войска...

Шаман замолчал. На его лице отразились все чувства, переполнявшие его душу. Жалость к своему народу, злость и ненависть к степнякам.

Рутгер не видел в нём врага, с коим виги воевали на протяжении нескольких сотен лет. Он видел перед собой измученного, потерянного, пожилого человека, не знавшего, что делать, и стоит ли жить вообще. Что-то похожее на сочувствие шевельнулось в его сердце, и захотелось чем-то помочь ему. Сделать его положение не таким безнадёжным.

Гаар тяжело вздохнул, и продолжил:

– Неужели мы заслужили такое проклятье? Неужели наши боги отвернулись от нас, и наши племена будут уничтожены? Что теперь творится там, за Чёрным Лесом, в моей стране? Может, я последний, кто остался в живых? Куда мне идти? Что делать? После поражения у Волчьих Ворот челманы стали злее, и их ярость обрушится на головы гаар. Конечно, мы сами виноваты в этом, но кто же знал, что всё так получится? Я и сам спасся только чудом! Меня хотели принести в жертву, и если бы не мужественный Вальгер, то мои сердце и печень давно переваривались в ненасытных желудках степняков!

Какое-то время возле костра стояла тишина, и было слышно, как потрескивает хворост, как наперебой стрекочут кузнечики в высокой и сочной траве, как заливаются птицы где-то в лесной чаще, как мычат буйволы, тянущие массивные телеги отряда, и как, поскрипывая, крутятся их колёса. В тени леса, занятые рассказом шамана, никто и не заметил, как лёгкий ветерок разогнал на небе тучи, и обнажил бездонную синеву неба.

Рутгер первым нарушил молчание, и едва заговорив, удивился, как быстро он принял решение, о каком совсем недавно даже и не думал:

– Ты хороший знахарь?

– Я лучший в своём роде! – Гордо выпятил свою худую грудь шаман, и стоящие рядом воины засмеялись.

Стальной Барс кивнул, и повернулся к Вальгеру:

– Урхард отправил тебя в дозор, чтобы лорды не смогли до тебя дотянуться?

– Да. – Хмуро ответил десятник. – Я пообещал лорду Сатвелу, что буду сопровождать его на суд.

Воевода присвистнул, потом весело улыбнулся:

– Зная Сатвела, могу с уверенностью тебе сказать, что он припомнит тебе твои слова. По дороге в клан с тобой может случиться всё что угодно, но обратно, домой, ты уже не приедешь. Лорд злопамятен, и тот, кто его оскорбляет – умирает при любых обстоятельствах.

– Это известно всем. – Вальгер помрачнел ещё больше. – Если бы я был один! Но ведь гнев лорда падёт и на моих людей!

– Да, так и будет. К тому же ты напал на челманов.

– Они – людоеды! Такого врага нельзя отпускать живым! – С жаром воскликнул десятник.

– Я не осуждаю тебя. Более того, я уверен, что на твоём месте так поступил бы каждый виг. Только, легче от этого никому не станет. Факт остаётся фактом, и чтобы ущипнуть клан Чёрных Медведей лорды тебя осудят и приговорят или к изгнанию, или к золотым рудникам. Никаких смягчающих обстоятельств не будет. Домой тебе возвращаться нельзя.

– Что же мне делать?

Рутгер посмотрел на Аласейя, на Сардейла, Герфура, и спросил, заметив их улыбки:

– В нашем отряде найдётся место для десятка молодых, отважных воинов, уже познавших вкус крови?

– Конечно. – За всех ответил ветеран. – Коней у нас больше нет, но зато есть телеги, и на них места более чем достаточно!

– Итак, решено. Вальгер, ты отправляешься со мной. Найди способ, предупредить воеводу Урхарда о своём решении, и добро пожаловать в мой отряд!

– А куда вы направляетесь?

– На поиски Древних Богов!

– Проклятье... – Только и смог выдавить из себя десятник. Он был так обескуражен и растерян, что Рутгер рассмеялся. Таким он видел его год назад, на посвящении в воины. Но такими тогда были все отроки, вступая во взрослую жизнь.

* * *

Глава 2.

Робкий, утренний луч солнца отразился от лезвия обнажённого меча, на мгновение ослепил, и, перепрыгнув на зеркало кольчуги царя россов, заиграл огненными бликами.

С безумным упоением зазвенела сталь. Словно не люди направляли её движение, а сами боги. Быстро, незаметно для глаз мелькали клинки, выписывая в воздухе замысловатые пируэты. Только звон мечей, и хриплое дыхание сражающихся людей.

– Рутгер! Соберись! Что с тобой происходит? Я мог пару раз серьёзно тебя ранить! – Аласейя опустил меч.

– Даже не надейся на это! – Стальной Барс усмехнулся. Уж он-то прекрасно знал те самые моменты, когда меч росса мелькал в опасной близости от его тела. Ведь он сам и создавал те самые моменты, легко предугадывая, куда его противник направит свой удар.

– Ты хочешь сказать, что знал, что я буду делать?

– Конечно. Это не трудно предвидеть. – Воевода осмотрел лезвие клинка, остался доволен, и вернул его в заплечные ножны. – Ты легко навязываешь свой стиль боя, занимаешь более выгодные позиции, а твой удар справа снизу, просто само совершенство, но ты часто попадаешься на уловки противника. Однажды это может стоить тебе жизни.

– Это была случайность! – Воскликнул росс, сверкнув глазами. – Давай ещё раз!

– Хорошо. – Улыбнулся Рутгер, вырывая меч из ножен. – Ты уже распалил себя, и допустил ошибку. Чтобы победить, боец должен быть спокоен, и не дать гневу овладеть собой. Успокойся, и давай начнём. – Он отвлёл меч назад, готовясь к удару, и выставил левую ногу чуть вперёд. Аласейя отреагировал мгновенно, предприняв низовую атаку, в расчёте поразить воеводу в ногу, какую он так неосторожно выставил вперёд.

Исход схватки можно было предсказать уже заранее. Рутгер ушёл в сторону с линии атаки, и, оказавшись сбоку от царя, нанёс ему несильный удар мечом плашмя, по спине. Аласейя остановился, и выругался.

– Это была ловушка?

– Если ты сам это понимаешь, так зачем же ты в неё сам же и лезешь? – Заметив удручённый вид росса, воевода, поспешил добавить: – Ничего, мой друг. Ещё немного времени, и ты сможешь тягаться в искусстве боя на мечах с кем угодно. Очень скоро тебе не будет равных!

– Пока это случится, то я успею состариться, так и не совершив великого подвига! Что тогда будет стоять моя жизнь? Разве вспомнят обо мне потомки?

– Что с тобой? – Рутгер подошёл к Аласейя, и заглянул в его бездонные, голубые глаза: – Сколько я тебя знаю, ты никогда не терял присутствия духа!

Тот покачал головой, бросая меч в ножны, и проговорил:

– Сегодня ночью я видел странный сон. Что мы стоим пред огромной железной дверью, сделанной в скале, и никак не можем попасть внутрь. Мы сбиваем руки в кровь, ломаем плечи, а она всё никак не открывается. Зачем Бессмертный Тэнгри послал мне этот сон в самом начале пути? Что это может значить?

– Но ведь это всего лишь сон? Не так ли?

– Мы, россы, придаём большое значение ночным видениям. Так можно увидеть, и понять будущее.

Стальной Барс улыбнулся.

– Может быть, твой сон и вещий, что, скорее всего, но я думаю, что это совсем не повод для печали. Мы найдём убежище Древних Богов, и наверняка отыщется

способ, как проникнуть туда. Наши имена ещё впишут в историю Обитаемого Мира! А сейчас пойдём, позавтракаем. Нам нужны силы в дороге.

Вчера отряд остановился на ночь в поле, в пятистах шагах от леса. Сюда не могли долететь стрелы, и в случае нападения, воины успевали приготовиться встретить врага во всеоружии. Стоянку окружили телегами, и внутри круга расположились воины. Буйволы и коней отогнали чуть в сторону, где трава была не так вытоптана отступающими челманами, и стреножили, выставив охрану. Ночь стояла тёплой, и палатки решили не ставить, чтобы не терять утром время на сборы.

Сейчас стоянка бурлила небывалым оживлением. Дымили костры, и на них, в котлах готовилась еда. Кто-то точил оружие, кто-то чинил доспехи, где-то звенели мечи. Слышался смех, и просто громкие разговоры. Всё казалось как обычно, и в то же время не совсем, как всегда. В воздухе витало что-то такое, отчего чувствовалось, что сегодня произойдёт нечто, что навсегда изменит жизнь этих людей. Никто бы не смог объяснить свои ощущения, и каждый знал, что впереди ждёт что-то необъяснимо большое, неотвратимое, чего никак нельзя избежать.

Подойдя к костру, Рутгер получил в руки тарелку каши с куском вяленого мяса, и большую кружку взвара. В походе не было разносолов и каких-то необычных яств. И воевода, и вождь, и обычный воин ели из одного котла. Так было заведено много веков назад, и это исполнялось любым человеком безоговорочно. Никому и в голову не приходило требовать для себя чего-то особого.

Стальной Барс посмотрел, как вяло помешивает Эвгурн кашу в своей тарелке, и спросил:

– Что с тобой? Какой-то ты сегодня хмурый. Что случилось? Или ты всё ещё обижаешься на меня за то, что я посадил тебя в яму?

– Разве я могу обижаться на воеводу? – Храбрый харвелл посмотрел в глаза Рутгеру. – Всё что делает виг – правильно. А мы, глупые воины, горазды только махать мечом. Что наша честь и клятвы? Всего лишь слова!

– Вот в чём дело. – С облегчением вздохнул Стальной Барс. Смотреть, как что-то гложет Эвгурна изнутри, было выше всяких сил. Как объяснить ему, что если бы харвелл вернулся к лорду за грамотой, то его уже больше никто и никогда не увидел бы живым? Сможет ли он понять это? Поверит ли в слова и догадки воеводы? – Разве ты не понимаешь, что если бы ты отправился к лорду Фельмору, то обратно бы просто не вернулся! Лорд бы не отпустил тебя, и замучил до смерти в замке Салдо! Ты же не выполнил его приказ, и самовольно остался защищать Волчьи Ворота!

– Я должен был вернуться к лорду, и получить из его рук грамоту. – Упрямо сказал харвелл, и казалось, что ничто не сможет переменить его мнения. – Я давал ему клятву верности, скреплённую кровью. Я – уважаемый воин в Тайной Страже, и лорд не решился бы убить меня незаметно. Тогда поползли бы никому ненужные слухи...

С аппетитом отправляя кашу в рот, Рутгер махнул рукой:

– Я не собираюсь тебя в чём-то убеждать. Когда-нибудь ты поймёшь, что у меня был единственный выход сохранить твою жизнь, и жизни твоих людей, это посадить тебя в яму. Если это задевает тебя, и не даёт покоя, то я могу освободить тебя от клятвы.

В раздражении Стальной Барс поднялся, и отошёл к царю россов. Тут же сидели Сардейл, Герфур, и Анди. Если они и не слышали их разговор, то, по крайней мере, видели.

– Ты должен был всё объяснить Эвгурну. – Пробурчал Сардейл.

– Сколько можно повторять ему одно и то же? – Резко ответил воевода. – Он давно уже не ребёнок, а зрелый муж, и должен всё прекрасно понимать. Он храбр, мужественен, в его груди бьётся сердце медведя, но он не видит дальше собственного носа! Под моим началом столько воинов, что я не могу каждому в отдельности что-то объяснять!

– Мальчишка! Щенок! – Вскричал ветеран, сразу забыв про то, что говорит не с простым воином, а человеком, наделённым властью, и что он сам поднимал меч для того, чтобы вручить ему в руки серебряный жезл. Его шрам, как всегда налился кровью, когда был сильно возбуждён, и казалось, что тронь его, он брызнет струйкой горячей, красной крови. – А как же иначе? Ты – воевода! Ты ещё не понял, что это значит? Это не просто слепое подчинение тебе! Как бы ни были воины храбры и мужественны, но они всего лишь люди, и у каждого в душе есть свои страхи. У каждого есть клятвы и обеты. Ты должен понять всех! Ты должен принять их такими, какие они есть. Что ты видишь вокруг себя? Мы – всего лишь сотня бойцов, и ты должен сделать из нас непобедимое войско. Нужно каждому определить своё место в общем строю. Только так мы сможем выжить, и вернуться домой. И кого-то обижать, это самое распоследнее дело!

Не ожидавший такой отповеди от Сардейла, Рутгер растерялся. Он хотел услышать от своих друзей слова поддержки и понимания, а вместо этого его отчитали как последнего, нерадивого ученика. Он почувствовал, как в груди заклокотал гнев, и чтобы как-то унять его, надолго припал к кружке с взваром. Нельзя давать злости выплеснуться наружу. Что может быть хуже, чем не сдержанный, вспыльчивый воевода? Это может сулить отряду только одно – смерть.

– Что же мне теперь делать? Пойти поговорить с Эвгурном? Но что я ему скажу? Его сердце треснуло, я это почувствовал, и он вряд ли меня будет слушать.

– Я сам с ним поговорю. – Произнёс царь россов. – Вы видите только две стороны медали, но никто из вас не догадывается, что есть ещё и третья.

– Что ты ему скажешь?

– Я буду взывать к его благоразумности. – Аласейя скромно улыбнулся, и допил из своей кружки остатки взвара.

– Воевода Рутгер!

Перед Стальным Барсом как из-под земли вырос гаарский шаман. Он нисколько не изменился со вчерашнего дня. Всё те же спутанные волосы в мелких косичках, перемазанное сажей лицо, и всё тот же грязный, рваный халат. Шаман поклонился, и, дождавшись кивка воеводы, заговорил:

– Я немного знаю эти места, и могу посоветовать, где можно перейти Чёрный Лес с наименьшими потерями.

– Говори. – Мрачно приободрил гаара, Стальной Барс. Он был рад отвлечься от своих безрадостных мыслей на проблему, какая не давала ему покоя уже долгое время. Чёрный Лес! Его населяли страшные, и загадочные твари, и с ними виги воевали многие сотни лет. Лес, заселённый ими, являлся своеобразной границей между землями гааров, и заулов, чьи племена входили в Северный Союз. У вигов существовала даже поговорка: всё, что в лесу и за лесом – враги, дальше на севере – только друзья.

– Недалеко отсюда находится древняя дорога Вальпира, и я смогу показать её. Я знаю, где она находится!

– Не может быть! – Воскликнул Сардейл, и засмеялся. – Все знают, что это всего лишь легенды, и такой воевода никогда не существовал в стране Лазоревых Гор!

– Подожди. – Остановил ветерана взмахом руки Рутгер. Он посмотрел в глаза шамана, словно хотел там разглядеть скрытую насмешку, но увидел только преданность. – Что ты знаешь о Вальпире?

Согласно легенде, триста лет назад, когда страна Лазоревых Гор ещё торговала с народами, находящимися на юге Обитаемого Мира, купеческую дорогу через Чёрный Лес охраняла полусотня из клана Стремительной Рыси, под предводительством воеводы Вальпира. В тот день на какой-то караван напало две сотни «тёмных», и они бы, несомненно, уничтожили всех, если бы не полусотня вигов. Они смогли отбить сокрушительную атаку тварей, обитающих в Чёрном Лесе, и довели остатки каравана до Вольфбура. Что случилось дальше, так и осталось загадкой. Воевода Вальпир был проклят каким-то сильным колдуном «тёмных», у коего в той битве погиб сын. Всю дальнейшую жизнь его преследовали неудачи, а потом он вообще перешёл на сторону врага. В летописях об этой нелюбезной истории страны Лазоревых Гор не упоминалось, но легенда всё же жила, передаваясь из поколения в поколение, из уст в уста.

– Его имя проклято, и всё же он существовал, и дорога через Чёрный Лес, что он охранял, действительно самая короткая. Всего тысяча шагов, и мы окажемся в Гаарии!

– Всего? – Рутгер усмехнулся. – Надо ещё как-то преодолеть эти тысячу шагов. «Тёмные» никогда не спят, и ревностно охраняют свою территорию. В любом случае нам придётся пробиваться с боем. Откуда я могу знать, что ты не лжёшь?

В глазах шамана скользнуло недоумение, растерянность, и он упавшим голосом проговорил:

– Йеге всегда говорит правду. Виги спасли ему жизнь, и он хочет отплатить им тем же. Зачем мне говорить не правду? Разве я не хочу выжить, и не попасть на обед тварей из Чёрного Леса?

– Хорошо. Ты поедешь в голове отряда, и покажешь дорогу. Герфур, труби в боевой рог! Мы выдвигаемся!

* * *

Солнце клонилось к полудню, и уже нещадно палило землю, словно хотело отдать всё то тепло, какого так ждали люди, пока шёл дождь. В бездонном небе не было видно ни облачка, и если оглянуться, то на горизонте можно было разглядеть белоснежные пики ледников страны Лазоревых Гор.

– Ты что-нибудь слышишь? – Почему-то шёпотом спросил Рутгера царь Ала-сейя, и ему захотелось ответить так же, тихо, будто боясь услышать звук своего голоса.

Отряд не доехал до Чёрного Леса шагов двести, и остановился. Виги спешили, и во всеоружии выстроились в две шеренги, готовые в любое мгновение встать щитом к щиту, чтобы отразить первую атаку, наверняка не заставляющую себя долго ждать.

Было слышно, как фыркают лошади, звенят удила, лениво вздыхают буйволы. Всё застыло, готовое взорваться яростными криками, и боевыми кличами. В том, что боя не избежать, не сомневался никто. Никогда «тёмные» никого не пропускали через свой лес без битвы.

– Нет. – Ответил воевода, и прислушался, пытаясь среди мёртвой тишины, и повисшей в воздухе опасности расслышать хоть какие-то звуки. Стрёкот кузнечиков, нудное жужжание мошкары, пение птиц. Ничего. Это было очень странным, и внушало тревогу, вот-вот готовую перерасти во что-то более страшное.

– Что будем делать? – Весело спросил Сардейл, поигрывая своей секирой. – Не пора ли немного размяться? Мои воины готовы идти вперёд, и прорваться!

– Никто в этом и не сомневается. Может, там никого и нет? – С надеждой спросил Стальной Барс. Уж очень ему не хотелось начинать свой поход с потерь, а они, несомненно, будут.

– Они там. Я их чувствую. – Вперёд вышел лучник из десятка Вальгера. На солнце его кожа не казалась какой-то серой, а приобрела цвет, как и у всех обычных людей. В его голосе было столько уверенности, что Рутгер сразу поверил его словам, и принял это как должное. Хортер – «тёмный», хотя и на половину, так кто же, если не он, может чувствовать себе подобных?

– Вот и хорошо! – Опять засмеялся ветеран. – Давно хотел пустить кровь какой-нибудь твари!

– И более сильные отряды погибали в Чёрном Лесу. – Задумчиво проговорил Аласейя. – Мы сможем пробиться, в этом я не сомневаюсь. Вот только, сколько нас останется по ту сторону леса?

– Может, попробовать договориться? – Мысль появилась внезапно. Воевода ещё не успел толком подумать, как высказал её вслух. В голову так ничего и не пришло. Да и что тут можно придумать? Выбор небольшой. Или бой, или переговоры. Он надеялся на волю случая. Что у «тёмных», и у людей хватит благоразумия понять, что им в сущности нечего делить, и пора давно забыть старую вражду. Может быть, они никогда не будут союзниками, но были времена, когда они мирно сосуществовали, и не мешали друг другу. Почему бы не попробовать возродить те времена?

– Это вряд ли получится. Со времён воеводы Вальпира «тёмные» никогда и ни с кем не вели переговоров. – Сардейл нахмурился.

– А разве кто-то, когда-то пытался с ними договориться? Насколько я знаю – нет. В племенах Чёрного Леса всегда видели врага. – Сказал Рутгер.

– Они единственные племена в Обитаемом Море, убивающими людей для еды.

– Нет. Теперь мы знаем ещё один народ, каким нужны сердце и печень человека. – Стальной Барс помолчал, и добавил: – Всё же я думаю, что попробовать стоит.

Он оглянулся, и поймал на себе недоумённые взгляды воинов. Многие и не скрывали своего разочарования. Они жаждали битвы, чтобы добыть себе славу мечом. Чтобы их имена высекали на Красной Стене Храма Бессмертного Тэнгри. Неужели они так и будут искать драки? Неужели они не понимают конечную цель похода?

Рутгер спешился, и с удовольствием размял ноги. Он никогда не любил верховую езду, в седле держался не очень уверенно, и всегда путал назначение ремешков упряжи. Его то и дело кто-нибудь поправлял, и исправлял ошибки. Один бы он никогда не смог запрячь коня правильно. Он всегда предпочитал ходить пешком. Так ему казалось надёжнее, и стоя на твёрдой земле в любое мгновение он мог отразить неожиданное нападение. Ему и сейчас казалось, что сидя на коне, он слишком уязвим, и если бы этого не требовало его положение, то давно уже шёл пешком.

Немного поразмыслив, Стальной Барс произнёс:

– Принесите два кубка, и кувшин батгейского вина. Выберите, какой холоднее. Я пойду к «тёмным».

– Рутгер! Это равносильно самоубийству! Если тебя подстрелят из лука, то, что нам тогда делать? Возвращаться домой? – Воскликнул Сардейл. – Я предлагаю просто вломиться в лес, и порубить всех, кто там находится!

Упорство ветерана начинало не на шутку раздражать, и воевода как можно жёстче, голосом, не терпящим возражений, сказал:

– Сардейл! Со всем моим уважением к тебе, я ещё раз говорю, что мы не будем ввязываться в сражения по твоему желанию. И если будет возможно, мы будем их избегать. Кому-то не понятно, и мне нужно повторить это ещё раз? Теперь быстро сюда вино и кубки! Я иду к «тёмным», и пойду один.

– Это разумно. – Проговорил Аласейя. – Ты без доспеха, меч в ножнах. Чем не показ своих мирных намерений? Всё же я распоряжусь самым метким стрелкам быть готовыми, а ты возьми с собой пару воинов! Это не будет лишним.

– Да. Наверное. – Рутгер оглядел стоящих полукругом воинов. – Со мной пойдут Герфур и Хортер. Может, увидев своего среди нас, они пойдут на какие-то уступки?

Наконец принесли вино, и Стальной Барс, держа в одной руке кувшин, а в другой два кубка, неторопливо направился к Чёрному Лесу. Он пытался разглядеть среди вековых елей какое-нибудь движение, но непроницаемая темнота строго хранила свою тайну. С каждым шагом расстояние между ним и обиталищем «тёмных» сокращалось, и он уже мог поклясться, что видел блеснувшие в сумраке глаза, видел, как кто-то перебежал в густых кустах, и кажется, слышал, как заскрипела тетива натягиваемого лука.

Обливаясь потом, они остановились в пятнадцати шагах от опушки. Там, где столетние деревья, с сучьями едва ли не в тело человека, отбрасывали тень под полуденным жарким солнцем. Это была граница между миром тварей, и миром людей.

Рутгер оглянулся, посмотрел на бледное лицо своего знаменосца, на хищную ухмылку Хортера, и глубоко вздохнув, пытаясь успокоиться, стараясь, чтобы его голос прозвучал твёрдо, как приказ, крикнул:

– Призываю воеводу «тёмных» выйти из леса, и в этот жаркий день выпить со мною хорошего, прохладного вина!

Чёрный Лес ответил зловещим молчанием. Эта тишина была ещё хуже, чем воинственные вопли врага, скрежет металла, или топот множества бегущих ног противника. Она выматывала, иссушала душу, и воевода почувствовал, как в сердце, мягко ступая, прокрадывается страх. Пока он был мало осязаем, но уже грозил перерасти в животный ужас. В тот, что безжалостно губит войска, и убивает всё живое.

Воевода с трудом пересилил себя, чтобы не взять в руки меч. Он понимал, что едва почувствовав в руке тяжесть верного клинка, он успокоится, и будет увереннее в себе, но именно этот жест сможет быть истолкован «тёмными» как вызов на бой, и тогда ни о каких переговорах не может идти и речи.

– Они здесь. – Прохрипел Хортер. – Я чувствую их мысли. Они смотрят на нас, и решают, что делать. Они удивлены, и растеряны.

Стальной Барс улыбнулся. Если чувства Хортера не обманывают, то он, похоже, добился своего. «Тёмные» не торопятся нападать. Они хотят понять, почему к лесу подошло только трое вивгов, и почему они не берутся за оружие. Это не совсем обычно для заклятых врагов.

– Что тебе нужно, человек?

Голос не был полон злости или ненависти. Скорее всего, в нём слышалось любопытство, и непонимание, но он прозвучал так неожиданно, что Рутгер невольно вздрогнул, и смущённо оглянулся на сопровождающих его воинов. Те так же отвели глаза, и он понял, что они тоже испугались.

– Я хочу поговорить с воеводой «тёмных», и выпить с ним вина!

– Я не против разговора с достойным воином, но кажется, твои лучники готовы выстрелить по первому твоему сигналу!

– Они не будут стрелять. К тому же я уверен, что и твои стрелки давно уже выбрали место, куда удобнее всадить нам по стреле!

В сумраке, под елями, кто-то рассмеялся, и на опушку, раздвинув кусты, выскочил «тёмный». Он был огромного роста, с гладко выбритой головой, тёмно-серой, почти чёрной кожей. Вся его одежда состояла из шкуры какого-то животного, повязанная вокруг мощных бёдер, на ногах низкие, мягкие кожаные сапоги. На бочкообразной груди виднелось несколько старых шрамов, а в длинных, почти до колен, руках, «тёмный» держал топор на длинном древке.

Глядя на такого великана становилось немного не по себе, но Рутгер спокойно, не выдавая своего волнения, наполнил оба кубка, и протянул один из них воину из Чёрного Леса.

Тот внимательно посмотрел на воеводу, и потом его взгляд скользнул мимо, куда-то за плечо. Тишина длилась несколько мгновений, и вдруг прозвучал голос Хортера:

– Нет. Я – виг, но моим отцом был кто-то из ваших.

– Тем не менее, ты понимаешь меня. – Проговорил «тёмный», оскала острые, жёлтые клыки. – Ты чувствуешь всех, кто есть в лесу?

– Да, и их не так много. Я ощущаю их ненависть и злобу.

– Ещё бы! Мы уже столько лет уничтожаем друг друга!

– Может быть, с сегодняшнего дня всё изменится? – Вставил слово Стальной Барс.

«Тёмный», наконец взял кубок, недоверчиво заглянул в него, зачем-то понюхал янтарную жидкость.

– Ты не доверяешь нам?

– А разве ты доверяешь мне? Я вижу у тебя за поясом жезл воеводы, а тебе ещё слишком мало лет. Неужели воины доверили столь большой пост мальчишке?

– Твои глаза не обманывают тебя. Мне действительно ещё всего двадцать лет, но меня выбрали воеводой на Совете Воинов! И клянусь Бессмертным Тэнгри, я уже успел доказать, что виги выбрали меня не зря!

– Так ты Рутгер – Стальной Барс! Как же я сразу не догадался! – «Тёмный» чуть кивнул. – Моё имя ты не сможешь произнести, а в переводе на ваш язык оно звучит как Мёртвая Голова.

Воевода повёл головой, и, приподняв кубок, пригубил. «Тёмный» чуть помедлив, сделал то же самое. Несколько мгновений он помолчал, словно наклонив голову, прислушивался к впечатлениям, что оставило у него вино, и заговорил:

– Наши земли полны противоречивых слухов о тебе. Твой подвиг у Волчьих Ворот заставляет восхищаться любого воина!

– Это мог сделать любой боец из клана Снежных Барсов. – Скромно проговорил воевода, и снова отпил из кубка. Только сейчас он почувствовал, как безумно ему хотелось пить, а прохладное, батгейским вино приятно пощипывало непослушный, распухший язык.

Мёртвая Голова усмехнулся, и в два глотка допил содержимое кубка. Чуть подумав, он протянул его, и Рутгер наполнил чашу до краёв:

– У вигов всегда было хорошее вино. О чём же ты хотел поговорить со мной? Виги и дхоры никогда не вели переговоров. Я удивлён, и в то же время сгораю от любопытства.

– Мы хотим перейти Чёрный Лес.

Дхор рассмеялся. Это был странный смех. Какой-то не человеческий, кашляющий, и злобный. Так могут смеяться только порождения дьявола.

– Что тебе нужно в стране гаар? Виги искусные воины, бесстрашные и сильные, но твой отряд всё равно мал, чтобы преследовать и уничтожить челман. Что ведёт тебя вслед разбитому врагу?

Рутгер подумал, что глупо скрывать от «тёмного» то, что скоро будет известно каждому в этой части Обитаемого Мира, и сказал:

– Мы идём в степи, чтобы найти убежище Древних Богов.

В глазах дхора мелькнуло неподдельное изумление, и о чём-то раздумывая, он надолго замолчал. Наконец, придя к какому-то решению, проговорил:

– Я вижу в тебе нечто большее, чем воеводу. Тебя ждёт большое будущее. Кто же ты на самом деле?

– Я – тот, при ком страна Лазоревых Гор достигнет своего наибольшего расцвета. Я – тот, кто объединит все народы, и сделает их равными в правах.

– Смелое заявление! А что же будет с дхорами?

– Вы сами решите, что вам делать. Я хочу возродить договор Вальпира, и жить в мире со своими ближайшими соседями. Никто не собирается вас уничтожать, и вести какую-нибудь войну.

– Виги всегда видели в нас врага. Было время, когда мы были на грани исчезновения, но сумели возродиться. Теперь нас много, и мы представляем могучую силу, какую не так просто сломать. Мы не можем отходить далеко от Чёрного Леса, солнце может убить нас, зато здесь, мы полновластные хозяева. Дхоры представляют большую опасность для людей. Неужели виги смиряться с этим, и будут жить в согласии с людоедами?

Вот что не давало Стальному Барсу покоя! Вот что он, как ему казалось, упустил! Последние слова Мёртвой Головы обдали жаром, и воевода внимательно посмотрел в его глаза. Он не знал, и не понимал, что хотел увидеть в них. Просто почувствовал, что ему это необходимо.

– А разве «тёмные» людоеды? Насколько я знаю, на местах сражений просто не находили трупы павших воинов. Дхоры уносили их с собой. А для того, чтобы сожрать, или похоронить, то это уже известно только им самим.

Вождь «тёмных» мгновение рассматривал Рутгера, потом оскалив зубы, засмеялся, и, сделав стремительный шаг вперёд, хлопнул его по плечу, едва не опрокинув на землю:

– Ты слишком молод, но очень мудр! Ты умеешь видеть то, что никогда не заметят другие! Мы сможем договориться, и я пропущу твой отряд через Чёрный Лес!

* * *

Глава 3.

Лорд Фельмор так долго и тщательно готовился к этой встрече, что уже начал сомневаться, а состоится ли она вообще когда-нибудь? Как это ни странно, но он почувствовал какое-то лёгкое волнение, и поймал себя на мысли, что волнуется как мальчишка. Он вкладывал в это какой-то особый смысл, и ждал, что после этого дня всё изменится. Что встреча с двоюродной сестрой и её десятилетним сыном изменят всю его жизнь, и его затухающий костёр существования обретёт новую силу.

Лорд стоял на террасе своего замка, на излюбленном месте, держа в руке золотой кубок, украшенный драгоценными камнями. Он смотрел на улицы Вольфбура, располагавшиеся ниже, и пытался представить себе, как выглядят его дальние родственники. Там, внизу, кипела какая-то другая жизнь. Вились дымки над очагами, по улицам, вымощенных брусчаткой сновали люди, на рыночной площади бойко шла торговля. Обычный день, коих было уже несчётное множество, и в то же время он

был каким-то особенным. Фельмор знал, что сегодня случится что-то необычное, и видел знаки, что давали ему понять это. Луч солнца, отразившийся от шпиля городской ратуши, далёкий рёв рога, предвещающий смену караула у ворот. Вроде всё было как обычно, и в то же время не так, как всегда.

Сзади раздались тихие шаги, и предупредительный кашель секретаря. Лорд не обернулся, продолжая смотреть на улицы, и Бирхор проговорил:

– Мой лорд, ваша сестра с сыном ждут, когда вы их примете. Дорога была трудной, но согласно вашему распоряжению, я доставил их прямо к дверям приёмного покоя. Только...

– Что, только? – Фельмор стремительно повернулся, чуть расплескал вино, и досадливо поморщился. Он не стал сегодня одевать свою излюбленную чёрную хламиду, а впервые за несколько лет натянул на себя коричневый, фетровый камзол, расшитый золотыми узорами. В конце концов, надо выглядеть подобающим образом. Ведь он лорд!

– Ваша сестра... – Начал было секретарь, и замолк.

– Говори всё, как есть! Что с ней не так? – Раздражённо спросил лорд. Он услышал в голосе помощника какое-то злорадство и усмешку, будто тот был доволен тем, что и в роде повелителя Тайной Стражи, есть нищие.

– Она скорее похожа на оборванку, чем на вашу родственницу. Я думаю, её надо подготовить, приодеть.

– Пустое. – Махнул рукой повелитель Стражи. – Веди её, какая есть. Главное – содержимое, а не оболочка. Не так ли?

– Мой лорд как всегда прав... – Бирхор склонился в поклоне. – Прикажете привести их сюда?

– Нет. Я встречу их в зале. – Лорд вышел с террасы, сел в резное кресло, что стояло на небольшом возвышении, и в сотый раз за день окинул взглядом приёмный покой.

Количество золотых светильников было увеличено вдвое, на пол легли дорогие, разноцветные ковры, окна украшали тяжёлые портьеры, расшитые золотом и серебром. Слугам пришлось изрядно попотеть, прежде чем лорд остался доволен созданной ими обстановкой. Из кладовых были подняты совершенно не нужные в зале резные столики из редких сортов дерева, кресла, шкафы, и всё это сверкало, переливалось, ослепляя игрой многих драгоценных камней, и стоимость многих могла превысить любую баснословную сумму. Всё здесь кричало о состоятельности, и богатстве хозяина замка. Фельмор решил поразить сестру роскошью. Чтобы она увидела, кем он стал и чего добился. Чтобы она осталась здесь на правах хозяйки, а сын её стал достойным наследником. Чтобы не захотела уходить отсюда, и вернуться в свой разваливающийся домик, где еле сводила концы с концами.

Дверь в приёмный покой открылась, и в зал вошла женщина, с мальчиком небольшого роста. Они прошли чуть вперёд, подталкиваемые Бирхором, и в нерешительности остановились. Лорду хватило одного взгляда, чтобы разглядеть всё, и увидеть то, что он и ожидал увидеть. Одежду вошедших было трудно назвать даже рубищем. Это были какие-то грязные, рваные тряпки неопределённого цвета, а на ногах вместо добротной, кожаной обуви что-то непонятное, сплетённое из бересты.

Фельмор взгляделся в измождённое лицо сестры, в её пустые, безрадостные глаза, и не узнал в ней той женщины, какую когда-то хорошо запомнил. Так сколько же они не виделись? Лет десять? Это непростительно долгий срок для родственников. Ничего. Скоро всё изменится, и он сделает их счастливыми. Он сможет дать им всё то, чего им никогда не хватало.

Сглотнув неизвестно откуда появившийся комок в горле, лорд Фельмор произнёс:

– Подойди ко мне, сестра.

– Я не смею, ваша милость... – Мирра согнулась в поклоне, и потянула за собой сына, заставив поклониться и его.

– Что ты! Перестань! Какие могут быть между нами чинопочитания? Мы же родственники! Здесь тебе окажут достойный приём, и выполнят любое твоё желание. Скажи, что хочешь, и мой секретарь сразу же отдаст распоряжение.

– Ради Бессмертного Тэнгри, если в вашем сердце есть хоть капля сострадания! Хлеба! Мы не ели со вчерашнего дня!

Это было сказано таким жалким, тихим голосом, что в глазах лорда Фельмора что-то зашипало, и он почувствовал, как по щеке скатилась скупая слеза. Что с ним? Неужели это могло разжалобить могущественного и всесильного повелителя Тайной Стражи?

– Конечно. Бирхор! Ужин для леди Мирры и её сына. Да пошевеливайся! Пусть слуги несут всё самое лучшее!

Повелитель Тайной Стражи видел, как среди поднявшейся суматохи Мирра вместе с сыном отпрянула к стене, и попыталась забиться куда-то в самый дальний угол, чтобы её никто не мог заметить. Бессмертный Тэнгри! Что же с ней произошло? Что с ней случилось? Неужели жизнь их так потрепала, что они совсем потеряли своё человеческое лицо?

Когда слуги расставили все блюда с яствами, и наконец, удалились, лорд не торопясь поднялся, подошёл к столу. Теперь он мог достаточно хорошо разглядеть своих гостей, и был поражён голодным блеском в их глазах. Не зная, что делать, и как начать разговор, как пригласить их к столу, он сделал несколько шагов к сестре, и попытался взять её за руку. Сестра тихо заплакала, схватила его ладонь, покрыла частыми поцелуями, без перерыва бормоча с дрожью в голосе:

– Да будет благосклонен к вам Бессмертный Тэнгри! Вы самый добрый из всех людей, что мне когда-либо встречались.

Фельмор вырвал у неё свою руку, отшатнулся:

– Что ты делаешь, женщина? Вот стол, а вот еда, какую ты просила! Накорми сына, и поешь сама!

Он взял Мирру за плечи, поднял, и подтолкнул к столу. Потом взял за руку мальчика и заглянул в его испуганные глаза.

– Ничего не бойся, Иргер. Всё что ты видишь, это всё твоё.

– И я могу съесть всё, что захочу?

– Конечно. – Ободряюще улыбнулся лорд. – Пойдём к столу?

Племянник смог только кивнуть, не смея отвести взгляд от серебряных и золотых блюд, заваленных едой.

Странные, давно забытые чувства всколыхнулись в душе Фельмора. Здесь была и жалость, и злость, и растерянность, и сострадание. Всё смешалось, и всё это жестоко терзало сердце. Он смотрел, как Иргер жадно вгрызается в тушку жареной курицы, не прожёвывая куски мяса, как торопливо их глотает, словно боится, что еду у него вот-вот заберут. Сколько же он не ел? Вряд ли со вчерашнего дня. Скорее всего, неделю. Так что же с ними случилось? Почему они так выглядят, и почему довели себя до такого?

Мирра налила себе вина, и, отломив от каравай хлеба небольшой кусок, медленно жевала, полуприкрыв глаза. Казалось, что она забыла, где находится и что делает, отдавшись своим чувствам. На её лице промелькнула странная полуулыбка,

морщины разгладились, словно она находилась на седьмом небе от счастья. Не в силах больше молчать, Фельмор спросил:

– Почему ты ничего не ешь? Еды здесь хватит на всех.

Сестра ответила не сразу. Ей понадобилось какое-то время, чтобы одурманенный несколькими глотками вина мозг смог понять вопрос, и выдать наиболее подходящий ответ:

– Я не ела несколько дней, отдавая всё сыну, и излишняя еда мне может только навредить.

– Что же с вами случилось? Расскажи мне историю своей жизни. Что за напасть свалилась на вас?

– Что за напасть? – Глаза Мирры полыхнули адским огнём, и безжалостно обожгли лорда, будто она увидела в нём виновника всех своих бед. Её голос окреп и уже не дрожал, не был тихим. Он окреп, и каждое слово падало весомо, словно она заколачивала кованые гвозди в дубовую доску: – Вся моя беда в том, что я родилась в стране Лазоревых Гор. Наверное, только здесь так плохо живётся обычным людям.

Это было сказано с такой обречённостью и безнадёжностью, что лорд поразился её словам:

– О чём ты говоришь? Что всё это значит?

– Ты же знаешь, что мой муж, Сальвер, погиб во время чумы пятнадцать лет назад. Вот с тех пор Бессмертный Тэнгри и отвернулся от нас. Беда и горе поселились в нашей жалкой лачуге. Если раньше я получала пенсию, то при новом Владыке лишилась и этого.

– Не может быть! – Поражённо воскликнул Фельмор. – Есть закон, по которому вдовы погибших воинов пожизненно получают пенсию за своих мужей!

Мирра горько усмехнулась:

– Всё так, но в законе много поправок, и в них не разберётся сам дьявол. Все они сводятся к тому, что вдовы получают помощь от государства только в том случае, если их мужья погибли в бою. Да и что та пенсия? Разве можно прожить на тридцать золотых при цене каравай хлеба в два золотых? Чтобы как-то выжить, я взяла на дом работу. Ты же помнишь, я шью очень хорошие дорожные сумы. – Сестра замолчала, и сделала глоток из кубка. Жест был так величав и преисполнен достоинства, что лорд невольно залюбовался им. Будто перед ним сидела не нищенка в лохмотьях, а леди, разряженная в шелка и бархат.

– Так что же дальше?

– Пришли сборщики налогов, и потребовали с меня пятьдесят золотых. Так как я стала работать, то лишилась и пенсии. Ты – лорд. Вот скажи мне, когда вы принимаете законы, вы хоть думаете о вигах, и о том, как они будут жить по этим законам?

Повелитель Тайной Стражи немного растерялся. Никто, никогда с ним так не разговаривал, и не задавал таких острых вопросов. Если бы это была кто-то чужая, незнакомая, можно было бы кликнуть стражу и вытолкнуть её в шею, или ещё лучше отправить в замок Салдо, но ведь это двоюродная сестра! Чтобы как-то скрыть своё смущение лорд медленно наполнил свой кубок вином, и сделал вид, что внимательно рассматривает большой рубин, искусно вправленный в крутой бок сосуда.

– Да будет тебе известно, Мирра, что я не принимаю законы. Я всего лишь скромный слуга своего народа, и отвечаю только за его безопасность. Я выискиваю в стране Лазоревых Гор предателей, и лазутчиков врага.

– Странно звучит. – Сестра улыбнулась, словно он произнёс презабавную шутку.

– Что странно звучит? – Вскинулся лорд.

– Твои слова. Ты произнёс их немного не так. Надо говорить: «я богатый слуга нищего народа». Так тебе подойдёт больше.

– Ты начинаешь мне дерзить. Не боишься последствий?

– А что мне терять? У меня ничего нет, и дома меня ждёт или голодная смерть, или долговая тюрьма.

– Что, неужели всё было так плохо?

– Да! – Воскликнула Мирра, и её голос зазвенел под сводами замка: – Вы, лорды, ограбили свой народ, и уже не первый год высасываете из него как клещи, все соки! Фельмор, ты хоть знаешь, что творится за стенами твоего замка? Ты знаешь, о чём шепчутся виги, харвеллы и заулы? О чём они мечтают, и чего ждут? Им надо совсем немного, и скоро войска возьмутся за мечи, чтобы утопить вас в вашей же собственной крови!

– Замолчи! – Закричал лорд. Он был поражён, с какой злостью и ненавистью сестра всё это сказала, и не знал, не понимал, как отнестись к её словам. Он мог отдать приказ, и её в то же мгновение отправили в замок Салдо, где она исчезла бы без следа. Он мог сделать с ней всё, что угодно, и в то же время, он не хотел всего этого делать. Ведь это была сестра! Они были единственные, кто остался у него из родственников после Великого Мора! Так разве может он её как-то наказать за дерзкие слова?!

– Конечно! Самое простое – это заставить замолчать. Только вот придёт время, и ты вспомнишь мои слова. Вот это всё, – Мирра обвела взглядом золотые и серебряные безделушки, россыпи драгоценных камней, – Мне не нужно, и я хотела бы оказаться от тебя подальше, когда терпение вигов кончится!

– Зачем же ты сюда приехала?

– А разве у меня был выбор? – Усмехнулась сестра. – Твои стражники просто захихнули меня в повозку, и погнали лошадей.

– Послушай... – Лорд успокоился, и взял себя в руки. Он понимал, что Мирра выпила слишком много вина, и теперь вряд ли осознаёт, что говорит. Она голодна, провела весь день в дороге, и поэтому говорит всякую чушь. Надо ей дать отдохнуть. – Я распоряжусь, чтобы тебе приготовили постель. Ты устала с дороги, и тебе надо немного поспать.

Фельмор вдруг почувствовал на себе пристальный взгляд, и дёрнулся как от удара плетью. Он посмотрел в постаревшее лицо сестры, и увидел её глаза, такие же, как и много лет назад. Такие, какими он их помнил: изучающие, оценивающие, пронизательные, цвета изумрудно-весенней листвы. И он понял, что она говорит так не, потому что опьянела, она говорила так, потому что искренне верила в это! Он явственно ощутил в её словах угрозу, не прикрытую, а явную, и будто даже увидел за её спиной не какую-то безликую толпу, а стройные ряды вигов, в зачернённых доспехах, в шлемах увенчанных рогами силы, раскрывшими чёрные провалы ртов в едином боевом кличе.

– Проклятье! – Выдохнул поражённый повелитель Тайной Стражи. Такого он не ожидал, и растерялся. Он не знал, что делать, и что нужно сказать. Что-то шевельнулось в сердце, и он понял, что это страх. Ещё только намёк, не сформировавшийся зародыш, но он уже начал своё разрушающее действие. – Замолчи! Я не хочу это слушать.

Мирра усмехнулась:

– Это ещё не всё. Страна Лазоревых Гор ждёт своего героя, и когда он вернётся, и виги, и харвеллы, и заулы, вырежут всех лордов. Всех, кто когда-то поставил их на грань выживания.

– Войска всех кланов клялись в верности Владыке.

– Что стоит эта клятва, если жёнам воинов нечего есть? Кого они будут защищать? Тех, кто дерёт с них три шкуры?

– О чём ты говоришь? Лорд Вармер уже начал выплаты всех задолжностей! Скоро виги начнут сорить золотом!

– Вряд ли это когда-то произойдёт. После стольких лет бесправия, нищенского существования, унижений и притеснений уже ничего не сможет помочь Владыке, и лордам. Виги страшны в гневе. Тебе ли это не знать? Когда-то ты так же резал своих врагов.

– Я не хочу об этом вспоминать. – Поспешно поднял руку Фельмор, и Мирра остановилась, так и не закончив свои слова:

– Я умею хранить семейные тайны. Кстати, десять лет назад у тебя появился дальний родственник, о каком ты вряд ли догадываешься.

– И кто же он? – С любопытством спросил лорд, уже начиная в уме выстраивать кое-какие предположения. Кто смог породниться с ним? С кем могла переспать нищая, но когда-то уважаемая вдова? Впрочем, десять лет назад она ещё не успела растерять свой острый ум, и не была такой забитой.

– Рутгер – Стальной Барс!

– Что? Этого не может быть! – Это казалось невероятным, и Фельмор не хотел в это верить. Уже несколько раз за вечер сестра поразила его и удивила. Как же так? Самый яростный противник лордов приходился ему дальним родственником! Как же теперь быть? Что делать? У вигов сильно развиты родственные связи, а про убийство родни не может быть и речи!

Фельмор налил себе полный кубок вина, и не чувствуя вкуса, в несколько глотков осушил его. В голове зашумело, к лорду вернулась способность размышлять, и он тут же поставил слова Мирры под сомнение:

– Ты уверена в том, что говоришь?

– Конечно! Отцом Иргера стал Ульрих – воин из клана Снежные Барсы. Его жена умерла во время чумы, мой муж тоже, так что двум одиноким сердцам ничего не мешало соединиться на единственную, желанную ночь.

– Но я ничего не слышал об этом!

– Не удивительно. Разве ты когда-нибудь интересовался тем, как я живу, и на что существую?

– Как же это случилось?

Мирра улыбнулась, и её глаза сверкнули. Сразу было заметно, что эти воспоминания ей приятны:

– Их войско проходило мимо нашей деревни во время весенних военных игр, и клан разбил свой лагерь неподалёку. Для нас это был знак свыше, и у меня появилась возможность продать своё рукоделие, чтобы как-то выжить.

– Проклятье! – Снова выкрикнул лорд. Теперь он не сомневался, что сестра говорит правду. Это сначала он растерялся, но теперь уже полностью мог контролировать свои эмоции. Теперь он смотрел на сложившуюся ситуацию бесстрастно, отсеивая всё лишнее. Ну и что, что Стальной Барс теперь ему дальний родственник? Это ничего не меняет. Он, как и был, так и остаётся врагом номер один. Если он избежит ловушки челманов, так его обязательно прикончит ассан. Рутгер – уже битая карта. Бессмертный Тэнгри не сможет наказать Фельмора за убийство, ведь оно свершится чужими руками, да и есть ли вообще Тэнгри? Ему приносятся жертвы, возносятся молитвы, а разве сам он что-то сделал для вигов? Что он? Просто идол,

украшенный драгоценными камнями и золотыми доспехами, или всё-таки существует?

Решение было найдено, и лорд довольно улыбнулся. Надо просто сделать вид, что ничего нового он не узнал. Пусть остаётся всё как есть. Рутгер – серьёзная угроза для лордов. Пусть он ещё молод и не набрался сил, пусть в его отряде всего сотня воинов, но он должен сгинуть в бескрайних степях, а вместе с ним и грозный царь россов, Аласейя. Так будет проще и лучше...

* * *

Глава 4.

Воевода Снежных Барсов и вождь дхоров продолжили свой разговор уже на другой стороне Чёрного Леса, находясь в Гаарии. Рутгер не заметил каких-либо одинаковых доспехов у «тёмных», какие были, скажем, у вигов, россов, или сивдов. На них можно было увидеть и чернёные кольчуги, и чешуйчатую, блестящую броню, и даже стальные кирасы ярвиров. Так же у них не было какого-то однообразного оружия. Все без исключения были вооружены тем, что удалось добыть в бою. Тут были и секиры, короткие, и длинные, тяжёлые двуручные мечи, чеканы, перначи, топоры, и просто дубины.

– Так зачем же вы сами распускаете все эти слухи? – Непонимающе спросил Стальной Барс, уже сотый раз задавая вопрос, на какой Мёртвая Голова пока довольно удачно избегал отвечать.

– Не знаю. Это трудно объяснить... – Начал было великан-дхор, и воевода опять понял, что не услышит ответа. – А почему ты решил, что это всего лишь слухи?

– Разве трудно догадаться? – Рутгер улыбнулся. – Ты хорошо говоришь на языке вигов, многое знаешь, и я никогда не поверю, что человек с такой речью является всего лишь примитивным людоедом! Я не знаю, каким богам вы поклоняетесь, и какие жертвы им приносите, и всё же могу сказать, что это не человеческие жертвы. Теперь я даже могу сказать, зачем вы распространяете про себя такие слухи. Страх. Вот что вы хотите посеять в рядах врагов. Страх и боязнь чего-то неизвестного может охранять лучше любого войска.

– Ты прав, Стальной Барс. Дхоры не людоеды. – Обречённо вздохнул «тёмный», будто сознавался в каком-то страшном преступлении, и готов был положить свою голову на плаху. – Между нашими народами могла бы возникнуть большая дружба, такая как между вами и россами, но это, к сожалению невозможно.

– Почему же? Чем вы отличаетесь от нас?

– Да, и здесь ты тоже прав. В глубине Чёрного Леса у нас есть города, храмы, где учатся наши дети. У нас есть и свой повелитель, и законы, и суд. Но! Посмотри на мою кожу. Она серого цвета, а вы, люди, так устроены, что спешите уничтожить всё, что не можете понять и принять. Всё, что отличается от вашего мира, вы неизбежно хотите предать огню! Разве мы виноваты в том, что Боги создали нас такими?

– Мы соседи, и что-то надо менять в наших отношениях. Я не знаю, из-за чего началась многовековая вражда между нашими народами, но уверен, что её пора прекращать. Какими бы ни были причины этой войны – они давно канули в лета.

– Ты говоришь хорошие, правильные слова, и с ними я полностью согласен, и всё же примирение невозможно.

– Почему? – В голосе Рутгера было столько непонимания, что Мёртвая Голова улыбнулся. Действительно, ещё какое-то время назад воевода относился к «тёмным» с опаской, ожидая от них подвоха, но теперь уже совсем освоился, и не мог представить в них своих врагов. Вождь дхоров оказался умным, хорошим собесед-

ником, мог сразу же расположить к себе, так неужели от него можно было ожидать какой-нибудь подлости?

– Это мы с тобой понимаем, что лучше объединиться, потому что неизвестно, какая ещё орда может появиться из степей, но наши властители не хотят знать этого. Они живут только сегодняшним днём, и что было сто лет назад для них будет продолжаться из года в год. Они привыкли так жить, и им удобно так существовать.

– Но кто-то же должен первым протянуть руку для приветствия, а не для того, чтобы нанести удар!

– Мы это уже сделали. – Мёртвая Голова улыбнулся, и как совсем недавно, дружески хлопнул по плечу воеводу вигов.

Рутгер поморщился, не сумев сдержаться, и потёр плечо. Дхор увидел это и со смехом произнёс:

– Извини! Никогда не могу рассчитать свою силу! Всегда забываю, что не все такие, как я!

– Пустое!

– Может, останетесь на ночь? Мы хорошо проведём время, и ты будешь жалеть, что рассвет скоро наступит!

Стальной Барс покачал головой:

– Не могу. Нам ещё много надо пройти, и, по-моему, мои воины не совсем доверяют твоим.

– Да. Это заметно. Хорошо, принуждать не стану, как и упрашивать. Может, на обратном пути?

– Если он будет... – Воевода неуверенно улыбнулся. В том, что дружина вигов вернётся, он не сомневался, вот только, сколько их будет? Полусотня? Десяток? Или ещё меньше?

– Конечно, будет! Тебе ещё надо стать военным вождём, и Владыкой страны Лазоревых Гор! Не забывай об этом!

Из полумрака Чёрного Леса, сопровождаемый пешими дхорами выехал Эвгурн, последний из отряда воеводы, и с видимым облегчением вздохнул. Не удивительно. Под сенью огромных, вековых елей, ступая по толстому слою опавшей хвои, окружённый с двух сторон серокожими, скалящимися дхорами, любой бы чувствовал себя на волосок от смерти.

– Спасибо за вино, Рутгер, Стальной Барс. С огромным удовольствием выпью его со своими воинами за твоё здоровье. Пусть сопутствует тебе удача, и все беды обойдут стороной!

Воевода сдержанно кивнул, потом не смог удержаться, и обнял дхора. Тот сначала отпрянул, но потом улыбнулся, и смущённо пробормотал:

– Береги себя, и подтверди на Совете Кланов, что старый договор воеводы Вальпира возрождён, и обрёл небывалую силу.

* * *

Четвёртый день челманы стояли лагерем в нескольких перелётах стрелы от Чёрного Леса, и четвёртый день зализывали раны, полученные, когда ценой не человеческих усилий и потерь смогли перейти лес, где каждое дерево, и каждый куст дышали смертью. «Тёмные» не торопились, и были уверены в своей победе. Казалось, что они уже давно каждый наметил себе определённую жертву, и теперь изматывал её, чтобы без усилий убить, и насладиться тёплой, живой жизнью кровью.

Отряд Сагынай из пятисот воинов уходил последним из страны Лазоревых Гор. Кое-как вооружённые, падшие духом бойцы брели, еле волоча ноги, и вяло сопротивлялись, когда «тёмные», эти исчадия ада, нападали на них. Неужели Боги отвер-

нулись от них, и все жертвы, принесённые им, были напрасны? Неужели народ челманов обречён на вымирание? Нет-нет-нет! Только не это!

Сагынай каждый миг своей жизни помнил о жене, и детях. Ладно, может быть, он заслужил смерть, но чем виноваты они, ещё не успевшие урвать глоток воздуха у Великой Пустоты? Как они будут жить, потеряв свою надежду и опору? Сколько смогут прожить в этом жестоком мире?

За полотняной стенкой палатки раздался стон умирающего, и тысячник челман скрипнул зубами. Он не мог этого слышать, и в то же время должен был, чтобы поддерживать в своём сердце не угасающий огонь ненависти. Кто виноват во всём этом? Аллай-хан, повелитель Сармейских степей? Или верховный колдун, пророчивший лёгкую и скорую победу? Что случилось, и почему всё пошло не так? Почему другие народы удалось покорить почти без потерь, а своенравные, воинственные горцы смогли устоять?

Он помнил, как плакала жена, когда он снял со стены шатра свой меч. Тогда она сказала, что Союз Северных племён непобедим. Он засмеялся, и, кажется, сказал что-то обидное, отчего её плач стал ещё громче. О Боги Великой Пустоты! Как же она была права!

Так что же случилось там, у Волчьих Ворот? Ведь казалось, что победа так близка! Ещё одно усилие...

Его тысяча спешила, и, выстроившись в боевые порядки, приготовилась по сигналу рога броситься в битву. Он стоял впереди, и видел, что в поле, перед стеной между скал лежали обгоревшие трупы его соплеменников. Их было так много, что его сердце тоскливо сжалось, хотя он повидал на своём веку немало, и участвовал не в одной грандиозной битве.

Навстречу им шли воины, залитые кровью, раненые, шатающиеся, поддерживающие друг друга, и в их глазах он видел страх, безнадежность. Вот тогда он начал сомневаться в скорой победе.

– Где ваш тысячник? Где Файгиз?

Какой-то еле стоящий на ногах раненый хрипло засмеялся, и, булькая кровью, стоящей в горле, еле внятно произнёс:

– Файгиз отправился в ад! Какой-то молодой виг разнёс ему голову в клочья! – И злорадно добавил: – Мы своё уже получили, теперь ваша очередь! Там – смерть!

Сагынай услышал, как зароптали его воины, как кто-то за его спиной стал истово молиться Великой Пустоте, и он, боец, отправивший на тот свет не один десяток врагов, почувствовал страх.

– Даже мёртвый северянин ещё продолжает сражаться, и успевает убить нескольких наших братьев, прежде чем падает! Их невозможно сломить!

– А ну заткнись! – Вспылил тысячник. – Они такие же люди, как и мы, и у них такая же кровь!

Где-то за спиной, за рядами воинов заревел боевой рог, и Сагынай, выхватив из ножен меч, делая шаг вперёд, закричал как можно громче, едва не сорвав свой голос:

– Вперёд! Наши Боги с нами! Они помогут нам одолеть врага!

Он слышал, как войско сделало нестройный, неуверенный шаг, ещё один, и скоро за ним, бряцая оружием, устремилась вся тысяча, готовая к бою, готовая растерзать любого, кто встретится ей на пути. Перед глазами что-то мелькнуло, так быстро, что он не успел понять, что это, и сзади послышались крики. Оглянувшись, Сагынай с удивлением увидел, как падают несколько воинов, пронзённые вместе со щитами, какими-то длинными, необычно толстыми стрелами. Он посмотрел вперёд,

на стену, где продолжала кипеть битва, где с каждым мгновением росли горы трупов, увидел чернёные доспехи врага, сине-красные щиты, блеск мечей, остроконечные шлемы с рогами, и понял, что все схватки, где он был до этого, всего лишь детские потасовки. Настоящее сражение здесь, и стоит сделать всего лишь несколько десятков шагов, как попадёшь в ад!

Как он тогда выжил? Как избежал смерти, не жалея себя? Повезло? Или всё же Великая Пустота хранила его? Для чего? Чтобы выполнить клятву, что он дал после поражения полководцу вигов, и лорду Фельмору? Месть! Вот что сейчас наиболее важно! Его воины сломлены, и сейчас победа, пусть небольшая, нужна им как никогда. Им нужно поверить в себя, вернуть себе бывшее достоинство, и снова стать безжалостными к врагам, сея смерть и ужас непокорным.

– Повелитель!

Сагынай вздрогнул от крика и вышел из палатки. В лагере царило необычное оживление. Он это заметил сразу. Раненый в соседнем шатре смолк, и слышалось только бряцанье оружия. Кто-то где-то кричал. Но это не были крики боли. Это были крики ярости.

Тысячник посмотрел на склонившегося воина, на его доспехи, покрытые старой запёкшейся кровью, и помятый, круглый шлем. Он узнал его. Это Вадул. Он спас его там, на стене у Волчьих Ворот отведя от него чудовищный удар секирой, что держал в руках высокий виг, с ужасным шрамом во всё лицо.

– Что случилось? Почему я слышу радость в твоём голосе, Вадул? Великая Пустота сжалась над нами?

– Повелитель! Наши лазутчики нашли отряд вигов по эту сторону Чёрного Леса! Их около сотни, и они остановились недалеко отсюда на холме!

Сердце сбило свой размеренный стук, и Сагынай понял, что это шанс. Это шанс вернуть своим воинам веру в себя, и отомстить. Уничтожить хотя бы сотню ненавистного, грозного врага, и выполнить клятву, что он дал лорду Фельмору.

– У них есть флаг? Под чьим они знаменем?

– Да! Я видел их стяг! Они под чёрным флагом с головой белого барса! Ты видел этот флаг у Волчьих Ворот!

– О, Боги! – Тысячник поднял руки к небу. – Благодарю вас, что вы не отвернулись от нас! Благодарю, что отдаёте мне в руки того, кто виновен в гибели сотен ваших сыновей!

– Какие будут приказания, повелитель?

Сагынай посмотрел на строящиеся, вооружённые десятки, увидел их глаза, и горящую в них ненависть.

– Разве нужны приказания? Ещё до наступления темноты я вырву сердце из груди Стального Барса, и брошу его в котёл, чтобы его сила перешла ко мне!

Тысячник сделал несколько шагов к строю, несколько мгновений изучал их злые, загорелые лица. Нет, он не ошибся. Они горят мстостью, и готовы идти в бой, чтобы убить, или умереть. Они просто не умеют жить, зная, что когда-то потерпели поражение! Они всегда были и будут победителями!

– Воины! Вы все уже знаете, что по эту сторону Чёрного Леса разбил свой лагерь наш смертельный враг! Великая Пустота отдаёт нам его в руки, так неужели мы упустим этот шанс и не отомстим за тех, кто лежит в Башнях Молчания?

Подняв мечи вверх, степняки закричали, и воздух наполнился непрекращающимися, воинственными кличами. Сагынай улыбнулся. Именно этого он и добивался. Всё, теперь вперёд, на врага, пока воины ослеплены яростью, и готовы с голыми руками бросаться на обнажённые мечи. Потом, когда воинственный запал

спадёт, и появятся первые убитые, это будет сделать гораздо труднее. Степняки плохо сражаются пешими, и не владеют искусством боя в строю, но зато их много, и они ненавидят. Так неужели они не смогут одолеть сотню вигов?

Тысячник вернулся в свой шатёр, торопливо влез в помятые доспехи, и, подхватив на ходу щит, вышел. Всё. Он готов или победить, или отправиться на встречу с Великой Пустотой. Перед боем надо принести жертву богам, но у них уже не осталось пленных гаар. Ничего! Потом боги получают кровь поверженного врага, и будут довольны!

Сагынай не удалось построить своих воинов в боевые порядки. Едва завидев синие-красные щиты, и на фоне голубого неба чёрный флаг с изображением оскаленной пасти барса, челманы с каким-то звериным рычанием бросились вверх по склону холма, не обращая внимания на команды. Напрасно тысячник пытался разуть бойцов. Его никто не слушал, и ему пришлось, выхватив меч, последовать за своим отрядом. В голову, как назло, ничего не приходило, да и что ему оставалось делать? Только последовав общему яростному порыву с упоением отдаться битве.

Впереди послышались крики, и тысячник понял, что виги начали стрелять из своих страшных арбалетов. Рядом захрипел воин, и Сагынай увидел, как тот упал с торчащей из груди стрелой. Он прикрылся щитом, и тут же подумал, что это бесполезно. Если в него попадут, то дерево, обитое медью, не спасёт. Его проткнёт стрелой вместе со щитом, и, тем не менее, хотелось верить, что этого не случится. Внезапно он различил какой-то непривычный звук, совсем не походивший на шум битвы. Крики боли и смерти не могли его заглушить, а он всё нарастал, становился ближе, и скоро удивлённый тысячник увидел источник этого странного шума.

Впереди бежавший воин внезапно остановился, и с глазами полными ужаса, повернулся. В то же мгновение, что-то большое и тяжёлое, ударило его в спину, и вместе со степняком отбросило Сагыная в сторону. Он ничего не успел понять, только заметил, как промелькнули мимо огромные, деревянные колёса, и длинное тело большой телеги. Что-то железное ударило в грудь, и тысячник опрокинулся на чей-то труп. Уже на грани потери сознания он увидел, как по склону холма поднимая мечи, стремительно спускаются виги, выставив перед собой щиты, утыканные стрелами. Сагынай попытался подняться, нащупывая рукой оброненный меч, и застонал от боли, парализующей всё тело.

* * *

Глава 5.

Аласейя снял флягу с луки седла, и плеснул горсть воды в лицо лежащему без сознания челману. Росс наклонился над ним, взгляделся, пытаясь распознать хоть какие-то признаки жизни в полумёртвом теле, и улыбнулся:

– Жив! Что ему делается? Рутгер! Ты уверен, что это он?

– Конечно. Именно его я видел в шатре Владыки Альгара. Что же ему надо было здесь? Они давно должны были уйти в свои степи. Неужели они ждали нас, чтобы отомстить? Тогда откуда они знали, что мы перейдём Чёрный Лес недалеко отсюда?

– Не терзай себя напрасно. Скоро мы всё узнаем... – Аласейя похлопал челмана по щекам, а когда заметил, что тот шевельнулся, позвал своего телохранителя: – Анди! Вытащите его оттуда! Воевода Рутгер хочет с ним поговорить.

Стальной Барс, осторожно ступая между трупами, и боясь поскользнуться в крови, спустился с вершины холма. Вот одержана ещё одна победа. Но почему она не приносит никакой радости? Почему на сердце так пусто и тоскливо, словно вместе с челманами в нём умерло что-то, что звало его к жизни? Рутгеру было жаль погибших

воинов врага. Пусть они враги, людоеды, и всё же, прежде всего они люди. Неужели так без конца и будет продолжаться эта безумная бойня? Для чего? Для владения землями, не заражёнными Невидимой Смертью? За самородок золота, что удалось случайно найти, и он предопределил судьбу всего народа? За власть над всем Обитаемым Миром? Но для чего она? Что это даст? Чтобы прославиться в веках? Для этого достаточно совершить какой-то подвиг!

– Рутгер! – К воеводе подошёл Сардейл. При каждом шаге он морщился, и, кажется, даже слегка постанывал. Это никак не походило на нестигаемого забияку-ветерана.

– Что с тобой? Неужели крепко досталось? Ранен?

– Нет, всё в порядке. Просто мне здорово намяли бока. – Сардейл рассмеялся. – Первый раз в жизни не одел под доспехи тегилай, и тут же меня обколотили как яблоню! Это знак, не иначе.

– Сколько вигов погибло?

– Пока не знаю. Воины добивают безнадёжных. – Он заметил, как поморщился воевода. – Что же ты хочешь? Это – война, и милосерднее будет убить быстро и безболезненно, чем пытаться вылечить, каждый день, перевязывая, и продолжать страдания бойца. В конце концов, они знали, на что шли, и были готовы к смерти. И Бессмертный Тэнгри, и Великая Пустота встретят их с почётом, ведь они погибли в битве.

– Может быть, когда-нибудь в Обитаемом Мире наступит время без войн? Неужели так и будет продолжаться вечно?

– А чем тебе плохо наше время? Чем бы виги занимались, если бы не было войн? Я ничего не умею, кроме как махать секирой, и труд на земле или в кузнице совсем не для меня! Для этого есть харвеллы и заулы... – Сардейл смолк, потому что с холма спустился Аласейя и Анди, ведя перед собой приведённого в чувства степняка.

Тот смотрел по сторонам безумными глазами, и казалось, что мало чего понимал. Он остановился, и обессилено опустил на вытопанную траву между телами своих соотечественников.

– Встань! Перед тобой воевода Стальной Барс! – Начал было ветеран, но был остановлен Рутгером.

– Как твоё имя?

Степняку потребовалось какое-то время, прежде чем он смог осознать вопрос, и найти в себе силы, говорить:

– Зачем тебе имя того, кого ты всё равно убьёшь? Достань свой меч, и давай закончим на этом.

– Ты торопишься умереть?

– А что мне остаётся? Я покрыл своё имя несмываемым позором, и на Родине, в степях, меня ждут только проклятия!

– Я не хочу тебя убивать, и если ты ответишь мне на несколько вопросов, то будешь отпущен.

– Зачем свобода тому, кто уже мёртв? Впрочем, на твои вопросы я отвечу, и скажу всё, что знаю. Может, в благодарность за это твоя рука будет тверда, и я умру быстро.

– Откуда вы знали, что мы перейдём Чёрный Лес именно здесь?

– Знали? Нет, мы не знали этого наверняка, но я догадался, где пройдёт ваш путь. Не забывай, я – тысячник, а этого звания Аллай-хан так просто не давал.

– Так ты – Сагынай?

Степняк кивнул, и опустил голову.

Рутгер задумался. У него был так много вопросов, что он не знал с какого начать. Каждый казался важным, и на каждый он надеялся получить полный ответ. Слишком многое он хотел прояснить, и слишком многое хотелось узнать.

– Ты был в шатре у Владыки Альгара. Зачем? Чтобы просто поблагодарить его за милости оказанные пленным?

– Нет. Меня привели туда после разговора с лордом Фельмором. О! Это страшный человек! Повелитель Сармейских степей по сравнению с ним просто щенок! От одного его взгляда пробирает холод! – Тысячник немного помолчал, о чём-то раздумывая, а потом уже тише добавил: – Как же должна быть несчастна страна, где властвуют такие чудовища...

– О чём вы говорили?

– Это был не разговор. Говорил только лорд Фельмор. Я всего лишь внимал ему, и дал клятву выполнить его приказ. – Челман поднял голову, и встретился взглядом с Рутгером. – Я видел всякое, я видел разное. Я видел, как плетутся интриги и заговоры, но я никогда не видел, как за кучу золотых монет и обещание власти продают собственную страну! Почему сердца ваших властителей полны жадностью и алчностью?

– Не трогай эту рану. Она затянется ещё не скоро, и что бы мы ни делали, будет кровоточить ещё очень долго. – Барс немного помолчал, удивляясь, что какой-то тысячник из степей, пришедший с войском врага всё это смог разглядеть, понять, и спросил, надеясь на правдивый ответ: – Так что приказал тебе лорд Фельмор?

– Мне было приказано вырезать отряд вигов, перейдущий Чёрный Лес. Я не знаю всех тонкостей этого заговора, и могу лишь догадываться о ставке в нём, но с уверенностью могу сказать, что твои враги, Стальной Барс, настроены очень решительно. Случайно мне стало известно, почему Повелитель Аллаи-хан с запада повернул на север. Ведь раньше он совсем не собирался идти на Северный Союз племён. Мы были просто не готовы к войне со страной Лазоревых Гор!

Рутгер напрягся. Он понял, что стоит на пороге какой-то большой тайны, какая своей оглаской может поставить весь его устоявшийся мир с ног на голову. Это было страшно, и в то же время до ужаса любопытно. Он должен был это узнать. Чтобы стать сильнее, и не питать каких-либо иллюзий относительно лордов.

– Вина! Дайте тысячнику смочить горло!

Он подождал, пока челман шумно отфыркиваясь, разбрызгивая батгейское вино, напьётся, и только тогда спросил:

– Что же тебе стало известно?

– Это ваши лорды, вступив в сговор с повелителем Ивтуром, призвали в свою страну нашу орду. Я не знаю всех имён, но я точно знаю, что это так. Аллаи-хану обещали, что победа будет лёгкой, и он без труда одолеет ваше войско. Он просчитался. Виги сделали невозможное, особенно ты – Стальной Барс. После Волчьих Ворот твоё имя вызывает ужас, и безграничное уважение. Любой воин посчитал бы великой честью встать под твоё знамя.

Вопросы к тысячнику челман ещё оставались, но воевода посчитал, что они уже не так важны. Главное, что он хотел узнать, и в чём хотел удостовериться, он уже понял. Его сердце кипело от праведного гнева, в голове всё перемешалось, и была только одна мысль – смерть всем предателям, и тем, кто хоть как-то причастен к этому чудовищному заговору.

– Отпустите его. Пусть убирается в свои степи, и запомнит, что в следующий раз Союз Северных племён перейдёт Чёрный Лес, и стерёт с лица земли все народы, что будут угрожать ему. Я могу поступить с пленными так, как поступали наши предки,

но пока не буду этого делать. Пока я тебя просто предупреждаю. У Аллаи-хана есть сын?

– Да. – Поспешно кивнул тысячник. – Я уверен, что как только ему станет известно о смерти своего отца, он начнёт собирать свою орду, чтобы отомстить. Как бурная река, постепенно набирающая свою силу, сын хана накопит собственные силы, и когда уже не сможет их сдерживать, обрушится на страну Лазоревых Гор.

– Постарайся убедить его, что не стоит этого делать, ради будущего вашего же народа, иначе вы все будете уничтожены. Все! Вплоть до последнего человека!

Рутгер повернулся, и хотел уже уйти, но его окликнул Сагынай:

– Стальной Барс! А как поступали ваши предки с пленными?

Воевода повернулся, и с ухмылкой, медленно произнося каждое слово, так, чтобы звучало весомо, и отпечаталось в голове степняка, произнёс:

– Взятые в бою пленникам отрубали правую руку.

Тысячник вздрогнул, представив возвращающиеся домой толпы одноруких мужей. Что может быть страшнее и ужаснее? Разве может после такого увечья полноценно существовать человек? Разве сможет он защитить свою семью, работать на земле, охотиться? Он будет обузой, и его род зачахнет.

– Почему ты меня отпускаешь?

– Сколько вас пришло на нашу землю? Сколько уходит? Вы уже достаточно наказаны, и я надеюсь, что надолго запомните эту войну.

– Я поклялся убить тебя!

Рутгер посмотрел в глаза челмана, но кроме боли ничего там не увидел. Ему было жаль раненного тысячника. Он казался ему обманутым, растоптанным человеком, коего использовали в тёмную в грязной игре. Он такая же жертва чьей-то жадности, как и многие другие сотни степняков.

– Что тебе эта клятва? Ты попытался её исполнить, и потерпел поражение. Ты дал её тому, кто хотел твоей смерти. Вернись домой, к жене и детям. Тебя обманули! Забудь про свою клятву, и не ищи для себя оправданий. Но запомни, если ты ещё раз попадёшься нам с мечом в руках, то будешь убит.

Стальной Барс повернулся, и отошёл к телеге, что стояла у подножия холма, увязнув в телах мёртвых челман. Возле неё крутилось несколько вигов, осматривая её, и пытаясь очистить от трупов.

– Будь я проклят. – Хмуро проговорил Сардейл, носком сапога пиная огромное, треснувшее колесо. – Идея пустить на врага телеги вместо тарана – блестяща, и всё же...

– Что?

– Одна сломана, и починить её нет возможности. Вот эта ещё ничего. Поменяем колесо, и можно будет ехать. Только на это уйдёт много времени. Не меньше полудня.

– Это не так много. Я боялся худшего. Завтра с утра принимайтесь за ремонт, а пока....

Рутгер повернулся лицом к склону, и его сердце болезненно сжалось от увиденного. Солнце клонилось к закату, пометив красным кромки облаков, и вершины невысоких холмов простиравшихся до самого горизонта. Но совсем не это взволновало молодого воеводу. Отсюда, снизу, он смог увидеть весь ужас и кровь произошедшего недавно боя. Он уже немало видел кровавых тел, видел смерть, и всё же не мог к ней привыкнуть. Да и разве можно привыкнуть к человеческой жестокости?

– Скоро стемнеет. – К Стальному Барсу подошёл Герфур. – Надо уходить отсюда. Надо где-то разбить лагерь, и похоронить павших воинов.

– Сколько вигов погибло?

– Есть убитые среди сивдов, и россов. Всего двенадцать, но к утру их может стать больше. Пятеро совершенно безнадежны, и легкораненых что-то около двадцати. Что будем делать с пленными? Их слишком много, чтобы водить их за собой....

– Пусть хоронят своих, выроют могилы для наших, и убираются в свои степи. Если кто не захочет выполнить мой приказ, то поступим с ним по закону предков.

– Отрубить руку?

– Да! – Рутгер разозлился. Гибель соплеменников всегда было для него высшей несправедливостью. Тэнгри! Если ты есть, то почему допускаешь, чтобы твои дети умирали вот так глупо, вдали от родной земли? Чем они заслужили это, или в чём провинились? Почему так устроен Обитаемый Мир? Почему тот, кто предаёт свою страну, живёт и здравствует, а тот, кто служит ей по-настоящему, получает только смерть? Они стремились попасть к Очагу Бессмертного Тэнгри? Так ли это? Кто знает, что там, по ту сторону смерти, и так ли там хорошо, как утверждают легенды?

– Где шаман?

– Я здесь, мой воевода...

Стальной Барс резко повернулся, смерил гаара испытующим взглядом, и почувствовал, что злость куда-то исчезла. Только что он был готов рвать и метать, а теперь, поняв, что всё равно уже ничего не сможет изменить, смирился.

– Ты осмотрел раны моих воинов? Что можешь сказать о них?

– Я пока не видел всех, но то, что увидел, вселяет надежду в моё сердце. Я сделаю всё возможное, и думаю, что смогу кое-кого поставить на ноги.

– Приступай немедленно. Придёт время, и я тебя отблагодарю.

– Ты мне ничего не должен. Я рад, что служу такому воеводе как ты. – Йеге поклонился, и, попятившись, ушёл, что-то бормоча себе под нос.

Рутгер был уверен, что шаман использует все свои умения и знания, что бы помочь раненым. Он не знал почему, и всё же верил старому гаару. Он верил ему гораздо больше, чем лорду Архорду, не смотря на то, что тот был вигом.

Воевода собирался обойти вокруг подножия холма, чтобы осмотреть всё место боя, и уже сделал несколько шагов, как вдруг остановился. Его внимание привлекло что-то жёлтое среди окровавленных тел. Он поймал себя на мысли, что такого цвета может быть только камзол кого-то из монахов, и перевернул тело убитого степняка, и присвистнул, удивлённый увиденным.

Под грудой трупов действительно лежал монах. Один из пяти, что следовали с отрядом. В мёртвой руке он сжимал копьё с широким и длинным лезвием, а всё тело было изранено. Проклятье! Как он оказался здесь? Его дело молитвы, а не кровавая битва! Зачем он полез в самое пекло?

– Когда на счету каждый воин, то за меч берётся даже монах.

Стальной Барс оглянулся, и увидел стоящего недалеко Лурфара. Как это ни странно, на его камзоле тоже была видна кровь, а вид у него был довольно-таки усталым. Приёмный сын Хранителя опирался на посох, обитый металлическими кольцами, с коим он никогда не расставался.

– Таким посохом хорошо проламывать черепа. – Заметил Рутгер, немного помолчал, и спросил: – Твои монахи участвовали в битве? Зачем? Они так торопятся попасть к Очагу Бессмертного Тэнгри?

– Брат Ольдер погиб смертью героя, и он смог собрать для себя хорошую свиту из убитых врагов.

В голосе Лурфара было столько уверенности, что воевода сразу же поверил ему, и удивлённо спросил:

– Разве монахи Храма умеют сражаться?
– Даже давно известное может скрывать в себе что-то новое.
– Ты не можешь говорить нормально? Почему бы тебе прямо не ответить на мой вопрос? Что ты скрываешь?

Лурфар улыбнулся:

– Слова не имеют значения, что бы за ними ни пряталось. Служа Бессмертному Тэнгри, монахи проводят время не только в молитвах, и изучениях артефактов Древних Богов. Каждый наш брат таит в себе кучу достоинств и загадок. Ольдер умел хорошо владеть копьём, и сегодня доказал это.

– А чем умеешь владеть ты?

– Своё оружие я держу в руке.

Рутгер кивнул, потом продолжил:

– Я слышал, что монахи неплохие знахари?

– Да. Это так. Это одно из наших достоинств, и мои братья уже помогают гаару, взятому в отряд.

– Что ты о нём думаешь? Ему можно доверять?

– Йеге хороший человек. Гораздо лучше тех гаар, коих я знал. Я заглянул в его душу, и не увидел там и тени предательства. Он будет служить тебе до самой смерти, до тех пор, пока сердце не остановит свой бесконечный стук.

– Что ещё умеют делать твои братья?

– Всеми своё время, воевода. Придёт день, и ты всё узнаешь.

– Я думал, что вы приставлены ко мне, чтобы составить подробную карту, и продолжить летопись страны Лазоревых Гор.

– Это одно из наших заданий.

– Хорошо, Лурфар. – Стальной Барс с трудом вспомнил имя монаха, и это не ускользнуло от него. Приёмный сын Хранителя улыбнулся, кивнул головой, отчего рубин, вправленный в золотой обруч на голове, в луче предзакатного солнца блеснул кровью. – Ты помнишь путь дальше?

– Да, мой воевода. Все дороги, когда-то проходящие здесь, поворачивают на восток, мы же должны идти дальше на юг. Так будет короче, и может быть, чуть-чуть опаснее.

– Почему? Челманы ведь ушли тоже на восток. Насколько я знаю, их земли расположены именно там. На юге нас поджидает опасность другого рода? Гаары? Но после того как здесь побывали степняки, у наших врагов вряд ли остались какие-то силы, способные нас остановить.

– Всё дело не в гаарах. Дальше на юге нам встретятся земли, где никогда не ступала нога человека. О тех землях нам известны только слухи, легенды, и сказания других народов.

– Уверен, что ты знаешь всё. Так что же там?

– Там бродит Невидимая Смерть, и говорят, там ещё водятся драконы, а кое-где есть племена «тёмных».

– С «тёмными» мы сможем договориться. – Рутгер усмехнулся. – Ещё сегодня в полдень ты это видел и сам.

– На юге не совсем обычные «тёмные». На юге – чудовища, питающиеся человеческим мясом.

– Уверен, что это всего лишь слухи, преувеличенные до небывалых размеров. – Усмехнулся воевода. – Мы тоже долгое время считали дхоров людоедами, и кем они оказались на самом деле? Мне понадобился всего один кувшин батгейского вина и

немного времени, чтобы возродить договор Вальпира. «Тёмные», не смотря на всю свою видимую свирепость, оказались более лучшими существами, чем многие люди.

– Ты видишь то, что может увидеть не каждый. – Кивнул головой монах, и посмотрел на своего убитого друга. Было видно, что он с трудом сдерживает себя, чтобы не разрыдаться, находя где-то внутри себя небывалые силы.

– Смерть близкого человека всегда приносит сильную боль. – Заметил Барс. Ему хотелось произнести несколько ободряющих слов, но он не смог найти ни одного подходящего, и, замолчал. Он думал, что слова здесь лишние. Кому, как не монаху понимать это?

Лурфар ещё раз кивнул, и склонился над погибшим монахом. Он какое-то время вглядывался в посеревшее лицо, перекошенное гримасой боли, словно заминал на века, и потом, сложив руки на груди, полуприкрыв глаза, зашептал молитву.

Стальной Барс стоял рядом, не слыша слов молитвы, а только догадываясь, о чём монах просит Бессмертного Тэнгри. Он был уверен, что слова Лурфара именно такие, что понравятся суровому Богу, и он, конечно, пустит к своему очагу тех, кто погиб сегодня, будь то воин, или монах. Ведь они пали в битве, не выпуская из рук оружия.

* * *

Глава 6.

Утро следующего дня выдалось хмурым, пасмурным. Словно Великий Бог ночью, в тайне, скрываясь от людей, затянул всё небо свинцовыми облаками, и только ждал более благоприятного момента, чтобы сыпануть мелким дождём. Казалось, что всё пропиталось влагой, и хватит всего несколько капель, переполнить чашу небосвода, чтобы она опрокинулась, и напоила изнывавшее вчера от жары, плоскогорье.

Рутгер проснулся от того, что уже в сотый раз видел во сне, как его протыкает копьём какой-то челман. Это видение было так живо, так настояще, что он несколько раз за ночь вскрикивал, и просыпался, тупо глядя в полотняный потолок шатра, пока сон снова не побеждал его. Он засыпал с надеждой, что Бессмертный Тэнгри пошлёт ему какое-то другое видение, приятное, но тот упорно, ничего не желая знать, посылал к воеводе противника с копьём, и показывал то, чего не было, но вполне могло случиться.

Не в силах более выносить эту муку Стальной Барс накинул на плечи тегияй, и вышел из шатра в хмурое утро, окунувшись в лёгкий, предрассветный туман. Он приблизился к костру, возле какого сидели несколько воинов, и опустился на чьё-то седло, когда ему предложили место, и кубок горячего взвара. Всполохи огня играли на угрюмых, суровых лицах бойцов, и они казались какими-то высшими существами, спустившимися с небес.

Где-то недалеко, невидимые, тяжело вздыхали буйволы, и сонно фыркали лошади. Еле слышно посвистывала какая-та пичуга, в предвкушении нового дня, радуясь жизни.

Воевода отпил из кубка, держа его в ладонях, согрелся, и, чувствуя, что молчание затягивается, спросил:

– Чего же вы все приуныли? Скоро наступит новый день!

– Пятнадцать наших братьев отправились к Очагу Бессмертного Тэнгри. Это была славная смерть. – Проговорил кто-то, и потом грустно добавил: – И всё же хотелось бы, чтобы они сидели с нами рядом...

– Нам их будет не хватать. Впереди ещё многие дни пути, и кто знает, что нам встретится? В такой дороге лишних мечей не бывает, и ещё одно дружеское плечо не будет помехой.

– Мы слышали, ты поведёшь нас на юг, в стороне от всех дорог? Туда, где никогда не были люди, и не ходили торговые караваны?

– Я хочу ещё до наступления зимы вернуться в страну Лазоревых Гор. Не забывайте, что наша родина на грани новой войны.

– Разве можно это забыть? Йеге рассказывал, что далеко на юге ещё водятся драконы, и там бродит Невидимая Смерть.

– Вы же знали, на что шли! Вы хотели, чтобы ваши имена были выбиты на Красной Стене Храма Бессмертного Тэнгри. Или не так? Может, вы не представляли, что вас ждёт впереди?

– Да, это я и хотел сказать. Погибнуть в бою от меча врага – честь, но умереть скрюченным от дыхания Невидимой Смерти – совсем другое дело.

Рутгер немного задумался. Он и сам давно размышлял об этом. Не то, чтобы он хотел отступить и вернуться в горы. Об этом не могло быть и речи. Просто страшило то, что находится в неизвестных землях. Умереть в бою лучше, чем погибнуть неизвестно от чего, а уж тем более на зубах какого-нибудь чудовища.

– Неужели сотня умелых, выносливых бойцов может испугаться чего-то? Братья, вы меня удивляете! – Как можно беззаботнее сказал Стальной Барс.

– Рутгер, всё дело не в этом. – Проговорил Вальгер. – Если нам встретится то, что можно убить, то мы это убьём. А если на нас нападёт то, что не имеет тела?

– Духи? Призраки? Ты когда-нибудь встречал призрака или духа? Ты их видел? Разве они существуют?

– Но легенды вигов говорят, что после Апокалипсиса появились твари, не виданные ранее в Обитаемом Море!

– Что толку гадать! – Рутгер отхлебнул взвара. – Когда встретим, тогда и посмотрим!

– Верно, воевода. – Зашумели воины. – Обагрим мечи кровью!

– Вальгер, чей десяток стоял ночью в дозоре? Ничего не случилось? – Стальной Барс спросил это просто так, чтобы только не молчать, чтобы сидящие возле костра молодые бойцы больше не думали о том, что может их ждать впереди.

– Нет. Всё в порядке. Челманы строят Башню Молчания в двух тысячах шагах отсюда, и, похоже, больше не помышляют о мести.

– Ты сам это видел?

– Нет. Это видел Хортер.

– Где же он?

– Ушёл осмотреться. Где-то здесь, в небольшом лесочке он нашёл шалаш, где кто-то совсем недавно поселился. Он говорит, что это, скорее всего какая-то ведьма. Он нашёл там всякие сушёные корешки, и растения.

– Ведьма? – Переспросил Стальной Барс. – А если она его найдёт? Может, она его заколдует?

– Времена магов давно прошли! – Со смехом ответил Вальгер. – А Хортера найти не так-то просто, если конечно он сам не захочет, чтобы его нашли. Он же на половину «тёмный»! Да и вождь Мёртвая Голова принял его за своего!

Жизнерадостное солнце так и не смогло пробиться сквозь хмурые облака, и завязло в них как в густом, сером киселе где-то на уровне горизонта. День обещал быть унылым и пасмурным, и всё равно, он был прекрасен. Как ещё один день жизни, и борьбы за будущее своего народа. Ночь нехотя отступала, уступая своё

место новому дню, как и сотни миллионов раз до этого. Как было вчера, и как было тысячу лет назад.

Где-то уже слышался скрип телег, стук, и зычный голос Сардейла подавал какие-то команды. Откуда-то со стороны утренний, лёгкий ветерок принёс запах дыма, и сытый, сводящий с ума дух готового кулеша.

– Мой воевода! – К костру вышел Хортер. Но не он привлёк к себе всеобщее внимание, а тот, кого он привёл за собой.

Рутгер окинул взглядом стройную фигуру незнакомца, облачённую в тряпье, и за скрывающими складками одежды безошибочно угадал тело девушки. Да, это была девушка. Это показалось чем-то необычным, почти мистическим, что он не сразу поверил своим глазам.

Между тем незнакомка спокойно выдержала оценивающие взгляды нескольких пар глаз, в свою очередь оглядела молодых воинов, и гордо откинув голову, произнесла на языке вигов:

– И долго вы меня будете разглядывать? Лучше предложите место у костра, и накормите!

Ей тут же кто-то уступил седло, вручили тарелку с парящим кулешом, и большой кус хлеба, куда она тут же вонзила крепкие, белые зубы. Сколько же она не ела? День? Два? Может неделю? На первый взгляд её можно было принять за нищую бродяжку. На вид лет пятнадцать, спутанные, давно не мытые, чёрные волосы, перемазанное сажей симпатичное лицо, вздёрнутый кверху аккуратный носик, живые, пронзительные карие глаза. И всё же она была не нищенкой. Стальной Барс почувствовал это сразу, будто смог заглянуть в её душу, и увидеть то, что она неумело пыталась скрыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.